

Маргарет УЭЙС Трэйси ХИКМЭН
ДРАКОНЫ ЛЕТНЕГО ПОЛДНЯ

ЛЕТОПИСЬ ПЕРВАЯ

MARGARET WEIS TRACY HICKMAN

DRAGONS OF SUMMER FLAME

CHRONICLES

TSR, Inc.

МАРГАРЕТ УЭЙС ТРЭЙСИ ХИКМЭН

ДРАКОНЫ ЛЕТНЕГО ПОЛДНЯ

САГА О КОПЬЕ
IV

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Издательский центр "Терра"
1996

Перевод с английского
Дмитрия Незнамова

Уэйс М., Хикмэн Т.

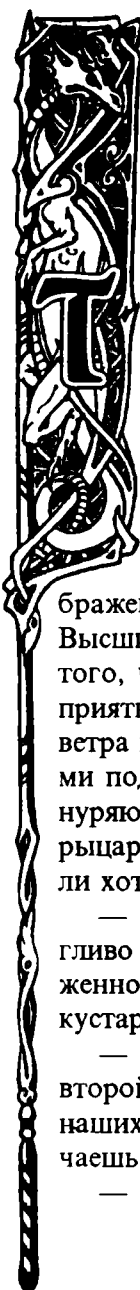
У 97 **Драконы Летнего Полдня. Летопись первая**
Пер. с англ. — СПб.: Терра—Азбука, 1996. — 432 с.
ISBN 5-7684-0094-X

Никто не знал, что Войны Копья закончились полной победой Сил Света. Никто не знал, что вновь боевой рог призывает отважных витязей вытащить из ножен клинки. Опять под светлым небом Кринна разнесся лязг мечей...

COPYRIGHT © 1995, 1996 TSR, Inc. All rights reserved.
DRAGONLANCE™ and TSR logo are trademarks of TSR Inc.

ISBN 5-7684-0094-X

1. Высадка. Пророчество. Неожиданная встреча

Т о утро было жарким — дьявольски жарким, не характерным для ансалонской весны, и напоминало скорее о середине лета. Рыцари в стальных доспехах, сидевшие на корме бота, буквально исходили потом и с завистью смотрели на полуобнаженных гребцов.

На черных доспехах рыцарей были изображены череп и мертвая лилия. Освященные Высшим духовенством латы вполне годились для того, чтобы защитить хозяина от всяческих неприятностей — в том числе от капризов дождя, ветра и холода, — но они оказались бесполезными под натиском не по сезону мучительной, изнуряющей жары. Когда бот почти достиг берега, рыцари первыми спрыгнули в воду и попробовали хоть как-то освежиться.

— Будто полощешься в горячем супе, — брезгливо произнес один и вышел на берег, настороженно и внимательно всматриваясь в ближайший кустарник, деревья, песчаные дюны поодаль.

— Больше напоминает кровь, — реагировал второй. — Представь, что ты окунаешься в кровь наших врагов, недругов нашей королевы. Замечаешь что-нибудь подозрительное?

— Нет, — последовал ответ.

Не оборачиваясь, рыцарь взмахнул рукой и сразу же услышал за спиной шумные всплески, резкий смех, немелодичную гортанную речь.

— Вытащите бот на берег, — дополнил он свой жест словами.

В приказе не было необходимости: гребцы (они же и воины) взялись за борта и, скалясь, тянули бот по мелководью. Легко управившись, они впросительно уставились на своего командира в ожидании дальнейших распоряжений.

Рыцарь, вытирая со лба пот, только подивился (и не в первый раз) силе своих подчиненных. Благодаренье королеве Такхизис, что эти варвары выступали на их стороне. Для всех они были просто «бруты», поскольку слово, которым они сами себя именовали, не относилось к легко произносимым.

Название «бруты» (или иначе — дикие) как нельзя более подходило варварам. Они были с востока, континента, о котором лишь немногие населявшие Ансалон хоть что-то знали. Едва ли не каждый брут достигал шести футов, а многие — и семи. Крепкие и мускулистые, как люди, они в то же время могли двигаться с быстротой и изяществом эльфов, но лицами скорее походили на людей или гномов, так как носили густые бороды. Они были выносливыми, как гномы, и, подобно им, любили сражаться. Бились они отчаянно и бесстрашно, доверяли тем, кому подчинялись, и, в сущности, зарекомендовали себя прекрасными воинами пешего строя. К тому же, что их отличало от других — и с весьма необычной стороны, — так это довольно странный обычай: отсекал у поверженного врага различные части тела, а затем хранить таковые в качестве трофеев...

Рыцари меж тем совещались.

— Дадим капитану знать, что у нас все благополучно, что никто не воспрепятствовал нашей высадке. Двое пусть приглядывают за ботом, а остальных отправим в разведку, — сказал один из них.

Его товарищ согласно кивнул, а затем вытащил из-за пояса красный шелковый флажок и помахал им над головой.

Сигнал предназначался кораблю с носом в виде дракона, стоявшему неподалеку на якоре. Ответный сигнал не заставил себя долго ждать. Присутствие корабля не означало вторжения, это была всего лишь разведка.

Часть дозоров рыцари отправили вдоль береговой линии, другую — в глубь острова, туда, где виднелись лишенные растительности белесые холмы. Их выветренные до скальных пород верхушки напоминали кошачьи лапы с выпущенными когтями. То, что это был остров — к тому же совсем небольшой, — они уже знали. Дозоры должны были вернуться очень скоро.

Отдав распоряжения, рыцари направились к приземистому, неказистому дереву, бросавшему столь же неказистую тень. Они по-прежнему оставались настороже. Под охраной двух варваров приятели устроились в тени и утолили жажду из запасов взятой с собой воды. На лице одного из них появилась гримаса отвращения.

— Проклятье! Да это просто кипяток!

— Ты оставил флягу на солнце — конечно, она будет горячая.

— А где я должен был ее оставить? На этой чертовой посудине неоткуда взяться тени. Кажется, ее вообще больше не существует. Дрянное место. У меня странное чувство — словно это заколдованный остров.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — мрачно согласился его товарищ, продолжая бросать пристальные взгляды по сторонам. — Вот брутов определенно не беспокоят никакие предчувствия. Но на то они и бруты... Знаешь, а ведь нас предупреждали, чтобы мы здесь не появлялись.

Рыцарь явно удивился.

— О чем ты? Я ничего не знаю. Откуда у тебя такие сведения?

— От Светлого Меча. А у того — от самого Ариакана.

— Светлый Меч должен быть в курсе всего, ведь он из свиты Ариакана. Хотя я слышал, что он просил перевода в боевой отряд. Плюс ко всему, Ариакан — его крестный... А это не секретные сведения? — слегка волнуясь, поинтересовался рыцарь у своего приятеля.

— Ты, похоже, совсем мало знаешь Светлого Меча, — отвечал тот, напустив на себя важный вид. — Ты думаешь, что он может нарушить клятву или поделиться сведениями, предназначавшимися только для его ушей! Скорее он дал бы вырвать свой язык... Нет. Прежде чем принять окончательное решение, Ариакан открыто обсудил положение дел со всеми полковыми командирами.

Говоривший пожал плечами, затем, набрав в ладонь гальки, стал бросать камушки в воду.

— Все началось с Серых Рыцарей. Кто-то из предсказателей открыл им местоположение острова и рассказал, что он довольно густо заселен.

— А от кого исходило предостережение?

— От самих Серых Рыцарей. По тому же пророчеству им не следовало приближаться к этому острову. Они пробовали убедить Ариакана отка-

заться от затей; говорили, что это место таит в себе угрозу.

Его приятель нахмурился и с видимым беспокойством огляделся по сторонам.

— Тогда почему нас все же послали сюда? — спросил он.

— Причина — предстоящий захват Ансалонского континента. Повелитель Ариакан счел этот шаг необходимым, чтобы обезопасить свои фланги. Серым Рыцарям точно неизвестно, какого рода угроза может исходить от этого острова. Они также не могут сказать, будет ли бедствие обусловлено нашей высадкой на остров. Но, по словам Ариаkana, несчастье может обрушиться на нас, даже если мы ничего не будем предпринимать. Поэтому он решил последовать древней мудрости гномов: лучше самим отправиться на поиски дракона, нежели дракону позволить искать нас.

— Разумно, — согласился приятель. — Если и *присутствуют* на острове войска Соламнийских Рыцарей, то лучше связаться с ними теперь же. Хотя не очень-то на это похоже.

В подтверждение своих слов он повел рукой по сторонам: ничего вокруг, кроме широкой береговой полосы, дюн, поросших серо-зеленой травой, и — леса, являвшего собой скопище деревьев-уродцев, как будто наткнувшихся, да так и не одолевших пологих склонов холмов.

— Я просто не могу себе представить тут Соламнийцев, не могу вообразить вообще кого-либо, кто захотел бы здесь поселиться. Эльфы и те не стали бы жить на этом всеми заброшенном куске земли.

— А поскольку нет и пещер, то и гномам бы остров не пришелся по вкусу... В другом месте мы бы уже бились с минотавром. Самый последний

кендер сразу же попытался бы увести у нас бот и оружие. Гномы-механики набросились бы на нас с какими-нибудь дьявольски хитроумными приспособлениями. И только подобные нам, человеческие существа, способны на такую глупость, чтобы приютиться на этом никудышном островке, — весело подытожил рыцарь и снова загреб пригоршню камушков.

— Ну, разве что шайка бродячих драконидов или хобгоблинов... или людоедов, спасшихся от плена Соламнийских Рыцарей лет двадцать назад, после Войн Копья.

— Да, но они были бы на нашей стороне... А вот и дозорные. Сейчас мы все узнаем.

Рыцари поднялись. Посланные в глубь острова бруты возвращались быстрым шагом и при этом широко улыбались. Обычно свои тела варвары раскрашивали в голубой цвет, который, как они полагали, обладает магическими свойствами (например, отражать вражеские стрелы). Сейчас же от обильного потовыделения краска ручьями стекала по их обнаженным телам. Подобия шлемов были украшены пестрыми перьями, которые раскачивались за спинами брутов, когда те с легкостью преодолевали песчаные дюны.

По настроению дозорных рыцари поняли, что ни о какой серьезной опасности не может идти речи.

— Что вы узнали? — обратился один из них к вожаку, рыжеволосому гиганту, который был на целую голову выше даже своих соплеменников. И хотя тот, вероятно, без особых усилий мог бы поднять обоих командиров над своей головой, тем не менее гигант держался с ними заметно почти-тельно, с ненаигранным уважением.

— Люди, — ответил он коротко.

Бруты быстро усваивали тот язык, что служил средством общения на Кринне у различных рас. Впрочем, бруты любого, не являющегося их соплеменником, относили к тому, что они называли «людьми».

Последовавший затем жест варвара можно было понять как указание на низкорослых людей. Но в равной степени это могли быть и гномы, хотя вероятнее всего — дети. Затем он поднял руку на уровень талии, что по всей видимости означало «женщины». И в самом деле, гигант обрисовал рукой округлости груди, покачивая при этом бедрами. Варвары, подталкивая друг друга локтями, зашлись от смеха.

— Мужчины, женщины и дети, — заключил рыцарь. — И много мужчин? Есть ли дома? Стены? Город?

Очевидно, бруты сочли, что рыцарь говорит нечто смешное, ибо все до одного разразились хриплым гоготом.

— Что вы выяснили? — сердито повторил свой вопрос рыцарь.

Бруты мгновенно оборвали смех.

— Много людей, но никаких стен, — отвечал вожак. — Дома...

Тут он сделал недоуменное лицо и, пожав плечами, добавил что-то на своем языке.

— Что это значит? — спросил рыцарь своего товарища, поскольку тот и прежде командовал варварами и кое-какие слова научился понимать.

— Он упомянул «собак». Я думаю, он хочет сказать, что такие дома пригодны лишь для того, чтобы держать в них собак.

Варвары стали вдруг изображать нечто совсем непонятное: сгорбившись, они начали ходить по

кругу, издавая время от времени хрюкающие звуки, затем выпрямились, посмотрели друг на друга и снова загоготали.

— Во имя Королевы Тьмы! Что они этим хотят сказать?

— Я и сам хотел бы знать. Думаю, нам следует самим все сразу выяснить.

— Опасность? — спросил вожака брутов рыцарь, вытаскивая из ножен меч.

Гигант вновь ощерился. Он достал из ножен собственный короткий меч (помимо лука, бруты были вооружены длинным и коротким мечами), вонзил его в ствол дерева и повернулся к нему спиной. Действия варвара в пояснениях не нуждались. Не мешкая далее, рыцари последовали за своими провожатыми.

Берег остался позади. Шагая по звериной тропе, они углубились в лес, состоящий из невообразимо уродливых деревьев. Однако, не пройдя и мили, воины вышли к поселку.

То, что предстало глазам рыцарей, превзошло их самые смелые ожидания. Казалось, они столкнулись с существами, однажды выброшенными на мель бурным течением реки Времени и уже никогда более этим течением не захваченными.

— Святой Хиддукель! — едва слышно проговорил один. — «Люди» — это слишком сильно сказано. В равной степени можно говорить — «звери».

— Это люди, — пояснил другой. — Они жили на Кринне во времена Великих Сумерек... Ты только погляди! У них все сделано из дерева — даже дртотики... а уж какие грубые...

— Наконечники тоже из дерева, — наперебой удивлялись приятели.

— Жилища — земляные, посуда — глиняная. Железа и стали нет и в помине.

— До чего же они жалкие... И какую опасность они могут для нас представлять, чем угрожать?

— Ну, разве что своим запахом. Они, определенно, и не мылись с тех самых пор — времени Великих Сумерек.

— Омерзительное сообщество. Скорее обезьяны, нежели люди.

— Не смейся, держись посуровее.

Несколько существ (мужского пола), которых, благодаря надетым на них звериным шкурам, иначе и назвать было нельзя, сильно наклонившись вперед, почти задевая болтающимися руками о землю, приблизились к рыцарям.

Головы существ представляли собой свалывшиеся волосяные комья, всклокоченные бороды почти скрывали лица. Колени при ходьбе сильно подгибались; взгляд был немигающим, рот оставался все время открытым. Ближайшее к рыцарю существо пробовало было дотронуться до его черных блестящих доспехов. Но тотчас один из брутов загородил собой командира.

Рыцарь отстранил варвара и достал из ножен меч. Блеснула сталь. Коротким взмахом воин отсек ветвь у одного из деревьев, чьи корявые стволы вполне походили на тварей, среди них обитавших.

Полузверь-получеловек, под ноги которому упал отсеченный сук, бухнулся на колени, издавая какие-то булькающие звуки.

— Меня сейчас стошнит, — с отвращением проговорил рыцарь. — Самый смердящий овражный гном не так противен, как эти.

— Точнее не скажешь... Знаешь, мы вдвоем вполне могли бы выкосить все племя.

— Могли бы. Но потом вряд ли смыли бы зловоние с наших клинков.

— Так как же мы поступим? Перебьем отребье?

— Не велика честь. Эти калеки, без сомнения, не представляют для нас никакой угрозы. Нам было приказано разведать, кто населяет этот клочок земли. Из того, что теперь стало известно, можно сделать вывод: племени покровительствует некое божество, чей гнев мы можем навлечь на себя, причинив ему вред. Возможно, Серые Рыцари это и имели в виду.

— По-моему, это не тот случай. Не могу себе представить божество, которое бы покровительствовало тварям, подобным этим.

— Моргион, — предположил один из рыцарей с кривой усмешкой.

— Может быть, — заключил другой.

Его приятель фыркнул:

— Не думаю, что мы причинили им большой вред, как следует разглядев их. У Серых Рыцарей претензий к нам не будет. Пошлем брутов дальше осматривать остров, а сами вернемся на берег. Мне необходим свежий воздух...

Ожидая возвращения дозорных, они, как прежде, устроились в тени. Говорили о близящемся вторжении на Ансалонский континент, обсуждали достоинства и возможности армады кораблей, которая в данный момент пересекала Куранский океан с тысячами брутов на борту. Почти все было готово к захвату Ансалона с двух направлений. Начало вторжения намечалось на последний день весны.

Рыцари Владычицы Тьмы не знали точного места вторжения — такие сведения держались в тайне. Однако они не сомневались в победе. На

этот раз Темная Воительница своего не упустит. На этот раз ее армиям будет сопутствовать удача. На этот раз ей был известен секрет успеха...

Через несколько часов все дозоры собрались на берегу. Остров не превышал десяти миль в окружности. Никого больше обнаружить не удалось. Племя непонятных существ куда-то сгнуло — вероятно, попряталось по своим земляным норам. Оставаться здесь дольше не имело смысла.

Рыцари расположились на корме бота, а бруты столкнули его на воду и повели по отмели. Затем варвары попрыгали в бот и взялись за весла. Черный корабль с вымпелом Королевы Тьмы: череп, мертвая лилия, терновник, — все приближался. Пустынный песчаный берег за кормой становился все меньше и меньше.

Но отплытие пришельцев, равно как и прибытие, не осталось незамеченным.

2. Волшебный остров. Собрание, не терпящее отлагательства. Вершитель

ерный, в виде дракона, корабль растаял на горизонте. Подождав еще немного, с деревьев спустились все те же существа — полулюди-полузвери.

— Они вернутся? — спросил он.

— Ты же слышал. Они доложат, что мы абсолютно безвредны. Но это не значит, — добавила она после минутного раздумья, — что мы в безопасности. Они появятся вновь. Нескоро, но непременно появятся.

— Что же нам делать?

— Не знаю. Мы поселились на этом острове, чтобы хранить нашу тайну. Возможно, это-то и было ошибкой. Вероятно, нам не следовало всем собираться в одном месте, и может быть, лучше было раствориться среди других рас. Здесь мы слишком уязвимы... Не знаю, — беспомощно повторила она, — последнее слово за Вершителем.

— И то верно, — как бы с облегчением отозвался ее спутник. — Он с нетерпением ждет нашего возвращения. Нам следует поторопиться.

— Только не в таком виде.

— Нет. Конечно нет.

Он еще раз с грустью окинул взглядом горизонт.

— Как все это ужасно. Я до сих пор не чувствую себя в безопасности. Мне кажется, что я по-прежнему вижу очертания этого страшного корабля; перед глазами стоят ужасные черные рыцари; я слышу их голоса, произнесенные и произнесенные слова; они рассуждают о завоеваниях, сражениях, смерти. Конечно... — Он заколебался: — Конечно, мы должны предупредить кого-нибудь на континенте. Может быть, Соламнийских Рыцарей?

— Это решать не нам, — холодно ответила она. — Мы должны позаботиться о себе, как делали это до сих пор. Можешь быть уверен, — в ее голосе прозвучала горечь, — в подобных обстоятельствах они бы палец о палец не ударили, чтобы оповестить нас. Пора идти. Вернем себе наш истинный облик.

Чуть слышно прозвучали магические слова. Любой маг Ансалонского континента отдал бы и саму душу, чтобы узнать их. Никому до сих пор это не удавалось. Волшебство такой силы не приобретается со временем — оно прирожденное.

Существа вдруг преобразились: безобразная, отвратительная оболочка исчезла, и на ее месте возникло нечто феерическое, прекрасное, с трудом поддающееся описанию. Теперь это были необыкновенно красивые и совершенные создания: высокие, стройные, с безукоризненными пропорциями, с большими лучистыми глазами.

Впрочем, в мире многое можно счесть прекрасным. Но если одному что-то представляется красивым, то это совсем не значит, что другому оно будет видаться точно таким же. Гном-мужчина будет считать гнома-женщину с бакенбардами на лице необыкновенно привлекательной, а гладкие лица женщин людского племени он сочтет лишен-

ными какого-либо очарования. Но даже гном признал бы этих людей красивыми, независимо от собственного понимания прекрасного. Они были столь же восхитительны, как только может быть восхитителен восход в горах, лунная дорожка на морской глади, долина, начинающая выплывать из-под простыни утреннего тумана.

Произнесено еще одно слово заклинания — и грубые звериные шкуры превратились в тонкие, блестящего шелка одежды. Слово — и само дерево, на котором они скрывались, стало неузнаваемым: сейчас оно было прямым, ветвистым, с густой, зеленой, мелодично шумящей листвой. Другое слово — и все деревья вокруг претерпели чудесное превращение; все вокруг них словно бы закачалось на волнах утонченных цветочных запахов.

Наблюдатели покинули берег, молча идя той же тропой, что привела пришельцев к поселку. Возобновить разговор они не пытались. Молчание было их обычным состоянием. Едва ли кто из соплеменников за целые годы употребил столько слов, сколько они произнесли только что. Эрды предпочитали жить в полной изоляции. Они избегали долгого общения даже друг с другом. Чтобы между нашими наблюдателями завязалась беседа, должно было случиться нечто из ряда вон выходящее.

Картина, которую эти двое застали по возвращении в поселок, вызвала у них не меньшее изумление, чем та, что предстала глазам рыцарей. Поистине беспрецедентное событие в жизни эрдов: все племя — несколько сотен человек — собралось под гигантского размера ивой.

Заскорузлые, хилые деревца-уродцы уступили место буйно-разлапистым, грациозно-пышным соснам и дубам. Среди деревьев виднелись со вкусом

продуманные и аккуратно вписавшиеся в ландшафт строения. Каждое выглядело как-то по-особенному, независимо от его назначения. Однако совсем не многие дома имели более четырех комнат: столовую с кухней, место для медитации, мастерскую и место для отдыха. В тех домах, что состояли из пяти помещений, имелся вдобавок детинец. Обычно ребенок жил с матерью (если позволяли обстоятельства) до поры его вхождения в Пору Одиночества. Затем он или она покидали родительский дом и устраивались совершенно обособленно.

Хозяйство любого эрда было автономным и самодостаточным: каждый сам обеспечивал себя продуктами, водой, сам выучивался ремеслам. Взаимообмен не воспрещался и не возбранялся. Его попросту не существовало. Да и подобная мысль никогда бы не пришла в голову эрду. А и приди бы она — тот отнесся бы к ней как к причуде, характерной для менее развитой расы: людям, эльфам, гномам, кендерам, гномам-механикам или одному из племен с темной сущностью — миновтаврам, гоблинам, хобгоблинам, драконидам или тому клану, о котором в среде эрдов никогда не упоминалось, — великанам-людоедам.

Только один раз на протяжении жизни эрды вступают друг с другом в интимную связь. Это очень травмирующий опыт для эрдов, так как вступают они в эту связь не по любви. Магическим обычаем, предписанным предками и известным как *Валин*, они принуждены однажды сойтись, с целью сохранения расы. Суть обычая в том, что душа одного эрда должна овладеть душой другого. От *Валина* нельзя уклониться, им нельзя пренебречь, он не дает права выбора. Когда наступает момент

воздать должное обычаю, эрды обязаны совокупиться, или *Валин* станет причиной невыносимых страданий и мучений обоих, а порой — и смерти. По зачатию *Валин* считается выполненным. Он и она возвращаются к прежней жизни, заранее условившись, кто возьмет на себя заботу о чаде. Очень редко ему или ей случается «вкусить» *Валин* дважды — столь болезненным и опустошительным оказывается предыдущий опыт. Отсюда — малое число детей, и поэтому эрды относительно немногочисленны.

В течение веков, с момента своего возникновения, эрды проживали на Ансалонском континенте. И все же не многие из более плодовитых рас знали об их существовании. Столь замечательные создания были зачастую предметом легенд и сказаний...

Любой ребенок с малолетства знал о людоедах, которые некогда являлись прекраснейшими из живых существ. Но они возгордились, и боги их проклинали, обратив в безобразных, наводящих ужас монстров. Подобного рода истории служили предостережением, поучением и наставлением.

— Роланд, если ты будешь дергать за волосы свою сестренку — превратишься в людоеда.

— Маригольд, если ты не перестанешь вертеться возле зеркала, то однажды вместо своего отражения ты увидишь нечто омерзительное.

Эрды же, по легенде, — это те великаны-людоеды, которым удалось избежать мести богов. Их красота и магические способности остались прежними. Благодаря своему волшебному могуществу и сверхъестественному совершенству в чем-либо другом благорасположении они не нуждались. И эрды исчезли. А дети, отправляясь в лес, все так же надеялись столкнуться с прекрасным существ-

вом, ибо, по легенде, — если поймаешь эрда, будет исполнено любое твоё желание.

Это настолько же верно, насколько соответствует истине миф или сказка. Однако у спасшихся эрдов так и остался в крови неистребимый страх: окажись эрд в руках другой расы, та непременно воспользуется силой магии, чтобы покончить с ними. Именно этот страх стал причиной того, что эрды жили в изоляции, скрывая свой подлинный образ, избегали контактов с кем бы то ни было.

Много лет прошло с тех пор, когда эрды свободно перемещались по Ансалонскому континенту. Отбушевали Войны Копья, и эрдам казалось, наконец воцарится всеобщее умиротворение. Однако их надежды не оправдались. Населявшие Ансалон многочисленные расы не отказались от интриг и никак не могли определить условия мирного соседства друг с другом. Хуже того — разгорелась междуусобица. А тем временем появились слухи, что на севере собираются воедино силы Тьмы.

Опасаясь, как бы его народ не вовлекли в новую опустошительную войну, Вершитель дал знать всем эрдам, что необходимо покинуть континент. И вот уже достаточно долго они жили на этом острове в мире, уединении и спокойствии, которые все же теперь были нарушены.

Цель собрания всех эрдов заключалась в безотлагательном решении вопроса: как отвести нависшую над ними угрозу. Но даже в общей толпе каждый как бы стоял особняком, недоуменно, рассеянно озираясь. Ветвь, отсеченная холодной сталью рыцарского меча, лежала тут же. В месте соприкосновения стали с плотью ивы сочилась жилица. Душа дерева страдала от боли и нанесенного

ему оскорбления, и эрды не могли утешить ее. Отлаженное, спокойное существование кончилось.

Вершитель обращался ко всем собравшимся.

— Магический экран, до сих пор ограждавший нас от неблагожелателей, уязвлен. Рыцарям Тьмы теперь известно, что мы здесь. Они не заставят себя долго ждать.

— Позволю не согласиться с тобой, Вершитель, — возразил один из эрдов. — Они не вернутся. Наша личина ввела их в заблуждение. Они думают, что мы более чем примитивны, — дикари, недалеко ушедшие в развитии от животных. Зачем им возвращаться? Что им с нас взять?

Ответ Вершителя был полон печали и горечи, копившихся век за веком:

— Вам известны пути развития рода человеческого. Пока они ничего от нас не хотят. Но придет время, когда их вождям понадобятся солдаты, или они решат, что этот остров — прекрасное место для строительства кораблей, или им вздумается разместить здесь воинский гарнизон. Человеку всегда чего-то не хватает. Он обязательно должен найти применение любому предмету, разобраться в его устройстве; увязать этот предмет с неким смыслом, вложить в него идею или придать ему значимость. С нами будет то же самое. Они вернутся.

Эрды, всегда жившие самостоятельно, не испытывали потребности в каком-либо органе, регламентирующем течение их жизни. Тем не менее они понимали, что должен быть некто, кто бы принимал решения от лица всех. И с незапамятных времен из племени эрдов выбирался один-единственный, облакавшийся званием «Вершитель». Звание предполагало средний возраст, кое-какие ум-

ственные способности, маломальское владение искусством магии. Такой усредненный Вершитель, принимая умеренные решения, вполне устраивал всех.

Нынешний Вершитель значительно опережал своих предшественников в искусстве магии и оказался, в отличие от них, весьма энергичным и напористым. Свое несоответствие стандарту звания он объяснял тяжелыми для племени временами. Какое бы решение им ни принималось, оно непременно было мудрым. По крайней мере, так считало большинство эрдов. Несогласные предпочитали отмалчиваться — повода проявлять недовольство тихой, мирной жизнью у них не было.

— Во всяком случае, Вершитель, в ближайшем будущем мы их не увидим, — взяла слово свидетельница отплытия корабля. — Они уплыли. Корабль нес флаг Ариакана, сына Повелителя Драконов. Как и его отец, Ариакан — приспешник Властительницы Тьмы, Такхизис.

— Чьим бы служителем он ни был — бога или богини, — это ничего не меняет. Повторяю: они вернутся. Хотя бы просто во славу своей Королевы, если не будет другого повода.

— Они говорили о войне, о вторжении на Ансалон, — подал голос свидетель-мужчина. — Без сомнения, это займет их умы на многие годы.

— Вы слышите? — не без ноток торжества в голосе произнес Вершитель. — Снова война. И всегда будет война. По этой причине мы и покинули Ансалон. Я надеялся, что уж здесь-то мы будем в безопасности, что никто нас не побеспокоит. — Он глубоко* вздохнул. — Судя по всему, это не так.

— Что же нам предпринять?

Эрды бросали друг на друга вопросительные взгляды.

— Мы могли бы перебраться на другой остров, — предложил один.

— Покинув Ансалон, мы нашли прибежище здесь, — проговорил Вершитель. — Но теперь и тут стало небезопасно. И так будет везде, куда бы мы ни подались.

— Пусть они явятся, и мы сразимся с ними и выставим их прочь, — запальчиво произнес молодой эрд, недавно достигший возраста вхождения в Пору Одиночества. — Я знаю, что эрдами никогда еще не проливалась кровь другой расы, что именно поэтому мы вынуждены жить в отшельничестве. Однако любой имеет право на защиту, следовательно, и мы тоже.

При этих словах лица более зрелых эрдов приняли то выражение снисхождения и вынужденной сдержанности, что бывает у взрослых любой расы в момент, когда им приходится слышать от молодежи неудобоваримые или не совсем уместные вещи.

И каково же было их удивление, когда Вершитель произнес следующее:

— Да. Ты прав, Авриль. У нас есть право на самозащиту. Мы имеем право жить так, как нам хочется, — жить в мире. И мы должны отстаивать это право.

Эрдов настолько поразили слова Вершителя, что сразу несколько голосов раздалось с разных сторон:

— Неужели Вершитель предлагает сразиться с людьми?

— Нет, — отвечал тот, — не предлагаю. Но я и не советую уложить вещи и покинуть остров. Или вы этого хотите?

В разговор включился эрд, которого звали Заступник, не раз выражавший свое несогласие с Вершителем. Естественно, он не слыл его любимцем, и стоило Заступнику подать голос, как Вершитель насупился.

— Из всех тех мест, куда мы попадали, это наиболее удобное, наиболее нам полюбившееся. Здесь мы все вместе, пусть и живем особняком. Если вдруг возникнет на то необходимость, всегда сможем помочь друг другу и в то же время не быть докучливыми. Трудно будет оставить остров. И все же... и все же он не кажется теперь таким уютным, как прежде. Полагаю, придется покинуть эти сделавшиеся уже родными места.

Заступник указал на опрятные дома, стоящие в окружении аккуратных зеленых изгородей и ухоженных садилов. Ничего не изменилось, и в то же время все стало другим; разница не ощущалась на глаз, но она чувствовалась во всем — в запахах и на вкус, ее можно было слышать. Обычно крикливые и певучие пернатые смолкли. Дикие животные, прежде свободно разгуливающие по поселку, исчезли, попрятались. В воздухе стоял запах стали и крови. Умиротворенность, простодушие были поруганы. И Вершитель предлагал встать на защиту ставшего милым острова. Одна эта мысль пугала. Предложение Заступника начинало обретать сторонников.

Вершитель сознавал, что ему нужно действовать иначе.

— Я не говорю о том, что мы должны воевать, — мягко, успокаивающе произнес он. — Насилие нам чуждо. По правде сказать, я давно занимаюсь этой проблемой и предвидел беду. Я только что побывал на континенте и хочу рассказать, что мне удалось увидеть и услышать.

На лицах эрдов отразилось неподдельное изумление. К чему может привести полное отсутствие контактов! — они и ведать не ведали, что тот, кто ими руководит, на самом деле странствует где-то в чужих краях.

Лицо Вершителя внезапно погрузнело, стало печальным.

— Наш корабль, хранимый магической силой, доставил меня в Палантас, город людей. Я ходил по его улицам, слушал, о чем говорят жители. Затем я отправился в оплот Соламнийских Рыцарей, а оттуда — в Эргот, край мореплавателей. Я прошел из конца в конец владения эльфов, землю Квалинести; побывал в королевстве гномов. Невидимый, словно ветер, я пересек границы окаянной страны Сильванести; прошел Пыльные Равнины, задерживался в Утехе, Кендерморе, Устричном. В конце концов я направил свои стопы к Кровавому морю Истара, а потом проследовал близ Цитадели Бури, твердыни рыцарей Тьмы.

Вот уже свыше двадцати пяти лет, в человеческом исчислении, как окончилась Война Великого Броска. Народы Ансалона надеялись на мир, хотя мы все время говорили о несостоятельности таких надежд. И до тех пор, пока не угомонятся боги, не успокоятся и смертные. Королева Такхизис сильна как никогда со своими рыцарями Тьмы.

Предводитель рыцарей Ариакан, сын повелителя Ариакаса, имел мужество и дерзость указать Королеве Тьмы на ее слабое место. «Зло оборачивается злом». Войны Копья Такхизис проиграла из-за корысти и жадности командующих ее армиями. Ариакан, проведенный в плену у Соламнийских Рыцарей немало лет, осознал, что их победа явилась результатом следования принципу: самопожертво-

вания ради дела. И примером такой жертвенности стала смерть рыцаря Стурма Светлого Меча.

Вдохновленный своими идеями, Ариакан создал армию, которая душой и телом предана королеве, и ради нее, во имя ее она готова покорить мир. Для победы воины пожертвуют всем: богатством, властью, самой жизнью. Они очень упорны и крайне опасны, учитывая тот факт, что Ансалон раздираем междоусобицами.

Эльфы воюют против эльфов. У квалинестийцев новый правитель, мальчик — сын от Таниса Полуэльфа и Лораны, дочери последнего Беседующего-с-Солнцами. Мальчишку вынудили сесть на трон, и, в действительности, он жалкая кукла, которой манипулирует Совет эльфов, ненавидящих все и вся, включая и род Сильванести. Гномы, видя растущую агрессивность эльфов и усиление власти Совета, опасаются нападения с их стороны и готовы наглухо запереться в своем горе. Соламнийские Рыцари заняты возведением укреплений, но не в преддверии вторжения рыцарей Тьмы, а в ожидании возможных атак эльфов. Рыцарей Паладайна поставили в известность о готовящемся захвате Ансалона, но те отказываются верить, что — как гласит поговорка — полосатая шкура тигра может измениться по воле ее хозяина. Соламнийцы по-прежнему убеждены, что зло обернется злом против самих себя. Такое случилось во времена Войн Копья, когда Повелительница Драконов Китиара вступила в схватку со своим же командиром Ариакасом. А черный маг, Рейстлин Маджере, предал их обоих. На этот раз такого не произойдет.

Шансы Королевы Тьмы растут день ото дня. И теперь, — Вершитель сделал выразительную паузу, всматриваясь в лица собравшихся, — и теперь я

вполне утвердился во мнении, что Такхизис свое возьмет.

— Ну, а Паладайн? А Мишакаль? Мы обратимся к ним за помощью, как делали это раньше. Они нас защитят, — попытался возразить Заступник, и многие согласно закивали.

— Как же в таком случае Паладайн позволил рыцарям Тьмы высадиться у нас на острове? — Голос Вершителя стал тверже.

— Что же он за нас не заступился?

— Вреда они нам не причинили, — напомнил Заступник.

— Все же, — с оттенком угрозы в голосе продолжал Вершитель, — боги, на чью защиту мы долгое время рассчитывали, боги добра, мало чем могут нам помочь. Случившееся — тому подтверждение. Наше волшебство, их магия не отвели от нас беду. Настало время поискать более могущественное покровительство.

— И по всей вероятности, у тебя уже есть идеи на этот счет. Поведай их нам, — мрачно произнес Заступник.

— Хорошо. Слушайте. Чтобы раз и навсегда защитить себя, нам следует использовать чары самой могущественной из магических реликвий. Вы понимаете, о чем я веду речь, — о Сером Бриллианте Гаргата.

— Серый Бриллиант нам не принадлежит, — упрямылся Заступник. — Он не принадлежит никому — и одновременно всем. Это реликвия всего Мира.

— Раньше не принадлежала, — настаивал на своем Вершитель. — Мы ее искали — и нашли. Мы ею завладели и храним, чтобы она не попала в злые руки.

— Мы похитили ее, — упорствовал Заступник. — Простак-рыбак, слоняясь по берегу, наткнулся на камень. Его забавляли блестящие, переливчатые грани; ему было приятно хвастать находкой перед соседями. Он не извлек для себя никакой пользы, владея Серым Бриллиантом. Таким образом, и для реликвии рыбак был не больше чем рыбак. Может быть, ему предназначалось стать ее хранителем, и, забрав у него реликвию, мы тем самым (по своему неразумению) расстроили планы богов. Вероятно, поэтому они от нас отвернулись.

— Для *кого-то*, возможно, это похищение, — произнес Вершитель, пристально глядя на Заступника. — Однако, по-моему, мы сослужили миру хорошую службу тем, что взяли Серый Бриллиант под свою опеку. Ведь где бы ни появлялась эта реликвия, она несла с собой разрушение и гибель. Она бы не задержалась долго у простофили-рыбака, такое уже не раз случалось. Но теперь Серый Бриллиант находится в оправе нашей магии, и до тех пор, пока мы храним его, мы служим благу всех.

— Если мне не изменяет память, — твердил свое Заступник, — ты говорил, что чары Серого Бриллианта оградят нас от каких-либо влияний внешнего мира. Но, похоже, это не тот случай. Как же теперь ты можешь утверждать, что магическая сила реликвии защитит нас?

— Я долго вникал, — отвечал Вершитель, — в волшебную суть Серого Бриллианта и пришел наконец к важному выводу: сила, что движет камнем и является причиной его непрерывного блуждания по свету, — присуща не самому камню, а привнесена извне. Сам по себе камень — лишь оболочка, сосуд, удерживающий эту силу. Вне всякого сомне-

ния, высвобождение магических чар, сгустка волшебной воли, даст чрезвычайно мощный эффект, который мы можем использовать в отражении посягательств на наш дом.

После этих слов лица эрдов не осветились счастьем или хотя бы надеждой. Они не любили, да и не привыкли действовать решительно. Им нравилось просто созерцать, что-нибудь изучать. Но отважиться на нечто подобное!.. Оставалось только одно: стать немыми, безропотными свидетелями того, как их уютный, лелеянный долгие годы родной дом, их последнее убежище подвергнется надругательствам, будет осквернено.

Заступник еще раз попробовал протестовать:

— Если в самом деле внутри Серого Бриллианта заперта столь мощная сила, откуда у тебя уверенность, что мы сможем ею управлять?

— На данный момент мы вполне справляемся с самим камнем, и я не вижу особых трудностей в том, чтобы овладеть силой внутри его и употребить ее в целях защиты.

Из-за спины Заступника вдруг раздался голос, резко отличавшийся от мелодичных голосов эрдов.

— Но почему ты так уверен, что Серый Бриллиант тебе подконтролен? А вдруг это он управляет тобою, Вершитель?!

Все, как по команде, повернули головы в сторону вступившего в спор. Те, кто заслоняли говорившего, чуть расступились.

Эта была девушка, в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти обычных человеческих лет. Эрдам она представлялась безнадежной дурнушкой. Но несмотря на ее невзрачную внешность, а может быть, благодаря ей, они испытывали к ней самые нежные чувства, во всем ей потрафляли,

баловали ее. Это отношение не менялось с тех самых пор, как племя удочерило человеческого детеныша...

Немногие бы отважились на такие дерзкие заявления в адрес Вершителя. Девушке следовало быть поосмотрительнее. Внимание сфокусировалось на том, кто был ответственен за ее воспитание, под чьим присмотром она находилась и кого именно по этой причине стали звать «Заступник»...

А он, весьма смущенный, что-то говорил своей воспитаннице — очевидно, убеждал ее пойти домой.

Вершитель (само терпение) мягко произнес:

— Аша, дитя мое, ты говоришь загадками. Не могла бы ты выразиться яснее?

Что может быть более приятным для девушки, чем то, что она оказалась в центре всеобщего внимания? Аша отстранила руку Заступника, пытавшегося было придержать ее, и вышла на середину образованного эрдами круга.

— Откуда ты можешь знать, что Серый Бриллиант сам не управляет тобой? Наверняка он бы сам тебе этого не открыл, если бы даже мог говорить, — подытожила Аша и, гордая своим аргументом, посмотрела по сторонам.

Вершитель оценил затейливый довод, гибкий ум человека и незаметно для всех сдержал улыбку. Мысль, естественно, была абсурдной. Но на то Аша и была человеком.

— Серый Бриллиант ведет себя очень-очень смиренно с тех пор, как находится у нас. Он преспокойно лежит на алтаре, что мы для него соорудили, и едва светится. Я сомневаюсь, что он способен на то, о чем ты говоришь. На этот счет, дитя мое, ты можешь не волноваться.

На Кринне не существовало более умудренной в искусстве магии расы, нежели эрды. А кое-кто из них — Вершитель в том числе — осмеливались утверждать (правда, шепотом), что эрды превзошли в этом даже богов. Бриллиант был утерян богом Реорксом. Эрды обнаружили его, прихватили с собой и с тех пор хранили. Они знали все истории, связанные с Серым Бриллиантом, — о том хаосе и опустошении, которые ему сопутствовали везде, где бы его присутствие ни замечалось. Как гласила легенда, именно Серому Бриллианту были обязаны своим происхождением кендеры, гномы и гномы-механики. Камень в то время хранился у людей. Чего же еще от них можно ожидать?

Собрание продолжалось, поскольку эрды думали вывернуться из сложившейся ситуации, не прибегая к каким-либо решительным действиям.

Как это часто бывает с людьми, Аше собрание скоро наскучило. Она сказала Заступнику, что отправляется домой готовить ужин. Тот с облегчением вздохнул.

Идя по лесу, Аша вспоминала свой диалог с Вершителем и досадовала: неужели ее довод только на то и годился, чтобы отнестись к нему с пренебрежением. Она начинала сердиться. Но сердиться — это значит расходовать массу энергии и душевных сил... У нее на уме было другое.

Аша уходила все дальше и дальше в лес, но не за тем, чтобы собирать к столу приправы. В конце концов девушка оказалась на берегу. Здесь она отыскала следы, оставленные на песке рыцарями, и с восхищением стала их разглядывать. Опустилась на колени и приложила свою руку к одному из отпечатков. Какой маленькой на фоне следа выглядела ее рука! Приятное покалывание прошло

волной по ее телу, в то время как она рисовала в своем воображении рыцарей — высоких, суровых, мужественных. Впервые в своей жизни Аша увидела человека, такого же, как она сама, — человека-мужчину.

Они, конечно, выглядели далеко не красавцами по сравнению с эрдами, но и не такими уж уродами...

Грезя, Аша еще долго-долго оставалась на берегу.

Тем временем собрание эрдов пришло к единому мнению, что проблему Серого Бриллианта следует взять на себя Вершителю. Как он решит, так и будет. Ограничившись этим, они поторопились разойтись по домам — только бы поскорее уединиться, только бы не слышать больше ни о каких неприятностях. Чего не скажешь о их предводителе.

Вершитель попросил трех старейших эрдов остаться, чтобы кое-что обсудить.

— Я не стал говорить при всех, — начал он осторожно, — поскольку знаю, что соплеменники воспримут это болезненно. Необходимо сделать еще один шаг, который бы гарантировал нашу безопасность, наше спокойствие. Владение Серым Бриллиантом, его присутствие — это соблазн, которому невозможно противостоять, огромное искушение для кого бы то ни было, исключая нас, эрдов. Так уж случилось, что в нашей среде есть некто, не являющийся одним из нас... Вы знаете, о ком я говорю.

Лица старейшин погрустнели — они знали.

Вершитель продолжал:

— К великому сожалению, мы должны избавиться от этой личности. Вы сами хорошо видели

и слышали Ашу. В ее жилах течет кровь человека. Присутствие Серого Бриллианта скажется на ней весьма плачевно.

— Можно ли говорить об этом с уверенностью? — последовало краткое возражение.

— Нам слишком хорошо известно, что бывает в таких случаях, — уже резко парировал Вершитель. — Я тщательно изучил все истории, связанные с Серым Бриллиантом, и убедился, что они истинны. Людей, которые оказываются в непосредственной близости с камнем, начинают обуревать стремления и желания, выходящие из-под контроля. Согласно одному источнику, сыновья Карамона Маджере, героя Войны, едва не стали его жертвами, и лишь вмешательство бога Реоркса их спасло. Возможно, Аша уже находится под пагубным влиянием Серого Бриллианта, которое выражается в ее стремлении посеять среди нас склоки и раздоры. Поэтому и для ее, и для нашего блага будет лучше, если мы удалим Ашу с острова.

— Но она жила с нами с младенчества, — был высказан последний довод. — У нее же нет другого дома!

— Аша достаточно взрослая, чтобы жить самостоятельно, среди таких же, как она. — Вершитель ослабил нажим на старейшин. — Мы и прежде соглашались с тем, что Аше скучно с нами, что она доставляет нам массу хлопот и волнений. Наша размеренная, наполненная учением, размышлениями и созерцанием жизнь не для нее. Как и для всех людей, чтобы окончательно повзрослеть, ей необходимо вкушать перемен, а мы Аше этого предложить не можем. Этот разрыв просто необходим, повторяю — ради ее и нашего блага.

— Тяжело будет с ней расстаться, — произнес один из старейшин, и, хотя эрды, как правило, не позволяли себе слабостей, — глаза его увлажнились.

— Особенно нелегко будет Заступнику. Он очень сильно привязан к своей питомице.

— Я знаю, — мягко сказал Вершитель. — Это выглядит жестоким поступком с нашей стороны, но чем скорее она покинет остров, тем лучше будет для всех нас, включая и Заступника.

Мудрость Вершителя чтили.

Эрды заторопились в свои одинокие жилища, а Вершитель отправился известить Заступника о принятом решении.

3. Расставание. Прощальный дар

Аша растерянно глядела на того, кто всегда являлся для нее защитой и опорой.

— Оставить остров? Когда? — потерянню роняла она слова.

— Завтра, — ответил Заступник.

Он ходил по комнатам маленького дома, столько лет служившего им обоим кровом, собирал и складывал на постель девушки вещи, которые могли понадобиться в дороге.

— Бот уже готовят к отплытию. В хождении по морю ты весьма и весьма поднаторела. Кроме того, судно освящено магией и не перевернется, каким бы бурным ни было море. Если вдруг наступит штиль, ты все равно будешь продолжать плыть. Идя почти строго на юг, ты окажешься в Палантасе, городе людей. Хо́да до него часов двенадцать, не более.

— Палантас... — эхом отозвалась Аша, не совсем понимая, что от нее хотят.

Заступник кивнул:

— Я думаю, изю всех городов Ансалона Палантас наиболее подходит для тебя. Жители его очень терпимы к другим расам. Это само по себе странно. Возможно, причиной тому присутствие хозяина Башни Высшего Волшебства — Даламара. Хотя маг из ложи Черных Мантий...

Аша перестала воспринимать слова Заступника. Она знала, что Заст произносит все это только для того, чтобы хоть что-нибудь говорить, — от отчаяния. Молчаливый и трогательный, замкнутый и нежный Заст. Он старался как мог утешить ее и себя. Аша поняла это, когда Заступник прижал к груди куклу, с которой она играла будучи ребенком, прижал с такой же нежностью, как некогда прижимал ее саму.

К глазам внезапно подступили слезы, и Аша отвернулась, чтобы он их не видел.

— Так, значит, я отправляюсь в Палантас, да? Отлично. Ты ведь знаешь, я сама этого давно хотела, давно строила планы. Думала плыть в Каламан, но... — Аша пожала плечами, — если Палантас — пусть будет Палантас. Какая мне разница.

Она вовсе не собиралась ни в какой Каламан. Название города Аша сказала наобум, хотя прозвучало это так, будто она и в самом деле долгое время готовилась к путешествию. В действительности, девушка была напугана — ужасно, жутко напугана.

«Эрдам известно, где я была прошлой ночью! — мысленно укоряла она себя. — Известно, что я была на берегу, о чем думала, о чем мечтала!»

А грезил Аша о рыцарях: она вновь видела их молодые лица, влажные от пота волосы, сильные, мускулистые руки. Они знакомились, говорили с ней, забирали с собой на корабль. Они клялись ей в любви, ради нее бросали все... Глупо — она и сама знала. Какой мужчина полюбит такое страшнелище?! Что уж ей и помечтать нельзя — о том, какая она хорошенькая? Аша зарделась от этих мыслей. Она их стыдилась. Стыдилась чувств, непольно будивших ее грезы.

— ...Да, настало время покинуть остров, — донесся до нее голос Заступника. — Мы об этом и прежде говорили.

Верно. За последние три года не однажды между ними возникали разговоры о ее отбытии; что она составит план, подумает, какие вещи ей потребуются в путешествии длиной в один день. Но время шло, а она все не решалась: то море было слишком беспокойным, то сильный холод, то казалось, бот ненадежен, то предзнаменования не сулили ничего хорошего. Заступник всегда тактично соглашался с ней, как соглашался со всем, что бы она ни говорила или делала. И так раз за разом.

— Ты прав. Я сама этого давно хотела, — быстро проговорила она, надеясь, что дрожь в ее голосе Заст примет за обычное возбуждение перед дорогой. — Я уже наполовину собралась.

Аша, с трудом сдерживая слезы, смотрела на того, кто все эти годы был рядом, заботился о ней, воспитал ее.

— Что ты делаешь, Заст? Неужели ты думаешь, что я отправлюсь в Палантас, захватив с собой куклу? Оставь ее в покое. В мое отсутствие она будет тебе утешением... пока я не вернусь.

— Ты не вернешься, девочка, — тихо сказал Заст.

Он не смотрел на Ашу, он ласкал порядком потрепанную куклу. Затем молча протянул куклу ей.

Аша уставилась на Заступника. Внезапно все в ней словно перевернулось. Дыхание сперло. Она схватила куклу и швырнула ее в другой конец комнаты.

— Меня наказывают! Наказывают за то, что я говорю и не боюсь Вершителя! Он ненавидит меня! Вы все меня ненавидите! Ненавидите потому, что я уродлива... и глупа... и не одна из вас! Отлично!

Аша утерла слезы, поправила волосы, сделала глубокий, шумный вдох.

— Я даже и не думала о возвращении. Кому бы пришла такая мысль в голову?! Кому нужен этот унылый остров, где словно подарок — слово, сказанное однажды за месяцы и месяцы молчания?! Только не мне. Ночью я отплываю! Нет, прямо сейчас! К дьяволу сборы! Мне ничего от тебя не нужно. Ничего!

Теперь она плакала по-настоящему, плакала и... одновременно наблюдала, каким будет эффект от ее слез. Заступник беспомощно замер на месте, что случилось всякий раз, когда она рыдала. Он всегда сдавался, всегда шел на то, чтобы задобрить ее, обласкать, позволить ей все, чего бы она ни пожелала.

Эрдам не было присуще выставлять напоказ свои чувства и эмоции. Такое могло иметь место лишь в самых крайних случаях. Поэтому их сбивали с толку бурные проявления человеческого темперамента. Эрдам было невыносимо видеть кого-либо, обуреваемого вспышкой страстей. Это приводило их в замешательство; неуравновешенность, несдержанность, по их мнению — вещи недостойные, неподобающие. По прежнему опыту Аша знала: слезы, приступы раздражительности неминуемо приведут к тому, что она получит желаемое и все будет так, как она хочет... Плач перешел в рыдания, сменившиеся истерическими всхлипами. Она буквально задыхалась от слез и в то же время предвкушала победу. Нет, она пока останется.

«Я покину остров, — думала Аша с горечью, — но только тогда, когда сама буду готова это сделать!»

Ее приступ достиг кульминации, и она уже подумывала — не пора ли утихомириться и дать возможность Засту принести свои извинения. Каково

же было ее удивление, когда она услышала, как закрывается дверь.

Аша смолкла и, тяжело дыша, стала вытирать слезы. Наконец она протерла глаза и увидела, что комната пуста. Заст ушел.

Ничто не нарушало тишины маленького дома, ставшего Аше родным на много лет, ставшего ее кровом с того самого дня, когда еще совсем крошечную девочку внесли через порог. Одно время она пробовала вести счет годам с даты, которая, по словам Заста, являлась днем ее рождения. На цифре «тринадцать» она бросила. Если до тринадцати летнего возраста это занятие было чем-то вроде игры, то в дальнейшем оно перестало ее забавлять. Никто никогда не говорил Аше, кто ее родители и почему их нет рядом. Эрды не любили распространяться о таких вещах. Всякий раз, когда Аша обращалась к ним с подобными вопросами, их лица тускнели.

В конце концов в пылу задетого самолюбия она отказалась от попыток разузнать хоть что-нибудь и забросила свой счет. Когда же спохватилась — было уже поздно. Сколько прошло лет? Пять или шесть? А может быть — десять?

Не то чтобы это имело большое значение... Вовсе нет.

Аша поняла, что на этот раз слезы ей не помогут.

На следующий день около полудня эрды собрались вновь, на этот раз — чтобы проводить Ашу.

Аша была во всеоружии — во всеоружии досады, обиды и даже злости. Ее слова прощания не отличались равнодушием от тех, которыми сопровождается уход дальнего родственника, случайно нанесшего вам визит.

— Мне все равно. Я только рада, что покидаю вас! Я для вас «ничто» — и вы для меня «ничто», — вновь и вновь повторяла она, хотя, кроме Заступника, ее никто не слышал.

Но эрдам было вовсе не все равно, и Заступника подмывало сказать ей об этом. Да, эрды полюбили и по-настоящему привязались к беззаботному, смешливому, непоседливому ребенку, который поребачьи бесцеремонно вносил оживление и разнообразие в их серьезную, полную глубокомыслия жизнь, заставлял их сердца и души, лежащие за семью печатями принципов, обычаев, условностей, отзываться теплотой, искренностью, непосредственностью. Они чувствовали себя счастливыми, если была счастлива Аша, и старались делать все, чтобы она такой себя ощущала и дальше. Если они и портили ее, потакая во всем, то уж ни в коем случае не преднамеренно.

Заступник смутно понимал, что, возможно, это — то как раз и являлось ошибкой. Миру, в который Ашу попросту говоря — выталкивали, не было никакого дела до нее. Мир совершенно не интересовало, счастлива ли она или грустна, жива или уже при смерти. Теперь Заступнику становилось ясно, что, наверное, нужно было готовить Ашу к пониманию этого равнодушия, учить ее умению не приходить от этого в отчаяние. С другой стороны, откуда он мог знать, что обстоятельства сложатся именно таким образом. Уже поздно что-либо менять.

Хоть какого-то особенного проявления чувств эрды не демонстрировали, подарки, которые они вручали Аше на прощание, говорили о многом. Чувствуя себя неловко, Аша принимала подарки, неуклюже за них благодарила и, едва достаивая взглядом, запихивала в кожаную сумку. Когда под-

носивший дар пытался объяснить, чем он особенно ценен и для чего может ей пригодиться, Аша обрывала объяснения. Ей причинили боль, и она, в свою очередь, не хотела оставаться в долгу. По большому счету, Заступник не мог винить ее за это.

Вершитель произнес проникновенную речь, на которую Аша отреагировала так, как если бы она была бесстрастным куском гранита. Время трогаться в путь. Ветер и отлив благоприятствовали. Негромко зазвучали молитвы и пожелания доброго пути. С вызовом, не дожидаясь окончания прощальной процедуры, Аша двинулась в сторону берега.

— Ну и пусть! Ну и пусть! Мне все равно, — снова и снова повторяла девушка.

Заступник оказался единственным провожатым Аши. Разговаривать с ним она отказалась и как будто вовсе не замечала его. Заст было подумал, что ошибся в своей оценке девушки: может быть, она все же стала похожа на эрдов?... Но на полпути к берегу, когда они остались совершенно одни, Аша вдруг резко остановилась, шагнула к Засту и крепко-крепко, как делала это только в детстве, обняла его.

— Пожалуйста, Заст, не отсылай меня никуда! Не гони меня! Я буду послушной и не причиню больше никому беспокойства! Я тебя люблю! Я всех вас люблю!...

— Я знаю, девочка. Знаю.

Глаза Заступника предательски заблестели. Рукой он тихонько похлопывал Ашу по спине. Когда она была совсем малышкой, он, в своих стараниях заменить девочке мать, укачивал ее точно таким же образом.

— Я не могу позволить тебе, девочка, покинуть нас с мыслью, что ты нам безразлична, что мы

тобою недовольны. Мы все тебя любим. Верь мне. И мы не стали бы относиться к тебе иначе, чем относились всегда. Я не должен был говорить, но дело в том, что нам... нам предстоит серьезно заняться магией. Мы вынуждены будем привлечь необъятной мощи волшебные силы, чтобы предотвратить новое появление рыцарей Тьма. Я не могу всего объяснить, но эти волшебные силы могут оказаться небезопасны для тебя. Ведь ты не эрд. Отсылая тебя, мы лишь стараемся избежать вреда, который может причинить тебе магия.

Это было ложью, хотя и безобидной. В действительности от Аши избавлялись с тем, чтобы само ее присутствие пагубно не сказалось на магическом действе. Для удержания волшебной силы Серого Бриллианта эрды предполагали употребить абсолютно прозрачную структуру, такую емкость, образованную их общим магическим полем. Аша, не являясь эрдом, следовательно, была дефектом в этой емкости.

— Эта... эта магия, — Аша, шмыгая носом, сглатывала слезы, — она вас предохранит? Ответит от вас зло?

— Да, девочка. К такому выводу пришел Вершитель, и у нас нет оснований сомневаться в его мудрости.

Снова ложь. Дважды на дню — невероятно! Заступник сам поражался, что так складно может врать.

Аша сделала слабую попытку улыбнуться:

— Спасибо, Заст, за твою искренность. Я жалею, что была столь несносна при прощании. Но ты извинишься за меня перед всеми. Скажи, что я буду сильно скучать.

Слезы снова подступили к глазам Аши, но она сдержалась.

— Я им все передам... А теперь пошли — отлив и солнце ждать не будут.

Они вышли к берегу. Аша совсем притихла — растерянная, ошеломленная, никак не желающая верить, что все это происходит именно с ней.

Большая двухмачтовая шлюпка ждала Ашу. Ее соорудили несколько лет назад для вылазки за Серым Бриллиантом. Затем эрды потеряли к шлюпке всякий интерес. Заступник, получив разрешение, взялся обучить Ашу хождению под парусом. Чутье ему подсказывало, что может настать день, когда Аше такие знания пригодятся.

Вдвоем они уложили вещи: объемистую сумку с подарками эрдов и сумку с вещами девушки. На Аше была удобная легкая одежда: светло-зеленые шелковые штаны, свободно сидящие, с подвязками ниже колен; шелковая туника с открытым воротом и поясом золотого шитья; куртка из черного вельвета, с чудесным красочным орнаментом; на голове — невесомая, изумрудного цвета шелковая шаль.

— С этими сумками тебя можно принять за кендера, — сделал попытку пошутить Заступник.

— Кендера?! — натянуто рассмеялась Аша. — Ты много о них рассказывал. Я увижу их наяву, Заст?

— Да, девочка. Гораздо проще столкнуться с ними, нежели потом от них отделаться.

Заступник задумчиво улыбнулся.

— Тебе встретятся и беспечные, скорые на руку кендеры, и мрачные, хмурые гномы, хитрые и ловкие гномы-механики, нахрапистые, нагло-красивые рыцари, сладкоголосые эльфы. Ты всех их увидишь...

Заступник вдруг заметил, что Аша не слушает его. Ее взгляд был прикован к горизонту. Выражение рассеянности, уныния исчезло. Теперь Аша олицетворяла неудержимый порыв, жадную уст-

ремленность осязать, обонять, видеть, слышать, вкушать — Жизнь. На горизонте громоздились облака, но Аша вместо них видела залитые солнцем города, светлые и прекрасные. Заступник подумал: будь вместо воды твердь, Аша, не задумываясь, рванулась бы туда — к горизонту, в неведомое. Наконец-то в девушке возобладал человек. Ее глаза лучились сладостным волнением, дыхание участилось. Она была одновременно и натянутый лук, и стрела. Еще миг, и стрела сорвется с тетивы, унесется вдаль, в будущее, в Жизнь.

Заступник вздохнул. Он, поскитавшийся по миру, лучше, чем кто-либо другой, понимал, какие невероятные трудности и опасности предстоит испытать наивной, неопытной девушке. Слова предостережения готовы были сорваться с губ: о жестоких драконидях; омерзительных, злобных гоблинах; людях с продажной душой и каменным сердцем; благостных, елейных священниках, вершащих гнусные дела от имени Моргиона или Чемоша; колдунах-чернорясниках с их кольцами-убийцами; жуликах, ворах, лжецах, оболъстителях...

Нет, он ничего не стал говорить, не хотел омрачать светлое настроение Аши, разрушать чистоту и прозрачность надежд, невинных желаний. Она сама скоро все узнает. Оставалось лишь надеяться, что боги не бросят ее в трудную минуту, отведут беду, будут хранить ее, как хранят спящих детей, животных, отбившихся от стада, прямодушных кендеров.

Заступник помог Аше забраться в шлюпку.

— Магия доведет тебя до Палантаса. От тебя, девочка, только и требуется — держать солнце по левому борту. Шторма не бойся. Пусть волны тебя убаюкают. Утром, когда ты проснешься, увидишь золотые иглы шпилей Палантаса.

Они начали готовить паруса. На лице Заступника все это время отражалась какая-то внутренняя борьба, словно он спорил сам с собой и никак не мог договориться. И все же...

Наконец все было готово к отплытию. В руках Заступника непонятно каким образом оказался вдруг свиток пергамента, перевязанный черной тесьмой. Он протянул свиток Аше.

— Что это? — весьма удивленная, спросила она. — Карта?

— Нет, девочка. Это не карта. Письмо.

— Мне? Оно... — ее лицо озарило надежда, — о моем отце? О том, почему он бросил меня?.. Ты обещал, что однажды все объяснишь.

Заступник сконфузился и густо покраснел.

— Нет, девочка. Я тебе уже рассказывал твою историю от начала до конца. Мне нечего добавить.

— Ты говорил, что он покинул меня после смерти матери. Он не любил меня? Ненавидел меня, потому что я стала причиной ее смерти?

— Откуда ты это взяла? — крайне удивился Заступник. — Твой отец очень любил тебя. Ты же знаешь, что случилось. Я тебе рассказывал.

Аша вздохнула: и так каждый раз; все беседы о ее родителях заканчивались одинаково — Заст не говорил всей правды. Ну хорошо. Это уже не имеет значения. Скоро она сама узнает, как было на самом деле.

Заступник, слегка нервничая, похлопывал свитком по руке. Предмет разговора его явно не устраивал.

— Послание предназначено другому, но, когда ты потеряешь из виду наш остров, можешь его прочесть. Тот, кому ты должна его вручить, вполне вероятно, захочет задать тебе кое-какие вопросы. Ответить на них можешь только ты.

Аша была озадачена.

— Тогда для кого оно?

Заступник заколебался, но затем, отбросив последние сомнения, сказал:

— В Палантасе живет один очень влиятельный маг. Его имя — Даламар. После того как прочтешь письмо, ты доставишь его Даламару. Он должен знать, что мы собираемся делать, на случай...

Заступник споткнулся, подыскивая нужные слова, но Аша продолжила фразу:

— ...на случай, если дело примет нежелательный оборот! О-о, Заст! — Она приникла к нему. — Я боюсь!

«Это чувство ты не раз будешь испытывать, — думал про себя Заступник. — Это предначертано человеку».

Он наклонился и поцеловал Ашу в лоб.

— Молитвы твоей матери и отца будут сопровождать тебе и охранять.

Он вылез из шлюпки, стянул ее с песка и с силой оттолкнул от берега.

— Заст! — крикнула Аша и выбросила вперед руку, будто могла еще дотянуться и ухватиться за него.

Однако шлюпку быстро отнесло волнами, а ветер подхватил и наполнил паруса. Последние слова Аши приглушила мягко плещущаяся о берег вода.

Заступник оставался на месте, пока была видна шлюпка. Он продолжал стоять на берегу и после того, как еле видная точка исчезла за горизонтом.

И только когда прилив не оставил на песке ни одного отпечатка ног Аши, Заступник снова ожил и зашагал прочь.

4. Письмо к Даламару

Аша в отчаянии наблюдала, как прямой силуэт Заступника становился все меньше и меньше, как мало-помалу ее остров превращался в едва различимую черную полосу. Когда горизонт опустел, Аша не выдержала и повернула руль на разворот. Однако у нее ничего не вышло, шлюпка продолжала идти вперед: магия эрдов удерживала ее на заданном курсе. Дул устойчивый, крепкий ветер.

Аша повалилась на дно шлюпки и целиком отдалась своему горю. Рыдания не облегчили душевной боли, а лишь добавили страданий физических: ее разобрала икота, глаза горели, из носа текло. Пытаясь отыскать платок, она наткнулась на пергаментный свиток. Без особого интереса развязала тесьму, развернула свиток и принялась читать, полагая, что найдет лишь еще одно извинение за свою высылку.

Милая Аша, я пишу, пока ты спишь. Глядя на твое спокойное лицо, лежащую поверх головы руку, спутанные волосы, следы от слез на щеках, я вспоминаю девочку, ребенка, который, однажды появившись в моей жизни, наполнил

...лю и теплом. Ты еще здесь, а я уже по тебе скучаю!

Я знаю, ты негодуешь, тебе больно — тебя провожают одну, неизвестно куда. Поверь, моя дорогая девочка, что если бы я не был убежден в пользе этого шага, то никогда бы не дал на него своего согласия.

Вопрос, касающийся влияния на нас Серого Бриллианта, — то, о чем ты спрашивала Вершителя, — задают многие. Мы далеко не уверены, что вскрытие, нарушение внешнего слоя Серого Бриллианта — единственно правильный путь. И согласились с намерением Вершителя только потому, что выбора у нас нет.

Вершитель объявил, что никто не должен знать о наших планах. Думаю, здесь он неправ. Как долго мы уже живем в изоляции! И что из этого вышло: не раз и не два случалось несчастье. Моя сестра...

В этом месте письмо было вымарано. Заст никогда не упоминал о своей сестре. Что с ней случилось? Аша попробовала прочесть затушеванное место. Тщетно. Вздыхнув, она продолжала чтение. Следующий кусок письма был адресован Даламару из Палантаса, хозяину и хранителю Башни Высшего Волшебства.

Аша пробежала глазами ту часть послания, которую она определила как «вежливые поклоны и почтительные расшаркивания», а также описание того, как Серый Бриллиант оказался у эрдов. Девушка бесчисленное количество раз слышала эти рассказы, и ничего, кроме скуки, они у нее не вызывали.

Она стала читать дальше.

...Серый Бриллиант мы поместили на алтарь, специально сконструированный для его хранения. На первый взгляд камень не представляет собой ничего особенного, тем паче — выдающегося. При более внимательном осмотре камень не может не заинтересовать. Его размеры меняются в зависимости от того, кто его рассматривает. Вершитель утверждает, что камень достигает размеров взрослой кошки, тогда как я могу сравнить его разве только с куриным яйцом.

Невозможно определить число граней. Мы все по очереди пробовали пересчитать их, но одинаковой цифры не получили. Характерно, что наши подсчеты расходились не на одну-две грани, а на значительно большее число. В итоге создавалось впечатление, будто все мы имели дело с абсолютно разными камнями.

Мы знаем, что Бриллиант своенравен. Мы знаем, что Реоркс делал неоднократные попытки вернуть Серый Бриллиант, но все они ни к чему не привели. Камень ему не подвластен. С какой стати он будет подчиняться нам?

Ответ Вершителя очень прост: бог Реоркс слаб, он несколько рассеян, недостаточно целеустремлен. Может быть, это и соответствует действительности, но меня удивляет, почему другие божества не пытались подчинить своей воле Бриллиант? Не потому ли, что и они не в состоянии это сделать? С другой стороны, разве они не всемогущи? А если допустить, что Серый Бриллиант обладает гораздо большей магической силой, чем кто-либо из них?! Если это так — Серый Бриллиант просто несопоставимо могущественнее нас и, значит, нам не подконтролен. Он водит нас за нос и использует нас. Для чего

и с какой целью — никто не знает. Меня это страшит.

Именно поэтому я приобщил к письму историю сотворения мира и Серого Бриллианта, как трактуем ее мы, эрды. Властитель Даламар, ты увидишь, что наше толкование значительно отличается от каких-либо других вариантов, и это одна из причин, по которым я считаю необходимым представить нижеследующую информацию Конклаву. Возможно, воспользовавшись ей, удастся подобрать ключик к Серому Бриллианту.

«Я сыта этими историями по горло и знаю их всех наизусть», — думала Аша, сворачивая свиток.

Аша умела читать и писать на языке эрдов. Она также знала язык, на котором эрды говорили крайне редко, но считали полезным знать; к нему обычно прибегали в межрасовом общении. Хотя Аше учение давалось легко, особого удовольствия она от него не получала. В отличие от прилежных в учении эрдов, Аша предпочитала *делать*, нежели *читать* о том, как это делается.

Перегнувшись через борт, она намочила платок и освежила лицо. Ей ничего не оставалось, как только скулить и хныкать, упиваясь жалостью к себе. Поэтому, чтобы отвлечься от грустных мыслей, Аша решила продолжить чтение. Она и сама не заметила, как увлеклась. Аше казалось, что она вновь сидит за небольшим столом и слушает Заста, который рассказывает ей о сотворении мира.

*Как гласят наши предания**, некогда в бесконечном пространстве обитали три божества: Паладайн, Такхизис и Гилеан. Они происходили от Хаоса, Отца Всего и Ничего. Паладайн являлся старшим среди них, сыном послушным и совестливым. Гилеан был средним сыном, склонным к раздумьям и созерцательности. Такхизис — младшая и, как считают, самая любимая. Ее отличали беспокойный характер, честолюбие, частые приступы скуки.

Такхизис хотелось возвыситься над братьями, но все ее попытки добиться первенства ни к чему не приводили. Воля Паладайны и трезвомыслие Гилеана смирляли ее амбициозность. Таким образом, мы, эрды, думаем, что тот мир, в котором все мы живем, мир Кринна со всеми его обитателями, образовался благодаря интригам Такхизис.

Она могла быть обаятельной, была способна здраво мыслить, когда сама этого хотела. Такхизис обратилась к своим старшим братьям с предложением создать мир и населить его одушевленными существами-спиритами. Паладайна она подкупила мыслью о том, что эти спириты внесут порядок, организацию и стройность в окружающее их, полное сумбура пространство. Паладайн уже долгое

* Ученые Кринна почтут своим долгом отметить, что легенда, преподносимая Заступником, по некоторым аспектам отличается от историй о сотворении мира у других рас. Это представляется нормальным, поскольку каждая раса видит себя сердцевинной бытия. К примеру, гномы никак не желают признавать, что их появлению предшествовало некое материальное возмущение, причиной которого был Серый Бриллиант. Они придерживаются более благозвучной версии — будто бы их создал бог Реоркс. Эльфы говорят о себе как о единственно великой и истинной расе, а все остальные, по их мнению, — жалкие чернильные кляксы в Великой Книге Гилеана. Но на протяжении всей истории эрды — самое древнее племя на Кринне, и, следовательно, отношение к их версии о сотворении должно быть соответствующим.

ное сумбура пространство. Паладайн уже долгое время мучился сознанием бесцельности и бессмысленности своего существования. Поэтому он и его супруга Мишакаль, заинтересованные идеей, дали свое согласие.

— Конечно, Родитель обо всем этом знает, — то ли вопрошая, то ли утверждая, произнес Паладайн. — Ты получила его одобрение...

— Конечно, дорогой брат, — подтвердила Такхизис.

Паладайн определенно догадывался, что сестра лжет. Но желание создать упорядоченный и разумный мир взяло верх. И он закрыл на ложь глаза.

Потом Такхизис обратилась к Гилеану. Его она обезоружила перспективой наблюдения и изучения созданий, не имеющих ничего общего с богами: как поведут себя эти одушевленные существа в той или иной ситуации.

Гилеану такая возможность показалась очень привлекательной. Так как он не имел супруги, с которой можно было бы посоветоваться (у нас нет сведений, что с ней произошло), Гилеан обратился к богу Зивилину, обитателю за-пространства. Зивилин существовал во всех планах бытия и во все времена.

Он посмотрел вперед, назад; направо, налево; вверх, вниз... И сказал, что идея недурна.

Вслед за ним согласился и Гилеан.

Заручившись согласием братьев, Такхизис приступила к осуществлению своего намерения.

В одном из за-пространств обитал бог Реоркс. Почти ничего не известно о его прошлом. По слухам, имело место какое-то несчастье, после чего Реоркс избегал общения с кем бы то ни было из Всчньх. Он вел одинокую, отшельническую жизнь,

проводя все время в кузнице. Реоркс мог творить вещи необыкновенно замечательные и прекрасные, страшные и ужасающие. Творчество было его страстью. Он не искал применения вещам, которые создавал, и потом просто выбрасывал им сотворенное. Время от времени мы видим эти обреченные на забвение предметы. Мы называем их падающими звездами.

Такхизис не обошла похвалами творения Реоркса.

— Только ужасно жалко, что ты их выбрасываешь! — сказала она. — У меня есть к тебе предложение... Ты создашь нечто такое, что тебе никогда не наскучит. Напротив — будет служить источником непреходящего, непрерывного интереса. Ты сотворишь целый мир, и этот мир будет населен живыми существами. Ты обучишь их всему, что умеешь сам.

Реоркса идея пленила: наконец плоды его страстного увлечения найдут применение. Он охотно принял предложение.

— Ты обсудила свой план с Родителем? — спросил он.

— Иначе я бы и не побеспокоила тебя, — ответила Такхизис.

Прямой и бесхитростный Реоркс даже представить себе не мог, что Такхизис способна лгать.

Боги сошлись все вместе: Паладайн и Мишакаль, Гилеан с единственной дочерью, Такхизис с супругом Саргоннасом. Присутствовали и их дети.

Реоркс установил свою наковальню, поместил на нее раскаленный бесформенный кусок металла, и во мраке вечно длящейся ночи раздался первый удар молота.

Тут братья и прозрели, увидев все в истинном свете.

Такхизис и думать не думала советоваться с Хаосом, Отцом Всего и Ничего. Более того, она скрывала свой замысел привнесения в Пространство порядка. И братья теперь прекрасно это понимали.

Хаос-отец мог бы устроить основательную трепку своим чадам, но, как иногда поступают взрослые, решил, что будет лучше преподнести им урок.

— Пожалуйста, можете создавать свой мир, — пророкотал он, — но и я уж похлопочу, чтобы разгорелись вражда и раздоры между вами и теми, в кого вы вдохнете жизнь.

Дело сделано: искры, брызнувшие из-под молота Реоркса, превратились в звезды. От звездного света зародились живые существа. И тут уж фантазия Реоркса не знала удержу.

Но очень скоро все почувствовали реальность угроз Хаоса-отца.

Такхизис хотела, чтобы созданные существа-спириты находились в полном ее подчинении, выполняли все ее приказания и прихоти. Паладайн желал их видеть под собственной опекой, уж он-то воспитывает спиритов и выведет на путь праведности и порядка. Гилеан не одобрял как стремление сестры, так и намерения брата. Ему хотелось сделать существа свободными, имеющими право выбирать то, что им самим нравится. Тогда жить в мире станет гораздо интереснее.

Родственники грызлись и ссорились. В склоку были втянуты их дети и другие боги. Разразилась Война Всех Святых.

Хаос, Отец Всего и Ничего, потешался, и смех его был ужасен.

Через некоторое время и Паладайну, и Гилеану стало ясно, что война может привести к полно-

му уничтожению всего ими созданного. Инициатива союза, им удалось склонить сестру к переезду сюда, затем и к принятию соглашения. Они уже начали управлять новым миром сообща, соблюдая при этом в отношениях между собой своеобразный баланс, борясь тем самым с проклятием Хаоса-отца.

Они также решили дать спиритам то, что позволило бы им жить, радоваться и процветать в новом мире.

Паладайн наделит их стремлением организовывать, регулировать, контролировать. Это поможет им уменьшить степень зависимости от внешнего мира, поможет упорядочить жизнь.

Такхизис поделится с ними честолубием и неумным желанием, для того чтобы спириты не ограничивались только подчинением себе мира, но делали его лучше и совершенствовали самих себя.

Гилеан предоставит им право выбора: у существ будет свобода принимать свое собственное решение.

Все эти вещи сами по себе хороши, но только до того момента, пока не начинают видоизменяться, переходить в свои крайние формы.

Стремление упорядочивать, контролировать со временем обращается в боязнь что-либо менять, в нежелание и подавление нового.

Честолубие перерастает в оголтелое желание властвовать, поработать. Неумность желаний ведет к одержимости, которая проявляется в жадности, скупости, похоти, зависти.

Крайней формой свободы является анархия.

По воле воображения богов спириты обрели физическое воплощение. Любимой, идеальной, расой Паладайны стали эльфы, для которых нет большего удовольствия, чем видеть природу подконтрольной,

преобразованной по своему разумению. Живут они долго и почти не меняются с течением времени.

Такхизис стала покровительницей расы необычайно красивых созданий, толь же честолюбивых и эгоистичных, как она сама. Это были людоеды-великаны. Чем больше они жаждали и возжелали, тем быстрее утрачивали свою прежнюю исключительную красоту. По мере того как рос аппетит их желаний, красота утрачивала прежнюю исключительность. Но они были сильными и мощными.

Мы, эрды, вполне можно сказать — творение Такхизис, так как изначально сами являлись людоедами-великанами. Мы из числа тех, кто, еще будучи людоедами, видели, что происходит, и обратились за помощью к Паладайну. Он посодействовал нашему разрыву с Королевой Тьмы, но стоило нам это очень дорого. Чтобы снова не впасть в соблазн желаний, нам пришлось исключить какое-либо соседство с другими расами. Нам предстояло стать отшельниками, находящими уладу в таком образе жизни, хранителями одиночества. Даже общение, необходимое для производства потомства, должно было превратиться в мучительное испытание. Но мы пошли на эти условия, лишь бы не уподобиться участи племени людоедов. И так сложилось, что мир почти ничего о нас не знает, а то, что ему известно, далеко от действительности.

Результатом творения Гилеана стали люди. У них самый непродолжительный срок жизни, и они более всех склонны к переменам.

Хаос-отец, потехи ради и для большего беспорядка и сумятицы, создал животных. Он немало обескуражил своих отпрысков тем, что многих из этих тварей наделил, в сравнении со спиритами,

очевидными преимуществами. Так возникли драконы, долго живущие, чрезвычайно опасные существа, обладающие разумом, большой силой и способностями к магии.

С появлением драконов на Кринне его обитатели вынуждены были либо сражаться с ними, либо выступать на их стороне.

Таким образом, в мире почти установилось равновесие. Эльфы считали себя воплощением «добра», людоеды для всех олицетворяли «зло». (Любопытно отметить, что с точки зрения людоедов все было как раз наоборот.) Люди, оказавшись между этими полюсами, периодически становились союзниками то тех, то других.

В итоге люди, совместившие в себе честолубие, стремление властвовать, необъятность желаний, свободу выбора, — явились теми существами, которые, то с выгодой для себя, то себе во вред, продолжают со времени своего возникновения создавать и разрушать, менять и видоизменять. Это называется прогрессом.

Тогда же появляется магия... Дети богов росли вместе и поэтому подружились: Солинари — сын Паладайна и Мишакаль, Нуитари — сын Такхизис и Саргоннаса, и Лунитари — дочь Гилеана. Все боги обладают магической силой, но в этих детях склонности к волшебству проявились особенно ярко, благодаря их самоотдаче и любви к искусству магии. Общее пристрастие их крепко связывало между собой, несмотря на то что во всем остальном они были очень несхожи.

С началом Войны Всех Святых дети оказались в затруднительном положении: каждый из родителей требовал себя поддержать. Но молодежь беспокоило то, что война может погубить магию.

Они, поклявшись до конца оставаться верными своей страсти и не изменять дружбе, покинули пантеон богов и, приняв образы смертных, объявились на Кринне.

Каждый из них нашел среди смертных последователя и наделил его даром творить чудеса. Этот дар мог передаваться от одного другому, и в случае необходимости смертный, им обладающий, имел возможность обратиться к богам за помощью. Вскоре братья с сестрой оставили Кринн, но их влияние на мир не утратилось. Они вознеслись в небо, и каждый немигающим оком наблюдал, как смертные пользуются их дарами. Прозвали эти неусыпно бдящие «глаза» — три луны Кринна — так: серебряная луна — Солинали, красная — Лунитари и невидимая (ни для кого, исключая последователей) — Нуитари.

Мы, эрды, обладаем необыкновенно мощным магическим потенциалом, но не знаем, что является его источником. Мы не имеем никаких дел с волшебниками Кринна, и те считают нас «отступниками». Нас считают угрозой вашим порядкам. Одной из многих причин, по которой мы напрочь избегаем контактов с другими расами, была и остается наша магия. В жизни эрдов она играет первостепенную роль. Магия — в нашей крови. Она так же свойственна нам, как слух, вкус, зрение, обоняние и осязание. Никто ведь не спрашивает нас, как мы видим. Зачем в таком случае требовать от нас объяснения, как мы «творим чудеса».

Но я отклонился от повествования...

Новый мир был столь же юн и необуздан, как и существа, его населявшие. Эльфы с усердием осваивали свою часть созданного пространства, лю-

доеды — с не меньшим рвением — свою. Люди блуждали в поисках себя, не зная, куда приложить свои силы. Одиноким бог Реоркс предложил им свою помощь. Считают, что Реоркс только тогда чувствует себя счастливым, когда нянчится и возится со смертными.

Реоркс обучил людей многому из того, что умел сам, в том числе и кузнечному делу. И эльфы и людоеды нуждались в железных орудиях, но ни те, ни другие понятия не имели о том, как их изготавливают. Они шли к людям и покупали инструменты из металла и оружие. Те не на шутку возгордились своим умением добывать металл и делать из него полезные вещи, забыв, что всем обязаны Реорксу. Однажды, когда он, как обычно, появился среди них, одни просто сделали вид, что не заметили его, другие сыпали колкостями относительно его небольшого роста, а третьи принялись смеяться над его пристрастием к ремеслу, которое им же самим приносило выгоду.

Реоркса обуял гнев. Он проклял этих людей, лишил всех навыков и способностей, оставив только тягу к изобретательству и конструированию. Он заявил, что отныне эти гордецы, шутники и насмешники сморщатся и усохнут до таких размеров, что сами превратятся в объект для высмеивания. Так появились на свет гномы-механики.

В этот период — известный как Великие Сумерки — существовавшее до сих пор равновесие в мире заколебалось. Люди, перестав довольствоваться тем, что имели, обратили свой взор на то, чем располагали их соседи. Подначиваемые Такхизис людоеды воспылали желанием властвовать. Эльфы хотели, чтобы их просто оставили в покое, но сражаться были готовы.

Желая усилить свое влияние на людей, подчинить их, Такхизис вовлекла в зреющую интригу бога Хиддукеля — дельца и торговца, продавца и менялу. Хиддукель смекнул, что неустойчивое равновесие — хорошая возможность приумножить собственную силу и укрепить власть. Время войны — это изготовление нового оружия, доспехов, поставки фуража и продовольствия, это, в конце концов, торговля душами павших в этой войне. Из всего можно извлечь выгоду.

В надежде посеять еще большую сумятицу Хиддукель отправляется к Чизлев, хозяйке лесов, богине природы. Очень убедительно он внушает ей, что всеобщая гибель не за горами.

— Не сегодня-завтра вспыхнет война, — скорбно произнес Хиддукель. — Что будет с природой?! Леса пожгут, поля вытопчут, источники поотравляют. Нам нужно раз и навсегда остановить междоусобицу... во имя природы!

— А какой тебе-то с этого прок? — удивилась Чизлев. — Я никогда не поверю, что тебя волнует судьба зверушек.

— Хоть бы кто-нибудь не усомнился, что и у меня есть сердце, — жалостливо проговорил Хиддукель.

— Еще бы не усомниться...

— Если хочешь знать — война плохо скажется и на финансах. Цена золота упадет. Оно фактически обесценится. Прекратятся фермерские поставки на рынки... К тому же я очень люблю зайцев.

— Разве что поданных к столу.

Чизлев вздохнула.

— И все же кое в чем ты прав. Я обратила внимание на сложность отношений между расами и не могла не беспокоиться. Я пробовала поговорить с

Гилеаном, но что толку! Он не поднимает головы от своей книги — и все пишет, пишет и пишет.

Хиддукель фыркнул.

— Тогда пойди к Такхизис... Либо она с супругом любитесь битвой минотавров, либо занята тем, что насылает мор, голод, наводнения. Ей тем более не до нас.

— Что ты предлагаешь? Я думаю, у тебя есть план.

— Ты все правильно понимаешь, моя дорогая подруга, благосклонно относящаяся только к зелененьким деревцам. Согласись: если бы нейтралитет царил в мире, то равновесие никогда бы не нарушалось.

— Ну, допустим, — осторожно проговорила Чизлев, не доверяя Хиддукелю и в то же время видя резон в его словах. — Но я не знаю...

— Полно. Пойди к Реорксу, попроси его создать некий драгоценный камень, внутрь которого была бы помещена квинтэссенция нейтральности, ее сущность. Камень стал бы своеобразным якорем, удерживающим корабль мира на рейде нейтралитета, дающим гарантию, что его не унесет в море «добра» или «зла»... А гавань благоденствия — вот она, рядом.

— Предположим, Реоркс создаст камень. Что делать дальше? Отдать тебе на хранение?!

Хотя Чизлев была мягким, покладистым божеством, но все же нередко подшучивала и ерничала, находясь в компании Вечных. А уж Хиддукеля и подавно не могла не куснуть или кольнуть.

— Силы небесные! Ни в коем случае! — как будто перепугался Хиддукель. — Зачем мне такое бремя!.. Передадим кому-нибудь из твоих наперсников. По-моему, это было бы разумно, м-м?

Чизлев буквально просвечивала Хиддукеля взглядом, но ничего, кроме обезоруживающей невинности и подлинной озабоченности будущим мира, она не обнаружила. Говорят, сама Королева Тьмы, связавшись с Хиддукем, не раз оставалась в проигрыше.

Результатом беседы стало то, что Чизлев, приняв образ смертного, покинула свои леса и отправилась странствовать. Увиденное серьезно встревожило ее. По ночам из кузниц лилось багровое сияние. Эльфы не могли налюбоваться новыми мечами, люди подсчитывали выручку, людоеды упражнялись в отрубании голов. Чизлев поняла, что действовать нужно без промедления.

Поначалу она хотела обсудить создавшееся положение с супругом, богом Зивилином. Он способен обзирать любые пространства, переноситься в прошлое или будущее. Однако по своему опыту Чизлев знала — добиться от супруга прямого ответа — «да» или «нет» — очень трудно. Всегда выходило так, что Зивилин, способный видеть последствия того или иного замысла, решения, поступка, в конечном итоге вообще отказывался что-либо делать.

И Чизлев, решив действовать самостоятельно, отправилась к Реорксу.

Одинокого бога никто никогда не посещал, и ему было необыкновенно приятно видеть у себя Чизлев, гостью особенную — обладательницу утонченной красоты и деликатных манер. В свою очередь Чизлев польстило внимание Реоркса, который мило смущался и смешно суетился, не зная, что предложить гостье к чаю.

Чизлев вдруг почувствовала укол совести: Реоркс был таким одиноким, все им так пренебрегали. И

она дала себе зарок отныне наведываться к Реорксу. Допив чай, она изложила свою просьбу.

Он почел бы за счастье ее исполнить. Нет ничего проще. Ей нужен камень? — будет камень. Хоть сотня. И самые лучшие.

Краснея, Чизлев объяснила, что ей нужен только один камень, но тот, в котором была бы заключена сущность нейтральности.

Реоркс, теребя бороду, сдвинул брови, задумался.

— И что это будет, если поточнее? — спросил он.

Чизлев замялась:

— Гм... Суть нейтральности...

— Хаос? — предположил Реоркс.

Обдумывая свой ответ, Чизлев с опаской по-смотрела по сторонам: а вдруг Отец Всего и Ничего, олицетворение Хаоса, их подслушивает.

— Как ты думаешь, можем мы позаимствовать хоть немного этой субстанции? Только чуть-чуть... Чтобы установился нейтралитет в мире.

— Госпожа Чизлев, считай, что все уже сделано, — с очаровательной самоуверенностью заявил Реоркс. — Кому мне его передать?

Чизлев задумалась.

— Отдай его Лунитари. Она ближе всех к смертным и постоянно принимает участие в том, что происходит в мире. Лучшего хранителя не найти.

Реоркс согласился. Он поцеловал руку Чизлев, запнулся за ножку дивана, разбил чайное блюдце и с горящим лицом, будто факел, поспешно удалился в кузницу.

Чизлев, успокоенная и благодарная, вернулась к себе в леса.

Каким образом Реоркс умудрился «позаимствовать немного Хаоса» и заключить его внутрь камня,

никто никогда не узнает. Он создал то, что мы теперь зовем Серым Бриллиантом, и передал его на сохранение Лунитари. Плененная творением Реоркса, Лунитари отвела ему место в самом центре красной луны. Она старалась не упускать его из виду, поскольку Бриллиант имел одно необычное свойство: стоило кому-либо взглянуть на камень, как у него возникало желание непременно завладеть им.

Не избегал этой напасти и его создатель — Реоркс, обнаруживший, что у него пропал сон и он грезит о камне днем и ночью. Он вновь нанес визит Лунитари и, робея, попросил вернуть ему Бриллиант.

Лунитари отказала Реорксу. Она уже сама прикипела к камню. Ей доставляло огромное удовольствие, проснувшись, любоваться его свечением.

Помучившись некоторое время, Реоркс решил вернуть камень иным путем. Он принял образ смертного и появился у гномов-механиков. Среди них он выбрал умеренно рьяного гнома, не до конца беспринципного, и во сне явил перед ним Серый Бриллиант.

Что и говорить, тот тут же возжаждал камень. Все прочие желания перестали для него существовать. Впрочем, за одним исключением — больше всего на свете ему хотелось иметь револьверную, с паровым приводом отвертку. Но поскольку с последним желанием у гнома не складывалось, ничего не оставалось, как употребить все силы на то, чтобы заполучить Серый Бриллиант.

Как ему это удалось — предмет другого рассказа. Стоит лишь упомянуть, что его дерзкий шаг потребовал технического оснащения в виде волшебной лестницы, всевозможных лебедок, шкивов и блоков, магического сачка и некоторой поддержки со стороны Реоркса.

Проныра-гном завладел камнем во время недолгой отлучки Лунитари.

— Это как раз то, что мне нужно, — сказал гном-механик, восхищенно разглядывая Бриллиант. — С его помощью заработает мой ротационный комбинированный резчик для шинковки овощей и фруктов... и для подравнивания бороды.

Изобретатель-гном уже собрался было приспособить камень к своему механизму, но тут появился Реоркс, в облиции соплеменника, и потребовал Бриллиант.

Пока Реоркс и прощелыга-гном выясняли отношения, камень выскользнул из волшебного сачка и...

Этот случай стал первым свидетельством, что Бриллиант представляет собой нечто большее, нежели могли вообразить Реоркс, Лунитари, ушлый гном или кто угодно другой.

Реоркс с изумлением наблюдал, как Серый Бриллиант скользит по воздуху. Попытка догнать его, предпринятая им и гномом-механиком, успеха не имела. Камень буйствовал по всему Кринну, оставляя за собой смятение и полную неразбериху. Он преобразил животных и растения, вывернул наизнанку заклинания магов, всех и вся переполошил.

Боги теперь знали о существовании Бриллианта. Паладайн и Такхизис были в ярости оттого, что Реоркс с ними не посоветовался. Чизлев, глубоко пристыженная, признала свое участие в интриге, не забыв упомянуть и о Хиддукеле. Тот лишь пожал плечами и заржал как жеребец.

Его замысел сработал, о равновесии теперь не могло быть и речи. Эльфы намеревались воевать с людьми; те, в свою очередь, готовились к войне с эльфами; людоеды горели желанием сразиться с кем бы то ни было.

О перипетиях, связанных с Серым Бриллиантом, можно говорить долго. Буду краток.

Человек по имени Гаргат ухитрился-таки овладеть камнем. Он держал его в своем замке, оснащенном самыми различными магическими устройствами. (Я, однако, придерживаюсь мнения, что Бриллиант сам отдался ему в руки. Кроме того, мне не пришлось сталкиваться с такого рода магией, которая бы могла воспрепятствовать Серому Бриллианту.)

Гномы-механики, десятилетиями домогавшиеся камня, искавшие его следы, в конце концов осадили замок Гаргата. Осада (явно случайно) увенчалась успехом. Но дорвавшиеся до камня гномы затеяли свару: одни хотели тут же сломать «эту штуку», поскольку сгорали от любопытства — что там внутри; другие предлагали забрать камень с собой и тайно от всех хранить в сокровищнице.

Внезапно место ссоры залило ослепительное серое сияние. Когда глаза снова смогли видеть, обнаружилось, что гномы-механики дерутся друг с другом. Но самым поразительным было их преобразование: те гномы-механики, которые хотели упрясть Бриллиант вместе с другими сокровищами, превратились просто в гномов, те же, кто интересовался содержимым камня, — стали кендерами.

Посчастливилось тем, кто находился за внешней стеной замка и возился с новым осадным изобретением — вращающимся скорострельным арбалетом Гатлинга (выдумщика звали Луснат Гатлинг). Эти остались сами собой. Они решили, что свет исходил от масляного канделябра, специально созданного для подсветки поля боя в ночное время. Такой канделябр поднимался в воздух с помощью наполненного газом шара. Газ также являлся последним новшеством. Думаю, нет надобности описывать замысловатый

метод получения такого газа, скажу лишь, что для этого были использованы лимонный сок, куски металла, вода...

Бриллиант снова исчез из поля зрения. И не только Реоркс делал попытки напасть на его след, но все было напрасно.

Время от времени камень оказывается у людей. С какой целью он позволяет им владеть собой? Может быть, ради развлечения. Но когда ему наскучивает их возня, он ускользает вновь.

В настоящий момент Серый Бриллиант у нас. Мы будем первыми, кто подчинит его. По крайней мере, так заявил Вершитель. Этой ночью он расколел камень, чтобы заставить его магическую силу защитить нас, наш остров.

На этом заканчивалось послание к Даламару, написанное аккуратным почерком Заста. Чуть ниже была приписка, но буквы уже прыгали, будто рука писавшего дрожала. Она предназначалась Аше.

С тобой моя любовь и мои молитвы, дитя не плоти, но души моей. Молись за нас.

Аша надолго задумалась над припиской... Ее с самого начала веселили некоторые места истории о сотворении мира. Кроме того, Заст частенько развлекал ее рассказами про гномов-механиков. Он их называл «сказы о гномах». Иногда у него на лице мелькала улыбка — как правило, при описании невероятных механизмов гномов... Аша улыбнулась, вспомнив о чем-то смешном, но улыбка тут же сошла с лица.

Могла ли она понять, откуда надвигается опасность?

Нет... Вот Заст понимал и видел ее. И поэтому он дал ей свиток. Эрды в отчаянии. Внезапное

появление чужаков, их бесцеремонное, наглое вторжение не на шутку испугало их. И они собрались действовать, чтобы защитить тот уклад жизни, который существует не одно поколение.

Аша уронила письмо на колени. Слезы, подступившие к глазам, уже не были слезами жалости к самой себе. Теперь это были слезы нежности и любви к взрастившему ее человеку. Как считают эльфы, у таких слез другой источник, они идут от сердца. Вызванные болью, они эту боль и успокаивают.

Беззвучно плача, утомленная и убаюканная волнами и ровным гудением снастей, Аша уснула.

5. Алтарь и Серый Бриллиант. Гном опаздывает. Камень расколот

Вершитель направлялся к алтарю. Небо было безлунным. Даже Лунитари, по легенде, не потерявшая надежды на возвращение камня, отсутствовала на небосклоне.

Все эрды оставались дома. Они погрузились в магию, направляя ее силы в помощь Вершителю. Каждый священнодействовал в одиночку. Эрды полагали, что в одиночестве — источник силы. Когда вместо одного — множество, откуда возьмется собранность, сосредоточенность, энергия.

Алтарь, на котором покоился Бриллиант располагался в центре острова, неподалеку от поселка. Впрочем, вряд ли представитель другой расы рискнул бы назвать поселком беспорядочно тут и там разбросанные домики. Эрды не мостили улиц, у них не было базаров, они не открывали клубов по интересам. Не строились замки и дворцы, гостиницы и таверны. Были только жилые домики, раскиданные наугад, возведенные там, где захотелось их владельцам.

Алтарь, обшитый полированным деревом, с вырезанными на нем замысловатыми древними символами, был расположен на поляне, в окружении семи гигантских сосен. Эти деревья в свое

время с помощью магии переправили с Ансалона, где они росли в неведомом никому месте. Соснам было так много лет, что, вполне вероятно, они застали ту пору, когда Серый Бриллиант в первый раз ускользнул от Реоркса. Казалось, сосны бдительно стерегли камень. И в самом деле, стоявшие тесно, одна к одной, они являли собой прочный заслон из стволов, переплетенных ветвей и сучьев, сквозь который даже божеству не просто было бы пробраться.

Вершитель остановился перед деревьями и спросил позволения пройти к алтарю.

Сосны пропустили его на священную поляну, вновь сомкнув за ним свои ветви. Разлапистые и густые, они образовали своеобразный навес, сквозь который не просматривалось ни единой звездочки. Отсюда Вершитель не мог видеть ни Такхизис, ни Паладайна, следовательно, и для них был невидим. В столь укромном месте никто не мог помешать эрду.

Мрак на поляне был бы полный, если б от камня не исходил слабый мреющий свет.

«Словно он на что-то обижен», — подумал Вершитель. Хотя света камень давал вполне достаточно — Вершителю вовсе и не требовалось столько. Если бы он захотел, то мог бы устроить на поляне светлый день, но в таком случае, возможно, привлек бы к себе чье-либо внимание. Кто-нибудь из богов наверняка заинтересовался бы происходящим.

Максимально собравшись, он подошел к алтарю. Его собранность включала и чувство упоения, что он сейчас — один на один с камнем. И все же Вершитель ощущал в себе и присутствие соплеменников, всех и каждого, посылаемых ими магических токов. Он вбирал в себя эти токи, эту энергию.

Вершитель взял камень в руки и стал пристально его рассматривать.

Нельзя сказать, что держать Бриллиант доставляло большое удовольствие. Он был одновременно острым и гладким, теплым и холодным. Казалось, камень хочет высвободиться из рук Вершителя. Сероватое свечение усилилось и в конце концов стало причинять боль глазам. Вершитель направил на Бриллиант поток магической энергии, и свечение ослабло, камень подчинился. Пальцы эрда ощупывали края и грани реликвии, исследуя, выискивая. Наконец Вершитель обнаружил то, что привлекло его внимание с самого начала и что послужило толчком к дальнейшим действиям: еле ощутимая бороздка, изъяз, а точнее — шербина.

Проще было почувствовать ее пальцами, нежели увидеть. Как в янтаре можно иногда обнаружить насекомое, так и в структуре Серого Бриллианта в период его образования оказалось нечто чужеродное. Посторонняя субстанция, попавшая в камень (как полагал Вершитель) в момент кристаллизации, сама по себе чем-то особенным не являлась. Но существенным было то, что она теперь представляла собой уязвимую зону. В этой точке камень начнет колотиться.

Вершитель положил Бриллиант на алтарь. Древние символы на его обшивке составляли заклятие, державшее, словно узда, камень в повиновении.

Вершителю казалось, что в его магических усилиях нет необходимости — Бриллиант без всякого принуждения со стороны эрда оставался на алтаре. Однако ему нужна была полная уверенность, что камень управляем, и он усилил свое магическое воздействие.

Бриллиант теперь находился внутри искрящегося объема совокупной магической энергии эрдов. Вершитель взял в руки инструменты — серебряные молоточек и зубило, изготовленные в лунном свете Солинали. На инструментах лежала печать колдовских чар. Вершитель поставил острие зубила на место щербинки и, крепко удерживая инструмент, занес над ним молоточек. Сейчас он вбирал и фокусировал энергетические токи всех эрдов. Затем последовал резкий и сильный удар по зубилу.

В нескольких лигах * от поселка эрдов к берегу пристал бот. Это было весьма необычное судно, поскольку острова оно достигло не морским путем. Оно спустилось с небес, а точнее — с красной звезды, единственной красной звезды на небе. Ботом правил гном, черноволосый и чернобородый. Удивительное зрелище, учитывая, что никто и никогда прежде не видел такого гнома, который позволил бы себе путешествие по воздуху. К сожалению — а может быть, как раз на это и рассчитывал воздухоплаватель, — свидетелей его приведения-приземления не нашлось. В том числе и среди эрдов, мысли которых были сконцентрированы на Сером Бриллианте.

Что-то ворча себе под нос, гном выбрался из бота и тут же по колено увяз в сыром песке. Поругиваясь вполголоса, он преодолел линию прибой и направился к лесу.

— Так вот где это воровское логово, — бормотал он себе в бороду. — Мог бы догадаться. Так

* 1 лига (league) = 4,83 км

долго скрывать от меня мое сокровище, мое детище. Но я заполучу его! Что мне Паладайн?! Им придется его вернуть или — клянусь бородой! — мое имя не Реоркс.

В ночи раздался звук, ясный и мелодичный, будто металлом ударили о металл.

Реоркс, прислушиваясь, замер.

— Хм... Странно. Вот уж не подумал бы, что эрды увлеклись кузнечным делом. — Он потерял бороду. — Вполне возможно, что я их недооценил.

Звон удара донесся вновь. Да, определенно — это кузнечный молот. Но почему в звуке отсутствует глубина?.. Даже обычный гном вряд ли убедил бы себя, что эрды занялись изготовлением подков и гвоздей. Может быть, это работает серебряник? Да. Пожалуй, это звук серебра. Чайный сервиз? Украшения?

В глазах гнома промелькнул свет догадки: это делают оправу для драгоценностей.

Бриллиантов...

Одного бриллианта. И удар молотка означал...

Страх охватил Реоркса — страх, которого он никогда не испытывал.

Он буравил взглядом толщу темноты; возможности его зрения были таковы, что в крошечной тьме ночи Реоркс мог увидеть обретенную на улицах города монету, — города, находящегося неизмеримо далеко от него самого. Но перед заслоном из волшебных сосен его зрение пасовало.

Спотыкаясь, цепenea от ужаса, весь в холодном поту, гном двигался вперед. То, чего он страшился, обретало лишь смутные очертания в его сознании. Поводом для страхов было неуловимое, неясное подозрение, о котором он не говорил никому, му-

чившее, не дававшее ему покоя уже сотни лет. Попробовать понять, доискаться до сути страхов — на это у него не хватало отваги: ответ мог оказаться слишком ужасным.

В голову пришла мысль — не обратиться ли за помощью к Такхизис, Паладайну или Гилеану. Но тогда ему пришлось бы объяснить причину своих страхов. К тому же оставался шанс, что ему удастся помешать эрдам. Если у них не хватит благоразумия отказаться от безумных действий, то у кого тогда хватит?!

Была также надежда, что все его опасения напрасны и он попусту беспокоится.

Гном ускорил шаг, впереди стал виден серый колеблющийся свет.

— Долго вы от меня не сможете прятаться, — почти выкрикнул он и пошел напролом, не отводя глаз от света, не обращая внимания ни на какие препятствия. Он цеплялся за выступавшие из земли корни, поскользнулся на влажном мху, продирался сквозь густорастущий кустарник. Гном создавал столько шума, что эрды, выйдя из оцепенения медитации, уже представляли себе закованных в броню рыцарей. Они совсем пали духом и умоляли Вершителя поторопиться.

Реоркс вышел к семи соснам. За их тесной оградой находился источник его тревог. Он попытался с ходу одолеть преграду, но не тут-то было. Сосны напоминали воинов в боевом порядке, плотно сомкнувших щиты. Тяжело дыша, проклиная все и вся, гном кружил вокруг сосен в поисках прохода.

Раз от раза интенсивность ударов серебряного молоточка возрастала. После каждого из них свет слабел, но затем вновь усиливался.

Реоркс уже понял, что именно происходит за сосновым забором. И эта определенность только подстегнула чувство страха. Он призывал прекратить безумство, но его не слышали.

С трудом дыша, с ног до головы в поту, гном замер перед соснами.

— Клянусь желтым огнем моего горна! Если вы не пропустите меня, я вырву ваши корни, иссушу ветви, сгною сердцевину.

Колыхнулись ветви, закрепили сучья; деревья содрогнулись, давая проход.

Боком, краснея от натуги, Реоркс протиснулся между стволами. В тот момент, когда он, шатаясь и жмурясь от яркого света, вышел на поляну, Вершитель нанес по камню последний, роковой, удар.

В ночи раздался громopodobный треск. Свечение достигло той степени, которая сравнима лишь с затянувшейся вспышкой молнии. Даже Реоркс, привыкший к огню своего горна (смертным он видится как красная звезда), вынужден был закрыть глаза. Вершитель, стиснув руками голову, пронзительно закричал. Затем оборвал крик и со стоном рухнул на землю около развалившегося на куски алтаря.

Свечение внезапно прекратилось.

Гном рискнул открыть глаза.

Место, где находился алтарь, погрузилось в темноту, но темноту не обычную. Это был глубокий мрак — зловещая леденящая пустота.

Реоркс ее узнал: он из нее родился.

В охваченном паникой сознании шевельнулась мысль, что, может быть, есть шанс воссоздать камень. Однако Реоркс не мог сдвинуться с места, сделать хотя бы один шаг. Его ноги весили сейчас

столько же, сколько весь сотворенный им мир. Тогда он попытался голосом предупредить обитателей неба о надвигающейся опасности, но язык не ворочался. Он ничего не мог сделать. Оставалось рвать от бессилия бороду и ждать, что последует дальше.

Мало-помалу черная пустота перед ним начала оконтуриваться, обретать форму. Она сгустилась наконец до очертаний смертного, человека. Но размеры его были грандиозны — он возвышался над соснами.

С ног до головы его облегали доспехи. Шевелюра и борода яркостью могли поспорить с огнем. Глаза — два провала мрака, и во мраке — неистово пляшущее пламя гнева.

Ноги у гнома сами собой подкосились.

— Он! — весь трепеща, выдохнул Реоркс.

Колосс разразился смехом. Круша сосны, он поднял руки. Кончиками пальцев дотянулся до облаков. Все в ужасе замерло.

— Свободен! Наконец-то свободен! — расстался с этой гнусной кубышкой...

Гигант поднял голову к звездам.

— Эй, мои дражайшие детки! — зарокотал он. — Я пришел к вам в гости! Неужели у вас не найдется для меня ни одного приветливого слова?!

Окрестности снова сотряс взрыв хохота.

Несмотря на оцепенение и ужас, пользуясь тем, что гигант его еще не заметил, Реоркс на четвереньках подполз к тому месту, где был алтарь.

Среди его обломков валялись и две половинки Бриллианта. Эрд лежал тут же, недвижимый, но живой. Чем Реоркс мог ему помочь? — спастись бы самому. Нужно как-то предотвратить бедствие. Но как? Гном торопливо забросал обломками ал-

таря то, что когда-то называлось Серым Бриллиантом, и бросился под укрытие сосен.

Колосс почувствовал движение у себя под ногами, наклонил голову и увидел гнома, пытавшегося затеряться в гуще деревьев.

— Рассчитываешь улизнуть от меня, Реоркс?.. Жалкий, неблагодарный божок!

Гигант склонился над съжившимся гномом. Из его бороды на ветви сосен посыпались искры. Почти тотчас в местах падения появились струйки дыма.

— Ну, червь... Обрек меня на плен и думаешь, ты самый умный?!

Реоркс робко поднял глаза на гиганта:

— Так... так уж получилось... искренне чтимый, Отцом Всего...

— ...и *Ничего*, — сделал злое ударение гигант.

— Э-это вышло случайно, — заикаясь, продолжал Реоркс. — Я работал с камнем, и мне нужно-то было совсем малую толику хаоса, когда... Я до сих пор не пойму, как это могло произойти, но, похоже, в камне оказался ты.

— Но почему ты не вызволил меня?

Гигант гневно дыхнул на гнома.

— Да я бы обязательно вызволил, — кашляя от густеющего дыма, оправдывался Реоркс. — Поверь, я бы освободил тебя и тогда и после того, если бы знал, что на самом деле случилось. Но я не знал... Клянусь тебе! Я...

— Не строй из себя наивного идиота.

От дыхания исполина вокруг гнома вспыхнула трава.

— Ты и мои неблагодарные чада сговорились заточить меня. Разве я похож на того, с кем может

справиться один жалкий божок-замухрышка?! Только все вместе, объединившись, вы могли со мной сладить. Да, вы сумели упрятать меня, но и только. Я порядком насолил и куклам и кукловодам. И все это время я выискивал среди них такую марионетку, которая помогла бы мне выйти из плена. И что же — я нашел ее.

Гигант посмотрел на Вершителя. Затем небрежно наступил на него. Раздался хруст костей, и изпод ноги брызнула кровь: Вершитель превратился в отвратительное дымящееся месиво.

Испытывая приступ дурноты, Реоркс отвел глаза от жуткой картины. Он был уверен, что участь Вершителя не минует и его.

Колосс догадывался, о чем думает гном. Вид корчащегося Реоркса доставлял ему огромное наслаждение.

— Да. Мне хочется размазать и тебя, но не сейчас.

Гигант переключил свое внимание на небо.

— Вы не захотели оказывать отцу должного почтения, — сказал он, потрясая кулаком. — Отказались от моей опеки. Вам вздумалось жить по-своему. Вы «сотворили» мир и расплодили в нем этих дурацких кукол. Ну что ж, детки, — я дал вам жизнь, я ее и заберу. Сейчас я еще слаб, так как вынужден был принять образ смертного. Но силы мои восстанавливаются. Когда я окончательно приду в себя, то разнесу в клочья все, что вы тут «навытворяли». Вы снова уйдете в Ничто, откуда по моей милости появились. Знайте же, мои дорогие чада: Отец Всего и Ничего — вернулся.

Хаос-отец обратился к Реорксу:

— Ты отправишься и передашь им то, о чем я сказал. Предупредишь, что их ждет. Уверен, меня

позабавят их попытки уйти от возмездия. Расскажи им, что ты увидел.

Хаос-отец вырвал огненную прядь из своей бороды и бросил ее на деревья. Одна за другой сосны занялись пламенем. Предвкушая великий пир, огонь жадно метался. Деревья корчились в агонии.

Реоркс беспомощно стоял на коленях среди этого дьявольского беснования пламени.

Большому огню необходимо большое количество кислорода; при этом образуются вихревые потоки воздуха, еще больше подстегивающие огонь.

Покончив с соснами, пламя переметнулось дальше.

Буквально за считанные минуты неистовый шквал достиг поселка эрдов.

Среди треска и завывания, среди свистопляски дьявольского пира Реоркс слышал крики сгорающих заживо эрдов. Закрыв лицо руками, он оплакивал гибнущее племя... будущее этого мира.

Заступник, как и прочие эрды, знал, что Вершителю мертв. Им овладела полная апатия и безразличие ко всему вокруг. Он слышал гул, похожий на речь, отдельные слова, но смысл их был слишком ужасен и чудовищен для понимания. Затем из окна он увидел багровое зарево. Очень скоро оно приблизилось. Воздух накалялся.

На крышу дома Заступника посыпались искры, горящая хвоя, ветки. Через минуту она задымилась. Не зная, что предпринять — и нужно ли вообще, — он высунулся наружу.

Показалась группа эрдов, пытающихся с помощью магических заклинаний остановить катастро-

фу. Вызванный волшебством дождь тотчас превратился в пар. Эффект от града был почти столь же недолгим. Тогда эрды сделали попытку использовать ветер, но неправильно выбранное направление привело к плачевным результатам. Заступник наблюдал, как одного за другим эрдов поглотил огонь.

Из горевшего поодаль дома выбежала хозяйка. Она кричала, что спастись можно на берегу.

Пламя уцепилось за подол ее юбки, и через секунду она была живым факелом.

Крыша уже полыхала вовсю. В одной из комнат рухнул потолок. Заступник кашлял и задыхался. Еще различая сквозь дым кое-какие предметы, он отыскал самую дорогую для него вещь — куклу Аши. Он крепко прижал ее к груди и стал ждать конца.

А далеко в море в размеренно скользящей по волнам шлюпке здоровым сном спала девушка. Внезапно с севера суденышко настигли порывы горячего ветра, и оно начало крениться и зарываться носом. Аша, во сне почувствовав перемену в поведении шлюпки, открыла глаза. Первые мгновения она не могла понять, где находится, но, различив паруса, увидев над собой раскачивающееся звездное небо, все вспомнила.

Аша уловила отдаленный гром и еще раз окинула взглядом небо, полагая обнаружить признаки надвигающегося шторма. Она, впрочем, не опасалась даже бури — ведь ее хранила магия эрдов.

Там на севере, откуда она начала свое путешествие, Аша заметила странные отблески. Бледно-розовые поначалу, они превратились через некото-

рое время в ярко-красные всполохи. Должно быть, Вершитель в пике своей магической формы.

Сон окончательно оставил ее. Аша сидела на корме и не отрывала глаз от багрового колеблющегося пятна на горизонте.

Мало-помалу оно стало уменьшаться в размерах, пока не исчезло вовсе.

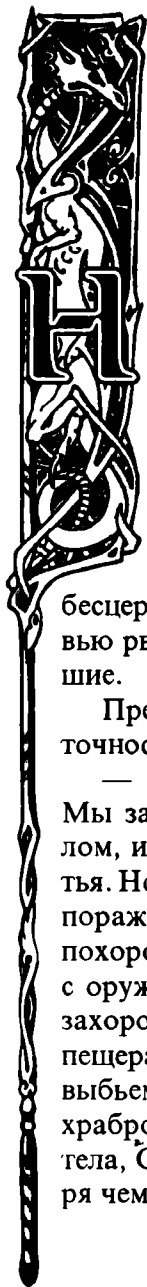
Аша улыбнулась: ну и силищу, должно быть, объединили эрды. Волшебство такой мощи не может не дать результатов.

— Тебе нечего будет опасаться, Заступник, — с нежностью в голосе произнесла Аша.

Неожиданно Аша ясно различила звуки рожков. Она обернулась.

Из-за горизонта показалось солнце, похожее на налившийся ненавистью глаз. На границе воды и неба багрово-золотым отливали шпиль Палантаса.

1. Почетная смерть. Единственный пленник. Роковая встреча

а берегу Торадинского залива лежали тела восемнадцати Соламнийских Рыцарей, — лежали в ряд, вместе со своими оруженосцами. Пали все до одного, и теперь некому было позаботиться об их погребении... кроме врагов.

Ветер беспечно прохаживался вдоль берега по нагретому песку, беспокоил траву, бесцеремонно заглядывал под пропитанные кровью рваные плащи, которыми были укрыты павшие.

Предводитель рыцарей-победителей следил за точностью исполнения обряда погребения.

— Они достойно бились, — произнес он. — Мы застали их врасплох, превосходили их числом, и, отойди они — в этом не было бы бесчестия. Но они вступили в бой, заведомо зная о своем поражении. Повелитель Ариакан распорядился похоронить их со всеми почестями, по одному и с оружием... Тут слишком болотистая земля для захоронения. Мне доложили, неподалеку найдена пещера. Мы похороним их в ней, вход замуруем, выйдем на камне эпитафию, соответствующую их храбрости, мужеству, доблести... Вы осмотрели тела, Светлый Меч. Нашли что-нибудь, благодаря чему мы могли бы узнать их имена?

— Есть один уцелевший, командир, — последовал ответ.

— В самом деле? Я об этом не знал.

— Белый маг, командир. Его захватили уже после стычки.

— Ну, да. Конечно, — не удивился офицер.

Маги держались в тылу войска, поскольку им не полагалось носить доспехи, иметь оружие. Находясь позади, они помогали сражающимся своими заклинаниями.

— Странно, что Соламнийские Рыцари стали прибегать к услугам чародеев. Раньше такого не было. Ну что же — времена меняются. Этот маг должен знать имена погибших. Доставьте его сюда. Мы перечислим их поименно, и это будет нашей данью уважения храбрым воинам. Где он сейчас?

— Он у Серых Рыцарей, командир.

— Пойдите и приведите его, Светлый Меч.

— Будет исполнено, командир.

Рыцарь удалился.

Поручение у него было совсем не простым. Дамба, где произошло столкновение с Соламнийцами, являлась теперь единственным тихим местом на северо-западном берегу Торадинского залива. На обширном пространстве темных песков обосновалось многочисленное войско и его обоз. Вдоль берега выстроились и терлись бортами корабельные баркасы. С небольшими промежутками подходили все новые и новые. Бруты под начальством рыцарей выгружали из баркасов и сносили на сушу тюки со снаряжением и съестные припасы — все, начиная от громоздких канатных бухт и бочонков с питьевой водой, кончая колчанами для стрел и щитами. Все снаряжение было помечено клеймом,

изображавшим мертвую лилию, — знак отличия рыцарей королевы Такхизис.

Лошадей на берег доставляли паромами; коноводы успокаивали животных, обещая им скорый конец путешествия. С воздуха высадка прикрывалась голубыми драконами, хотя Ариакан почти не опасался помех затеянному предприятию. Разведчики докладывали, что немногие жители ближайшего рыбацкого поселка — и те сгинули.

Конечно, о его вторжении станет очень скоро известно, но, пока соберутся силы, способные противостоять ему, пока они доберутся до побережья — его и след простынет. С окончанием высадки он намеревался скорым маршем двинуться на запад, чтобы захватить глубоководный порт Каламан. С его падением появится возможность высадиться другой части его армии. Ее снаряжение сейчас заканчивалось в Цитадели Бури, неприступной крепости, расположенной далеко на севере за Бурным океаном. Тогда количество войск будет достаточным для осуществления броска вдоль реки Вингаард и дальше — в глубь Соламнийского Поля.

Основная цель Ариака — овладеть тем местом, которое никогда еще никто не завоевывал, в котором он провел столько лет в качестве пленника — пусть и почетного, — оно так часто являлось ему в снах. И он не сомневался, что завоюет его. Будучи узником, он понял, в чем секрет силы Соламнийцев. (Он уже знал, в чем заключается их слабость.) Ариакан захватит Башню Верховного Жреца, а затем и весь мир...

Светлый Меч не без трудностей преодолевал скопление людей, животных, снаряжения. Окрики

командиров, ругань и проклятия тяжело нагруженных брутов, испуганно-ошалелое ржание лошадей, доносившийся сверху рев драконов — от всего этого можно было оглохнуть.

Солнце уже вовсю припекало. Погода стояла необычно жаркая для начала лета. Светлый Меч еще раньше снял часть доспехов, оставшись в нарукавниках и нагруднике с мертвой лилией... Он летал на драконе и поэтому в стычке на земле участия не принимал. По окончании столкновения Светлый Меч получил приказ позаботиться о погибших с обеих сторон.

Поручениенисколько его не смущало, так же как оно не смущало его командира, которому выпало возглавить процедуру погребения. Характерной чертой рыцарей Властительницы Тьмы было неукоснительное соблюдение дисциплины, что бы они ни делали.

Светлый Меч решил уточнить месторасположение Серых Рыцарей, воинов Торна, и после распросов мысленно порадовался тому, что они обосновались в небольшом лесу неподалеку.

«Этого следовало ожидать, — с улыбкой подумал он. — Я еще не встречал такого мага, который бы отказал себе в малейшем удобстве».

Светлый Меч оставил за собой перегретый и перенасыщенный движением и звуками берег и окунулся в весьма относительную лесную прохладу. Он помедлил с минуту, наслаждаясь тишиной и тенью, а затем продолжил путь. Ему хотелось поскорее выполнить поручение и покинуть это место, каким бы прохладным и приветливым оно ни казалось. Он начинал чувствовать обычные в таких случаях неуверенность и беспокойство, какие испытывает человек, не

имеющий дара магии, в обществе того, кто им обладает.

Рыцарей Торна он нашел на уютной сосновой поляне. Часть ее занимали большие деревянные ящики, испещренные кабалистическими значками и символами. Прислужники занимались содержимым ящиков, сверяя его со списками на пергаменте. От ящиков исходил липкий, тошнотворный запах, и рыцарь предпочел бы обойти их стороной. Его поразило, как сами работники выносят столь жуткое зловоние, — видимо, сказывалась привычка. Рыцари Торна никогда не признавали иную колдовскую утварь, кроме своей собственной.

Светлый Меч с отвращением поморщился, когда из одного ящика резко ударил в нос сладковато-едкий запах гниения. Короткого взгляда внутрь было достаточно, чтобы вызвать чувство омерзения. Он поспешно отвернулся, выискивая того, под чьим началом находились «эти навозные жуки».

В тени деревьев он увидел серо-белое пятно. В воображении Светлого Меча оно обрело сходство с белыми облаками, забеременевшими грозой. Должно быть, это тот, кого он ищет. Вполне уверенный в себе, но чуть волнуясь, Светлый Меч приблизился к магу высокого звания, оказавшемуся женщиной. Звали ее Черная Госпожа.

Он отсалютовал:

— Госпожа, я — рыцарь Светлый Меч. Послан своим командиром, рыцарем Тревалином, со следующей просьбой. Ему нужен на некоторое время ваш пленник, белый маг, с чьей помощью мы могли бы установить имена погибших врагов. Кроме того — узнать, на самом ли деле их было только восемнадцать.

Тревалина порадовали бы сведения, что кому-то удалось спастись и кто-то, может быть, затаился с намерением подстрелить рыцаря высокого ранга.

Черная Госпожа никак не отреагировала на приветствие рыцаря, и можно было с уверенностью сказать, что и просьба не доставила ей удовольствия... Ее возраст, вероятно, приближался к пятидесяти. Лилит когда-то принадлежала к Ложе Черных Мантий, но, как только появилась возможность, она сняла с себя обеты верности Ложе и стала служить Торну. Маги Ансалона считали ее отступницей и перебежчицей, в том числе и Черные Мантии. Кому-то это может показаться путаницей, ибо все чародеи были в услужении у Властительницы Тьмы. Но Черные Мантии в первую очередь служили Нуитари, богу черной магии, и только потом его матери — Такхизис. А Рыцари Торна состояли на службе только у Властительницы.

Черная Госпожа пристально посмотрела на Светлого Меча.

— Почему Тревалин послал именно тебя?

— Потому что именно я оказался под рукой, — ответил рыцарь, удивляясь странному вопросу.

Черная Госпожа свела брови.

— Иди и скажи своему командиру Тревалину, чтобы он послал кого-нибудь другого.

Светлый Меч недоуменно пожал плечами:

— Прости, госпожа, но я подчиняюсь приказам Тревалина. Если ты хочешь, чтобы я последовал твоему указанию, — прежде напрямую свяжись с моим командиром. Я подожду здесь, пока ты будешь этим заниматься.

Черная Госпожа еще больше сдвинула брови, но стоящий перед ней рыцарь, как выяснилось, хорошо знал тонкости воинского этикета и субординации. Ей придется послать оруженосца с просьбой отрядить кого-нибудь взамен, и Тревалин наверняка ничего не станет слушать: если с поручением может справиться один, зачем нужен другой.

— Должно быть, это воля Властительницы, — пробормотала Черная Госпожа, сверля рыцаря своими зелеными глазами. — Пусть будет так. Я подчиняюсь... Вот маг, который тебе нужен.

Светлый Меч понял только последние ее слова; спросить, что означали другие, желания у него не нашлось.

— Для чего он понадобился Тревалину? — спросила Черная Госпожа.

Рыцарь, не теряя терпения, еще раз объяснил:

— Необходимо опознать тела погибших. Белый маг — единственный уцелевший.

Пленник при этих словах поднял голову. Он был почти столь же бледен, как и лежавшие на берегу воины. Затем он резко встал и иступленно выкрикнул:

— Это не так!.. Это не так!..

Светлый Меч уважительно и с достоинством — как его учили — отсалютовал. *Относись с уважением ко всем, кто имеет звание, титул, ученость, — пусть даже они твои враги. Особенно если враги. Всегда уважай своего врага — это поможет верно оценить его силы.*

— Мы полагаем, что уцелел только ты один, хотя наверняка утверждать этого не можем. Мы хотим похоронить павших с почестями, указав их имена. Ты один можешь в этом помочь.

— Отведи меня к ним, — проговорил молодой маг.

Лицо его пылало лихорадочным румянцем. Накидка была забрызгана кровью, вероятно, частью — своей собственной. На голове мага зияла рана. Принадлежавшие ему вещи лежали рядом. Если кому-то вдруг вздумается порыться в его сумках, — любопытный рискует обжечься в прямом смысле слова. Пользоваться находящимися в них предметами мог только маг его Ложи...

Немедленного применения магические трофеи, как правило, не находили, даже несмотря на то, что рыцари Торна были способны усваивать волшебную силу и от белой луны, и от черной, и от красной. Но любая магия реагирует на присутствие чуждой ей силы, и часто весьма бурно. Рыцари Торна смогли использовать реликвию, освещенную Солинали, но только после долгого и тщательного изучения ее особенностей. Предметы, подобные вещам молодого мага, отдавались на сохранение с целью их дальнейшего исследования или последующего обмена...

Светлый Меч заметил, однако, что при маге оставался посох. Он был деревянный и имел серебряное навершие: лапа дракона, сжимающая многогранный кристалл. Рыцарь достаточно повидал такого рода предметов, чтобы заключить: посох, несомненно, магический — реликвия, вероятно, очень ценная. Его не могло не удивить, почему Белому магу позволили эту вольность.

— Думаю, маг может идти, — с неохотой проговорила Черная Госпожа. — Но я буду сопровождать его.

— Конечно, госпожа.

Светлый Меч с трудом скрыл свое изумление. Что такого особенного в этом молодом маге? Ясно, что он низкого ранга, поскольку маг высокого ранга никогда бы в плен не сдался. Лилит возглавляла Орден Торнских Рыцарей, а обращалась с молодым человеком так, словно это — сам повелитель Даламар, хозяин Башни Высшего Волшебства.

Маг, закусив губу и тяжело опираясь на посох, двигался еле-еле. На лице застыло выражение муки и боли... Так им и к утру не добраться. Тревалин будет недоволен.

Стил взглянул на женщину: пленник ее, ей бы первой и предложить помощь... Черная Госпожа наблюдала за ними не скрывая неудовольствия, к которому, как это ни странно, примешивалось любопытство. Она словно хотела знать, как поведет себя Светлый Меч в такой ситуации. Что ж, он поступит в соответствии с рыцарским этикетом, независимо от того, понравится ей это или нет...

— Обопрись на мою руку, — проговорил Светлый Меч бесстрастно и одновременно уважительно. — Тебе будет легче идти.

Белый маг удивленно посмотрел на рыцаря.

— Ты шутишь? — спросил он.

— Вовсе нет... Тебе больно передвигаться... Я просто хочу помочь.

Маг выглядел озадаченным.

— Но разве ты не в ее починении?

— Если ты имеешь в виду Властительницу Такхизис — тогда ты прав, — твердо проговорил Светлый Меч. — Я служу Такхизис и принадлежу ей душой и телом. Но это не значит, что я человек без принципов и отнесусь без должного

уважения к тому, кто его заслуживает... Я прошу тебя, обопрись на меня. Путь неблизкий, а ты ранен.

Молодой маг вопрошающе глянул на Черную Госпожу, словно ожидая протеста с ее стороны. Но она хранила молчание, и лицо ее ничего не выражало.

Не без колебания, все еще подозревая подвох, думая, что с ним решили позабавиться перед расправой, пленник оперся на рыцаря. И был удивлен, что с ним ничего не случилось.

Они пошли быстрее и скоро оказались под палящим солнцем. Картина высадки, ее размах повергли мага в глубокое уныние.

— Сколько же здесь войска... — вырвалось у него.

— Оказанное нам сопротивление делает вам честь, — вставил Светлый Меч.

— Все же... — продолжал Маг сквозь стиснутые от боли зубы, — если бы у меня было больше сил...

Он пошатнулся и, казалось, сейчас потеряет сознание.

Рыцарь поддержал его.

— Почему ты не показала его врачевателям, Черная Госпожа? — спросил Светлый Меч.

— Он сам от них отказался, — небрежно отозвалась Лилит. — К тому же они служат Повелительнице, и вряд ли их услуги оказались бы действенными.

Что мог сказать на это Светлый Меч... Ему почти ничего не было известно о способах лечения, применяемых жрецами Такхизис. Впрочем, он имел собственные навыки врачевания ран.

— Я дам рецепт припарки, — пообещал он, вновь поддерживая раненого. — Ему научила меня

моя мать... — Он сделал паузу и поправился: — Женщина, которая меня воспитала... Травы отыскать очень просто... Ты ранен в грудь?

Молодой маг кивнул. В месте ранения белая накидка насквозь пропиталась кровью.

— Пика, — пояснил маг. — Прошла вскользь... Мой брат...

Он внезапно замолк.

«Вот почему с Соламнийцами был маг, — подумал рыцарь. — Один брат воюет, другой помогает ему магией. И поэтому он так стремится увидеть своих погибших. Надеется на невозможное... хотя в душе знает, чему станет свидетелем. Может быть, подготовить его? Впрочем, нет. Возможно, он нечаянно проговорится о чем-нибудь, что могло бы нам быть полезным».

Стил Светлый Меч не был ни черствым, ни бессердечным. Но он не мог понять волнения мага относительно судьбы своего брата. Что может быть достойнее смерти на поле брани!.. Ему как родственнику — не убиваться, а гордиться бы надо...

Хотя по правде сказать, маг еще молод. Вероятно, это его первое сражение. Этим объясняется многое...

Пока они шли по бурлящему движением берегу, их провожали недоуменно-любопытные взгляды. Черная Госпожа держалась позади рыцаря и пленника, и Светлый Меч мог поклясться, что даже сквозь сталь доспехов он ощущает жжение от зеленых глаз спутницы.

К полудню, когда они добрались до места стычки, солнце распалилось не на шутку. Если восход был демонстрацией зловеще-красных и торжествующе-пурпурных тонов, то теперь с не-

ба лился солнечный дождь ослепительно желтого цвета. Ночь вряд ли даст прохладу и отдохновение; воздух над песками станет тяжелым влажным одеялом, насильно укутывающим усталых воинов.

Светлый Меч отконвоировал наконец белого мага к своему командиру Сикору Тревалину.

— Командир, как ты и приказывал, я доставил пленника.

Взгляд Тревалина скользнул по изможденному дорогой магу и остановился на Черной Госпоже. Рыцарь не мог скрыть своего удивления фактом столь необычного сопровождения. Поскольку Черная Госпожа была по рангу выше его, он отсалютовал.

— Благодарю тебя за помощь, госпожа.

— Мне не приходится выбирать, воля Повелительницы для меня священна.

Удивление на лице Тревалина сменилось недоумением. Естественно, Такхизис в курсе всего происходящего, но не настолько же она вдавалась в подробности, чтобы ее волновала церемония опознания тел погибших врагов?! Хотя эти маги довольно странные субъекты, а уж Черная Госпожа и подавно. Пойди пойми, что она имела в виду.

Тревалин не стал уточнять смысл фразы, произнесенной женщиной, а сразу перешел к делу.

— Досточтимый маг, если ты назовешь нам имена павших рыцарей, мы позаботимся о том, чтобы они не были забыты.

Молодого мага, изнуренного болью, долгой ходьбой и немилосердным солнцем, вконец ошеломило зрелище мертвых товарищей. Он смотрел на них так, как будто убитые ему были совершенно

незнакомы. Светлый Меч почувствовал, как дрожит рука на его плече.

— Может быть, сэр, предложить ему воды или чуть-чуть вина? — сказал он.

— Конечно, — согласился Тревалин и налил из своей фляжки немного бренди.

Пленник отрешенно выпил, и щеки его слегка порозовели. Глоток бренди и короткий отдых, похоже, возвращали ему силы. Он отстранился от Светлого Меча и, закрыв глаза, что-то шептал.

Рыцарь уловил имя Паладайна и решил, что это молитва.

Собравшись с духом, маг нетвердо шагнул к первому из ряда, наклонился и приподнял с лица плащ.

Когда он произносил имя и титул, в голосе его слышались и глубокая печаль, и еле уловимая надежда.

— Левелин Элсар, Рыцарь Розы из Санкроста...

Он двигался вдоль ряда тел с большей выдержкой и хладнокровием, чем от него ожидали.

— Оран Девиштор, Рыцарь Венца из Палантаса; Йори Бек, рыцарь Венца из Каргота; Персиваль Нелиш...

Писец, затребованный Тревалином, аккуратно записывал сведения о погибших на грифельной дощечке.

Осталось опознать два тела. Молодой маг колебался. Он пересчитал всех заново, замер и вдруг закрыл лицо руками.

Стил подошел к Тревалину:

— Он что-то говорил о своем брате.

Командир молча кивнул. По поведению пленника было ясно, что спастись не удалось никому. Все необходимое Тревалин теперь знал.

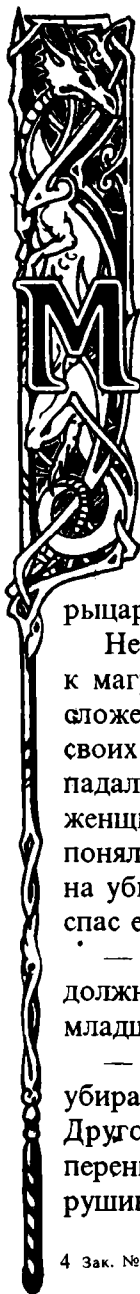
Маг встал на колени, дрожащей рукой открыл лицо предпоследнего и сдавленным голосом что-то проговорил.

— Извини, — обратился к нему писец, — я не расслышал. Как его имя?

— Маджере, — шепотом произнес пленник. — Стурм Маджере. А это... — он открыл лицо другого рыцаря, — Танин Маджере...

Склонившись, он поцеловал обоих в лоб и добавил:

— ...мои братья.

2. Двоюродные братья. Долг чести. Смертный приговор. Жесткие условия

Маджере? — Стил Светлый Меч внимательно смотрел на пленника. — Маджере... Я знаю это имя.

Маг, поглощенный своим горем, не слышал рыцаря. Однако реакцией на его слова Светлого Меча заинтересовалась Черная Госпожа. Она шумно вздохнула и сузившимися глазами впиалась в рыцаря.

Не обращая на нее внимания, Стил подошел к магу. Пленник был строен, пропорционально сложен, хотя и лишен мощной мускулатуры своих братьев. Каштанового цвета волосы ниспадали на плечи. Руки... скорее напоминали руки женщины, нежели мужчины. Неожиданно Стил понял, что молодой человек был похож не только на убитых рыцарей, но и на того, кто однажды спас ему жизнь.

— Маджере... Карамон Маджере... А это, должно быть, два его старших сына... Ты же младший? Ты — сын Карамона Маджере?

— Я — Палин, — отрывисто произнес маг, убирая со лба брата слипшиеся от крови волосы. Другой рукой он крепко стискивал посох, словно перенимал, брал у него силу, чтобы вынести обрушившееся горе.

— Сын Карамона Маджере и племянник Рейстлина Маджере! — с присвистом прошептала Черная Госпожа.

До сих пор Тревалин был занят мыслями о перевозке тел к пещере, о выделении солдат для погребения. Он почти перестал замечать пленника. Но когда до его слуха донесся шепот Черной Госпожи, он повернулся в сторону мага и воззрился на него с неподдельным интересом.

— Племянник Рейстлина Маджере? — повторил он.

— Вот это трофей, — сказала Черная Госпожа. — Весьма ценный... Его дядя был непревзойденным магом Ансалона.

Говоря о Палине, она по-прежнему не сводила глаз со Светлого Меча, но рыцарь не замечал ее настойчивого внимания. Судя по выражению его лица, он что-то серьезно обдумывал.

Маг вышел из оцепенения и поднял на рыцаря глаза, в которых стояли слезы.

— Тебя зовут Стил... Стил Светлый Меч? Ты — сын Стурма...

От звучания имени, принадлежавшего и его брату, у Палина перехватило горло.

— Эта встреча мне кажется довольно странным совпадением, — проговорил Стил.

— Нет здесь никакого совпадения, — категорично отрезала Черная Госпожа, — Я сделала попытку предотвратить ее, но вынуждена была подчиниться воле Властительницы. Интересно, что она означает? Предзнаменованием чего станет эта «случайность»?

Стил сердито посмотрел на женщину... Вообще-то он с большим уважением относился к магам — ко всем тем, кто занимался волшебст-

вом. В отличие от Соламнийских Рыцарей, придававших этому «ремеслу» второстепенное значение, магия в войске Такхизис занимала почетное место. Магам давались звания, у них существовала своя иерархическая пирамида, соответствующая рыцарским отличиям. Время от времени, правда, между двумя кастами возникали недоразумения, несмотря на все попытки повелителя Ариакана исключить таковые. Рядовому рыцарю-воину, привыкшему иметь дело с жестко поставленной целью, трудно было понять мага, видевшего те же самые вещи всесторонне, всеобъемлюще.

Среди Торнских рыцарей Черная Госпожа любому могла дать фору в способности предвидеть и предсказывать, искать и находить значение, смысл самого, казалось бы, пустякового факта или события. Тревалин и его рыцари не раз сходились во мнении, что сотрудничать с Черной Госпожей было очень и очень не просто...

Совпадение — не более. И что уж здесь такого особенного: Соламнийские Рыцари и их брат-маг пересеклись со своим двоюродным братом, рыцарем Такхизис. Вполне вероятно, что рано или поздно они встретились бы... Стил был благодарен судьбе за то, что к смерти семьи Маджере он не имел отношения. Впрочем, в любом случае он выполнил бы свой долг. Хотя сознавать себя непричастным к их смерти — все же немалое облегчение.

Он повернулся к Тревалину:

— Командир, прошу сделать мне одолжение: позволь тела этих двух рыцарей доставить на родину. Одновременно я могу препроводить пленника и получить за него выкуп.

Тревалин поразился. Палин, не веря своим ушам, в изумлении замер. Черная Госпожа фыркнула и, качая головой, зашевелила губами.

— И... и куда же ты хочешь отправиться? — спросил Тревалин.

— В Утеху... Это центральная Абанасиния, к северу от Квалиноста. Его отец содержит там гостиницу.

— Но это далеко на территории врага. Это чрезвычайно опасно... Я бы не стал препятствовать, если бы речь шла о какой-то особой миссии, связанной с Великим Проектом, но что касается твоей просьбы... Нет, Стил. Ты слишком хороший солдат, чтобы подобным образом тобой рисковать. Я не могу дать своего согласия на эту акцию. — Тревалин с любопытством посмотрел на своего подчиненного: — И что тебя так разобрало, Светлый Меч? Что тебе за резон?

— Карамон Маджере — мой дядя. Они мои двоюродные братья... К тому же в стычке, имевшей место в Башне Верховного Жреца, Карамон Маджере спас мне жизнь, и я перед ним в долгу... Повелитель Ариакан считает, что долг чести следует возвращать при первой возможности. Почему бы мне не воспользоваться предоставившимся случаем? — твердо, бесстрастно и убедительно говорил Светлый Меч.

— Карамон Маджере спас тебе жизнь?.. Да, я припоминаю эту историю... А это его сыновья?..

Тревалин был в затруднении. Он мысленно оценивал положение Светлого Меча: идет ли его просьба вразрез с Великим Проектом, задуманным Властительницей Тьмы? Каждого, кто жалован рыцарским званием, посвящают в этот замысел, дают ему ясное представление о том, как нить его судьбы вплетается в тот грандиозный гобелен, название

которому Великий Проект. Ему ничего не может быть противопоставлено, даже долг чести.

Однако до сих пор все шло согласно чаяниям Властительницы. Прежде чем двинуться на запад, воины Ариакана будут заняты укреплением захваченного плацдарма. Каких-то особых дел, где бы Стил мог оказаться незаменимым, не предвиделось. С другой стороны, рыцарь мог заполучить ценные сведения о враге.

— Я даю тебе разрешение, Светлый Меч. Путешествие будет опасным. Но чем опаснее предприятие, тем больше славы!.. Ты доставишь тела рыцарей на родину... Что же касается молодого мага — его судьба в руках Черной Госпожи.

Тревалин взглянул на кудесницу.

Поскольку никто до сих пор не удосужился поинтересоваться ее мнением, Черная Госпожа просто кипела от негодования. Конечно, она не имела права голоса в вопросе об отлучке Светлого Меча. Но белый маг — ее пленник, и она сама решит, что с ним делать.

Она задумалась, очевидно выгадывая — то ли держать пленника при себе, то ли попробовать получить за него выкуп. Но может быть, ее что-то еще беспокоило?

Черная Госпожа перевела взгляд с Палина на Стила.

— Магу предстоит умереть, — резко произнесла она.

— Как?.. Почему?.. На каком основании? — удивился Тревалин. — Как пленный он имеет право на освобождение за выкуп.

— Условия выкупа ему были предъявлены, — пояснила Черная Госпожа. — Он отказался. Следовательно, его судьба предрешена.

— Это действительно так, молодой человек? — обратился Тревалин к магу. — Ты отказался от возможности обрести свободу?

— От меня потребовали того, на что я не могу согласиться.

Он крепко сжал посох, и присутствующим стало ясно, какой ему предложили обмен.

— Эта вещь не моя... Мне ее дали на время.

— Речь идет о посохе? — поразился Тревалин. — Это все, что тебе нужно?.. Так заведи у него эту ерундовину!

— Я попыталась, — сказала Лилит и показала свою правую руку: на ладони темнело уродливое пятно сильного ожога.

— Это твоя работа, маг? — спросил Тревалин.

— Какая разница, сэр?.. Я только хранитель реликвии. Мне оказали высокое доверие. Она никому не принадлежит. Но я с ней не расстанусь... по крайней мере для того, чтобы спасти свою жизнь.

Ответ молодого мага произвел впечатление на обоих рыцарей. Но только не на Черную Госпожу. Сердито глядя на воинов, она потирала саднящую ладонь.

— Занятная ситуация, — сказал Тревалин. — Человека нельзя принудить отдать в качестве выкупа ту вещь, которая не является его собственностью. Он может попросить родственников собрать нужную сумму, но он не в состоянии украсть у них деньги... Молодой человек, отказываясь отдать за свою жизнь посох, заслуживает уважения... Таким образом, ты, госпожа, вправе распоряжаться судьбой пленника... Впрочем, сдается мне, что твое намерение не сообразуется с буквой Великого Проекта...

Черная Госпожа полоснула Тревалина зеленым лезвием глаз. Она хотела возразить, что ссылки на

Великий Проект стали повсеместными и слишком частыми, но ждала, когда Тревалин закончит свою тираду.

— Согласно Проекту, мы должны всячески способствовать делу нашей Властительницы. Какую пользу мы извлечем, если отнимем жизнь у молодого человека?! Душа его вознесется к Паладаину... Вот кто окажется в выигрыше. Ну а если мы обменяем его на какую-нибудь волшебную вещь, которой располагают маги Вайрета?..

Выражение лица Черной Госпожи смягчилось. Во взгляде, что она бросала попеременно то на Палина, то на Стила, присутствовало теперь откровенное любопытство.

— Вероятно... Вероятно, в этом причина, — вполголоса сама себя убеждала Черная Госпожа. — Ну что ж, хорошо, — уже громко проговорила она. — Я пасую перед твоей рассудительностью, Тревалин. Но в качестве выкупа мы можем принять только одно...

Последовала многозначительная пауза.

— И что же это, госпожа? — не вытерпел Тревалин, которому не терпелось вернуться к своим прямым обязанностям.

— Нам нужно, чтобы маги открыли Врата Бездны.

— Но... но это невозможно! — выкрикнул Палин.

— Возможно это или нет — решать не тебе, молодой человек, — холодно осадил Черная Госпожа. — Ты подчиняешься Тайному Совету Магов, решение зависит от него. Одно дело — посох Магиуса, другое дело — то, о чем я говорю: открыть или не открыть Врата Бездны — вопрос полномочий Конклава.

Палин отрицательно покачал головой:

— То, чего ты требуешь, не может быть выполнено. Уж лучше мне тотчас расстаться с жизнью. Тем более что... достойнее компании мне не найти, — с нежностью закончил он фразу, глядя плечо мертвого брата.

— Черта подведена, молодой человек, — не терпящим возражений голосом подытожил Тревалин. — Ты пленник и должен исполнять нашу волю. До Башни Вайрета тебя будет сопровождать рыцарь Светлый Меч. О содержании выкупа ты поставишь в известность Конклав. Если их решение будет отрицательным, тебя доставят назад и ты умрешь.

Палин, похоже, смирившись со своей участью, только пожал плечами.

— Ты, Светлый Меч, берешь на себя ответственность за пленника. В случае его бегства тебя лишат жизни.

— Понимаю, командир, — отозвался Стил. — Я принимаю эти условия.

— В твоём распоряжении две недели. Ты должен отрапортовать о своём успехе или неудаче в первый вечер двух лун — красной и серебряной. Если упустишь пленника — докладывать без промедления.

Светлый Меч отсалютовал и отправился готовить к путешествию своего синего дракона.

Тревалин приказал оруженосцу сделать все необходимое для транспортировки погибших братьев Маджере. Палин вызвался помочь ему в этом. Тела прочих рыцарей начали грузить на повозку.

Черная Госпожа осталась наблюдать за магом. Вероятно, она просто искала ответ на мучившие ее вопросы: почему из всех живущих в мире магов именно этот оказался участником недавней драмы,

почему он один уцелел, и самое главное — каковы могут быть последствия «случайной» встречи Светлого Меча и Палина Маджере?

Она попробовала представить братьев в другой обстановке... На самом деле внешнее сходство напрочь отсутствовало. Стил Светлый Меч являл собой образец воина: высокий, крепкий, пружинистый; с красивым мужественным лицом, обрамленным длинными черными кудрями; с большими темными глазами, открытым и приятным взглядом. Необыкновенно привлекательный мужчина. Однако женщина, однажды увидевшая его и восплаившая чувством к юноше, через короткое время понимала, что душа и сердце Светлого Меча принадлежат лишь одной подруге и госпоже — Войне.

В ней одной он находил подлинную утеху и наслаждение. Его внешняя холодность и даже высокомерие исчезали в преддверии схватки, самим собой он становился по-настоящему лишь в атаке и сражении. Любимой музыкой его был лязг оружия, вызов на поединок — единственной песнью любви, которую он умел исполнять.

Контрастом ему представлялся Палин Маджере. Его внешность характеризовалась двумя словами: утонченность и изящество — телосложения, черт лица, манер. Он очень походил на своего дядю. Черной Госпоже только раз довелось видеть Рейстлина, но достаточно было беглого взгляда на Палина, чтобы обнаружить фамильное сходство. Уже одними руками — их чувственностью, умелостью — оно громко заявляло о себе.

Да, в жилах Светлого Меча и Палина текла одна кровь... Хотя братья разнились не только внешне: Стил хорошо знал свои силы, Палину лишь предстояло познать свои. Как обернуть их

на пользу делу Властительницы? Определенно должна быть причина, основание для их встречи...

Нет. Никакого совпадения не могло быть. Факт встречи должен иметь отношение к предстоящим событиям. Какое — Черная Госпожа понять пока еще не могла. Однако она не сомневалась: ответ будет найден, нужно лишь набраться терпения. И она ждала... и наблюдала...

— Это моя вина, Танин, — безутешный, с дрожью в голосе говорил Палин. — Я виноват в твоей смерти. Я знаю, ты простишь меня... Ты всегда и все мне прощал. Но как прощу себя я сам? Будь я искуснее, сильнее в магии, не охвати меня страх, что я забыл все, чему учился, — вас не ждал бы такой конец. Походи я больше на дядю...

Лилит слышала слова мага. Ее вдруг осенило, она осознала помыслы Властительницы с той ясностью, на которую только способен разум смертного: сомнения и неуверенность в своих силах одного и высокомерная кичливость и самоуверенность другого станут крахом для обоих. В этом была суть!

Черная Госпожа не доверяла Светлому Мечу с тех самых пор, как узнала его родословную. Она долго противилась присвоению ему высшего рыцарского отличия — предзнаменования были неблагоприятными, камни провидения пророчили беду...

Белый камень слева — его отец, Стурм Светлый Меч, Соламнийский рыцарь, уважаемый и чтимый за свою жертвенность даже врагами. Черный камень справа — мать, Китияра Ут Матар, предводительница драконьего войска, прославившаяся бесстрашием и полководческим талантом. Мертвые — Черная Госпожа это чувствовала, — они

продолжали влиять на сына, пришедшего в этот мир по воле случая.

На вид ровный и непоколебимый в своей преданности Властительнице, приверженности ее делу, Стил (как полагала Лилит) внутренне представлял собой бушующее море страстей. У нее были основания так думать. Светлый Меч носил меч Соламнийского Рыцаря — меч отца. Более того, он хранил (тайно от всех) некий драгоценный камень, называвшийся «звездным». В сущности, это был всего лишь талисман, подаренный любимому: в период Войн Копья королева эльфов Сильванести, Эльхана Звездный Ветер, преподнесла драгоценность Стурму Светлому Мечу. Дух мертвого отца, по словам Стила, передал камень ему...

Итак, белый камень — слева, черный камень — справа, а в центре — камень с меткой «крепость». На него падает другой, с меткой «огонь». Лилит было ясно: дух рыцаря раздирают противоречия, которым суждено обернуться катастрофой. Что, собственно, еще может означать «крепость, охваченная огнем»?..

Черная Госпожа долго противилась и стояла на своем, но никто ее не слушал. Даже могущественная старая-престарая Жрица Черепа, якобы любимица Такхизис, — и та поддержала посвящение Светлого Меча в высший рыцарский ранг.

«Да, он хранит звездный камень, — прошипела старушенция беззубым ртом. — Этот камень — единственная трещина в стальной броне его духа. Мы будем использовать это, чтобы знать, что делается у него в душе и что на уме у наших врагов!»

Старая вздорная бестия.

Теперь Черной Госпоже все было абсолютно ясно. Она мысленно, как это делала с камнями

провидения, бросила на черную материю сознания идею. Что из этого выйдет?..

Тщательно подбирая слова, Черная Госпожа приблизилась к магу и заговорила.

— Ты упомянул своего дядю, — глядя сверху вниз на Палина, начала она. — Ведь ты никогда не видел его? Конечно нет. Ты слишком молод.

Палин хранил молчание, крепко сжав посох Магиуса. Для своих братьев он сделал все, что мог. Оставалось самое горькое, самое болезненное: доставить на родину их тела, принести отцу и матери трагическую весть. Он очень ослабел от пережитого и был как никогда уязвим. Черной Госпоже ничего не стоило с ним справиться.

— Рейстлин покинул этот мир еще до твоего рождения...

Палин поднял голову, и, хотя по-прежнему промолчал, в его мимолетном взгляде Черная Госпожа прочла все, что было нужно.

— Покинул мир и выбрал Бездну, где наша су-
ровая Властительница подвергает его мучениям...

— Нет, — не выдержал маг. — Это неправда. За его жертву ему были дарованы успокоение и вечный сон. Паладайн известил об этом моего отца.

Лилит встала на колени рядом с Палином. Она все еще не потеряла привлекательности и, когда хотела, могла быть обаятельной настолько, насколько может быть обаятельной змея.

— Так говорит твой отец... Вернее, так говорил?

Она почувствовала, что молодой человек в смятении, и ее саму охватило волнение. Он не смел взглянуть на нее. Он и прежде думал об этом, веря и в то же время не веря отцу. Это сомнение — щель в доспехах его разума. Сквозь нее Черная Госпожа направит отравленное лезвие мысли.

— А если твой отец ошибается и Рейстлин Маджере на самом деле жив? — Лилит еще ближе придвинулась к Палину. — Он вызывает к тебе, не так ли?

Это было всего лишь предположение, но проныщательная чародейка тотчас поняла, что попала в точку. Палин, вздрогнув, потупил глаза.

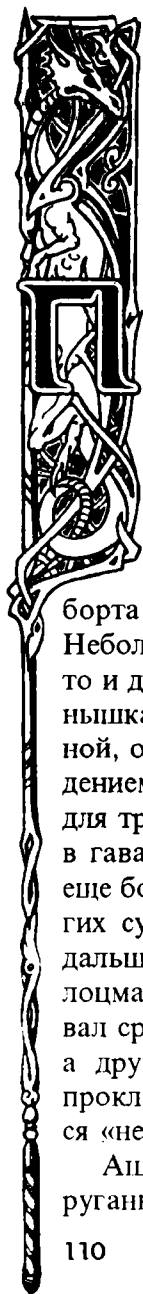
— Будь он жив, ты бы стал его учеником — учеником величайшего мага за все существование Ансалона. Ты уже обладаешь одним из его драгоценных даров... И чего бы только не сделал дядюшка для своего любимого племянника?!

Лилит заметила огонь, зажегшийся в глазах молодого человека. Она знала: этот огонь в конце концов поглотит его.

Черная Госпожа, довольная собой, поднялась и отошла прочь. Теперь она могла не беспокоиться за пленника: на нем были прочные путы соблазна. И его двоюродный брат будет барахтаться в этих же путах. Именно с тем Властительница и свела их вместе.

Лилит сунула руку в мешочек из черного вельвета и наугад достала пригоршню камушков. Бормоча заклинание, она бросила камушки на землю... и вздрогнула: ее догадки были верны. Такхизис должна забрать к себе обоих... и очень скоро.

Они обречены.

3. Палантас. Утомительные, но не совсем бесплодные поиски

Полуденное солнце над Бранкальским заливом не знало пощады. Час, когда шлюпка Аши влилась в толчею гавани Палантаса, был самым суматошным. Она в отчаянии крутила головой, не привыкшая к шуму порта, его особенной, непонятной на первый взгляд суете.

Огромные торговые галеры терлись о борта не меньших размеров судов-рыболовов. Небольшие портовые баржи, снующие там и сям, то и дело сталкивались с другими судами и суденышками. Столкновения сопровождалась отборной, отчаянной бранью и, время от времени, падением с борта или ящика с рыбой, или ведра для трюмной воды. Как нарочно, в этот момент в гавань вошел пароход гномов-механиков, что еще больше усилило неразбериху. Капитаны других судов шарахнулись кто куда, лишь бы подальше от этого смердящего чудища. Портовый лоцман в особом цвета боте виртуозно лавировал среди всех и вся. Держа в одной руке рупор, а другой вытирая с лысины пот, он изрыгал проклятия в адрес не желающих ему повиноваться «недоумков»-капитанов.

Аша чуть было не повернула обратно. Грубая ругань минотавров, которых она видела впервые,

ошеломила ее; судно гномов-механиков, с его страшно коптящими трубами, и вовсе нагнало на нее жуту. Она растерялась, не зная, что делать, в какую сторону двигаться.

В стороне от портовой толкучки, в маленьком ялике мирно покачивался и удил рыбу пожилой человек. Он заметил растерянность Аши, бросил удить и взялся за весла...

— Не приходилось бывать здесь раньше? — спросил он, подплывая к безвольной шлюпке Аши.

Девушка поняла вопрос, утвердительно ответила и в свою очередь спросила, где бы она могла пристать и оставить шлюпку.

— Только не у этих пирсов, — сказал мужчина, посасывая выдавшую виды трубку. Затем достал ее из рта и указал на баржи: — Дьявольски много фермеров.

В этот момент с кормы на Ашу навалилась скула какого-то судна. Его капитан, свесившись через борт, пообещал вдребезги разнести «корыто», мельтешившее у него перед носом.

Аша в панике схватилась было за весла, но пожилой рыбак остановил ее.

Не обращая внимания на то, что ялик немилосердно бросало на волнах, мужчина встал во весь рост и вступил в диалог с капитаном-минотавром. Из переговоров Аша почти ничего не поняла, так как речь шла в основном о ломке, крошении и перетирке костей, выдергивании конечностей, выворачивании наизнанку... Но в итоге капитан-минотавр ворча дал команду отвернуть руль.

— Задиры и горлодеры, — вновь усаживаясь, заключил мужчина. — Но дьявольски хорошие мореходы. Уж я-то знаю. Ходил с ними...

Он с любопытством оглядел шлюпку Аши:

— Отличная работа... Если не ошибаюсь, сделана минотаврами... Где скиталась?

Аша уклонилась от ответа. Заступник наказал никому ничего о себе не рассказывать. Она притворилась, что не слышала вопроса, благо ничего не было проще среди царившего вокруг шума — ударов весел о воду, доносившейся отовсюду ругани, криков в рупор портового лоцмана.

Поблагодарив мужчину, Аша снова полубо-пытствовала, где можно пристать к берегу.

— В восточной части гавани, — сказал мужчина и указал трубкой направление. — Там есть причал общего пользования... Обычно берут плату за стоянку, но с такими глазками и личиком, — мужчина поцокал языком, — тебя даром пустят.

Аша покраснела от стыда и досады и, как ей показалось, едко парировала: да, мужчина был добр, помог ей и заслужил право подтрунить над ее внешностью, но в отношении «платы» и «даром» — ей непонятно, что он имел в виду... Девушка уже разглядела сквозь частокол мачт причал, который в сравнении с общей суматохой представлялся тихим и мирным. Она еще раз (но несколько прохладнее) поблагодарила пожилого человека и повела шлюпку в нужном ей направлении.

У причала общего пользования было вполне свободно, поскольку правила ограничивали размеры судов, имеющих право на стоянку. В основном здесь болтался флот, предназначенный для увеселения толстосумов.

Аша убрала паруса и подошла к пирсу на веслах. Собрала вещи, одну сумку привязала к поясу, другую взяла на плечо. Кажется, ничего не забыла. Вылезла на причал, но уходить не спешила.

Теперь только шлопка связывала ее с домом, Заступником, с теми, кто был ей дорог. Покидая шлопку, она оставляла за собой целую жизнь. Она вспомнила ночное зарево, и ей вдруг не захотелось никуда идти. На глаза навернулись слезы. Аша все еще держалась за швартов — связь с домом, с прошлым... Переборов себя, она решительно шагнула прочь и тут же на что-то наткнулась.

Примерно с уровня ее талии раздался голос.

— Куда это ты собралась, малышка?.. Как насчет стояночной таксы?

Аша, смутившись, что ее застали плачущей, तोпливо вытерла слезы. Перед ней стоял гном, с серой от пыли бородой, обветренным лицом, глазами-щелками — особенность тех, кто много времени проводит у воды, кому постоянно приходится щуриться от солнечных бликов.

— Таксы?.. Я не совсем понимаю, — сказала Аша, отводя глаза, пряча наивное любопытство, хотя из историй Заста знала о существовании расы гномов.

— Платы за стоянку! Или малышка думает, в Палантасе такие услуги оказывают из любезности... по доброте сердечной!.. Обычная плата, размер которой зависит от срока стоянки. Как долго шлопка будет находиться у причала — день, неделю, месяц?

— Я... я не знаю, — беспомощно ответила Аша.

У эрдов не существовало понятия «деньги». Всем необходимым — а это не так уж много — они обеспечивали себя сами, либо используя ремесленный труд, либо применяя магию. Они никогда ничем не обменивались. Такой поступок приравнялся к грубому, бесцеремонному вторжению во внутренний мир другого.

Аша напрягла память, пытаясь воспроизвести подробности рассказов Заста.

— Ты хочешь сказать, я могу оставить шлюпку только в обмен на что-то?

Глаза гнома, ехидно смотревшего на девушку снизу вверх, сощурились еще больше.

— В чем дело, малышка? Тебе напекло голову?..

Голос у гнома вдруг изменился; он стал похож на фальцет капризничающего, настаивающего на своем ребенка.

— Да-а-а. Маленькая девочка дает душке-гному холодный кусочек металла, и добрый душка-гном позволяет оставить шлюпку у причала. Если девочка отказывает душке-гному в холодном кусочке металла, этот добрый душка-гном просто конфискует ее дурацкую посудину. Я-ясно?

Аша покраснела, у нее не было с собой металла. Она толком и не поняла, что от нее требовалось...

Вокруг девушки и гнома тем временем начали собираться зеваки — кучка ухмыляющихся, наглых физиономий. Аша хотела лишь одного — поскорее отделаться от «добряка»-гнома. Порывшись в карманах, она достала первое, что попало ей под руку, и протянула зануде.

— У меня нет металла, но, может быть, это подойдет?

Гном взял предмет и принялся его разглядывать. Его обычного прищура как не бывало. Затем, заметив, что интерес к вещице возник не только у него одного, он поспешно сжал кулак.

— Клянусь бородой Реоркса, оно платиновое... и с рубином, — непроизвольно вырвалось у него, хотя не настолько громко, чтобы слышали стоявшие рядом. — Ну что разинули рты, — загавкал

он. — Проваливайте отсюда!.. Займитесь своими делами, если не хотите, чтобы я позвал гвардейцев повелителя.

Обладатели гнусных рож оскалились и, лениво отреагировав двумя-тремя скабрзностями, стали расходиться.

Гном ухватил Ашу за рукав и вынудил ее пригнуться. Теперь он был значительно вежливее.

— Госпожа, тебе известно, что это?

— Кольцо, — ответила Аша, в свою очередь удивляясь неосведомленности пристава.

— Ага-а, — протянул гном, облизывая губы, жадно ощупывая глазами сумку девушки. — Кольцо... Может... может быть, там найдется что-нибудь еще?

Аше его взгляд не понравился.

— Этого хватит, чтобы ты присмотрел за шлюпкой? — спросила она, придерживая рукой сумку.

— О да, госпожа, и столько времени, сколько тебе будет нужно. Я позабочусь о ней. Может быть, выскоблить настил? Очистить от ракушек днище? Привести в порядок паруса?

— Делай, что хочешь, — уже на ходу бросила Аша, направляясь к набережной, где виднелся ряд больших строений.

— Когда ждать твоего возвращения? — семена за девушкой, спросил гном.

— Не знаю, — ответила она как можно беспечнее и беззаботнее. — Пока шлюпка здесь, зачем мне торопиться.

— Куда же ей деться, если я при ней... Но могут появиться дополнительные расходы...

Аша лишь пожала плечами и ускорила шаг. Из-за спины еще раз донеслось:

— Платиновое... с рубином!

Аша проигнорировала портовую таможенную службу единственно по причине незнания, что таковые существуют, что положено объяснить — кто ты и зачем ты здесь. Она прошла мимо охраны с такой уверенностью и невозмутимостью, что никто не успел ее остановить.

Ее невозмутимостью на самом деле было не что иное, как наивность, а под уверенностью скрывалось сильное волнение и страх неизвестности.

Следующие несколько часов она провела блуждая по пыльным и душным улицам Палантаса. На каждом шагу ей попадалось что-то, что изумляло или пугало, приятно поражало или отталкивало.

Куда пойти? Что делать?.. Одно она знала наверняка — необходимо найти повелителя Даламара. А потом можно будет и отдохнуть.

В рассказах Заступника иногда звучали выражения типа — «гостиничные номера», «работа», «зарабатывание денег» — но не более того. Его рассказы о контактах с людьми не отличались содержательностью, носили ограниченный характер. Даже о таком простом понятии, как «зарабатывать себе на хлеб», он имел очень слабое представление.

Что уж говорить об Аше...

Девушка наивно глазела по сторонам, и выражение лица у нее то и дело менялось. Помпезные здания, столь непохожие на маленькие одноэтажные жилища эрдов, подавляли своими размерами. Она чувствовала себя потерянной в этих мраморных кушах. А количество людей! За одно короткое мгновение она увидела их столько, сколько не видела эрдов за всю свою жизнь. И все они, похоже, невероятно спешили — порывисто двигались, ра-

ботали локтями, уклонялись друг от друга, разгоряченные, запыхавшиеся.

Сначала Аша решила, что городу угрожает враг и он на осадном положении. Она обратилась с вопросом к девушке, несшей из колодца воду, и выяснилось: в Палантасе базарный день, а из-за духоты на улицах — просто безлюдье.

Жара усугублялась близостью воды. В порту, по крайней мере, ощущалось дуновение бриза, город же изнемогал от зноя. Горожане буквально барахтались в тугих, плотных волнах отраженного от мостовой тепла. В домах и лавках было и того хуже. Владельцы магазинов, борясь с дремотой, обмахивались кто чем мог. Тень от деревьев стала уютнейшим местом для тех, кто победнее. Кто побогаче, пользовались прохладой отделанных мрамором апартаментов, лениво сгуя на погоду.

Время от времени в нос ударял запах мусора и отбросов, но, кроме Аши, его никто не чувствовал. В Палантасе в летнюю пору иначе и не пахло.

А она все бродила и бродила... Раз девушка оказалась около огромного здания, которое, как ей пояснили, было городской библиотекой. Аша припомнила, что Заступник с большим уважением отзывался о ней как о месте средоточения знаний обо всем на свете. В связи с этим последовал нехитрый вывод: не спросить ли там о местонахождении повелителя Даламара.

Навстречу Аше шагал молодой человек в коричневых одеждах, которому она и задала вопрос. У монаха округлились глаза. Он как-то судорожно махнул рукой вдоль улицы и заторопился дальше.

Следуя в указанном направлении, Аша вышла к угрожающего вида башне, чье основание теря-

лось в густой листве деревьев. Еще пять минут назад ей было невыносимо жарко, теперь же у нее по коже бегали мурашки. Под деревьями повисла холодная, угрюмая тишина. Казалось, она предостерегает...

Аша, вся дрожа, бросилась прочь и испытала истинное облегчение, вновь ощутив на себе жгучее прикосновение солнца. «Очевидно, монахи что-то перепутали, — подумала она. — Кто захочет жить в таком неудобном, нагоняющем тоску и жуть месте...»

Девушка миновала красивое и величественное сооружение, которое, судя по надписи, являлось храмом Паладайны. Она проходила мимо однообразно роскошных особняков знати (Аша приняла их за музеи), магазинов, где можно было увидеть все — от сверкающих драгоценностей до оружия и доспехов.

И всюду толпы людей.

Совершенно растерянная, не понимающая, зачем нужно было посылать ее в этот объятый сутолокой город, Аша колесила по улицам. Она чувствовала себя усталой, разбитой от долгой ходьбы и нещадного солнца. И до нее не сразу дошло, что она привлекает внимание, что некоторые при виде ее просто замирают в изумлении. Иные же — по преимуществу хорошо одетые мужчины — снимают свои украшенные перьями шляпы и при этом улыбаются.

Аша отнесла эти знаки внимания на счет своей внешности и восприняла их как насмешку и издевательство. Изрядно запыленная, обиженная, несчастная, девушка не переставала удивляться, как Заступник мог отправить ее в этот ненавистный каменный лабиринт.

Однако мало-помалу она поняла, что все эти взгляды и поклоны — знаки восхищения. Может быть, путешествие изменило ее внешность?.. Чтобы убедиться в верности догадки, она остановилась перед витриной магазина и стала изучать свое отражение. Неровное стекло чуть искажало лицо, но ведь то же самое происходило и дома, где зеркалом могла служить лужица или вода в пруду... Нет, она ничуть не изменилась: волосы по-прежнему были цвета серебра, глаза — с тем же странным оттенком, черты лица — правильные. Но всему этому недоставало отточенности, завершенности, доведенной до совершенства, — красоты, свойственной эрдам. Аша в своих собственных глазах, как и прежде, оставалась невзрачной и непрigлядной.

«До чего же все-таки они странные», — сказала она себе, после того как засмотревшийся на нее юноша налетел на дерево.

К тому времени, когда солнце наконец стало садиться и тени значительно удлиннились, когда появился намек на прохладу, — подошвы на обуви девушки практически отсутствовали. Людей на улицах поубавилось. Матери созывали детей к ужину. Кое-где через окна можно было видеть семью в полном сборе. А она, одинокая, замученная и обессиленная, без приюта и зверски голодная, продолжала по инерции идти вперед.

Заступник собрал ей в дорогу кое-что из пищи, но с ней Аша расправилась еще до прибытия в Палантас. На свое счастье, однако, девушка забрела в квартал с торговыми рядами. Промыкавшись весь день по суетливому городу, Аша никак не могла взять в толк, каким образом горожане принимают пищу. Теперь она поняла: ее выставляют прямо на улицу. Способ показался ей немного чу-

даковатым, но по большому счету — все здесь было чудным.

Продавцы уже сворачивали торговлю... Девушка подошла к прилавку, на котором еще оставались фрукты. Конечно, палящий зной дня не мог на них не сказаться, но по мнению Аши, они выглядели очень аппетитными. Она взяла несколько яблок. За одно принялась тут же, а прочие положила в сумку.

Затем она остановилась перед прилавком с выпечкой и дополнила содержимое своей поклажи хлебной булочкой. Еще не мешало бы и вина. Но поднялась какая-то возня, вокруг Аши все вдруг разволновались.

— Держи вора!.. Лови ее!.. Стра-а-ажа!..

4. Нападение. Арест. Тассельхоф удивлен

Перед недоумевающей девушкой нелепо вытанцовывал высокий худой человек в кожаном переднике.

— Воришка! Она украла мои фрукты! — тыча в Ашу пальцем, кричал он.

— Она стащила мой хлеб, — вторила ему женщина, вымазанная мукой. Вон он — у нее в сумке... Верни хлеб, дерзкая девчонка!

Булочница потянулась к сумке, но девушка перехватила руку.

— Мерзавка! — возопила женщина. — Она покушается на меня!

Праздношатающиеся и разного рода отребье, без чьего присутствия не обходится ни один базар и кто слоняется в надежде на заваруху, дыша перегаром дешевого вина, — все были тут как тут. Перед глазами Аши замелькали помятые, ухмыляющиеся рожи.

Девушка почувствовала, что ее ухватили за рукав.

— Берусь обыскать ее! — выкрикнул гнусного вида тип. — Сдается мне, яблочки выпирают у нее из-под блузки.

Под общий гогот кольцо вокруг нее уплотнялось.

Аше не приходилось бывать в подобной ситуации. Избалованная, изнеженная, она выросла в среде тех, кто никогда не повышал голоса и, уж тем более, не пускал в ход руки. Девушка буквально остолбенела. Оружия при ней не было. Воспользоваться чем-либо из подаренного эрдами ей просто не пришло в голову. Впрочем, Аша и не знала, как обращаться с магическими вещами, ведь наставления, прощаясь, она пропустила мимо ушей.

Гнусный тип все не отцеплялся. Приятели его подбадривали. Блузка затрещала, и девушка ощутила прикосновение ненавистных рук.

И тут паника уступила место яростному сопротивлению. Аша стала отчаянно отбиваться. Ненавидя всех и каждого, весь этот нелепый город, она рвала чьи-то волосы, кусалась, царапалась...

Лишь после того, как ее рука была до боли вывернута, красный туман ненависти в ее глазах начал рассеиваться. Аша услышала твердый властный голос.

— Полегче... полегче, любезная! Прекрати это.

Девушка перестала сопротивляться и, тяжело дыша, стала озираться по сторонам.

Ее держал высокий мускулистый человек, одетый в тускло-алую тунуку и такого же цвета гамаши. С его появлением толпа начала рассасываться. Публика, словно плевки, бросала на ходу язвительные и цветистые реплики в адрес испортившей забаву стражи.

Приставший тип, скорчившись и постанывая, лежал на земле.

— Кто зачинщик потасовки? — задал вопрос стражник.

— Она, ваша честь, украла хлеб с моего прилавка, — заголосила булочница. — А потом грозилась разделаться с нами...

— И мои яблоки, — присоединился к ней продавец фруктов. — Взяла и преспокойно пошла прочь, как будто так и надо...

— Я не думала ничего красть, — всхлипывая, возражала Аша (слезы всегда выручали ее в спорах с Застом). — Я решила, хлеб и фрукты может брать кто угодно... И я не собиралась ни с кем делиться... Я устала и голодна... Я заблудилась... а этот человек — он полез...

Жуткое воспоминание вызвало настоящие слезы.

Стражник попытался утешить девушку:

— Ну ладно... Ладно, не плачь. Похоже, от жары мозги у тебя совсем набекрень съехали. Заплати им, и будем считать, что вы квиты... Не правда ли? — добавил стражник и сверкнул глазами в сторону продавцов.

Те зыркнули в ответ и, нехотя, кивком подтвердили согласие.

— У меня нет денег, — сглотнув слезы, сказала Аша.

— Бродяжка! — отрезал продавец фруктов.

— Хуже... Еще хуже, — хмыкнув, пробурчала булочница. — А по заморскому одеянию и не скажешь... Посадить ее в колодки и высечь!

Стражнику, видимо, не пришлась по вкусу такая идея. Однако он не мог не видеть валявшегося на мостовой хлеба, раздавленных переспелых яблок.

— Судья с этим разберется... Пойдем, любезная... И вы тоже... если хотите засвидетельствовать свои претензии.

Они тронулись. Аша и стражник шли впереди, продавцы следом: булочница — негодующе прямая, продавец яблок — озабоченно пришаркивающий, ломающий голову над тем, будет ли это ему стоить денег или нет.

Вконец измученной Аше было уже все равно, куда ее ведут. Понурившись, она шагала рядом со стражником, ни на что не обращая внимания. Аша едва заметила, что они подошли к большому каменному зданию с огромными деревянными дверями. Вход охранялся часовыми, одетыми в те же тускло-алые туники, что и у ее конвоира...

Помещение, куда привели девушку, оказалось, не в пример улице, уютно полутемным и освежающе прохладным. Аша огляделась. Продавцы о чем-то спорили со стражником — ей было наплевать. Все, что ее окружало, являлось частью невыносимого, ужасного города, который она собиралась покинуть, как только доставит письмо.

За столом сидел толстый человек и со скучающим видом что-то писал в изрядно потрепанной книге. Казалось, его нисколько не занимала проблема кражи. За ним находилось обширное пространство, отгороженное барьером из железных прутьев. Камера была заполнена людьми, которые либо сидели, либо спали прямо на каменном полу.

— Тюремщик, вот тебе еще... Мелкая кража. Посади ее вместе со всеми до утреннего судебного разбирательства, — произнес стражник.

Толстяк поднял голову, посмотрел на Ашу, и глаза его округлились.

— Ну, если Воровская гильдия набирает таких хорошеньких рекрутов, я готов сам в нее вступить, — сказал он вполголоса стражнику. — Так, госпожа, свою поклажу оставишь у меня.

— Как?... Почему?... Не трогайте это! — прижала Аша к себе сумки.

— Скорее всего их вернут, — пожав плечами, сказал стражник. — Здесь лучше не скандалить. Ты уже и так влипла.

Девушка продолжала держаться за свои вещи. Толстяк нахмурился и предложил взять их силой.

— Не прикасайтесь ко мне! — крикнула Аша и бросила сумки на стол перед тюремщиком. — Только предупреждаю вас, — добавила она со злостью, — некоторые из вещей — магические, и с ними нужно обращаться бережно. К тому же там имеется свиток, который я должна вручить какому-то Даламару. Мне не известно, кто он, но я уверена, этот человек будет не в восторге, узнав, что ему предназначено побывать в чужих руках.

Аша хотя и надеялась, но все же не предполагала, что ее слова произведут какое-то особое впечатление. Но тюремщик, рывшийся в поклаже, внезапно отдернул руки, как если бы почуял наличие хитроумного, способного взорваться устройства (гномы-механики были мастаки на такого рода штучки).

Продавец фруктов — со словами «я отказываюсь от обвинений» — поспешно покинул здание суда.

— Ведьма — я так и думала... Сжечь ее на костре, — упорствовала булочница.

— Мы больше этого не делаем, — проговорил потрясенный, побледневший толстяк. — Я не слышался: ты сказала — Даламар?

— Да, именно.

Аша очень удивилась, что это имя так на всех подействовало, и решила воспользоваться удобным моментом.

— Со мной вам тоже нужно обращаться должным образом, иначе повелитель Даламар, я в этом уверена, будет недоволен.

Стражник и тюремщик чуть слышно переговаривались.

— Что нам делать? — шептал толстяк.

— Послать за леди Йенной. Ей лучше знать, — последовал совет.

— Посадить ее в камеру?

— А что, позволить разгуливать ей здесь?!

В конце концов Аша была препровождена за барьер из железных прутьев. Она поразилась, обнаружив там детей. Что они могли такого совершить? Однако в этот момент девушка услышала ругань тюремщика:

— А ну, прочь, кендеры проклятые!.. Эй, где мои ключи?.. Ах ты, негодяй! Верни мне их сейчас же!.. Найди себе место, милочка, — крикнул толстяк, отбиваясь от кендеров. — С тобой скоро все разъяснится... Что ты делаешь с моей трубкой?.. Ах ты, подлец, отдай табакерку... О, Гилеан!..

С руганью и проклятиями толстяк выбрался из камеры и облегченно вздохнул лишь тогда, когда снова уселся за свой стол.

Так вот они какие — кендеры! У Аши была мысль познакомиться с существами, которых Заст называл «потешными воришками Кринна». И, как выяснилось, знакомство не заставило себя долго ждать, поскольку для любопытных кендеров появление в «их» камере чужака всегда являлось событием.

Они облепили девушку со всех сторон. Все разом задавали вопросы, хихикали, дотрагивались до нее, беспрерывно тараторили. Жара, шум и

суета, голод и страх — это было уже слишком. У Аши все поплыло перед глазами.

Очнулась она на полу и первое, что увидела, — озабоченное лицо кендера. По сравнению с остальными этот выглядел старше: под глазами имелась меточка морщин, и уголки рта окаймляли линии, говорившие, впрочем, скорее о смешливости кендера. Длинные, прочерченные сединой волосы на затылке были стянуты в хвостик. В целом его лицо оставалось таким же открытым и дружелюбным, как лицо ребенка или любого другого кендера.

Сразу стало ясно, что собратья его почитают и уважают: все, кто находился в «отстойнике», держались теперь от них на определенной дистанции.

— Что произошло? — пытаюсь привстать, спросила Аша.

— Ты упала в обморок, — объяснил кендер. — Я думаю, тебе нужно еще полежать. Самому мне никогда не приходилось падать в обморок. По крайней мере не припоминаю, чтобы со мной такое случалось. Я бы не отказался попробовать... Как ты себя чувствуешь? Стражник сказал, что ты нездешняя и что ты голодна. Скорее всего это так и есть. Ты проголодалась? Где-нибудь через час будут давать суп и хлеб. Кормят здесь вполне сносно. В Палантасе хорошая тюрьма — одна из лучших на Ансалоне. Какие удивительные у тебя глаза — со странным золотистым оттенком. У кого-то я уже такие видел... Мы не встречались прежде? Ты не бывала в Утехе?

— Не думаю, — устало отвечала Аша. Болтовня кендера действовала успокаивающе, но многочисленные вопросы смущали ее. — Никогда не слышала об Утехе.

Девушку мучило от головной боли и пустоты в желудке. Заст предупреждал Ашу быть с кендерами поосторожнее. Но этот — один за весь день говорил с ней с расположением, по-доброму. Еще она заметила, что вместо подушки у нее, судя по зеленому цвету брюк кендера, подложена его накидка. Девушка была благодарна ему за это.

— Кто ты? — пытаясь улыбнуться, спросила она.

Кендера вопрос удивил и огорчил одновременно.

— Неужели я не представился? Думаю, нет... Хотя я собирался, но в этот момент ты потеряла сознание.

Он протянул маленькую и коричневую, словно орех, руку.

— Мое имя — Тассельхоф Непоседа. Друзья зовут меня просто — Тас. А как твое имя?

— Аша, — пожимая протянутую руку, ответила девушка.

— Просто Аша?.. Насколько мне известно, у большинства людей двойное имя.

— Просто Аша.

— В любом случае — хорошее имя, пусть даже и одно... Знаешь, Аша, ты мне кого-то напоминаешь, — вглядывался в лицо девушки Тас. — И я все думаю — кого?

Ей было все равно. Чувствуя себя под защитой нового друга, она незаметно уснула. Но сквозь навалившийся на нее сон Аша уловила изумленный шепот кендера:

— Я понял!.. У нее такого же цвета глаза, как у Рейстлина.

5. Чародейка.

Госпожа Йенна поражена

Ашу разбудил запах горячего супа. После короткой дремы ей стало гораздо лучше. Затем, сидя у стены, она поглощала куриный суп из обшарпанной глиняной миски и думала о том, что с ней будет дальше. Утешало, что по крайней мере проблема ночлега разрешилась.

Наступила ночь. В камере было темно, только у входа в здание, на стене, горели факелы.

Новый знакомый быстро покончил с супом, но свой ломоть хлеба предложил Аше:

— Вот возьми; по тебе не скажешь, что ты насытилась.

Свою горбушку девушка проглотила столь молниеносно, что едва успела ощутить ее вкус.

— Ты в самом деле не хочешь? — колеблясь, спросила она.

Кендер потряс головой:

— Нет. Все в порядке. Если я вдруг проголодаюсь, то найду что-нибудь в своих котомках, — сказал он.

— Как тебе удалось остаться при вещах? — хмурясь, спросила Аша. — Мои забрали.

— О, это обычное дело, — пожал плечами Тас. — Не знаю почему, но у нас, кендеров, они никогда ничего не отбирают. Может, все из-за

того, что им негде держать наше барахло. Или, может, потому, что утром трудно будет разобраться — кому какие вещи принадлежат. Нас это особенно не волнует. Мы делим все, — заключил он, показывая рукой на своих собратьев, которые в данный момент перебрасывались хлебными шариками.

— Мы тоже всем делимся, — неосторожно отозвалась Аша.

— Кто мы?.. Откуда ты?.. Ясно, что не из здешних мест.

Говоря эти слова, Тас так энергично мотнул головой, что косичка, описав дугу, хлопнула его по носу.

— А чем я отличаюсь от прочих? — увильнула от прямых ответов девушка.

— Ну-у... — Тас на секунду замолк, собираясь с мыслями. — Во-первых, ты одета иначе. Говоришь ты тоже по-другому, хотя, казалось бы, слова те же самые. Ты гораздо красивее всех тех, кого я видел. Исключение — супруга Таниса, Лорана... Хотя ты, наверное, не знаешь, о ком я говорю... Не думаю, что знаешь. Да... и Тика, жена Карамона. Слышала о нем? У него есть брат-близнец, Рейстлин.

Тас пристально посмотрел на Ашу. Но ей ни о чем не говорило это имя. Разве что она слышала его из уст самого кендера перед тем, как уснуть.

— А что касается моей наружности... — не нужно мне лгать. Думаешь, не знаю, какая я на самом деле, — сказала девушка и тяжело вздохнула.

— Я лгу!.. Кендер *никогда* не лжет! Не веришь мне, спроси тех людей, там, в углу... Что они о тебе думают... Впрочем, лучше тебе с ними ни о

чем не говорить. Это скверный народец... *Воры!* — добавил он, скорчив гримасу.

— А ты разве не вор? — удивилась Аша.

— Нет, клянусь бородой великого Паладайна! — воскликнул с негодованием Тас.

— Тогда почему же ты здесь?

— По ошибке, — со смешком ответил он. — Хочешь — верь, хочешь — не верь, но с нами, кендерами, каждый день случается что-нибудь такое... Конечно, им известно об ошибке. — Он кивнул в сторону тюремщика. — Они всегда поутру нас отпускают. Затем в течение дня они нас отлавливают и сажают на ночь сюда. Получается, все заняты делом... Понятно?

Нет, понятно не было, и Аша думала, как бы разговорить кендера, не вызвав у него на свой счет подозрений.

— Тас, объясни мне кое-что... Там, откуда я родом, люди живут почти так же, как вы. У нас все поровну, мы всем делимся. А здесь все... жадные... Я проголодалась и взяла у одного человека пару яблок, совсем завядших; он бы наверняка их выбросил... Почему же этот человек так взбеленился?.. А женщина... Ее хлеб к утру покрылся плесенью.

— Да-да, понимаю. Это всегда касается *вещей*... Людей очень привлекают *вещи*, они любят владеть ими. А когда они им надоедают, их не выбрасывают, но хотят обменять на другие. Хорошо это помни и никогда не попадешь впросак... Кстати, откуда ты родом, Аша?

Вопрос был задан непреднамеренно. Кендер просто любопытствовал. Но девушка не забывала предупреждение Заста: никому не говори, что жила среди эрдов.

— Отовсюду понемногу, — ответила Аша, искоса наблюдая за реакцией кендера. Странствую и там и сям, никогда долго не остаюсь на одном месте.

— Ты знаешь, Аша, — восхищенно произнес Тас, — из тебя получился бы отличный кендер... А в Утехе, ты говоришь, не была?

— Может, и была. Разве все места упоминаешь?

— А я помню все. Я могу делать карты. Но об Утехе я спрашиваю по другой причине. Просто ты очень похожа...

В этот момент в двери камеры заклацал ключ. Вошел тюремщик. На этот раз при нем была палка, чтобы отгонять кендеров.

— Ну, где тут новый арестант? — вглядываясь в сумрак камеры, проворчал он.

Наконец он заметил Ашу.

— Эй, ты. С тобой хотят поговорить.

— Со мной? — недоуменно откликнулась девушка.

— Да, с тобой... Шевелись — у леди Йенны не так много времени.

Аша посмотрела на кендера в надежде на его пояснение.

— Леди Йенна — маг из Ложи Красных Мантй. Она — владелица лавки, торгующей магической утварью. О-о, это прелюбопытное местечко в городе!

— А что ей нужно от меня?

— Если у тюремщика возникают сомнения насчет конфискуемой вещи — вдруг она обладает магическими свойствами, — он обращается за ее помощью. Среди твоих есть нечто подобное?

— Возможно, — кусая губу, ответила Аша.

— Эй, воровка яблок, — уже раздраженно позвал толстяк-тюремщик, орудовавший вокруг себя палкой. — Сию минуту выходи!

— Ну, давай, Аша, — предлагая руку, подбодрил Тас. — Не бойся. Леди Йенна — премилый человек. Мы с ней старые приятели. Сколько раз меня выгуливали из ее лавки...

Девушка поднялась, но предложенной руки не приняла. С выражением полной беспечности на лице она прошествовала к двери.

Тюремщик пропустил Ашу, но преградил дорогу Тассельхофу, вознамерившемуся проскользнуть за спиной девушки.

— Куда это ты собрался, господин Непоседа?

— Засвидетельствовать свое почтение госпоже Йенне. С моей стороны было бы нелюбезным обратное.

— Ну, еще бы!.. Будь послушным и вежливым и отправляйся назад.

Толстяк пихнул Таса за решетку и громыхнул дверью. Кендер прилип к прутьям.

— Здравствуйте, госпожа Йенна, — высоким голосом закричал он, махая маленькими ручками. — Это я — Тассельхоф Непоседа, один из Героев Копья!

У стола тюремщика стояла женщина, одетая в красную с капюшоном рясу. Она обернулась на крик, слегка улыбнулась и коротко кивнула. Затем вновь сосредоточила внимание на вещах Аши, аккуратно разложенных на столе.

— Вот, госпожа Йенна, это она интересовалась Хранителем Башни.

Женщина сдвинула капюшон назад. Холодное, будто высеченное из белого мрамора, лицо было

тем не менее привлекательным. Темные глаза напряженно изучали Ашу.

У девушки заныло в животе, ноги подкосились, во рту пересохло. Она поняла, что женщина все о ней знает. Что с ней теперь будет? Заст ей говорил: люди относятся к эрдам не лучше, а может быть, и хуже, чем к людоедам-великанам. А с людоедами они расправлялись безжалостно.

— Подойди ближе, дитя, — сказала женщина, сопроводив слова взмахом изящной точеной руки. — Встань к свету.

Йенна по годам была не намного старше Аши, но от нее веяло такой силой и таинственностью избранницы ложи Красных Мантий, что она выглядела неизмеримо опытнее и умудреннее.

Аша храбро шагнула вперед, решив не выказывать своего страха. Девушка вышла на свет.

Глаза Йенны расширились, когда она в свою очередь сделала шаг к Аше.

— Да благословит нас Лунитари, — прошептала она.

Быстрым движением Йенна надвинула капюшон и повернулась к тюремщику.

— Освободишь арестованную под мою ответственность. Она пойдет со мной. Я заберу и то, что ей принадлежит.

Затем Йенна начала осторожно складывать дары эрдов в сумку Аши.

— Значит, я был прав, госпожа, — они магические, — косясь на предметы, проговорил тюремщик.

— Ты правильно сделал, позвав меня. Приятно сознавать, Торг, что моя наука обращения с подобного рода вещами пошла тебе на пользу. Не

просто было снять заклятие, что ты однажды навлек на себя.

Толстяк вздрогнул.

— Обещаю, госпожа Йенна, повторения не будет... Ты можешь забрать ее, но необходимо оставить расписку. Если она снова ограбит фруктовый лоток...

— Никого и ничего она грабить не будет, — отрезала женщина, беря в руки поклажу Аши. — Пойдем, дитя... Кстати, как тебя зовут?

— Аша... Но отдайте мне мои вещи, — резче, чем сама того хотела, сказала девушка.

Густые, красиво очерченные брови Йенны приподнялись.

Аша вспыхнула и закусил губу.

— Они же мои. Я их не украла, — сердито добавила она.

— Мне это известно, — отвечала Йенна. — Такие ценные, с магическим ореолом предметы не дадут себя так просто украсть. А кто окажется настолько глуп, что попробует это сделать, — не избежит проклятия.

Чародейка бросила взгляд на тюремщика. Тот покраснел, съежился и уткнулся в свою замусоленную книгу. Йенна отдала сумки Аше, и они направились к выходу.

— Я благодарна тебе за свое освобождение, госпожа. Может, я могу быть чем-нибудь полезна? Где находится твоя лавка? Возможно, я как-нибудь загляну в нее...

— Конечно, заглянешь, — сказала улыбаясь Йенна, — прямо сейчас... И не нужно волноваться: яведу тебя туда, куда ты сама стремилась.

— И куда же? — с упавшим сердцем спросила девушка.

— На свидание с Даламаром, разумеется. Хранителю Башни будет небезынтересно с тобой познакомиться.

— Это уж точно! — раздался за спиной пронзительный крик. — Передайте привет от Тассельхофа... Послушай, госпожа Йенна, тебе не кажется — Аша дьявольски похожа на Рейстлина?!

Чародейка внезапно замерла на месте и какое-то время оставалась неподвижной. Затем она медленно повернулась и зашагала обратно к столу.

Аша тем временем лихорадочно соображала — не следует ли ей дать деру. Но куда бежать? И как? — у нее не было сил.

Йенна подошла к тюремщику:

— Отпусти и кендера.

— Ты этого хочешь, госпожа? — пробормотал насупившийся Торг. — Он же само недоразумение...

— Хочу, — со сталью в голосе сказала Йенна.

Торг достал ключи, подошел к камере и отпер дверь. Тассельхоф с бодрым видом зашагал к Йенне; хвостик волос болтался из стороны в сторону, о бока терлись котомки.

— Еще раз, здравствуй, госпожа. Кажется, официально я не был тебе представлен: Тассельхоф...

— Ты мне знаком. Думаю, Даламар хотел бы с тобой побеседовать.

— Просто замечательно!.. Я не виделся с ним целую вечность. Верно ли, что он твой любовник?.. Не смотри на меня так. Карамон сказал, что вы оба...

— Перестань болтать и шевели ногами, — мрачно оборвала кендера Йенна.

Они вышли на улицу.

— Аша идет рядом со мной, а ты ступай впереди, так, чтобы твои руки были на виду.

— Я буду во главе? — разволновался Тас.

— Можешь считать, что так, — отозвалась Йенна. — Нет, не в эту сторону. Мы идем за городской стену, к моему обиталищу.

— А я думал, мы собираемся посетить Башню Высшего Волшебства! — захныкал Тас. — Один раз я оказался неподалеку — и это действительно жуткое место... Карамон едва не расстался с жизнью... Ну пожалуйста, пойдем через Рощу.

— Не мели ерунды, — осадила Йенна. — Кому может прийти в голову мысль о прогулке в Шойкановой Роще, и особенно ночью, — разве что кендеру!.. Даже я никогда не хожу этой дорогой, хотя была в свое время ученицей Даламара. Я проведу вас иначе, но сначала мы зайдем в лавку.

Тас ненадолго сник, но затем встрепенулся вновь и засеменял впереди с прежней энергией.

— Ну ладно. По крайней мере мы попадем в Башню. Вот будет весело! — оглядываясь на Ашу, добавил Тас. Хотя он был уже далеко не молод, жизнерадостности в нем было хоть отбавляй. — Башня Высшего Волшебства — неопишемые ощущения! Давненько мне не приходилось там бывать. Она прямо-таки нашпигована волшебством. Правда, по преимуществу — это черная магия, и очень большой силы. Даламар — маг из Ложи Черных Мантий, самый могущественный на всем Ансалоне. Темный эльф. Впрочем, ты и сама это должна знать, если хочешь с ним встретиться.

Аша внезапно остановилась:

— Черная Мантия? Темный эльф? Но... этого не может быть! Заст ни за что не послал бы меня к такому магу. Я в этом уверена. Может... есть еще один Даламар?

Вместо ответа она улышалась смех, похожий на звон серебряных бубенчиков.

— Идем-идем, — стараясь скрыть удивление, торопила Йенна. — И запомни, дитя: существует только один Даламар.

6. Башня Высшего Волшебства. Трапеза. Сюрприз не из приятных

сли и в дневное время Палантасская Башня являлась местом, которое все избегали и которого панически боялись, то ночью в ее окрестностях можно было испытывать только одно чувство: смертельный страх.

Когда-то на Ансалонском континенте насчитывалось пять таких башен, теперь осталось лишь две. Одна находилась в Вайретском Лесу, и добраться до нее не было никакой возможности — если только местные маги сами того не захотели бы. В этом случае волшебные силы Леса служили проводником.

Башня Высшего Волшебства в Палантассе также считалась недоступной. Ее окружала Шойканова Роща — преграда из деревьев, за которыми обитали бессмертные духи-стражи. Большинство людей начинали испытывать страх уже при одном только виде Рощи — столь сильным было ее магическое поле. Поэтому войти в Рощу мог либо сторонник Владычицы, либо тот, у кого имелся амулет, полученный из рук Даламара. Но даже им не представлялось возможным запросто пройти в Башню. Для делового визита или такого посещения, как в случае с Йенной и ее спутниками, визитеры, как правило, пользовались более безопасными путями — волшебными тропами.

Йенна и ее арестанты вышли за обводную стену. Палантас был построен гномами в Век Силы и делился на две части: Новый город и Старый. С высоты Старый город напоминал колесо с расползавшейся в центре ступицей — дворцом правителя, от которого радиально отходило восемь проспектов. Само собой, разраставшемуся Палантасу становилось тесно в границах Старого города, этим объясняется его нынешнее деление на две части.

Новый город был стихией торговли и ремесел, являясь одновременно местом обитания для тех, кто ими занимался.

Лавка Йенны находилась в одном из лучших кварталов торговой части Палантаса, и нужно сказать — к большому неудовольствию соседствующих дельцов. Они с нескрываемой неприязнью относились к ней самой и ее таинственной клиентуре. Однако все знали, что Даламар, Хранитель Башни Высшего Волшебства, оказывает Йенне особые знаки внимания. И, учитывая такие исключительные отношения, недовольные соседством с чародейкой лишь глухо роптали.

На лавке магической утвари красовалась вывеска с изображением трех лун: серебряной, красной и черной.

Первое, что сделала Йенна еще до того, как они переступили порог дома, — связала руки кендера шелковым жгутиком (не лишняя предосторожность). Затем она сняла заклятие, хранящее лавку в ее отсутствие, и пригласила гостей внутрь.

— Неужели это так необходимо? — с негодованием вырвалось у Аши. — Ты ведь знаешь — он не вор.

Брови у Йенны чуть дрогнули, и она пристально посмотрела на девушку.

Аша покраснела и закусила губу.

— Я, в общем-то, не против, — бодро произнес Тас. — Мне не привыкать.

— Это для его и для нашего блага, вовсе не потому, что я беспокоюсь о пропаже денег, — пояснила Йенна. Затем она что-то прошептала, и в лавке зажглась лампа. — Ты не знаешь их повадок?

Аша решила притворяться и дальше, хотя эта игра ей казалась пустой тратой времени.

— Что за вопрос! Я все о них знаю, да и найдется ли на Ансалоне хоть кто-то, кто с ними незнаком.

— К сожалению, есть и такие. Именно поэтому я и спросила... Проходите сюда... Поставь это на место! — последовал резкий окрик после того, как Аша поднесла к глазам изящную бутылочку. — Если хоть одна капля попадет на твое тело, кожа превратится в лохмотья. Ни к чему не прикасайся ради собственной безопасности!.. Ты не лучше кендера... Идемте за мной.

Аша робко поставила бутылочку на полку. Решив ничего больше не трогать, она для верности спрятала руки за спину. Старясь все замечать, она, в итоге, мало что увидела. Основным впечатлением от лавки остался запах — манящий и в то же время отталкивающий. Баночки и склянки с пряностями и травами соседствовали с чашечками и кувшинчиками с какой-то гнилью. От полок с колдовскими книгами пахло затхлостью и плесенью. На свету в стеклянных вазах оживали драгоценные камни.

— В подвале у меня лаборатория, — сказала Йенна и открыла дверь с начертанными на ней

странными символами. — Здесь тоже ни к чему не смейте притрагиваться.

Глазам открылась лестница. Йенна и Тассельхёф спускались первыми, причем леди ухватила косичку кендера (опять же из предосторожности), и, если тот останавливался, следовал резкий бесцеремонный рывок.

Сверхъестественный, словно дымка, свет в лаборатории слабо освещал лестницу, и Аша предельно осторожно шагала со ступеньки на ступеньку.

— Теперь ждите... И не двигайтесь с места! — приказала Йенна, как только они ступили на пол. Затем она растворилась в сумраке, и вскоре до гостей донесся полусшепот, полубормотание, как будто хозяйка с кем-то переговаривалась.

Любопытный Тассельхоф уже поднял ногу, чтобы ринуться в направлении звуков, но Аша успела схватиться за воротник его зеленой рубашки.

— Она же сказала не двигаться! — прошипела девушка.

— Извини, я не хотел. Ноги мне не подчиняются, — искренне сокрушаясь, шептал Тас. — Я им приказываю, увещаю, требую... но все бесполезно — мои приказы и увещания не доходят до них... Все это так будоражит: взгляни туда! — у Таса перехватило дыхание. — Это человеческий череп?! Мне кажется, Йенна не стала бы возражать, если я...

— Нет. Я уверена, она бы непременно возразила, — сердилась Аша. — Стой, где стоишь.

В действительности девушка удерживала Таса не потому, что ее беспокоило неповиновение кендера, — ей просто нужен был хоть кто-нибудь рядом.

— Хорошо, что она взяла тебя, — взволнованно добавила Аша. — Хотя мне непонятно — зачем? Нельзя сказать, чтобы твое присутствие ей очень уж нравилось.

— Ей не пришлось выбирать, — пожал плечами Тас. — После того как я упомянул о Рейстлине...

— В чем тут дело? Что значит — «похожа на Рейстлина»? Ничего не пойму... Кто он?

— Кто такой Рейстлин? — воскликнул Тассельхоф, забыв, что говорил шепотом. — Ты первая на всем Ансалоне, кто ничего не знает о Рейстлине!

Аша, видя, что сплеховала, негромко и коротко хохотнула.

— А-а... *этот* Рейстлин! О нем я слышала, просто запуталась, *какого именно* ты имеешь в виду. У меня на родине имя «Рейстлин» довольно распространенное. Только в нашем поселке живет несколько человек, носящих это имя. Он — эльф?

— Не думаю... Нет, Рейстлин не был эльфом. То же самое — и Карамон. Из него может получиться целых три эльфа. Кроме того, они — близнецы, а насколько мне известно у эльфов не бывает близнецов... Прошло уже довольно много времени с моего последнего посещения Квалинесты... Они не пустят меня через границу, хотя я и знаю нового Беседующего-с-Солнцами. Это сын Таниса — Гил... Ну, а о Танисе Полуэльфе, надеюсь, ты слышала...

— Кто же о нем не слышал! — вдохновенно соврала Аша.

По крайней мере, она теперь наверняка знала, что речь идет о «нем» и что этот «он» имеет какое-то отношение к Карамону. Девушка поздравила себя с тем, как она искусно выведала нужные ей сведения, не проговорившись сама, и уже обдумывала

вала следующий вопрос, когда из сумрака возникла Йенна.

— Она знает, кто такой Рейстлин, кендер, просто морочит тебе голову... Теперь приготовьтесь. Я обсудила нашу встречу с Даламаром и...

— С Даламаром? Он здесь?.. Даламар! Это я — Тас, — закричал кендер. — Ты помнишь меня? Я...

— *Здесь* его нет, — холодно оборвала Йенна. — Он в Башне. Но у нас есть способы для связи друг с другом... Видите соляной круг на полу?

Какое там! В этом мерцающем свете даже пол не был виден. Но неожиданно лампа ярко вспыхнула, и круг под ногами отчетливо проступил.

— Шагните в круг, — наставляла Йенна, — старайтесь не наступить на соль.

— Я знаю, — взволновался Тас. — Я видел, как Пар-Салиан проделал такое же с Карамоном. Тогда я как-то случайно превратился в мышь. Понимаешь, Аша, я был в Башне Вайрета и нашел там белое с двумя красными камушками кольцо. Я его надел и...

— Во имя Гилеана, перестань болтать! — осадила Йенна. — Или я сама превращу тебя в мышь, а себя в кошку!

— А ты могла бы?.. В какую? — снова затараторил Тас. — Может, лучше — меня? Я еще никогда не был кошкой...

— Держитесь за мои руки, — предупредила Йенна. — Закройте глаза, и вас не будет тошнить... и, что бы ни случилось, не отцепляйтесь от меня.

Пол вдруг стал уходить из-под ног. На отсутствие опоры тут же отреагировал живот. У Аши появилось чувство, что в лицо бьет ветер. Предупреждение — не отцепляться — было напрасным: девушка мертвой хваткой вцепилась в руку Йенны.

Затем Аша ощутила под ногами твердую почву. Чуть приоткрыв глаза, она вновь зажмурилась от яркого света.

— Открывай, не бойся — мы прибыли... Мы в Башне Высшего Волшебства, — раздался голос Йенны.

Аша робела. По словам кендера, Башня — отвратительное место, прибежище зла. Однако сам Тассельхоф уже бойко с кем-то разговаривал. Собеседник вежливо отвечал, но было ясно — думал он о другом.

— Открой глаза, Аша, — повторила Йенна.

Все еще щурясь, она повиновалась... Девушка думала, что очутилась в темнице, угрюмом подземелье, с прикованными к стенам узниками, но вместо этого глазам предстала роскошно убранная комната. Стены покрывали прекрасно сработанные, поражающие многоцветием гобелены с причудливыми животными. Полы были застланы мягкими, с замысловатыми рисунками коврами. Аше никогда не приходилось видеть такого количества мебели в одной комнате.

— Добро пожаловать, Аша... Добро пожаловать ко мне в Башню.

Девушка повернулась на голос. Она ожидала увидеть эльфа (Заст неоднократно описывал их), но это был высокий и стройный человек, облаченный в черную шелковую рясу с вышитыми на ней кабалистическими символами. Черты лица — по мягкости и правильности — вполне могли соперничать с чертами эрдов.

— Я — Даламар, — произнес он.

Чистый, приятный, мелодичный голос напоминал звук флейты. Даламар приблизился к Аше. Движения были плавны и грациозны. Волосы мяг-

кого темного цвета доходили до плеч. Все в нем вызывало расположение, и девушка была очарована. Они встретились глазами, и тут Ашу охватил страх: его взгляд завораживал, подчинял, не отпускал. Она попыталась отвести глаза... и не смогла.

— Мне кажется, твоя ноша не слишком легка. Я приму ее, — проговорил Даламар.

Девушка беспрекословно повиновалась.

— Ты дрожишь, дитя... Ничего не бойся. Я не причиню тебе вреда и, может быть, даже помогу... Присядь... Не желаешь ли вина? Или ты голодна?

Он указал рукой на стол, и с этим жестом исчезло наваждение от его взгляда. Аша повернула голову. Закрытые блюда и горшочки не могли удержать соблазнительных запахов. Яркий свет от канделябра делал еще более аппетитными разложенные в чашах и вазах фрукты. Тассельхоф уже приподнимал крышки и блаженно принюхивался.

— Это выглядит сногшибательно... Как я голоден... Кто бы мог подумать!.. А ты не желаешь подкрепиться, Аша?.. Ведь мы только час назад ели. Хотя тюремный суп в животе долго не задерживается... Нет, я не хочу сказать, что там плохо кормят, — добавил Тас, беспокойно глядя на Даламара. — Не нужно передавать им мои слова. Пища вполне съедобная, и не хотелось бы обидеть тюремного повара.

— Я не обмолвлюсь ни словом, — с мрачной улыбкой пообещал Даламар. — Остается надеяться, что мои кушанья не хуже: жаркое, хлеб, фрукты, подслащенные орешки, засахаренные фрукты... Боюсь, это все, что мне по силам в столь поздний час.

Аша внезапно ощутила, насколько она проголодалась.

— Все просто великолепно, — сказала она и в следующий момент уже сидела за столом, накладывая на тарелку еду. — В жизни не была такой голодной, — призналась она кендеру.

— Я тоже, — промычал он, делая невероятные усилия, пытаясь целиком засунуть в рот большое печеное яблоко.

— Думаю, причиной всему — волнение, — после глубокого удовлетворенного вздоха заключил Тас и снова потянулся к тарелке.

— Должно быть, — согласилась Аша, терзая хрустящую, подрумяненную грудь цыпленка.

Вкус был изумительный, он дурманил голову. Девушка с наслаждением разделалась с одной порцией жаркого и с неослабевающим аппетитом принялась уплетать другую. Только тогда она заметила, что Даламара и Йенны в комнате нет.

— Куда они могли деться? — беспечно спросила Аша.

Глотнув пряного подогретого сидра, она решила, что не пила ничего более восхитительного, и за первой пробой последовали два полных бокала.

— Не знаю, — сквозь зубы отозвался Тас. — Я не видел, как они вышли. Но дело обычное: вот они есть — и вот их уже нет... Маги!.. Послушай, и твои котомки исчезли.

— И вправду...

Аше это показалось забавным, и она покати-лась со смеху. Не удержался и Тас. Смех разбудил жажду, и они вновь выпили сидра. Вино разогло аппетит, и они снова набросились на лакомства.

Наконец, пресыщенная, Аша откинулась на стуле, вытерла о салфетку руки и обратилась к Тасу:

— Расскажи мне еще об этом Рейстлине.

Тем временем в соседней комнате Йенна разложила перед Даламаром вещи Аши. Внимательно, ни к чему не прикасаясь, маг изучал их.

— Это все, — сказала Йенна.

— А что в другой сумке?

— Шелковое белье, и больше ничего.

— Ты говорила, у нее какое-то послание ко мне...

— Она сказала о нем тюремщику. И либо она лжет, либо держит его в голове, либо послание при ней.

— Сомневаюсь, чтобы лгала, — подумав, сказал Даламар. — С какой целью?.. Не вижу смысла. Ясно, что она представления не имеет о том, кто я такой.

Йенна презрительно фыркнула.

— Утверждает — знать ничего не знает о Рейс-тине Маджере.

— С учетом всего этого — вполне вероятно.

Даламар по-прежнему разглядывал предметы. Держа над ними руку, он чуть слышно забормотал, и одна за другой вещи засветились, причем некоторые довольно ярко. Маг опустил руку и удовлетворенно вздохнул.

— Ты права: они магические, а кое-какие обладают большой силой. Любопытно, что реликвии не имеют отношения ни к одному из существующих магических орденов. Ты со мной согласна, любовь моя?

— Абсолютно.

Йенна положила руку на плечо мага и прикоснулась губами к его щеке.

Даламар улыбнулся, но продолжал оставаться сосредоточенным.

— Хотелось бы узнать, какого рода заклятия они на себе несут, — нетерпеливо произнес он.

Маг подошел к самой неприметной на вид вещице — кусочку янтаря, вправленному в фигурку оленя. Словно зная, что должно произойти, он соорудил на лице гримасу и кончиком пальца коснулся вещи.

Последовала голубая вспышка, сопровождаемая шипением, и Даламар, охнув, отдернул руку.

Йенна, сжав губы, покачала головой:

— Это нетрудно было предположить. Реликвиями может пользоваться только один человек.

— Я и сам в этом почти не сомневался... и все же следовало попробовать.

Они обменялись взглядами. Напрашивался только один вывод.

— Работа эрдов?

— Никакого сомнения, — ответил Даламар. — Нельзя не признать качества изготовления и, — он потряхнул пораненной рукой, — эффективности воздействия.

— Для нас они не представляют интереса, но, очевидно, ими может воспользоваться девушка. Хотя по ней не скажешь, чтобы она владела искусством магии.

— Все же эта Аша должна обладать необходимыми задатками, если она та, за кого мы ее принимаем.

— У тебя сомнения? — удивилась Йенна. — Ты не мог не обратить внимания на ее глаза цвета расплавленного золота! На Кринне только у одного человека такие глаза. Даже кендеру стало ясно.

— Тассельхофу?.. Неужели!.. А я все думал, зачем ты взяла его с собой... И что он говорит?

— Слишком много и слишком неосторожно. К его болтовне стали прислушиваться.

— Значит, и она тоже, — задумчиво произнес Даламар и подошел к окну, за которым безмолвно, но абсолютно властвовала ночь. — Неужели легенда не лжет?

— А как иначе это все объяснить?.. Девушка явно выросла вдали от Ансалона. У нее очень ценные реликвии эрдов... Ее признал кендер, и, помимо всего прочего, — ее глаза... По возрасту она подходит... А тот факт, что ее препроводили сюда...

Эта мысль не доставила удовольствия Даламару.

— Я еще раз тебе напоминаю, что Рейстлин Маджере — мертв, — хмуро сказал Даламар. — Его нет в живых уже больше двадцати лет.

— Да, мой дорогой... Не расстраивайся, — Йенна запустила руку в его мягкие волосы и коснулась губами уха. — Но все же был этот случай с Посохом Магиуса. Ведь он хранился в лаборатории Башни, его стерегли бессмертные духи-стражи, и даже ты не имел права доступа... И где сейчас посох? У кого он?.. У Палина Маджере, племянника Рейстлина.

— С таким же успехом он мог быть подарен самим Магиусом, — отстраняясь от Йенны, раздраженно произнес Даламар. — Скорее Магиусом, поскольку он был другом рыцаря Хумы. Всем известно, что братья Палина готовились к посвящению в рыцарство... Все это я объяснил Конклаву...

— Да, любовь моя, — сказала Йенна и опустила глаза. — Ты по-прежнему единственный, кто отказывается верить в совпадения... Как еще можно назвать то, что эта девушка здесь.

— Возможно, ты права, — подумав, ответил Даламар.

Он подошел к стенному, с витиеватой рамой, зеркалу. Йенна встала рядом. Их собственное отражение исчезло после того, как маг провел рукой вдоль поверхности зеркала. Теперь они могли видеть Ашу и Тассельхофа, ублажающих себя кушаньями и сидром, смеющихся по поводу и без повода.

— Как все-таки странно, — чуть слышно проговорил Даламар. — Я все время думал, что это не более чем легенда. И вот она перед нами.

— Дочь Рейстлина, — тихо добавила Йенна. — Мы нашли дочь Рейстлина.

7. Таверна «Последний Приют».

Разговор старых друзей

В Утехе вечер, но нагретые за день земля, дома, деревья все еще пышут теплом. Хорошо уже то, что нет над головой разгневанного, беспощадного небесного ока. Вечер — время, когда можно облегченно вздохнуть и покинуть хоть ненадолго душливую атмосферу дома.

В Утехе никто не помнил такого жаркого и сухого лета. Земля растрескалась, а над долиной стояло марево из мельчайших частичек пыли. Обычно раскидистые, тенистые валлины превратились в застывшие, безобразные мумии.

Сама жизнь в Утехе перевернулась с ног на голову. Не видно было, чтобы кто-нибудь в дневное время спешил на базар, работал в поле, занимался хозяйством. Даже детей жара вынудила сидеть дома и изнывать от скуки, лишила их обычных забав. Зной иссушал, изнурял, испепелял.

Базар почти пустовал. Ручьи пересохли, став мутными лужами. Вода в озере Кристалмир была неестественно теплой, а по его берегам валяласьдохлая рыба. Какое-либо движение днем прекращалось. Относительно прохладные свои жилища люди покидали только с заходом солнца.

— Будто летучие мыши, — мрачно сказал Карамон Маджере, обращаясь к своему другу Танису Полуэльфу. — Днем спим, ночью оживаем.

— И это называется оживаем? — сокрушенно проговорила Тика, обмахиваясь подносом. — Даже во время войны наши дела не были так плохи.

Для путников, застигнутых в дороге сумерками, таверна «Последний приют» всегда являлась вожделенным маяком. Как всегда, ее окна были ярко освещены, обещая прохладный эль или подогретое вино, медовый напиток или терпкий яблочный сидр... и конечно, всем известный, приготовленный с особыми специями картофель Отика. Но этим вечером таверна пустовала, как она пустовала уже много вечеров кряду. Тика даже не разводила огонь в очаге.

Отсутствовали и завсегдатаи бара — места, где обменивались последними новостями, где можно было услышать самую невероятную историю времен Войны Копья... Зато ходили слухи о междоусобице среди эльфов, о том, что гномы Торбардина призвали соплеменников возвращаться в свои земли. Могло получиться так, что гномы, боясь нападения эльфов, заблокируют их крепость в горах, превратив таким образом в заложников своих же собратьев. Пустынными стали дороги, которыми обычно пользовался мелкий торговый люд. Не слышно было криков лудильщиков о починке посуды, не давали больше представлений бродячие музыканты. Кто еще не перестал странствовать, так это кендеры, но, как правило, ночлег они обретали не в тавернах, не на постоялых дворах, а в местных кутузках.

— Народ нервничает, выбитый из колеи, — произнес Карамон, тем самым как бы объясняя

полное отсутствие постояльцев и привычных посетителей таверны. — Все идет к войне... А если не спадет жара, погибнет урожай; тяжело будет зимой с пропитанием.

— Все так, дорогой, все правильно. — Тика положила поднос на стойку, обняла мужа за мускулистые плечи, прильнула к нему. — Это я ворчу, не обращай на меня внимания.

— Как же я могу *не* обращать на тебя внимания, — лаская жену, сказал Карамон.

Нелегко приходилось им все эти годы. Они любили свое дело, хотя содержание таверны отнимало очень много сил. Пока постояльцы спят, Тике нужно было приготовить завтрак, в течение дня убрать комнаты, накормить клиентов обедом, кому понадобится — обстирать, встретить новых посетителей с гостеприимной улыбкой на лице. С наступлением позднего вечера Тика убиралась в баре и строила планы на следующий день.

Карамон по-прежнему был могуч и силен, хотя заметно раздался в поясе. Он относил это на счет пагубности своей неотъемлемой обязанности снимать пробу с приготовляемой пищи. Его виски посеребрились, а на лбу появились глубокие морщины, которые он называл не иначе как — «моих раздумий отметины». Карамон был приветлив, радужен и добросердечен, жизнь воспринимал трезво, гордился сыновьями, не чаял души в дочерях, обожал жену. Печалился и горевал он лишь об утрате брата-близнеца, ставшего жертвой честолубия и темных сил души. Скорбь свою Карамон носил в сердце.

Двадцать пять лет замужества и воспитание пяти детей не лишили Тику привлекательности. Головы клиентов до сих пор поворачивались вслед

женщине, плавно пересекающей бар. Конечно, она раздобрела, и руки ее стали красными и морщинистыми, но улыбка очаровывала как прежде, а в роскошных, огненного цвета волосах не проглядывалось ни единой серебряной ниточки.

Чего не мог сказать о себе Танис. Ему казалось, что кровь человека в нем уже недостаточно горяча, а эльфийская кровь греет мало. Впрочем, сил было еще с избытком, владеть мечом он не разучился, хотя надеялся — до войны не дойдет.

Вероятно, волнение, горечь и тревоги последних месяцев стали причиной того, что он начал быстро сесть.

— Танис, ты имеешь прямое отношение к тому, что нам нечем сегодня заняться, — не выпуская из объятий мужа, сказала Тика. — Когда они должны объявиться?

— Думаю, после того, как окончательно стемнеет, — посмотрев в окно, ответил Танис. — Во всяком случае, таковы были намерения Портюса... Все зависит от состояния Эльханы.

— Собраться в дорогу по незнакомой дикой местности, в такую жару, в ее-то положении... Что с вас, мужчин, взять!

Она выпрямилась, легонько хлопнув мужа по макушке.

— За что? Чем я провинился? — картинно обидавшись, спросил Карамон. — Я в этом деле сбоку припека.

— Все вы хороши — вот за что, — не утруждая себя объяснениями, сказала Тика.

Она крутила в руках передник и не сводила глаз со все более и более чернеющего окна.

«Женщина средних лет, — подумал про себя Танис. — Странно, я не замечал этого раньше.

Может быть, потому, что прежде думал о Тике Вейлан только как о дерзкой рыжеволосой девушке, способной сковородкой отбиться от дракони-дов. Я привык к этому образу, но сегодня увидел другую Тику — с морщинками вокруг рта, сутулыми плечами, страхом в зеленых глазах».

— Что-то случилось с мальчиками, — вдруг проговорила она. — Что-то дурное... Я знаю...

— Ничего с ними не случилось, — мягко возразил Карамон. — Ты просто устала... Это все из-за жары.

— Ничего я *не* устала, и жара здесь *ни при чем*, — вспыхнула Тика. — Я никогда так себя не чувствовала. — Она положила руку на грудь. — Словно что-то давит... Я не могу вздохнуть, и сердце ноет... Пойду приготовлю комнату для Эль-ханы.

— После твоего появления она то и дело бежит вверх, — произнес Карамон, провожая взглядом жену. — Весь день беспокойна и ведет себя очень странно... Вчера ночью видела страшный сон... Они теперь ей часто снятся... Все началось с тех пор, как мальчики стали рыцарями... Она очень гордилась этим... Ты помнишь, Танис? Ты присутствовал на церемонии...

Танис улыбнулся — да, он помнил.

— Тика все глаза выплакала, когда мы остались одни, — покачав головой, продолжал Карамон. — Я напомнил ей, что когда-то она отчаянно и храбро билась с драконидами. Но Тика назвала меня «болваном». Сказала — что было, то прошло, и что мне никогда не понять сердца матери... Ох, уж эти женщины!

— И где теперь молодой Стурм и мой тезка? — спросил Танис.

— Из последней весточки мы узнали, что они держат путь на север, в направлении Каламана. Похоже, Танис, Соламнийцы начинают воспринимать тебя всерьез — по крайней мере в том, что касается рыцарей Такхизис.

Карамон понизил голос, хотя в зале они были совершенно одни.

— Палин написал, что они будут обходить обзором побережье.

— Палин вместе с ними? Маг? — поразился Танис и забыл на время свои собственные проблемы.

— Неофициально... Рыцари никогда не дали бы согласия на присутствие мага, но, поскольку, по словам командиров, планировалось обычное патрулирование, Палину позволили сопровождать братьев. Мальчик решил, что это — нечто большее, чем простой дозор.

— Почему?

— Одна из причин — смерть Юстариуса.

— Что? — изумился Танис. — Юстариус мертв?

— Ты не знал?

— Откуда?.. Я дни и ночи напролет скитаюсь по лесам, делая все возможное, чтобы предотвратить войну между эльфами. С тех пор как оставил Сильванести, я забыл, когда спал в нормальной постели... Что случилось с Юстариусом? И кто теперь возглавляет Конклав?

— А ты не догадываешься?.. Наш старинный приятель, — мрачно произнес Карамон.

— Даламар?.. Ну, конечно, — он. Это можно было предвидеть... Но Юстариус...

— Детали мне неизвестны. Палин многого просто не может сказать. Но маги трех лун, в отличие

от всех остальных на Ансалоне, серьезно отнеслись к твоим предупреждениям об амбициях темных рыцарей. Юстариус решил предпринять магическую разведку в Цитадель Бури. С небольшим количеством людей он проник в крепость. Они едва уцелели, но Юстариусу от Серых Мантий живым уйти не удалось.

— Глупцы, — с горечью сказал Танис. — Чародеи Ариаkana — тертые орешки. Они берут магическую силу от всех трех лун — по утверждению того же Даламара... А тут кучка магов из Вайрета вознамерилась пошуровать в Серой Башне!.. Иначе как бедой это не могло обернуться... Не могу себе представить, чтобы Даламар ввязался в такую авантюру.

— Ну, он-то выпутался, — сухо произнес Карамон. — Остается лишь гадать, на чьей он стороне. Ведь Даламар, ко всему прочему, является слугой Темной Воительницы.

— В первую очередь он слуга магии — так говорил его *шалафи*.

Танис улыбнулся: *шалафи* на языке эльфов означало — наставник, учитель; брат Карамона был *шалафи* Даламара. И хотя взаимоотношения между Рейстлином и Даламаром привели к плачевному результату, разрушению и гибели всего Кринна, — нынешний глава Конклава многому научился у своего *шалафи*. Даламар, впрочем, всегда признавал, что он в неоплаченном долгу у Рейстлина.

— Конечно, темного эльфа ты знаешь лучше, чем я, — сказал Карамон. — Он тоже принимал участие в вылазке и вернулся невредимым. Палин наемкнул — и Даламар получил хорошую встряску. Он сам позаботился о теле Юстариуса, но мне

кажется, только потому, что связан большой дружбой с дочерью покойного — Йенной. Как все произошло, Даламар говорить отказался. В любом случае магам здорово досталось, и Юстариус — чародей высшего ранга — был не единственным, кто погиб в этой бездарной авантюре... Теперь Даламар возглавляет Конклав.

— Думаешь, это он отправил Палина вместе с рыцарями?

— Так или иначе, сын должен был получить разрешение не присутствовать на занятиях, — проворчал Карамон. — Сейчас у магов все строже, нежели раньше. Взять, к примеру, Рейстлина.

— Рейстлин был сам себе голова, — зевая, произнес Танис. Он уже жалел, что вспомнил о постели. Ему представлялись чистые простыни, мягкий матрас, взбитая подушка... — Мне нужно будет встретиться с Даламаром. Наверняка он знает что-то более существенное об этих темных рыцарях.

— Так он тебе и скажет, — с ирониейотреагировал Карамон.

— Если это будет в его интересах, — парировал Танис. — Портюс поживет у тебя несколько недель — Эльхане понадобится отдых. Да и сам он нуждается в восстановлении сил, хотя и не признается в этом. У меня будет время нанести визит Даламару... Я не знаю, как тебя благодарить, Карамон. Давая прибежище Портюсу и Эльхане, ты подвергаешь опасности себя. Вдруг об этом станет известно... Ведь они изгнаны, они темные эльфы, а значит, на этом можно погреть руки...

— Полно, — прервал его Карамон. — В Утехе слышать не слышали о размолвке эльфов. Даже если предположить обратное, это мало кого волнует... Так говоришь, Портюса и Эльхану высла-

ли, навесив им ярлык «темных эльфов»... Если они не станут вдруг пурпурного цвета, никто не заметит разницу: для нас все эльфы — просто эльфы.

— Тем не менее и Квалинести и Сильванести охотятся за Портиосом и Эльханой. — Танис вздохнул. — А ведь еще недавно они были правителями двух наиболее сильных королевств Ансалона. Их брак мог вылиться в союз эльфов, который бы позволил им играть одну из главных ролей в жизни континента. Впервые за столетия их ребенок наследует оба королевства. Но уже нашлись такие, кто поклялся умертвить дите!

Танис сжал кулаки.

Большинство эльфов хочет мира... и не только друг с другом, но и с соседями. Лишь сторонники крайних мер в обоих королевствах настаивают на обособлении, закрытии границ, уничтожении любого, кто к ним приблизится. И основная масса эльфов молчаливо следует за этим меньшинством: так проще, нежели открыто не соглашаться, пытаться противостоять. Именно это больше всего угнетает.

— Я не думаю, что убийцы посмеют сюда сунуться, — продолжал Танис, — но сейчас такое время... можно ждать чего угодно.

— Мы пережили войну с драконами — переживем и эльфов, и засуху, и что бы там ни было, — подбадривая друга, сказал Карамон.

— Надеюсь, дружище... надеюсь, — мрачно отозвался Танис.

— Коли речь зашла о Квалинести... Как поживает Гил?

Танис ответил не сразу. Душевная боль, вызванная побегом сына, не утихала. Квалинестийские эльфы обвели мальчика вокруг пальца, заморочи-

ли ему голову, и он убежал из дома, чтобы стать «правителем»...

Ни Танис, ни Лорана не верили, что у них может появиться ребенок, хотя и страстно желали этого. Беременность Лораны протекала очень трудно. Она захотела, чтобы ребенка назвали Гилтас, что созвучно с именем ее несчастного брата Гилтанаса. Мальчик родился слабым; казалось, не выживет... Танис понимал, что они с женой чрезмерно опекают сына. Ему отказывали даже в посещении родных мест его отца и матери — никто не знал, как примет ребенка со смешанной кровью расколотый расовыми условностями мир.

Стоило Портиосу — Беседующему-с-Солнцами Квалинести — отправиться на помощь собратьям Сильванести, как радикалы объявили его изменником и решили избрать нового правителя. Выбор пал на Гилтаса. Его мать приходилась сестрой Портиосу, но, выйдя замуж за Таниса Полуэльфа, свое право на трон утерjala.

Радикалы от Квалинести уговорили юношу покинуть отчий дом. Они были уверены, что смогут помыкать королем-куклой, поскольку считали полукровку Гила недоумком со слабым здоровьем. Но юноша оказался тверже характером, нежели представляли себе приближенные к трону. Тогда последовали угрозы расправиться с Эльханой Звездный Ветер, королевой Сильванести, которая в тот момент находилась в руках квалинезийцев. И тем самым Гила вынудили принять сан Беседующего.

Танис с помощью Даламара предпринял попытку вызволить сына, но потерпел неудачу.

С другой стороны, Полуэльф тешил себя мыслью, что в конечном счете эльфы только выигра-

вают, как-никак Гил правил на благо всем Квалинести. От него зависело, будут ли расстроены планы стремящейся к обособлению верхушки, воцарится ли мир между эльфами.

Но тоска по сыну со временем не ослабела... Сейчас Танис прилагал усилия к тому, чтобы не разгорелась война между Квалинести и Сильванести: разгневанный, обуянный жадой мести Портисос собирал силы против квалинезийцев...

— Насколько мне известно, у Гила все в порядке, — вполне овладев собой, отвечал Танис. — Но ничего конкретного я сказать не могу. Мне категорически запрещено видеться с сыном... под страхом смерти.

Лицо Карамона выражало полную симпатию и сочувствие.

— Лорана уже несколько месяцев ведет переговоры с Квалинести. В последнем письме она сообщает: есть признаки, что квалинезийцы стали меньше упорствовать. Наверняка Гил имеет к этому отношение, и я не могу не радоваться за него, но, Карамон, ты не представляешь, как я по нему скучаю.

Карамон подумал о своих сыновьях... Нет, он прекрасно понимал своего друга. Однако была существенная разница: сыновья Карамона вскоре вернутся домой, а мальчик Таниса фактически являлся пленником своего же народа...

Друзья еще долго говорили о прошлом и настоящем, пока вдруг их беседу не прервал легкий стук в дверь.

Карамон вскочил со стула и весь напряжился.

— Кто это может быть? В такую пору... Клянусь Бездной, я не слышал, чтобы кто-нибудь поднимался по лестнице!

— И не услышишь, — тоже вставая, произнес Танис. — Это люди Портиоса. Даже в сравнении с эльфами они все делают абсолютно бесшумно, могут перемещаться столь же бесшумно, что и лунный свет.

Танис подошел к двери и взялся за ручку, но, помня об убийцах, прежде негромко свистнул.

Снаружи донесся ответный свист, после чего стук повторился.

Танис отпер дверь.

Из ночи появился воин-эльф. Моментально окинув взглядом зал, он удовлетворенно кивнул и обратился к Танису:

— Все спокойно?

— Да, все тихо... Знакомьтесь: хозяин таверны — Карамон Маджере; Самар — телохранитель Эльханы.

Самар холодно оценил Карамона... Вполне оформившееся брюшко хозяина, его открытое лицо не произвели на эльфа сильного впечатления.

Добродушная ухмылка, неторопливость мысли Карамона, как правило, вводили в заблуждение тех, кто впервые его видел. Его принимали за простака. Друзья хорошо знали, что Карамон отнюдь не был тем человеком, каким мог показаться на первый взгляд. Он никогда не торопился с ответом, не изучив, не обдумав досконально вопрос. Но, все взвесив, принимал порой из ряда вон выходящие решения.

От испытывающего взгляда эльфа тем не менее не укрылись его полная уверенность в себе, решительность и хладнокровие. Карамон был далеко не робкого десятка.

Самар чуть улыбнулся:

— Карамон Маджере — Герой Копья... «Человек с большим сердцем» — как говорит моя повелительница... Я приветствую тебя от имени ее величества.

Карамон смущенно заморгал и, отвечая на приветствие эльфа, неловко кивнул.

— Да-да, Самар... Рад оказать услугу Эльхане... то есть, я хочу сказать... гм-гм... ее величеству. Можешь передать — все готово и ей не о чем беспокоиться... Но где Портнос? Я думал...

— Не говори при нем о Портносе, — наступая на ногу другу, прошептал Танис. — Потом все объясню.

Танис поторопился сменить предмет диалога:

— Он скоро прибудет, дружище, и со своим сопровождением... Вы быстро добрались, Самар... Мы не ждали...

— Ее величеству нездоровится, — не дал договорить Самар. — Прошу извинить, уважаемые, но я должен вернуться к королеве. Готова ли для нее комната?

На лестнице появилась взволнованная Тика:

— В чем дело, Карамон? Я услышала голоса...

Она увидела Самара:

— Ах... здравствуйте.

— Моя жена — Тика, — со значением произнес Карамон, и после двадцати пяти лет супружества считавший себя счастливейшим из смертных, а свою подругу — самой красивой женщиной на свете.

Самар отвесил изящный, хотя и несколько торопливый поклон.

— Сударыня... Но я еще раз прошу простить меня: королева плохо себя чувствует.

— У нее начались схватки? — обмахиваясь передником, спросила Тика.

Самар сконфузился: у эльфов не принято было при посторонних затрагивать подобные темы.

— Сударыня, я не могу сказать...

— Отошли околоплодные воды? — длила пытку Тика.

— Сударыня! — вспыхнул Самар... Он был так шокирован, что даже Карамону стало не по себе.

Танис откашлялся.

— Тика, я не думаю...

— Эх вы — мужчины, — проникновенно вырвалось у нее. Она сдернула с вешалки плащ. — Интересно, как вы собираетесь нести ее в дом? Летать она не умеет... Роды вот-вот начнутся...

Самар посмотрел на длинную лестницу, ведущую к таверне. Этого он не учел.

— Я не сказал бы...

Тика, надевая плащ, отдавала распоряжения:

— Танис, ты разожжешь в очаге огонь и поставишь кипятиться воду... Карамон, сбегай за Дерзой... Она у нас акушерка, — пояснила Тика для Самара. Она подошла к эльфу и, взяв его за рукав, потянула к выходу.

— Дерзу я предупредила... Ну, пойдем, Самовар... или как там тебя...

— Госпожа, это невозможно! Тебе нельзя со мной... Мне было приказано...

Тика не мигая смотрела на Самара, на скулах играли желваки. Карамон и Танис переглянулись: похоже, предстояла бурная сцена.

— Гм... Ну, я пошел, дорогая, — буркнул Карамон и шагнул мимо жены за порог.

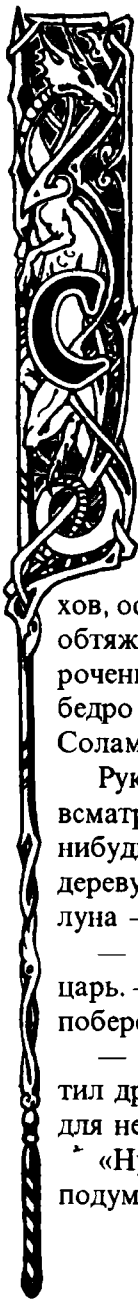
Танис, ухмыляясь в бороду, поспешил на кухню. До него донесся голос Тики:

— Если ты не отведешь меня к Эльхане, я встану посреди базарной площади и начну кричать...

Самару приходилось иметь дело со всякими противниками — от людоедов до драконидов, — но тут он спасовал.

— Нет, госпожа! — взмолился он. — Прошу... Никто не должен знать, что мы здесь. Я отведу тебя к королеве.

— Благодарю. — Тика вновь была сама вежливость и любезность. — Давай поторопимся.

8. Полет на драконе. Стил и Флер беседуют. Конвоир и подконвойный

Синий дракон с седоками покинул Валки-
нор сразу после захода солнца. Они летели
над Ансалоном, погруженным в темноту
и безмолвие.

В ночном небе было прохладно. Стил
снял свой шлем в виде черепа и с удоволь-
ствием подставил ветру вспотевшую голо-
ву. Он избавился от большей части доспе-
хов, оставшись в стальном нагруднике и кожаных
обтяжках на руках и ногах. К седлу были прито-
рочены лук, колчан со стрелами и дротик. О
бедро терся меч отца — старинный меч Рыцаря
Соламнии.

Рука по привычке лежала на эфесе. Стил
всматривался вниз, в темноту, пытаясь хоть что-
нибудь разглядеть. Увидел красный свет: то ли
деревушка, то ли в озере отразилась красная
луна — сказать трудно.

— Где мы, Флер? — прервал молчание ры-
царь. — С тех пор как мы оставили лагерь на
побережье, я не заметил ни огонька.

— Не думаю, что это так уж важно, — отве-
тил дракон. Кто бы нам ни повстречался — мы
для него враги.

* «Ну, об этом мы позаботимся», — про себя
подумал Стил. Тревалин твердил о «чрезвычай-

ной опасности миссии», но на самом деле вероятность «влипнуть в историю» была невелика. Основная угроза могла исходить от серебряных и золотых драконов, в небольшом количестве оставшихся на Ансалоне, в отличие от прочих, которые вернулись на Драконий Остров. Хотя, по некоторым источникам, они находились на севере континента и охраняли рубежи Соламнии.

В этих краях мало кто рискнул бы вступить в схватку с темным рыцарем и синим драконом.

Вообще-то Флер была самкой, молодой, небольших для ее разновидности размеров — немногим больше десяти метров. Однако в битве она превращалась в необузданное, свирепое чудовище. В большинстве своем синие драконы отлично владели и магией, но Флер в их число не входила: ей мешала порывистость и недоставало терпения хотя бы для того, чтобы произнести заклинания. Она предпочитала действовать клыками и когтями, а ее огненное дыхание сжигало деревья, разрушало крепостные стены.

Флер была невысокого мнения о магах и не скрывала своего недовольства, что ей придется одного из них нести на себе. Чтобы она согласилась на это, Стилупонадобились все его красноречие и... внушительная оленья ляжка.

— Хорошо, но он сам не захочет, — ухмыльнулась Флер, кромсая челюстями лакомый кусок мяса. — Стоит ему увидеть меня, и он тут же запачкает свою белую рясу.

Стил опасался, что так оно и будет. Самый отважный воин цепенел от ужаса при встрече с драконом.

Действительно, Палин смертельно побледнел, увидев монстра — его сверкающий синий панцирь,

горящие глаза, страшные ряды зубов, с которых еще капала кровь после вкушенного угощения.

Поначалу Стил решил, что они будут вынуждены воспользоваться другим, не столь быстрым способом передвижения. Но Палин переборол себя; вид привязанных к седлу тел его братьев придал ему мужества. Стиснув зубы, он решительно приблизился к дракону и с помощью Стила забрался ему на спину.

Рыцарь мог почувствовать, как дрожит молодой маг. Однако держался он с достоинством, и Стилу это импонировало...

— Не думай, что мы сбились с пути. Я представляю, где мы, — сказала Флер. — Я уже пролетала здесь однажды... с Сарой... той ночью, когда она предала тебя и переметнулась к Карамону Маджере.

Стил хорошо помнил ту ночь, но разговора не поддержал. За спиной время от времени вздрагивал и что-то бормотал Палин. Треволнения последних часов настолько вымотали его, что даже страх перед драконом не помешал ему провалиться в сон. Порой он громко вскрикивал и начинал биться в седле.

— Утихомирь его, — посоветовала Флер. — То, что ты не видишь внизу признаков жизни, вовсе не значит, что ее там нет. Мы летим над Халькистовыми горами, где обитают гномы. Они бдительны и сметливы, а нас очень хорошо видно на фоне освещенного звездами неба. Они быстро смекнут, кто мы и откуда, и не замедлят оповестить соседей.

— Они извлекли бы из этого большую пользу, — отозвался Стил, но, понимая, что не стоит сердить дракона, повернулся и придержал мечущегося Палина.

Тот, тяжело вздохнув, затих... Седло было рассчитано на двоих. В битве один рыцарь орудовал мечом, а присутствие другого могло оказаться необходимым в случае магической атаки противника. Седло, сделанное из легкого дерева, обитое кожей, снабжалось крепежом и подсумками. Это давало возможность рыцарям иметь при себе не только оружие, но реликвии и предметы, используемые при заклинаниях. Седоков разделяло приспособление, похожее на полку, в ячейках которого могли храниться свитки, провиант или личные вещи.

Даже во сне одной рукой Палин сжимал прикрепленный к седлу Посох Магиуса.

— Он вновь переживает бой, — сказал Стил и, видя, что маг успокоился, повернул лицо навстречу ветру.

Драконица мотнула головой и скептически хмыкнула.

— Какой там бой... Это была резня.

— Соламнийцы выказали доблесть, — настаивал Стил. — Никто не побежал, никто не пожелал сдаться.

Флер тряхнула гривой, но воздержалась от дальнейших колкостей. Стил, со своей стороны, также не стал спорить... Двадцать шесть лет назад Флер участвовала в Войне Драконов. В то время сражавшиеся за Темную Воительницу не упускали случая посмеяться над противником и всячески его третировали. Любой, кто осмелился бы превозносить или просто хвалить, подобно Стиллу, Соламнийских Рыцарей, — неминуемо лишился бы своих отличий, а вполне вероятно — и жизни. Флер, как и большинство верных Такхизис драконов, с трудом воспринимала новые порядки. Она разделяла

точку зрения повелителя Ариакана, что не следует загодя недооценивать врага, но ее сознание противилось каким бы то ни было похвалам...

Стил подался вперед и похлопал дракона по шее, давая понять, что он уважает чужое мнение и не будет настаивать на своей правоте.

Флер была очень привязана к своему вожатому, и более того — она любила его, поэтому, чтобы еще раз выказать полное к нему расположение, решила сменить предмет разговора. Впрочем, синие драконы никогда не отличались большим тактом, что проявилось в том, какую тему затронула Флер.

— Слышал ли ты что-нибудь о судьбе Сары? — спросила она.

— Нет, — ледяным тоном ответил Стил. — И вообще, тебе не следовало упоминать о ней.

— Мы же одни... Кто нас может услышать?.. Возможно, оказавшись в Утехе, мы что-нибудь разузнаем о ней.

— Я ничего *не желаю* о ней знать, — сказал Стил все с теми же ледяными нотками в голосе.

— Думаю, ты прав. Случись нам разнюхать, где она скрывается, нас заставили бы выловить ее и доставить куда следует. Повелитель Ариакан может сколько угодно превозносить своих врагов, но с изменниками он не церемонится.

— Она не изменница! — воскликнул Стил, холодная сдержанность которого не устояла перед горячностью и пылкостью нрава. — Она могла предать нас бесчисленное количество раз, но всегда оставалась верной...

— *Тебе*, — не дала ему докончить Флер.

— Когда родная мать бросила меня, она занималась моим воспитанием... Она любила меня...

— Ты тоже любил ее, — смягчилась Флер, чувствуя, как Стил от волнения ерзает в седле. — И я любила Сару, если допустимо говорить, что дракон может любить смертного. Она относилась к нам как равным себе: считалась с нами, справлялась о нашем мнении, прислушивалась к советам... Как правило. Но однажды, когда я могла ей помочь, она этим шансом не воспользовалась. — Флер вздохнула. — Жаль, Сара никогда не понимала нашего общего дела. Ей нужно было дать возможность проникнуться Предвидением. Я говорила об этом, но Ариакан оставил без внимания мое предложение.

— Насколько мне известно, даже моя родная мать плохо разбиралась в нашем деле, — едко проговорил Стил.

— Высокочтимая Китиара? — хохотнула Флер. — Да... она была себе на уме. Такхизис неумолимо подминала стоящих у нее на дороге... Но зато как она билась! — искусно, бесстрашно, с упоением... Я была в числе тех, кто сражался с ней у Башни Верховного Жреца.

— Подвиги не обеляют ее, — сухо парировал Стил.

— Пусть ее планы рухнули, но она свергла Ариакаса и завладела Коронай Власти.

— Что и привело нас к краху. «Зло неминуемо оборачивается против самого себя». Зависть и предательство влекут за собой крушение... Так было раньше. Теперь мы едины, и знамя нашего единства — Предвидение. Мы пожертвуем всем, чтобы воплотить Его.

— Стил Светлый Меч, ты никогда не делился тем, какова *твоя* роль в воплощении, — заметила Флер.

— Мне это не позволено. Сам до конца ее не понимаю. Я обращался по этому поводу к Ариану, но он ничего не смог мне ответить. Он сказал лишь, что я не должен с каждым встречным-поперечным беседовать на эту тему.

— Я не «встречный-поперечный»! — вознегодовала Флер.

— Конечно-конечно, — сказал Стил, вновь хлопывая Флер по щеке. Но Повелитель запретил обсуждать это с кем бы то ни было... Я вижу огни. Должно быть, мы приближаемся?

— Это огни Оплота. Нам еще нужно пересечь Новое море, и мы будем в Абанасинии — совсем близко к Утехе.

Флер окинула взглядом небо:

— Скоро рассветет... Я ссажу вас на окраине поселка.

— Где ты думаешь затаиться? Нельзя допустить, чтобы тебя кто-нибудь увидел.

— В Кзак Цароте... Город до сих пор заброшен. Люди считают, он населен призраками... На самом деле это обиталище гоблинов. Я ими позавтракаю перед тем, как отдохнуть... Мне самой тебя найти, или ты подашь сигнал?

— Я дам сигнал. Неизвестно, как все будет складываться.

Их беседа звучала так отстраненно, будто они не находились далеко на территории врага, будто их не подстерегала каждая минуту опасность... А рассчитывать на чью-либо поддержку не приходилось. В Ордене Такхизис состояли рыцари, которые уже давно жили на Ансалоне. Они собирали нужные сведения, странствуя из королевства в королевство, и рекрутировали Повелительнице сторонников. Но в любом случае Стил не мог наде-

яться на их помощь — они бы рисковали выдать себя. Провидение им определило свою задачу, у него была своя.

Вот только он не вполне ясно сознавал — какая.

Земля осталась позади. Они летели над водами Нового моря. Красная луна все еще маячила на небосклоне, но рассвет уже основательно приглушил блеск Лунитари...

— Стурм... — застонал во сне Палин.

Странное совпадение: брата молодого мага называли этим именем в честь отца Стила.

— Стурм... — снова проговорил Палин.

Рыцарь резко обернулся.

— Просыпайся, — сказал он. — Ты уже почти дома.

Ни Стил, ни Палин понятия не имели, что приземлились на лужайку, которая много лет назад стала местом встречи двух друзей...

В сущности, прошлое мало чем отличалось от настоящего: как и тогда, было мирное время, как и тогда, многие думали, что мир будет длиться вечно. Хотя имелось одно маленькое отличие — та давняя встреча состоялась осенью...

Палин Маджере, выбравшись из седла, тяжело присел на валун, что некогда послужил местом ожидания Флинту Огненному Горну. А Стил Светлый Меч, осматриваясь, прохаживался той же тропинкой, которая привела когда-то на свидание Таниса Полуэльфа.

Палин смотрел вниз, на долину... Поселок, располагавшийся на ветвях гигантских валлинов, обычно от взора скрывала густая листва. Но теперь дома отчетливо просматривались даже с боль-

шого расстояния. Немилосердное солнце сорвало зеленую вуаль с долины; листья осыпались, открыв взору вялое, заторможенное зноем течение жизни Утехи.

Она понемногу просыпалась. Таверна «Последний приют» была самым большим строением в поселке, первым, что бросалось в глаза, если смотреть на долину сверху. Два желания боролись в душе Палина: броситься к дому и убежать прочь, отдалить, насколько возможно, тот момент, что неуклонно приближался. Завернутые в грубую материю тела братьев лежали на волокуше, которую Стил смастерил из сучьев. Ему оставалось связать несколько звеньев, чтобы начать их траурный спуск в долину.

— Готово, — сказал рыцарь и попробовал волокушу в действии. Она вполне выдерживала груз, оставляя след на земле и хвост пыли в воздухе.

Палин отводил глаза от этой рвущей сердце картины.

— Ты можешь идти самостоятельно? — отрывисто, грубовато спросил рыцарь, хотя в голосе улавливались и нотки сочувствия.

За них Палин был благодарен, но сам вопрос показался молодому магу унижительным: братьям не понравилось бы, что он выглядит слабым и подавленным в глазах врага.

— Я в порядке, — солгал Палин. — Мне помогли и сон, и припарка.

Он поднялся с валуна и, опираясь на Посох Магиуса, зашагал вниз по склону холма. Стил с волокушей последовал за ним. Палин мог слышать, как дребезжат доспехи на трупах братьев. Он оглянулся и, запнувшись, едва не потерял равновесие.

Стил вытянул руку и поддержал мага.

— Лучше, если ты будешь смотреть вперед, — произнес он. — Нельзя изменить того, что уже случилось.

— Ты говоришь так, будто я миску с молоком разбил! — вознегодовал молодой человек. — Ведь это мои братья... Я никогда больше не услышу их голосов, смеха, их... — К горлу Палина подкатил ком, на глаза навернулись слезы. — Не думаю, что ты когда-нибудь переживал утрату. Темным рыцарям на все наплевать, единственное, о чем они могут сожалеть, — отсутствие возможности убивать.

Стил сдержался и промолчал, хотя слова Палина задели его за живое. Он продолжал без особых усилий тащить волокушу. Из-под нахмуренных черных бровей он то и дело бросал по сторонам настороженные взгляды.

— В чем дело? — тоже озираясь, спросил Палин.

— Среди этой поросли и кустарников можно устроить отличную засаду, — ответил рыцарь.

Нахлынувшие воспоминания немного отвлекли молодого мага от физической и душевной боли.

— Ты прав. Именно здесь некто Младший Командир Тоэд, хобгоблин, подстерег Таниса Полуэльфа, Флинта Огненного Горна и Тассельхофа Непоседу. Его интересовал голубой хрустальный жезл. Этот случай изменил всю их жизнь...

Палин замолк, думая о тех страшных минутах, которые опрокинули его жизнь и оказались последними для его братьев...

— Веришь ли ты в рок, маг? — неожиданно спросил рыцарь. — Ты говоришь, тот случай... та засада изменили жизнь Полуэльфа?.. То есть не

будь ничего этого, все сложилось бы иначе? Ну а если так *должно* было случиться, так было предreshено... А хобгоблины лишь олицетворяли собой предопределение... Что если, — взгляд темных глаз Стила остановился на Палине, — твоим братьям предназначено было умереть там, на берегу?

У молодого человека перехватило дыхание, как если бы ему нанесли удар в живот. Казалось, мир перевернулся и не существовало долгих лет учебы... Неужели и его судьба предопределена и невидимый, безжалостный, неумолимый рок скоро заявит о себе? Неужели он всего лишь букашка, жалко бьющаяся в паутине судьбы и напрасно сисящая из нее выбраться?..

— Нет, я не верю в рок. — Глубоко вздохнув, Палин почувствовал себя лучше, сознание прояснилось. — Боги нам предлагают выбор. Братья сами решили стать рыцарями, никто их к этому не обязывал. Они не были Соламнийцами и не могли унаследовать рыцарское звание. Путь к нему был труден...

— Значит, они выбрали смерть. Ведь они могли спастись бегством, но не стали этого делать.

— Да, не стали, — тихо повторил Палин.

Его поразили слова рыцаря, и теперь он силился понять, что за ними стояло. Молодой человек пристально посмотрел на своего спутника и на какие-то мгновения под холодной, неуязвимой уверенностью и решимостью увидел сомнения, искания, страдания.

Что заставило его задать такой вопрос? Потребность в успокоении? Необходимость что-то понять?..

Желание хоть чем-нибудь помочь потеснило собственные горести в душе Палина. Ему захоте-

лось сказать нечто утешительное... но в этот момент рыцарь перехватил взгляд мага, и лицо его вновь окаменело.

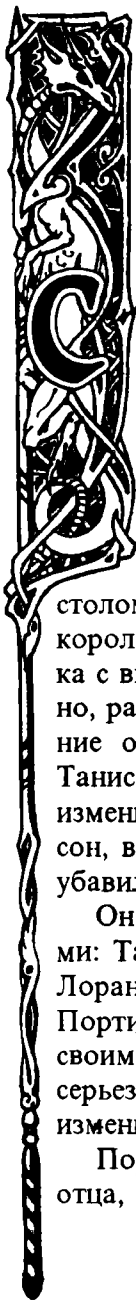
— Они сделали правильный выбор — пали с честью.

— Их выбор не был верным, равно как и мой, — вскипел Палин. — Какая в этом честь! — воскликнул он и указал рукой на тела братьев. — Как я появлюсь с этим на глаза матери, что скажу ей...

Они оставили место, где Танис впервые услышал о голубом хрустальном жезле.

— Все же это превосходное место для засады, — задумчиво проговорил рыцарь за спиной Палина.

Звук волокуши, царапавшей землю, надрывал сердце молодого мага.

9. Предупреждение.

Эльфы хватаются за оружие.

Тука берется за сковороду

Солнечный луч просочился в ромбовидное окно сторожевой будки Таниса и упал ему на лицо. Протирая глаза и щурясь, он с досадой вспомнил, что намеревался бодрствовать всю ночь, а вместо этого, словно хмельной гном, забылся беспробудным сном.

Из будки была видна комната, где за столом, обложившись картами, сидел изгнанный король эльфов — Портиос. Под рукой — фляжка с вином и стакан. Он что-то писал — вероятно, распоряжение или письмо союзнику, извещение о планах, последних новостях, событиях. Танис заметил про себя, что поза Портиоса не изменилась с тех пор, как его начало клонить в сон, вот только количество вина во фляжке побавилось.

Они были родственниками, хотя и не кровными: Танис состоял в браке с сестрой Портиоса, Лораной. Росли и воспитывались они вместе. Портиос, как старший, унаследовал корону и к своим обязанностям правителя относился всегда серьезно. Замужества сестры он не одобрял и неизменно смотрел на Таниса как на получеловека.

Портиосу очень не доставало обаяния своего отца, последнего Беседующего-с-Солнцами. Он

был жестким, не улыбочивым, чересчур прямым, презирал дипломатическую уклончивость и манерность. Людям, его не знавшим, он казался надменным и самонадеянным. Вместо того чтобы попытаться выработать в себе терпимость и обходительность отца, Портиос замкнулся, отстранился от своего окружения, включая даже тех, кто его любил, кто им восхищался. Он и на самом деле заслуживал восхищения как искусный и опытный предводитель, отважный воин. Когда на Сильванести обрушилось несчастье и в королевстве погиб каждый десятый, Портиос отправился на подмогу и вступил в единоборство со Страшной Грезой Лорака... Предательство квалинезийцев невероятно озлобило его, и Танис не мог винить свояка в желании отомстить.

Раздор среди эльфов наложил отпечаток и на внешность короля-изгнанника. Ноша горечи и злобы пригнула плечи некогда стройному, с царственной осанкой мужу. Портиос изрядно поседел, что считалось у эльфов крайне редким явлением. Одежда обветшала — вытерлась, вылиняла и расплзалась по швам. Кожаный панцирь, плотно облегавший тело, потрескался. Лицо превратилось в застывшую маску с выражением ожесточения и непримиримости. И лишь временами под ней угадывался прежний король, пекшийся о своих подданных, пусть он и собирался двинуться на них войной.

К Танису, тяжело переступая и позевывая, подошел Карамон и устроился в будке напротив.

— Я заснул, — сказал Танис и поскреб бороду.

— Да, я слышал твой храп, — ухмыльнулся Карамон. — Окажись поблизости враги, они остались бы без барабанных перепонки.

— Почему ты не разбудил меня? Я должен был стоять на часах!

— Не видел в этом смысла. — Карамон снова зевнул и взъерошил волосы. — Разве нас осаждают полчища хобгоблинов?.. Ты весь день провел в дороге и нуждался в отдыхе.

— Не в этом дело. Похоже, что-то назревает.

Танис посмотрел на свояка и по его лицу и напряженной позе догадался, что тот о нем мог думать сейчас: недоделок! полуэльфиска!

Карамон проследил за взглядом друга, затем пожал плечами.

— Мы оба прекрасно знаем — прободрствуй ты хоть всю жизнь, его отношение к тебе не изменится... Не переживай. Пойдем уоемся.

Они спустились по лестнице на землю. День обещал быть необычайно жарким. Казалось, сам воздух вот-вот воспламенится. Прямо под таверной стояла бочка. Заглянув в нее, Карамон вздохнул: она была наполовину пуста.

— А что с колодцем? — спросил Танис.

— Пересох... Почти у всех к концу весны колодцы пересохли. Люди носят воду с озера Кристалмир, а это далеко. Прошлым вечером бочка была полнехонька. Кое-кто уже сторожит воду по ночам.

Карамон, зачерпнув ковш воды, протянул его другу.

— Ну уж никак не ты, — улыбаясь, проговорил Танис, чье внимание привлекли следы, оставленные на еще влажной земле. — Чтобы обеспечить таверну, ты каждый день таскаешься за водой на озеро. И всякий раз у тебя остается только половина... Соседи поворывают.

Карамон ополоснул лицо.

— Вовсе нет. Я сам предложил им пользоваться моим запасом в случае необходимости. Но некоторым стыдно. Это почти то же самое, что побираться. В Утехе, Танис, никто и никогда не побирался... Даже в послевоенные времена мы обходились без воровства.

Карамон шумно выдохнул и рукавом рубахи утер лицо. Только теперь Танис заметил, что среди следов вокруг бочки были и детские отпечатки. Он экономно умылся и повесил ковш на вбитый в дерево крюк.

Они не стали сразу же подниматься к дому — гостиный зал таверны, где расположились мрачные эльфы из свиты короля, в одночасье лишился уюта.

— Что Портиос — всю ночь не спал?

— Я даже не заметил, чтобы он хоть раз моргнул, — ответил Карамон, поглядывая вверх, на окно комнаты гостя. — Но его можно понять: жена вот-вот разродится... Я тоже не спал, когда у Тики принимали роды.

— Все это так, — веско заметил Танис. — Но Портиос больше похож на того, кто готовится к решающей битве, нежели на возбужденного таинством рождения супруга. Думается, он даже не справился, как дела у Эльханы.

— Ну, в этом нет особой необходимости, — неторопливо произнес Карамон. — Тика держит его в курсе — заглядывает к нему поминутно. Я долго наблюдаю за ним и думаю, ты ошибаешься на его счет. Сейчас для Портиоса нет вещей важнее, чем Эльхана и ее ребенок.

— Хотелось бы в это верить. Как мне кажется, он отказался бы от обоих, только бы вернуть назад королевство...

Внезапно над головами друзей закачался и заходил из стороны в сторону канатный мост. С их помощью в Утехе соединялись дома.

— Во имя Бездны! Что там еще приключилось?

По мосту бежал воин-эльф и, судя по выражению лица, нес дурные вести.

Друзья переглянулись и поспешили наверх. К тому моменту, когда они, запыхавшиеся, ввалились в таверну, эльф уже докладывал Портиосу о причине своего появления. Говорил он на языке Квалинести.

— Ну что?.. Что случилось? — обратился к другу чуть замешкавшийся на лестнице Карамон. Лицо его от напряжения побагровело, грудь вздымалась. — О чем они говорят?

Танис жестом заставил друга замолчать. Услышанное явно его встревожило. Дождавшись конца донесения, он увлек Карамона за стойку бара.

— Их дозорные обнаружили воина, по снаряжению похожего на темного рыцаря. Он направляется в Утеху... Но что важнее, Карамон, — Танис стиснул руку друга, — его сопровождает маг в белой рясе... Молодой маг.

— Палин! — догадался Карамон. — Но кто с ним?.. Как ты думаешь?

— Если описание верно — это Стил Светлый Меч.

— Один?.. О, боги! Что ему здесь надо?.. И вместе с Палином.

Танис умолчал о деталях, сообщенных Портиосу: о том, что странный пришелец тянул за собой волокушу с необычным грузом, напоминавшим тела двух рыцарей. Ему казалось, он догадывается, что это за страшный груз. Все же Танис очень

надеялся на ошибочность своего предположения и молил о том Паладайна.

Все имевшиеся в распоряжении Портиоса эльфы взялись за оружие — оголяли мечи, доставали из колчанов стрелы.

Карамон с тревогой следил за их приготовлениями.

— Танис, что они собираются делать? Ведь там, вероятно, Палин!

— Знаю... Я возьму это на себя, — сказал он и направился к королю-родственнику.

— Извини, что вмешиваюсь, Портиос, но очень похоже, тот молодой маг — сын Карамона Маджере... гостеприимного *хозяина* таверны, — подчеркнуто добавил он. — Молодой человек состоит в Ложе Белых Мантий... Зачем все эти сборы?

— Нападать на них мы не будем, — чеканя слова, произнес Портиос. — Мы их просто обезоружим, а затем допросим.

Он окинул недобрым взглядом друзей и, перейдя на понятный Карамону язык, добавил:

— Может быть, сын хозяина и в самом деле белый маг, но он в компании рыцаря зла...

— Что ты имеешь в виду? — начиная не на шутку сердиться, спросил Карамон.

— Портиос, — вновь заговорил Танис. — Тебе отлично известно — темный рыцарь не даст себя обезоружить. Он будет драться... Завяжется схватка и...

— Моему сыну никто не причинит вреда... Ты пожалеешь...

Карамон, сжав кулаки, шагнул к Портиосу.

Квалинестийцы мгновенно загородили собой короля, оцетинившись мечами.

— Чем это здесь занимаются *мужчины?* — раздался вдруг голос Тики с нотками плохо скрываемого презрения.

Бледная от негодования она обозревала разыгравшуюся в ее отсутствие сцену. Затем пересекла зал и из-за стойки бара, откуда-то снизу, извлекла старую чугунную сковороду, которой некогда обхаживала головы драконидов.

Держа на весу нехитрое оружие, Тика угрожающе надвинулась на ближнего эльфа.

— Вы что, все с ума посходили?! — прошипела женщина. — А ты... — Сковорода указывала на Портиоса. — Твоя жена рождает, и я уверяю — ей очень нелегко! У этих эльфов такие узкие бедра... ну и все такое... А они тут клацают мечами и ведут себя хуже маленьких детей! Я не позволю... Слышите — не позволю!

Сковорода с грохотом обрушилась на подвернувшийся стол.

Никто не сдвинулся с места. Эльфы по-прежнему держали мечи наготове, хотя к выражению суровости и решимости на их лицах добавилась гримаса растерянности. Карамон стоял не разжимая кулаков, и Тике оставалось лишь крепче стиснуть рукоятку своего оружия.

Танис протиснулся к Портиосу и вполголоса проговорил:

— Твои разведчики сказали, что темный рыцарь тянет за собой волокушу. Возможно, трупы на ней — это тела сыновей хозяев таверны. Неужели ты позволишь омрачить их сон?

Для Портиоса это был очень веский довод: сами эльфы были долгожителями и поэтому благоговейно относились к смерти и чтили мертвых.

Король уже не без колебаний взглянул на Ка-
рамона.

Танис не ослаблял нажим:

— Я могу ошибаться, но, кажется, мне знаком этот темный рыцарь. Разреши переговорить с ним и молодым магом. Если мои предположения верны, то у рыцаря, чьим бы воином он ни был, — достойная и благородная миссия, ради которой он рискует собой. Дай мне возможность выяснить все до конца, пока не пролита кровь, не обещаны мертвые.

— Мои люди будут тебя сопровождать, — взвесив «за» и «против», сказал Портнос.

— Это вовсе не обязательно... Послушай, самое большое, что может произойти, — меня убьют, — подбросил Танис еще один довод для Портноса.

Одна сторона лица Портноса искривилась — король улыбнулся.

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, Полуэльф, но меня бы это огорчило. Ты мне всегда нравился. Бывало, я даже тобой восхищался. Просто я считаю тебя неподходящей партией для сестры.

Портнос взглянул наверх, в сторону комнаты, где Эльхана в этот момент боролась за свою жизнь и за жизнь его ребенка. Печаль, мука, предельная усталость отразились на лице короля.

— Отправляйся, Полуэльф, — сказал он негромко. — Иди потолкуй с этим отродьем зла... Делай как знаешь. Ты неисправим... Но все же, — сверкнув глазами добавил Портнос, — мои люди будут тебя сопровождать.

В каком-то смысле это была победа, и Танис поостерегся настаивать на большем. Даже эта незначительная уступка со стороны Портноса вряд

ли была бы возможна при других обстоятельствах — слишком устал он за последнее время, слишком много всего пережил.

Пристегивая к поясу меч, Танис подумал, что, может быть, непреклонный эльф и вправду любит свою жену. Интересно, любила ли его Эльхана, королева Сильванести, которая вышла за Портюса главным образом из политических соображений.

— Все уладилось, — подходя к Тике и Карамону, сказал Танис. — Портюс согласился, чтобы я действовал на свое усмотрение... Тика, тебе лучше пойти к Эльхане.

Так ничего и не поняв, но успокоенная, Тика скорчила презрительную мину, бухнула сковороду на стойку бара и поспешила к роженице.

Танис уже был у выхода, когда заметил, что Карамон снимает с себя фартук, собираясь, очевидно, составить компанию своему другу. Полуэльф поспешно вернулся и, положив руку на могучее плечо, произнес:

— Доверь это мне. Ты можешь понадобиться здесь.

Карамон отрицательно покачал головой:

— Ты прав. По всей вероятности, это Палин. А если это так, значит, случилось что-то непредвиденное.

Танис решил подойти к Карамону с другой стороны:

— Ты должен остаться, чтобы приглядывать за эльфами. Портюс в отчаянии, он загнан в угол, и от него можно ожидать чего угодно... Может пролиться кровь.

Карамон, заколебавшись, посмотрел на бывшего короля.

— Если это Палин, я о нем позабочусь, — продолжал Танис. — Как о родном сыне, — дрогнувшим голосом добавил он, вдруг вспомнив, что уже давным-давно не видел Гила и не получал от него никаких известий.

Карамон пристально посмотрел на Таниса:

— Ты мне что-то не договариваешь.

Полуэльф покраснел:

— Карамон, я...

Богатырь, вздохнув, пожал плечами:

— Ну, хорошо. Думаю, ты позаботишься о мальчике... и Стиле, если это действительно он. Может быть, он решил перейти к нам. Я пригляжу за этой «хмурой тучей», — кивнув в сторону Портиоса, согласился Карамон.

— Вот и отлично, — торопливо проговорил Танис и заспешил к выходу, пока Портиос или Карамон не передумали.

10. Превосходное место для засады

Палин и Стил решили устроить привал на окраинах Утехи. Впрочем, отдых нужен был только Палину: вновь дала знать о себе рана, лишавшая молодого человека последних сил. До дома — рукой подать, это верно, но предстояло еще самое трудное: сказать родителям о гибели Стурма и Танина. Палин присел на пень.

— Вот, глотни, — сказал Стил и бросил спутнику фляжку с водой.

Палин чуть пригубил: за время патрульного рейда с братьями он научился экономно утолять жажду.

— Спасибо... Наверное, свою я потерял там... на берегу, — проговорил он и протянул флягу рыцарю.

Однако Стил уже не видел и не слышал его... Они находились на небольшой поляне, которую, судя по разбросанным игрушкам, для своих игр облюбовали дети. Стил напряженно всматривался в темный предмет правильной формы, видневшийся на одном из деревьев. Заметил его и Палин, и... память вернула его в детство.

— Не беспокойся. Это всего лишь лесной форт, — сказал он. — Я и мои братья, когда мы были маленькими, играли на этой поляне в

войну. Да, *играли*... Они изображали воинов-рыцарей, а я — мага. Когда они «погибали», я прибегал к «магическим заклинаниям», чтобы вернуть их к жизни...

— Так ты говоришь, здесь резвятся дети, — громко произнося слова, прервал его Стил.

Он опустил руку на плечо Палина и с силой сдвинул его пальцами. Сначала маг удивился, поскольку на выражение симпатии это не походило, но потом понял — рыцарь предупреждал его о чем-то.

— Продолжай говорить, — тихо произнес Стил.

Левая рука рыцаря скользнула под темно-синюю накидку, и Палин краем глаза уловил блеск кинжала. Он напрягся и потянулся к сумке с магическими реликвиями, но затем вспомнил: ведь он в Утехе. Святая наивность! — он же дома.

Не очень уверенно он поднялся с пенька.

— Это, вероятно, местная детвора...

— Это не детвора, — полыхнул глазами Стил. — Эльфы... Не мешайся под ногами и делай, что я скажу.

— Эльфы!.. Такого быть не...

Стил до боли сжал плечо Палина.

— В радиусе пятидесяти лиг здесь не встретишь ни одного эльфа, — понизив голос до шепота, сказал маг.

— Заткнись, — зло осадил рыцарь. — Ты готов произнести заклинания?

Палин чувствовал себя обескураженным.

— Я... В общем, нет. Мне и в голову не могло прийти... Послушай, я у себя дома!..

Последовал чуть слышный шелест, и в пень, где сидел Палин, вонзилась оперенная стрела.

С деревьев один за другим мягко спрыгнули пять воинов-эльфов. Почти незаметно для глаза молниеносными движениями они изготовились к стрельбе: луки подняты, тетива натянута. Четверо взяли на себя рыцаря, один прицелился в Палина.

Молодой маг обмер. Единственной мыслью, которая еще блуждала в его смятенном сознании, было то, что он опять опростоволосился. Даже если бы он вспомнил какие-то магические заклинания, они, как ему казалось, не дали бы никакого результата. Начни он их произносить — и в следующее мгновение они будут утыканы стрелами.

Стил убрал руку с плеча Палина, засунул кинжал за пояс и вытащил из ножен меч.

— Мы не знаем, кому ты служишь, но ты принадлежишь злу, — сказал один из эльфов, обращаясь к Стилу. — Мы могли убить тебя еще по дороге сюда, но разговор между тобой и белым магом заинтересовал нас. Кроме того, с вами тела Соламнийских Рыцарей. Должно быть, то, что мы слышали, — верно. Моему королю будет любопытно побеседовать с тобой.

Стил с вызовом сорвал с себя накидку — череп и мертвая лилия не оставляли сомнения в его принадлежности к воинству Такхизис.

— Увидевший эту эмблему враг может прощаться с жизнью... Я — рыцарь Владычицы Тьмы. Мне наплевать на то, что вы там прослышали. А ваш король... да провались он в Бездну!

Тетива на луках эльфов натянулась до своего смертоносного предела.

— Если ты, маг, собираешься что-нибудь предпринять, то сделать это лучше сейчас, — мрачно проговорил Стил.

Палин облизал пересохшие губы и вымолвил одно-единственное слово, пришедшее ему на ум: *“Ширак!”*

Хрустальный шар на конце Посоха Магиуса вспыхнул неестественно-ярким светом. Эльфы зажмурились и отвернули головы.

— Недурная работа! — воскликнул Стил и, чувствуя тяжести меча, устремился вперед.

— Нет! Подожди! — крикнул Палин и ухватил рыцаря за руку.

Свечение шара ослабло, и эльфы снова проводно зарядили луки. Одна стрела прошила рукав ряссы Палина, другая, попав в нагрудник Стила, отскочила ему под ноги. Следующие должны были попасть в цель.

— *Астанти!* — раздался резкий окрик на языке Квалинести.

Эльфы замерли с поднятыми луками и стали недоуменно озираться.

— Всем опустить оружие, — вновь последовала команда, но уже на Общем языке. — И Стил Светлый Меч в том числе.

Рыцарь поразился, услышав свое имя. Он оглянулся и увидел, что количество врагов увеличилось. Меч он не опустил.

На поляну в сопровождении шести воинов вышел Танис Полуэльф. Взгляд его скользнул по телам на волокуше, задержался на Палине и Стиле, после чего остановился на эльфах, устроивших засаду.

— Ваш король послал меня во всем разобраться, — сказал он на Общем, чтобы Палин и, особенно, Стил слышали, о чем идет речь. — Ваши товарищи могут это подтвердить.

Один из сопровождающих Таниса эльфов коротко кивнул.

— Я знаю их обоих, — подойдя вплотную к магу и рыцарю, продолжал Танис. — Думаю, вы неверно рассудили их намерения.

— А какие намерения могут быть у поборника Тьмы? — Сеять смерть.

— Я как раз и хочу это выяснить, — сказал Танис.

Он положил руку на плечо Стила, как бы предупреждая, чтобы тот не горячился. — Верь мне, — тихо проговорил Полуэльф. — Доверься, как это было в Башне Верховного Жреца. Я не предам... Кажется, я знаю, почему ты здесь.

Рыцарь попробовал отстранить Таниса: у него выграла кровь — он жаждал схватки.

— Не успеешь управиться со всеми, — так же тихо продолжал Танис. — Пропадешь зазря. Неужели твоя Королева этого хочет?

Велико было искушение ринуться в бой, но огонь азарта в глазах Стила мало-помалу потускнел, они опять стали темными и холодными. Неловко он сунул меч в ножны.

— Теперь ваша очередь, — обратился Танис к эльфам.

Уныло, с большой неохотой они опустили луки.

Все могло выйти иначе, не будь с Танисом эльфа — доверенного Портюса.

— Оставьте нас одних и продолжайте наблюдение, — приказал Танис.

Эльфы отошли в тень деревьев, оставаясь при этом на расстоянии полета стрелы.

— Расскажи же, мальчик. Расскажи, что случилось, — обратился к Палину Танис.

Знакомое лицо и теплота в голосе, бремя пережитого — все это сказалось на нервах Палина: дыхание у него сперло, глаза затуманились слезами.

— Ну-ну, держи себя в руках, — подбодрил его Полуэльф. — Какой прок в слезах... Один стыд. Поверь мне, сейчас не время для стенаний. Я должен знать, что все это значит и как вы оказались вместе. Говори до конца, чтобы потом мне не попасть в двусмысленное положение.

Молодой маг вдруг услышал шепот.

Мужайся, мальчик. Я рядом. Я с тобой.

По спине Палина пробежала дрожь... нет — скорее благоговейный трепет. Он знал этот голос так же хорошо, как голос своего отца, а может быть, даже лучше. Уже давно ему не приходилось слышать его. Очень давно.

«Это определенно знак», — подумал Палин. Глаза прояснились, и он окунулся в события минувшего дня, казавшиеся теперь такими далекими.

— Сначала мы направились в Каламан, с тем чтобы выяснить, насколько надежны его укрепления в случае нападения с севера. Всего нас было около пятидесяти человек, считая оруженосцев, слуг и простолудинов, занятых повозками и поклажей. В Каламане мы провели несколько месяцев, наблюдая за работами по усилению оборонительных линий, стен, фортов. Оттуда двинулись на восток, чтобы добраться до Северной Крепости. Это произошло в пути...

Палин на секунду умолк, тяжело вздохнул и продолжил рассказ:

— Мы продвигались вдоль берега. На ночь разбили лагерь. Море было спокойным и пустынным. На рассвете увидели первый корабль.

— Но ведь вас прикрывали драконы... Как они проглядели...

— С нами не было драконов, Танис, — произнес Палин, на щеках которого выступил лихора-

дочный румянец. — В Башне Верховного Жреца не посчитали это необходимым.

— Простаки! — с горечью вырвалось у Таниса. — Вас следовало усилить драконами, а вместо жалкой горстки из двадцати рыцарей нужно было снарядить пятьсот. Я им говорил... Я их предупреждал!

— Они не поверили ни единому твоему слову, — грустно сказал Палин. — Нас послали, чтобы только «ублажить» тебя... Извини, Танис, так нам сказал командир. Никто из нас не принял всерьез патрулирование, к нему отнеслись как к приятной прогулке.

Танис покачал головой и взглянул на завернутые в грубую ткань трупы.

— Почему вы не дали знать о вторжении гарнизону Северной Крепости?

— Поначалу мы думали, что корабль только один... Рыцари посмеивались, балагурили; говорили, что устроят трепку непрошеным гостям, как это было двадцать шесть лет назад.

— Простофили, — пробормотал в бороду Танис.

— В ожидании высадки мы следовали вдоль береговой линии. Шутили, пели песни, а затем... — Голос Палина дрогнул. — Затем показался второй корабль, третий... В конце концов мы сбились со счета.

— И вы решили сразиться! Зачем? Что это могло дать?

— Нас наверняка видели с кораблей, — беспомощно оправдывался Палин. — Как мы могли ретироваться?.. Как бы это выглядело?

— Может быть, здраво...

Палин покраснел. Взглянул на братьев, закрыл руками глаза.

Танис поскреб бороду.

— Погибли все? — тихо спросил он.

Палин кивнул:

— Уцелел только я.

— Твои братья Стурм и Танин...

Палин показал рукой на волокушу.

— Паладайн принял их к себе, — произнес Танис. Обняв Палина, он почувствовал, как дрожит молодой маг. — Тебя взяли в плен?

Палин кивнул.

— Теперь все более или менее ясно, — продолжал Танис, глядя на рыцаря. — Только вот зачем здесь *ты*, Стил Светлый Меч? Не ты ли причина их гибели? — Голос Полуэльфа зазвучал резче.

Стил ухмыльнулся:

— Какая разница. Мы же воины. Война есть война. Думаю, они хорошо себе представляли, на что идут, решив стать рыцарями.

— Поверь мне — разница есть, — сказал Танис. — Вы двоюродные братья... Спрашиваю еще раз: ты убил их?

— Нет, не он, — вмешался Палин. — Нас атаковали чужеземные воины-варвары. Они были раскрашены в голубой цвет... Но командовали ими рыцари.

— Я тоже рыцарь. Участвую в сражениях вместе со своим драконом, — гордо произнес Стил. — Соламнийцы пали от пехоты.

— Понятно, — задумчиво проговорил Танис, суммируя в голове услышанное.

Сведения являлись весьма ценными. Следовало нанести визит в Башню Верховного Жреца и побеспокоить предводителя Соламнийских Рыцарей.

— Все же не ясно — для чего ты здесь. Чтобы получить выкуп, сгодился бы просто посыльный.

— За мной долг чести... Соламнийцев должны были захоронить в общей усыпальнице, — начал объяснять Стил, — и, конечно, со всеми почестями. Дрались они отменно и *не* пустились наутек, как некоторые могут присоветовать. Но об их гибели родственники еще не скоро узнают. Случайно мне стало известно имя молодого мага и то, что его братья пали. Я решил воспользоваться возможностью вернуть долг их отцу, Карамону Маджере. Пусть их похоронят на родине.

— Ты сопровождаешь мертвых с риском расстаться с собственной жизнью? — с большим сомнением в голосе произнес Танис.

Стил пожал плечами:

— Честь превыше.

— *Est Sularus oth Mithas*, — пробормотал Танис. — «Жизнь моя — честь моя». Это девиз твоего отца.

Стил помрачнел. Рука сжала эфес меча.

— Я — рыцарь Такхизис, — холодно сказал он. — Я чту память об отце... но и только. Моя жизнь — служение Владычице.

Танис изучающе взглянул на шею рыцаря... Отец оставил ему не только меч. Стурм носил на шее заветный талисман — Камень-Звезду, символ любви и добра. И эта драгоценность каким-то таинственным, чудесным образом перекочевала к сыну. Человеку с черной душой нельзя было касаться Звездного Камня и уж тем более — носить его. Но Танис своими собственными глазами видел однажды талисман на груди Стила Светлого Меча.

Неужели он — под доспехами, с отвратительной эмблемой смерти и разрушения — носил Камень-Звезду... Или, отрекшись, бросил на кровавый алтарь Владычицы Тьмы?

Стил открыто, не смущаясь, смотрел на Полуэльфа.

«Опасный человек, — подумал про себя Танис. — Если все рыцари Такхизис такие, как он, нам действительно придется туго».

— Войско идет на Каламан? — сверля рыцаря глазами, спросил Танис.

— Да... А в настоящий момент, я думаю, осаждает Северную Крепость... Я не собираюсь водить тебя за нос. Повелитель Ариакан сам *хочет*, чтобы Соламнийцы знали, как они будут уничтожены.

В тягостном молчании воины еще какое-то время смотрели друг на друга. Затем Танис обратился к Палину, который был уже на грани обморока.

— Мы все обсудим позднее, — сказал он. — Прежде тебе нужно добраться до дома. Я помогу сообщить родителям о смерти твоих братьев. Они сами в прошлом воины. Конечно, будут горевать, но...

— Осталось кое-что еще, Танис, — сказал Палин.

Полуэльф догадывался об этом «кое-что». — За тебя требуют выкуп?

— Да. Без него моя жизнь предрешена.

— И как велик выкуп?.. Впрочем, неважно, — поспешно добавил Танис. — Какой бы ни была сумма, мы ее соберем. Я охотно посодействую. Так сколько?

— Им нужны не деньги, Танис, — торопливо произнес Палин. — Все-таки я — маг.

— Ученик, — поправил Полуэльф, не задумываясь, что может задеть достоинство Палина. У Таниса было дурное предчувствие относительно того, о чем пойдет речь, и он оттягивал неприятный момент.

Танис взглянул на Стила:

— Да, молодой маг — всего лишь ученик, недавно прошедший Испытание. Конклав, конечно, может дать за него с полдюжины вещей, имеющих отношение к магии, — но совершенно пустячных. Рыцарей, я думаю, гораздо больше устроили бы деньги.

— Пусть Палин Маджере ученик мага, но его дядя Рейстлин Маджере — настоящий чародей, — сухо парировал Стил. — Он одарил племянника достойной реликвией.

Рыцарь указал на Посох Магнуса.

— У меня нет ни малейшего сомнения — Рейстлин пожертвовал бы большим, узнай он, что жизнь молодого человека в опасности.

— Но при чем здесь Рейстлин?! — воскликнул Танис. — Он мертв вот уже двадцать или более лет... И не Рейстлин вручил посох Палину. Он получил его из рук Даламара.

Стил буравил Таниса взглядом.

— Что мы ходим вокруг да около. В чем заключается выкуп? — спросил Танис.

— Они требуют открыть Врата, — спокойно сказал Палин. — Серые Рыцари хотят проторить дорогу в Бездну.

— Когда Врата будут открыты, — проговорил Стил, — в мир шагнет Темная Воительница... И благодаря нам этот мир будет у ее ног!

11. Выкуп. Комната Рейстлина. План Палина.

Тика схватила за сердце после слов Таниса о гибели ее старших сыновей.

— Я знала это! Благословенный Паладин, я это знала!.. Я чувствовала... О, боги!.. Но почему? Почему?..

Она стиснула перед собой руки и начала взад-вперед раскачиваться на стуле.

Стил стоял чуть поодаль — отстраненный, бесстрастный, недвижимый.

Палин обнял мать.

— Прости, — срывающимся голосом проговорил он. — Прости...

По правую руку от Тики, словно окаменев, сидел Карамон.

— Мои мальчики, — шептал он. — Мальчики мои...

Из горла Карамона вырвался вскрик. Он прыгнул к себе Палина.

— Хоть ты жив...

Танис терпеливо ждал, пока убитые горем родители немного придут в себя; ждал, чтобы еще раз огорчить и без того несчастных Карамона и Тику. Пусть молодого мага миновала участь братьев, жизнь его висела на волоске.

Наконец Палин вытер слезы и взглянул на Таниса.

— Скажи им, — чуть слышно произнес он.

— Сказать?.. Что вы еще не сказали? — весь напрягшись, трясаясь мелкой дрожью, спросил Карамон.

— Палин попал в плен к темным рыцарям. Они требуют выкуп.

— Ну конечно, мы заплатим... Если понадобится, мы все продадим, — заверил Карамон.

— Им нужны не деньги, — начал пояснять Танис. — Они хотят, чтобы маги открыли Врата в Бездну... чтобы тем самым освободить королеву Тьмы.

Карамон поднял искаженное мукой лицо. Его невидящий взгляд скользнул по Танису и Палину и остановился на Стиле.

— Но... это же вздор! Это издевательство! Чародеи никогда не дадут на это своего согласия... Это же смертный приговор!.. Ты его не получишь! Не получишь!

Никто не успел остановить Карамона, ринувшегося на Стила. Внезапность порыва и превосходство в весе позволили гиганту припечатать рыцаря к стене.

— Карамон, прекрати, — крикнула Тика.

Танис и Палин попытались оттащить Карамона, который в слепой ярости тянулся к горлу рыцаря. Не прибегая к оружию, Стил отвел в сторону руки бывшего воина и отбросил его в объятия сына и Таниса.

— Я понимаю горе отца, — сказал он, учащенно дыша и не сводя глаз с Маджере. — Но в следующий раз скидок не будет.

— Карамон! Дорогой мой! — Тика прильнула к мужу. — Все обойдется. С нами Танис. Он нам поможет. Он не отдаст им Палина... Правда, Танис?

Глаза Тики выражали отчаяние, мольбу, безутешность. Как хотелось бы Танису сказать ей то, чего она так жаждала услышать! Но что он мог сделать?

Ноги больше не держали Тику, и она рухнула на стул. Потрясенная, ничего не чувствуя, кроме всеохватывающей немоты, женщина застыла в оцепенении.

— Отец, — тихо произнес Палин. — Нам нужно поговорить.

— Бери *меня*, будь ты проклят! — воскликнул Карамон. — Моя жизнь — в обмен на жизнь сына...

— В тебе говорит отец, — сказал Стил. — Ты отлично понимаешь, что это не возможно. Наши маги знают цену племяннику Рейстлина Маджере. Они полагают, что могущественнейший из чародеев мог бы принять участие в судьбе молодого человека.

— Брат?! — изумился Карамон. — Но его нет! При чем здесь *он*?

— Отец! — прошептал Палин, дергая его за рукав. — Нам нужно поговорить!

Карамон не обращал на сына внимания.

На лице Стила проступила язвительная усмешка:

— Будем надеяться, он что-нибудь придумает. В противном случае, — усмешка исчезла, — ты потеряешь и третьего сына.

Чтобы не закричать, Тика впилась зубами в руку и тихо застонала.

По лестнице бесшумно спустилась Дезра. Оттеснив Таниса, она обняла хозяйку и стала ее утешать.

— Полно, милая. Пойдем со мной. Поднимемся наверх. Тебе нужно отдохнуть.

Тика взглянула на Дезру так, будто видела ее впервые. Затем уткнулась ей в грудь и горько зарыдала.

Дезра, готовая тоже расплакаться, обратилась к Танису:

— Можно сказать этому королю эльфов — время его жены почти настало. Чувствует она себя нормально, и настроение хорошее. Думаю, и с ней и с ее ребенком все будет в порядке.

— Боги благословенные! — опомнился Танис. — Портюос совсем забыл об Эльхане... Он ждет на улице... Пойду скажу ему.

— Что же это он забыл о ней? — сердито спросила Дезра. — Ему следует быть рядом.

— Это я уговорил его выйти. Мы здесь едва не сцепились, чуть не начали рубиться.

При упоминании о Портюосе Стил положил руку на эфес меча, губы искривила ухмылка.

— Рубиться! — воскликнула Дезра. — В этот грустный мир, в этот мир печали идет новая жизнь... Может быть, было бы лучше ему совсем не родиться!

— Не говори так, Дезра, — внезапно выйдя из оцепенения, крикнула Тика. — Появление новорожденного — это надежда, что мир изменится... станет добрее. Мы должны в это верить. Ведь жизнь моих сыновей что-то да значила!

— Да, дорогая... Прости, я не подумала... Я с тобой согласна. Пойдем наверх. Ты мне могла бы помочь, если чувствуешь себя в состоянии...

— Новая жизнь, — пробормотала Тика. — Одни уходят, другие только вступают... Да, я могу помочь. Я в порядке...

— Отец, — произнес Палин после ухода матери. — Мы должны поговорить... тотчас же.

Карамон обернулся, удивленный твердостью в голосе сына.

На смертельно бледном лице Палина резко выделялись черные тени под глазами.

— Извини, сын, — ероша волосы, едва слышно, проговорил Карамон. — Кровь слишком сильно бросилась мне в голову... Тебе следует прилечь, отдохнуть.

— Я прилягу, отец, — терпеливо продолжал Палин, беря Карамона за руку. — Идем со мной... поговорим. Ничего, если мы побеседуем наедине?

Вопрос был адресован Стиллу, который тут же согласно кивнул:

— Ты дал мне слово, что не сбежишь.

— Я его сдержу, — твердо сказал Палин. — Пойдем, отец. Пожалуйста...

— Иди, Карамон, — в тон Палину сказал Танис. — Паладайн принял твоих старших под свое покровительство, а Палин сейчас нуждается в тебе.

— Я ничего не понимаю, Танис, — с мукой в голосе, недоуменно произнес Карамон. — Рейстлин мертв! Чего они еще могут хотеть от него?.. Я не понимаю.

Танис имел сомнения на этот счет. Действительно ли Рейстлина не было в живых? Может быть, и у Серых Рыцарей Такхизис имелись основания считать по-другому? Полуэльф догадывался, что Палин знает нечто, чем не может поделиться.

«Я должен увидеться с Даламаром, — сказал себе Танис, когда Палин и Карамон вышли. — И с главой Ордена Рыцарей. Мы в беде. В большой беде».

Но это все потом, а сейчас ему предстоял разговор с Портиосом.

Вот-вот на свет должен был появиться его ребенок.

Одни уходят, другие только вступают в этот мир.

Существовала ли надежда?

В данный момент Танис этого сказать не мог.

Много лет назад на зависть всей Утехе Карамон выстроил для Тики дом. Он был достаточно просторным, чтобы большая, растущая семья не ощутила однажды тесноты. В течение долгого времени дом оглашался смехом и криками трех сыновей-проказников. Позднее родились две дочери. Палин часто повторял, что родители обзавелись девочками специально для того, чтобы они дразнили братьев и всячески им надоедали.

Ко времени, когда семья окончательно сформировалась, Тика и Карамон стали полными хозяевами и владельцами таверны «Последний приют». Мальчикам скоро предстояло вступить в период зрелости, пору самостоятельной жизни.

Дом находился на некотором расстоянии от таверны, и супругам приходилось ежедневно совершать вынужденные прогулки. Карамон, кроме того, зачастую делал и внеочередные, поскольку Тике, вдруг проснувшейся среди ночи, казалось, что таверна объята пламенем пожара. Это им в конце концов надоело, и они решили продать дом и поселиться прямо в таверне.

Одна из комнат в старом доме звалась «комнатой Рейстлина». Она пустовала с тех пор, как Рейстлин Маджере надел Черную Мантию и обосновался в Башне Высшего Волшебства в Палантасе. Карамон не терял надежды, что брат рано или

поздно одумается, поймет свою ошибку и вернется в Утеху.

После смерти Рейстлина Карамон хотел хоть подо что-нибудь приспособить жилище брата, но так и не сподобился вплоть до продажи дома.

Разумеется, у Карамона и в мыслях не было называть какую-либо из комнат таверны «комнатой Рейстлина». Но как-то раз он стал невольным свидетелем разговора своих дочерей и очень удивился, услышав, что «комнатой Рейстлина» они называют небольшой чулан.

Тика отнеслась к этому как к причуде дочерей, желанию девочек поскорее обжить новое место. Карамон согласился с ее соображениями, но с тех пор у них тоже вошло в привычку звать чулан «комнатой Рейстлина».

Как-то в таверне остановился странствующий маг, и так получилось, что в беседе хозяев была упомянута «комната Рейстлина». Маг принялся буквально умолять показать ему место, где когда-то жил знаменитый чародей. Как ни пытался Карамон разубедить красного мага, как ни доказывал, что при жизни Рейстлина этой части таверны вовсе не существовало — все было напрасно. И Карамон позволил ему осмотреть чулан — все же тот являлся постоянным клиентом и платил не зубами ящерицы, а чеканной монетой.

Кудесник нашел «комнату» довольно милой, хотя и несколько захлавленной. Он попросил хозяина — «в знак уважения великого мага» — разрешить ему оставить в обители Рейстлина магическое кольцо. Карамон и тут не мог отказать. Так на пустой бочке из-под эля появился первый магический предмет.

Карамон не стал тревожить кольцо. Он достаточно всякого навиделся, чтобы у него пропало желание даже прикоснуться к подобного рода вещам. «Возьми что-нибудь этакое в руки и превратишься... к примеру — в ящерицу», — подумал он. А месяц спустя таверну посетили два белых мага. Как выяснилось, они прибыли в «Последний приют» исключительно для того, чтобы увидеть «святыню». Оказалось, что первому, красному, магу после остановки в таверне стало невероятно везти, и в своем везении он усмотрел добрую волю Рейстлина. Естественно, он не мог умолчать о том, что явилось причиной его удач. Белые маги изъявили желание пополнить святилище и своими знаками почитания знаменитого Рейстлина. Ими стали пергаментный свиток и пузырек с таинственным настоем. Чародеи пробыли в таверне двое суток, не скупясь на деньги, с огромным удовольствием слушая рассказы Карамона о брате, о былых временах.

Еще через месяц в «Последний приют» пожаловала женщина-маг из ложи Черных Мантий. За время своего недолгого пребывания она не произнесла ни слова, если не считать ее вопроса о местонахождении «комнаты». Она не осталась на ночлег, но заказала лучшее вино и заплатила за него чеканной монетой.

Вскоре таверна превратилась в место паломничества магов всего Ансалона. Одни приносили реликвии насовсем, другие оставляли на время, чтобы усилить их волшебные свойства. Впоследствии они клялись, что магическая сила предметов и впрямь многократно возрастала.

Тика язвила по поводу необыкновенности и исключительности «комнаты», смеялась над тем, что

чулан может обладать какой-то чудесной атмосферой. Карамон был с ней согласен, но только до тех пор, пока в старых бумагах Отика не обнаружил план таверны-предшественницы, разрушенной еще драконами во времена Войн Копья. Из чистого любопытства он просматривал план и поразился, когда увидел, что «комната Рейстлина» (этот чулан) располагалась как раз над тем местом, где любил сидеть, греясь у камина, его брат.

Карамон рассказал о необычном совпадении Тике, отчего (как она сама призналась) у нее по спине побежали мурашки. После этого Маджере освободил чулан от лишнего барахла, оставив только бочку, на которой скопилось множество разнообразных вещей.

Карамон составил подробный список предметов. Мысль что-либо из них продать никогда не приходила ему в голову, но часто он просто отдавал вещи тем магам, которые оказались в трудном положении, или еще совсем молодым, готовящимся пройти Испытание в Башне Высшего Волшебства. (Вступление в сословие магов представляло собой довольно жестокую процедуру, а бывали случаи, когда Испытание заканчивалось и смертью претендента.) Карамон чувствовал, что побывавшие в «комнате» предметы обладают особенно магической силой и ценностью. Пусть Рейстлин совершил немало ошибок, но он всегда питал расположение к слабым и униженным и приходил им на помощь.

Именно в эту комнату Палин привел своего отца.

С годами в ней все переменялось. Бочка из-под эля продолжала стоять на своем месте, но для многочисленных волшебных колец, брошей, ору-

жия, кошелей специально были приобретены деревянные с резьбой сундуки. На одной из полок лежали свитки, аккуратно перетянутые белой, красной или черной тесьмой. На стеллажах помещались книги с заклинаниями, а наиболее опасные по своему воздействию реликвии занимали дальний, затемненный угол комнаты. Солнечный свет проникал сквозь маленькое окошко. Для магов, впрочем, было более важным то, что через это оконце струился по ночам свет красной или серебряной луны, а также — невидимый — черной. Стол украшал всегда свежий букет цветов. Посреди комнаты стояло уютное кресло для тех, кто приходил медитировать или порыться в книгах. Кендеров к «святилищу» и близко не подпускали.

Карамон и Палин вошли в «комнату Рейстлина». Отец уселся в единственное кресло. Он был настолько потрясен, что совершенно не понимал, куда и зачем его привели. Палин — наоборот, несмотря на рану и крайнюю изнуренность, ощутил, что к нему возвращаются силы. Возможно, причиной тому была успокаивающая атмосфера комнаты, которую он всегда любил; а может быть, на него столь благотворно повлиял голос, все еще звучавший в голове, — голос, который он никогда не слышал наяву, но который так хорошо знал.

— Мой долг найти его, даже если мне придется шагнуть в Бездну.

— Что? — Голова Карамона дернулась. Хмурые брови, он воззрился на сына. — Что ты сказал?

До Палина дошло: сам того не сознавая, он говорил вслух. Маг хотел сначала подготовить отца к тому, о чем собирался вести речь. Но раз уж так вышло, не имело смысла оттягивать нелегкую беседу.

— Я хочу, чтобы ты знал, отец... У меня есть план, который я собираюсь осуществить. Не думаю, что ты его одобришь. — Палин заколебался на мгновение, но затем твердо продолжил: — В любом случае ты должен знать о моих намерениях... В Башню Вайрета я не пойду...

— Вот это славно, мальчик! — с облегчением воскликнул Карамон. — Мы что-нибудь придумаем. Ради твоего спасения я готов помериться силами с самой Такхизис. Я не позволю эти ублюдкам-рыцарям отнять у меня...

— Отец, прошу тебя! — оборвал Палин. — Я не собираюсь идти в Башню Вайрета, потому что намерен отправиться в Палантас и пробраться в Башню Высшего Волшебства. Я хочу проникнуть в Бездну и попробовать отыскать дядю.

У Карамона отвисла челюсть; его изумлению не было границ.

— Мальчик мой, но Рейстлина нет в Бездне. Его жертву принял Паладайн и даровал ему вечное успокоение.

— Отец, ты не можешь утверждать это со всей определенностью.

— Я видел его мертвого так же, как вижу теперь тебя.

— Тебе это снилось... ты сам потом признался. По легенде, Рейстлин — узник Бездны, день за днем истязаемый Такхизис; день за днем он выносит ужасные муки, за которыми следует агония смерти; день за днем все повторяется сначала.

Карамон поднялся с кресла. Он был уверен в своей правоте.

— Я знаю легенду. Она также гласит, что Стурм Светлый Меч отправился в долгий путь к красной луне... Все это чушь! Рейстлин мертв! Спит

вечным сном... Я запрещаю идти в Палантас. Ты останешься дома. Мы попробуем договориться с Ариаканом. Танис нам поможет...

От Посоха Магиуса исходило тепло, Палин это явственно ощущал. Оно придавало смелости, как после доброго глотка горячего, терпкого вина.

— Просто тебе *хочется* думать, что Рейстлина нет. Полагать иначе — значит сказать себе, что ты отрекся от него, покинул, бросил...

Слова Палина словно камнепад обрушились на отца.

Карамон побледнел, дыхание участилось, могучее тело затряслось. Он пытался что-то выговорить... и не мог.

Палин закусил губу и крепче сжал посох. Ему самому стало страшно от своих слов. Все произошло помимо его воли, и теперь он не мог вернуть сказанного, равно как не мог вдохнуть жизнь в окоченевшие тела братьев.

— Неужели ты в самом деле так думаешь? — чуть слышно, с дрожью в голосе спросил Карамон.

— Нет, отец. Нет... Прости. Я знаю, ты чем угодно пожертвовал бы ради Рейстлина. Я понимаю, что твое убеждение — это своеобразное лекарство. Ты искренен в своем убеждении... Но все-таки ты можешь ошибаться, отец.

Ты можешь ошибаться...

Эти слова эхом отозвались в голове Палина; они обрели размеры, форму, цвет настолько явственно, что молодой маг мог видеть, как они полыхают перед ним.

Карамон сделал судорожный вдох и потряс головой. Очевидно, он подыскивал контраргументы.

«Он хочет отговорить меня, — подумал Палин. — Нельзя ему этого позволить. Меня не так

сложно разубедить. В Башне во время Испытания такое случилось. Это было внушение, но страх и ужас я почувствовал взаправду».

— Я все обдумал, отец. Стил Светлый Меч обещал составить мне компанию. Он отведет меня в Башню. Я встречу с Даламаром и постараюсь убедить его... Может, он позволит мне сделать попытку миновать стражей. А если нет, то я сам... Один раз призрак-страж уже пропустил меня.

— Тогда тебе просто пригрезилось! — начал сердиться Карамон. — Это все штучки магов — ты сам знаешь. Тебе потом объяснили...

— А это, отец? — Палин вытянул Посох Магиуса. — Это мне тоже грезится? Или посох вовсе не моего дяди?

Карамон как-то робко взглянул на реликвию и промолчал.

— Посох хранился в лаборатории Рейстлина, там же, где находятся Врата в Бездну. Даже Даламар не имеет туда доступ. И тем не менее посох оказался вне стен лаборатории: он у меня. Я попробую в нее пробраться и разыскать дядю. Он научит меня всему, что знает сам. И никто больше не пострадает, не погибнет из-за моего неумения, неспособности в нужный момент прийти на помощь.

— Ты хочешь сам открыть Врата? Но как ты это сделаешь один? Ты что — забыл? Войти во Врата способен только настоящий маг и в сопровождении жреца... Именно поэтому твоему дяде нужна была госпожа Крисания...

— Я не собираюсь открывать Врата, отец, — задумчиво произнес Палин. — Они будут открыты с другой стороны.

— Рейстлином?! — вскричал Карамон. — Ты думаешь, их отворит для тебя он?! — Маджере потряс головой. — Темные рыцари требуют невыполнимого. Ты им ничего не должен. Ни о чем не беспокойся, — сурово добавил он. — Я и Танис разберемся с этим Светлым Мечом.

— Я дал слово чести, что не сбегу. — Палин был резок. — Ты хочешь, чтобы я нарушил его? Ведь ты сам учил меня всегда держать данное слово.

Карамон не сводил глаз с сына; на ресницах у него блестели слезы.

— Считаешь себя умником-разумником, Палин? Моими же словами загоняешь меня в угол... В этом ты копия своего дяди. У него это отменно получалось... Он всегда поступал по-своему, даже если при этом доставлял боль другим... Что ж, делай как знаешь. Я не сумел остановить Рейстлина, не смогу остановить и тебя.

С этими словами Карамон вышел.

Оставшись один, Палин приуныл. Да, благодаря своей способности соображать чуть быстрее, чем отец и братья, ладно говорить — он часто одерживал над ними верх. В спорах Палин напоминал собаку, которая насккивает с разных сторон на медведя, привязанного цепью к столбу. Они всегда ему уступали. Палин долго упрашивал братьев — несмотря на их разумные доводы — взять его в Каламан. Он молил, спорил, всячески хитрил. В конце концов они уступили. Когда произошла стычка, братья больше думали о том, как защитить Палина, нежели о себе. И вот их нет... Сердце Палина вновь заныло. Уставившись в одну точку, он вспомнил, как все было.

Ускользнуть, ретироваться — это здраво и благо разумно, когда перед вами целое войско, а вас всего лишь жалкая горстка. Рыцари помнили и о такой возможности...

Черные корабли становились на якорь неподалеку от берега, чтобы баркасами высадить первый десант. В небе над флотом кружили синие драконы.

— Если мы покажем спину, нас рассеют и перебьют поодиночке, — старался перекрычать шум прибоа предводитель Соламнийцев.

— И куда мы денемся от драконов? — включился в разговор Танин. — Они будут гоняться за нами, пока не переловят одного за другим. Неужели мы дадим повод для насмешек и обвинений в трусости?.. Мое слово — остаться и дать бой.

— Мы остаемся, — в тон брату произнес Палин.

— О тебе речь не идет, — возразил Танин. — Ты налегке. Лошадь у тебя резвая. Здесь тебе не место... Вернешься в Каламан и предупредишь о надвигающейся опасности.

— Что? Мне бросить своих братьев? — возмутился Палин. — И ты думаешь, я мог бы так поступить?

Стурм и Танин переглянулись. Стурм покачал головой и перевел взгляд на море — на приближающиеся баркасы, до отказа наполненные непрощенными гостями. Времени было в обрез. Танин подъехал к Палину и взял его за руку.

— Послушай, мы с братом знали, чем рискуем, вступая в рыцарский орден. Но у тебя другое положение...

— Я вас не покину, — упрямо ответил Палин. — Вы всегда отсылаете меня домой... что бы ни случилось. На этот раз у вас ничего не выйдет.

Танин подался вперед; лицо его побагровело:

— Проклятье!.. Палин, данная ситуация отличается от той, когда мы дразнили соседского бычка. Нам предстоит умереть. Что будет с родителями, когда они узнают о смерти троих сыновей, в особенности — младшего.

Палин какое-то время молчал. Он представил, как скачет прочь, как, краснея, говорит отцу и матери: «Я не знаю, что стало с братьями...»

Палин поднял голову:

— А *ты* смог бы бросить *меня*, Танин?

— Нет, но...

Палин продолжал:

— По-твоему, если я — маг, то менее связан долгом и честью?.. Мы тоже даем клятву — именем Магии, именем Солинали... Я остаюсь и буду сражаться вместе с вами.

Стурм криво усмехнулся:

— Как он тебя подловил, Танин. Тебе и возразить нечего.

Танин раздумывал. Ответственность за младшего брата, как он считал, лежала на нем.

Внезапно Танин вытянул руку:

— Решено. Сегодня мы идем в бой во имя Паладайна, — он едва заметно улыбнулся, — и во имя Солинали.

Они пожали друг другу руки и направились к товарищам, занявшим позицию вдоль берега...

Это Палину запомнилось наиболее отчетливо.

Схватка была короткой, яростной, беспощадной. Попрыгав из баркасов и дико завывая, варвары в голубой раскраске ринулись на берег.словно приливная волна, нахлынули они на рыцарей, дрались, не чувствуя боли, со свирепым азартом.

Однако Соламнийцы, более искусные, более хладнокровные и организованные, выкосили подчистую первые ряды атакующих. Заклинание-молния Палина ударило в самую гущу варваров, рассекая, разрывая, раскидывая обожженные и дымящиеся тела.

Но затем накатились вторая... третья волна. Рассвирепевшие варвары вынуждены были преодолевать вал из трупов соплеменников, чтобы добраться до рыцарей. Палин помнил, что братья прикрывали его собой. По крайней мере ему казалось, что он это помнил. Затем последовал удар в голову, вероятно, копья, — удар, силу которого успел ослабить кто-то из братьев.

Больше он их живыми не видел.

Когда Палин очнулся, все было кончено. Два темных рыцаря сторожили его. Ему хотелось узнать, что с остальными, но он страшился услышать горькую правду.

Потом появился Стил, и все разъяснилось само собой...

Палин вздохнул, подошел к двери, выглянул в коридор. В доме стояла тишина. Внизу, кроме Стила, никого не было. Прямой и суровый рыцарь сидел на стуле, не позволяя себе расслабиться, отказывая во сне, хотя, должно быть, дьявольски нуждался в отдыхе.

Палину вдруг стало ужасно тоскливо. Как ему не хватало братьев, их смеха, подначиваний, некогда доводивших его до белого каления. Он променял бы здоровье всего Ансалона, лишь бы услышать, как Танин читает ему очередную нотацию, а Стурм в это время язвительно подхихики-

вает. Палин тосковал и по сестрам, чье поддразнивание так злило его. Еще до появления эльфов Тика и Карамон, боясь возможных неприятностей, отправили девочек в племя кве-шу — погостить у Золотой Луны и Речного Ветра, вождей кве-шу. Хорошо было то, что Лаура и Дезра не увидят похорон братьев. Бедные девочки — их детство кончится в тот самый момент, когда они, вернувшись домой, найдут могилы Стурма и Танина...

По лестнице поднимался Танис Полуэльф.

— Карамон говорит, ты решил ехать?

Палин кивнул.

— Где отец?

— С матерью... Дай ему опомниться, Палин, — ненавязчиво посоветовал Танис. — Пусть он придет в себя.

— Я не хотел... — начал было Палин и запнулся. Затем продолжил: — Танис, я должен это сделать. Отец меня не понимает... Никто не понимает. Его голос... Я слышу его голос...

Танис сочувственно смотрел на Палина.

— Ты останешься на похороны? — спросил он.

— Конечно, — отвечал Палин. — Но затем мы без промедления тронемся в путь.

— Прежде чем вы соберетесь в дорогу, и тебе, и Светлому Мечу необходимо основательно отдохнуть, — сказал Танис. — Думаю, мне удастся убедить Стила, что никто не будет кормить его отравленной пищей и покушаться на него, пока он спит... Как все-таки он похож на своего отца! — добавил Танис, когда они с Палином вошли в зал. — Сколько раз я видел Стурма в той же самой позе, смертельно усталого, стареющегося, однако, не показывать вида...

Стил поднялся им навстречу — то ли из уважения к Танису, то ли из предосторожности. По лицу нельзя было определить, о чем он думает, что чувствует, — все та же суровость, отстраненность, неприступность.

— Пора в дорогу, — глядя на Палина, сказал он.

— Сядь. Не спеши, — проговорил Палин. — Мы двинемся только после того, как тела братьев будут преданы земле. А пока восстанавливай силы. Мясо, правда, холодное, но эль — добрый. Я приготавливаю тебе комнату. Переночуешь здесь.

Стил помрачнел.

— Я не нуждаюсь...

— Нуждаешься, — прервал его Палин. — Тебе понадобятся силы... В любом случае ночью двигаться безопаснее, дорога в Палантас будет нелегкой.

— В Палантас? — поразился Стил. — Зачем нам идти в Палантас — твердыню Соламнийских Рыцарей?.. Если это ловушка...

— Нет, не ловушка, — снова не дал договорить Палин, устало присаживаясь к столу. — Мы идем в Палантас, потому что Врата находятся в Башне Высшего Волшебства.

— Мы же договорились, что Врата должны открыть маги. Такой шаг противоречит первоначальному плану, условиям выкупа, — возразил Стил.

— Я сам открою Врата, — сказал Палин. — С помощью дяди, — добавил он, видя недоумение на лице рыцаря.

Стил молча обдумывал неожиданное предложение Палина.

— Наше путешествие будет опасным, — продолжал молодой маг. — Я намерен не только от-

крыть Врата, но и войти... войти в Бездну. Я хочу разыскать дядю. Ты можешь не ходить со мной... но я подумал, — как бы между прочим добавил Палин, — что тебе самому не захочется упускать возможность побеседовать с Королевой лично...

В глазах Стила внезапно вспыхнул огонек — пламя азарта. Броня неприступности оказалась уязвимой. Слова Палина достигли цели.

— Добро. Двигаем в Палантас, — кратко, в свойственной ему манере произнес Стил.

Палин вздохнул: он одержал две трудные победы. Теперь можно расслабиться, отдохнуть. Молодой человек вдруг почувствовал, как страшно он устал — не было сил даже на то, чтобы подняться к себе в комнату. Он уронил голову на стол и, уже закачавшись на волнах сна, услышал шепот:

— *Браво! Молодец!.. Я жду твоего прихода.*

**12. Аша входит в роль.
Даламар сомневается.
Немаловажные сведения.**

то было умопомрачительно! В жизни не ел ничего подобного, — произнес Тассельхоф Непоседа. — Я заполнен до отказа.

Откинувшись на стуле и положив ноги на стол, Тас рассматривал одну за другой изящные серебряные вилки. Они были довольно примечательные — замысловато сделанные, и на каждой имелись инициалы. «Работа эльфов», — догадался кендер.

— А инициалы, должно быть, Даламара, — сонно изрек Тассельхоф.

Сказать, что он обьелся, — ничего не сказать, но как тут удержаться, если все такое вкусное! Кендер любовно поглаживал вилку. Хотел бросить ее на стол, но против его воли рука сама собой опустила вилку в карман. Тас от души зевнул. Восхитительное угощение!

Аша была того же мнения. Она окончательно размякла, осоловела; голова безвольно моталась из стороны в сторону, глаза слипались. Девушка испытывала полное блаженство.

— Никогда так не объедалась! — позевывая, сказала она.

— Я тоже, — отозвался Тас, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми. Пока ему это удавалось. Своим хохолком на голове, тем, как

неестественно смыкались и размыкались веки, он напоминал сейчас филина.

На появление Даламара и Йенны пресыщенные гости отреагировали ленивыми улыбками.

Чародеи заговорщически переглянулись. Желая убедиться, все ли на своих местах, темный эльф окинул взглядом комнату.

— Не хватает только вилки, — заметил он. — И это после того, как кендер пробыл здесь почти час. Подумать только! Это что-то невероятное... невообразимое.

Даламар извлек вилку из кармана Тассельхофа.

— Я нашел ее на полу, — сказал Тас первое, что пришло в голову. Затем свое оправдание от подкрепил обычно употребляемыми в таких случаях фразами: — Я и сам не знаю, как она там оказалась... Что — вилка в самом деле твоя?.. Я думал, она тебе больше не пригодится... Сами же ушли и все побросали... Я хотел просто помыть ее...

— Благодарю, — сказал Даламар, кладя вилку на стол.

— Да что там — пустое! — снисходительно улыбаясь, проговорил Тас и закрыл глаза.

Даламар повернулся к Аше, на чьем лице блуждала глупая ухмылка.

— Потрясающий ужин, — сказала она.

— Благодарю... Насколько я понимаю, у тебя для меня письмо.

— Да, конечно. Оно где-то здесь, — чуть оживая, сказала Аша и принялась шарить по карманам своих шелковых шаровар.

Она достала свиток и помахала им.

— Любовь моя, что ты подмешал в сидр? — обращаясь к Даламару, прошептала Йенна.

Она приняла из рук Аши свиток.

— Это именно то письмо, дитя мое? Ты уверена?

— Я вовсе не дитя, и тем более — не твое. Ты немногим старше меня. Брось изображать из себя важную даму.

— Чья же ты? — подчеркнуто небрежно спросил Даламар, забирая свиток у Йенны.

Маг не торопился читать письмо. Пока что его больше интересовала сама девушка, в чертах лица которой он выискивал сходство со своим *шалафи*. Этим человеком он восторгался и восхищался, боялся его, любил и ненавидел.

— А как ты думаешь? — сказала Аша, искоса взглядывая на мага.

— Не знаю, — ответил Даламар и присел на стул рядом с девушкой.

— Я жила в местности, которую называют Пыльные Равнины, — начала Аша.

— Ты там не жила, — отрезал Даламар, словно стегнул хлыстом. — Не лги мне, девочка.

Аша, вздрогнув, выпрямилась на стуле и с опаской посмотрела на мага.

— Я не лгу...

— Нет, лжешь. Эти магические предметы, — Даламар бросил ей на колени сумку, — принадлежали эрдам. Их не спутаешь ни с какими другими. Не сомневаюсь, что письмо все объяснит.

— Нет, не объяснит, — возразила Аша. Ей уже разонравились и комната, и ее хозяин в черной рясе. Поручение она выполнила, самое время распрощаться. — Это просто история об одном бриллианте. Не возьму в толк, почему Заст придает этому такое значение. — Аша поднялась со стула, голова немного кружилась. — Ну, я пойду. Спасибо за угощение...

Йенна положила руку на плечо девушки.

— Отсюда так запросто не выйти, — постукивая свитком по подбородку, произнес Даламар, — если только мне самому этого не захочется... Садись, Аша. Ты моя гостья. Ты и кендер... Ну вот, так-то лучше... А теперь расскажи мне о своих родителях, — все так же спокойно, но уже с легким раздражением настаивал маг.

— Мне ничего о них не известно, — растерянно отвечала девушка. — Уверяю тебя... Я — сирота. Меня подобрала эрды, когда я была еще совсем маленькой.

Йенна присела к Даламару на подлокотник.

— Трудно поверить, что они ничего тебе не рассказывали.

— Ничего, — оборонялась Аша. — Правда, кое-что я узнала сама... Приходилось ли тебе слышать о *Валуме*?

— *Валине*, — поправил ее Тассельхоф, любопытство которого вело неравную борьбу со сном. Чтобы не впасть в забытие, он вынужден был время от времени щипать себя. — Правильно сказать — *Валин*...

— Да, знаю-знаю, — пресекла дальнейшие объяснения Аша, сердито посмотрев на кендера. Затем повернулась к Даламару: — Конечно, *Валин*. Это, должно быть, из-за сидра я путаюсь... Так вот, однажды ночью, когда я была уже в постели, к нам пришел гость. С эрдами такое случается очень редко, поэтому я решила узнать, в чем дело... Гостем оказался эрд, которого в племени зовут Вершителем. К моему удивлению, он и Заст говорили обо мне.

— Многое в их разговоре я не поняла. Они упоминали и *Валина*. Говорили о том, как моя

мать, эрд по рождению, покинула племя и пустилась странствовать по свету; как однажды в таверне она познакомилась с магом: там к ней пристали какие-то головорезы, и маг со своим братом...

— Близнецом... — хотел было пояснить Тассельхоф, но слова спасовали перед чудовищным зевком.

— ...Маг, увидев мою мать, подумал, что в жизни не встречал такой красивой женщины. То же самое подумала о маге моя мать, и между ними случился *Валин*.

— Объясни, что это за *Валин*? — попросил Даламар.

Аша свела брови:

— Ты же сказал, что знаешь...

— Нет, — возразил Даламар. — Ничего подобного я не говорил.

— Давайте я объясню! — встрепенулся Тас, выбрасывая вверх руку.

— Не нужно, Тассельхоф, — осадил кендера Даламар. — Для меня предпочтительнее версия эрдов.

— Ну, *Валин* — это... то, что происходит между мужчиной и женщиной, — заметно розовея, продолжала Аша. — Он сводит их вместе... — Девушка пожала плечами. — Заст мне почти ничего не рассказывал о *Валине*. Он лишь сказал, что со мной подобного не случится.

— Это почему же? — деликатно поинтересовался Даламар.

— Потому, что я наполовину человек.

— В самом деле? И кто же твой отец?

— Тот маг из таверны, — небрежно бросила Аша. — По имени Рейстлин... Рейстлин Маджере.

— Ну, я же говорил... — подал голос Тассельхоф.

Даламар сжал губы. Похлопывая свитком по щеке, он долго и пристально смотрел на девушку. Аше стало не по себе, она занервничала, не зная, куда спрятаться от пронизывающего взгляда мага. Наконец темный эльф поднялся со стула и сделал несколько шагов вдоль стола. Девушка вздохнула с таким облегчением, словно ее только что выпустили из темницы.

— Вот — рекомендую: превосходное вино, — взяв в руку графин, сказал Даламар. — Поухаживай за гостями, чародейка Йенна.

— В чем дело? — тихо спросила Йенна, подходя вплотную к магу.

Даламар разлил по хрустальным бокалам золотистое вино.

— Я ей не верю, — шепотом ответил маг. — Она лжет.

— О чем это вы здесь секретничаете? — вклиниваясь между чародеями, полюбопытствовал Тассельхоф. — О чем вы тут шепчетесь?

Йенна, не скрывая своего неудовольствия бесцеремонностью кендера, запустила руку в мешочек, висевший у нее на поясе, вынула горстку песка и бросила в лицо Тасу.

— *Драуши*, — проговорила она.

Тассельхоф попятился, чихнул раз... другой и плюхнулся на стул. Затем уронил между тарелками голову и мгновенно заснул.

— Я не верю тому, что она рассказала, — повторил Даламар. — Все это девочка услышала от кендера. Напрасно мы их оставили вдвоем.

— А ее глаза... цвета золота?

— Возможно, у всех эрдов такие глаза, — не сдавался Даламар. — Почему мы знаем. Мне не приходилось встречать эрдов. А тебе?

— Не нервничай, дорогой, — ласково сказала Йенна. — Мне тоже не приходилось. Да и кто на Ансалоне их видел... О чем говорится в письме?

Даламар сдернул со свитка черную ленточку, развернул его и быстро пробежал глазами.

— Излагается история возникновения мира, — фыркнув, сказал он. — Похоже, здесь нет ответа на наш вопрос.

Маг бросил письмо на стол рядом с похрапывающим кендером, смахнул с кружевной скатерти крупинки песка.

— Все же, я думаю, у нас есть возможность докопаться до истины.

— Можно проверить — есть ли у нее магические способности, — угадала Йенна ход мысли Даламара. — Попробуй... а я постараюсь вникнуть в содержание послания — ведь не просто так эрды отправили его с девушкой.

Даламар подошел к Аше, калачиком свернувшейся на диване, и потряс ее за плечо.

— Ну что... Оставьте меня в покое... — промямлила девушка, поворачиваясь спиной к магу и зарываясь лицом в подушки.

Даламар с силой сжал плечо.

— Ой, больно! — воскликнула Аша, приподымаясь и недоуменно глядя на мага.

— Так ты дочь Рейстлина Маджере?

— Да, — потирая плечо, ответила девушка.

— Тогда ты должна была унаследовать его талант.

— Какой талант? — насторожилась Аша.

— К древнему искусству... магии. Рейстлин был одним из самых искусных и могущественных магов Ансалона. Обычно способности к магии

передаются по наследству, как, к примеру, их получил племянник Рейстлина, Палин. Ну а дочь его просто обязана обладать большой магической силой.

— Так оно и есть, — сказала Аша, ерзая среди подушек.

— Тогда, будь любезна, покажи мне и госпоже Йенне свое умение.

— Я бы с удовольствием, но мне запретили эрды. Я еще очень плохо рассчитываю свои силы. Мне бы не хотелось, чтобы твои апартаменты пострадали каким-либо образом.

— Я готов пойти на риск, — сухо сказал Даламар.

— Ну, что ты... зачем? — невинно глядя на мага, упорствовала Аша. — Заст меня предупредил: никогда...

— Всемогушая Лунитари! — внезапно воскликнула Йенна. — Благословенная покровительница красной луны! Если это правда...

Даламар повернулся к Йенне:

— Что — правда?

Йенна протянула ему письмо:

— Любовь моя, ты не потрудился дочитать послание до конца. Прочти...

Маг углубился в письмо.

— Серый Бриллиант у эрдов, — проговорила Йенна.

— Если верить этому... — задумчиво согласился Даламар. — Что тебе известно, девочка?

— О чем? — не поняла Аша.

До сих пор своим тихим голосом с характерным для эльфов пришепetyиванием, манерами, обхождением Даламар напоминал дремлющую на солнце змею, апатичную, безразличную ко всему. Но по-

теряй жертва бдительность, окажись она на достаточно близком расстоянии — тут же последует молниеносный бросок и укус...

— Не строй из себя дурочку! — крикнул Даламар и метнулся к Аше. — Что ты знаешь о Сером Бриллианте?.. Только не вздумай утруждать себя разного рода выдумками...

Девушка облизала губы:

— Я ничего не выдумывала, — робко проговорила она. — Я ничего о нем не знаю... Только раз и видела его.

— Что он из себя представляет?

— Такой... серый камень.

Густые черные брови мага сошлись на переносице, миндалевидные глаза зловеще мерцали.

Аша набрала воздуха в легкие и продолжала:

— У него очень много граней, и их невозможно сосчитать... От него исходит сероватый мреющий свет. Не могу сказать, что мне было приятно смотреть на камень. Я как-то странно чувствовала себя в этот момент: мне вдруг захотелось куда-то мчаться, сотворить какую-нибудь глупость, сделать то, что обычно считается безрассудным, сумасбродным... Заст объяснил, что так камень влияет на людей.

— И эрды собираются его расколоть? — допытывался Даламар.

— Да, — ответила Аша, съеживаясь под взглядом мага. — Они потому и отослали меня. Вершитель сказал — пусть я лишь наполовину человек, но мое присутствие может неблагоприятно отразиться на их магических действиях...

— А что если они уже вскрыли Серый Бриллиант? — предположила Йенна. — К чему это может привести?

— Не знаю... Да и кто может знать. Не уверен даже, что боги ведают о том. — Даламар испытывающе посмотрел на Ашу. — Заметила ли ты что-нибудь необычное перед тем, как тронуться в путь... или, может быть, позже?

— Ничего, — ответила девушка. — Хотя... я видела зарево на небе, словно бушевал пожар. Я решила, что это имеет отношение к магии эрдов...

Даламар не задавал больше вопросов и, казалось, потерял к Аше всякий интерес. И она была этому только рада, испытывая лишь одно желание — спрятаться куда-нибудь, чтобы не привлекать внимания. Темный эльф мерил шагами комнату. Йенна обеспокоенно за ним наблюдала. Тассельхоф, время от времени вздрагивая во сне, преспокойно похрапывал. Наконец Даламар принял решение.

— Я соберу Конклав... сегодня же. Мы должны как можно быстрее добраться до Вайрета... Мне все это не нравится, — мрачно добавил он. — Невыносимая жара, сушь... прочие необъяснимые вещи. Вполне вероятно, что все это неспроста.

— А что будем делать с девчонкой и кендером? Берем с собой?

— Нет. Все, что могла, она уже рассказала. Если Конклаву станет известно, что по Ансалону разгуливает дочь Рейстлина, возможны осложнения в отношениях между магами. Тогда мы ничего не успеем сделать. Самое лучшее — держать ее пока здесь... вместе с кендером. Он друг Карамона Маджере и наверняка проболтался бы о девчонке.

Даламар и Йенна направились к двери.

— Подождите! — крикнула Аша и прыгнула с дивана. — Вы не можете так поступить! Я не хочу здесь оставаться... Я буду кричать!

Обернувшись, Йенна бросила в Ашу горстку песка. Девушка зажмурилась, потрясла головой, стала протирать глаза.

— Говорю вам, я не останусь...

— Надо же — на нее не подействовал мой заговор. Интересно, сама она способна сопротивляться или на ней предохраняющие чары?

— Что бы это ни было, нам нужно торопиться, — произнес Даламар и щелкнул пальцами.

Аша, покачнувшись, рухнула на диван; глаза закрылись, и она тотчас погрузилась в сон.

Даламар открыл дверь, и чародеи очутились на винтовой лестнице. Узкие каменные ступени вели вверх, в лабораторию Башни — помещение, куда войти не имел права даже Хранитель. Спускаясь по этим ступеням, можно было попасть в комнаты, которые служили местом занятий и обитания учеников Даламара. А еще ниже находился Чертог Созерцания...

Серебряным ключом хозяин Башни закрыл дверь своих апартаментов.

— Кендера это не остановит, — заметила Йенна, — а сонный заговор перестанет действовать еще до нашего возвращения.

— Согласен, — на замок надежды мало. Но можно вполне положиться на кое-что другое.

Даламар произнес несколько слов на каком-то паущем языке; его голос напоминал хруст льда, ломающегося под ногами.

В ответ на слова мага в темноте Башни возникли два белых бесплотных глаза.

Призрак приблизился к Даламару:

— Что хочет мой господин?

— Стереги эту комнату: никого не впускай и никого не выпускай. Если те двое попытаются

улизнуть, плохого им не делай, но уйти не позволяй...

— Непростая задача, — проговорил призрак, — но я повинуюсь, господин.

Даламар стал произносить слова заклинания, благодаря которому они могли попасть в Башню Вайрета. Йенна чуть замешкалась, думая о том, справится ли призрак с заданием.

— Ну, где ты там? — прерывая заклинание, раздраженно проговорил маг. — Дорога́ каждая минута.

— А вдруг она все же говорит правду? — вкрадчиво сказала Йенна. — Тогда и призрак не сможет ее удержать.

— Ее магической силы не хватило даже на то, чтобы украсть гнилые фрукты, — сердито парировал Даламар. — Либо она хитрющая бестия, либо — несусветная дуреха.

— Но для чего ей нужно разыгрывать из себя чародейку? Она же понимает — так или иначе мы ее раскусим.

— Однако пока мы ее не раскусили, согласись?.. Эрды умны, умудрены и искусны в магии. Кто знает, что они замышляют. Может, она послана шпионить... Немного погодя я ею основательно займусь и все в конце концов выясню. Но думаю, девчонка завирается и сильна в магии не более кендера. Хотя, если ты сомневаешься в моей проницательности...

— Нет, любовь моя, не сомневаюсь, — становясь рядом с Даламаром, проговорила Йенна. В ожидании поцелуя она откинула голову назад. — Но кое-что в тебе сомнения все же вызывает.

Маг рассеянно поцеловал ее в губы.

— Я всегда остаюсь верным тебе, дорогая... по-своему.

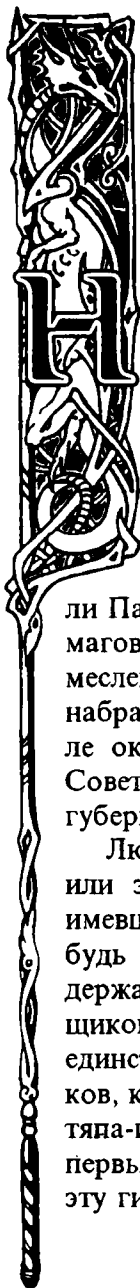
— В том-то и дело, что «по-своему», — грустно вздохнув, отозвалась Йенна.

Перекрестив руки, они одновременно произнесли заклятие, и темнота поглотила их.

А зачарованные Тас и Аша продолжали спать. Девушке снились сны, окрашенные в багровые тона. Ей было страшно, но вырваться из объятий колдовских чар она не могла.

Что касается кендера, то даже во сне его руки находили себе занятие — они неумоимо блуждали по столу. И не удивительно, что понравившаяся Тасу серебряная вилка вновь оказалась у него в кармане.

— А я боялся, что потерял ее, — пробормотал он сквозь сон.

13. Осада Каламана

Наступило раннее утро. Каламан, суетливый портовый город, расположенный к востоку от Палантаса, еще спал. Хотя размерами он уступал Палантасу и не был столь монументальным, каламанцы утверждали, что практичностью их город намного превосходил чопорного, кичащегося своим аристократизмом соседа. Если Палантас считался городом знати, рыцарей и магов, то в Каламане преобладал торговый и ремесленный люд, так называемый средний класс, набравший силу и прочно вставший на ноги после окончания Войн Копья. Городом управлял Совет Гильдий, из членов которого избирался губернатор.

Любой житель Каламана — будь то человек или эльф, гном или гном-механик, — житель, имевший свое дело, — принадлежал к какой-нибудь гильдии: серебряников, оружейников, держателей гостиниц, пивоваров, портных, обувщиков, ювелиров... Существовала даже такая, единственная на Ансалоне, — Гильдия розыскников, которая состояла под началом кендера. Растяпа-горожанин, потерявший какую-либо вещь, первым делом обращался за помощью именно в эту гильдию.

Город располагал своим ополчением-милицией, формировавшимся из числа каламанцев и наемников из окружных мест. Отряды милиции возглавляли воины-ветераны. Наемники не были просто авантюристами, сорвиголовами, которые сегодня ради развлечения или за галлон вина берутся помочь вам отбиться от гоблинов, а завтра (за то же вознаграждение) уже сражаются на стороне гоблинов. Каждый, помимо жалованья, обеспечивался жилищем. Наемники имели также и собственную гильдию, обладали правом голоса на выборах. Таким образом, они превращались в полноправных горожан, напрямую заинтересованных в защите Каламана.

Но при всех своих достоинствах — хорошей выучке, щепетильном отношении к службе, готовности выполнить свой долг — отряды милиции не представляли собой сколь-нибудь серьезной силы, способной противостоять регулярной армии.

Под лучами солнца, выглянувшего из-за горизонта, восточная стена отливала алым. Восход восторженно приветствовали петухи, но город еще спал. Караул гавани ожидал скорую смену, предвкушая желанный отдых.

— Вижу корабль, — произнес один из стражей. — Чье прибытие предполагалось к этому часу?

Напарник сверился с журналом прихода-ухода судов.

— Не исключено, что это «Леди Джейн» их Устричного. Была договоренность — судно становится под погрузку зерном... Оно дошло слишком быстро — ранее полудня его не ждали.

— Должно быть, попутный ветер, — предположил первый и оглянулся, в надежде увидеть нако-

нец долгожданную смену. Затем он посмотрел на море и удивился, обнаружив на горизонте второй парус. — Странно, — проговорил он. — Еще один... И еще... Клянусь Хиддукелем, это целый флот! Дай-ка мне подзорную трубу!

Напарник исполнил просьбу и в свою очередь сам прильнул к глазку.

— Четыре, пять, шесть... — взволнованно считал караульный. — Черные корабли, носовая часть в виде дракона... Никогда прежде таких не видел. Под каким они флагом?

— Их вообще не видно... Это мне не нравится. Думаю, нужно поднимать тревогу.

— Подождем немного. Необходимо удостовериться... Семь, восемь.

Корабли шли на всех парусах, ветер им сопутствовал. По поверхности моря восходящее солнце расплескало красный цвет и всевозможные его оттенки.

— Смотри: флагман поднял вымпел... с черепом и мертвой лилией. Бей тревогу... Я пошло Хейза к губернатору.

Утреннюю тишину порта прорезал звук набатного колокола. Отражаясь от воды, он достиг домов, расположенных на дамбе, вырвал из сна людей, селившихся вблизи гавани.

Набат подхватили другие колокола города, имевшиеся на башнях зданий гильдии и храмов, где поклонялись многочисленным богам Кринна.

Губернатор, стряхивая с себя остатки сна и одеваясь прямо на ходу, поспешил в гавань.

К тому времени, как он поднялся на восточную стену, над черными кораблями уже ясно были различимы силуэты драконов. Шестнадцать монстров летели боевым порядком, мерно взмахивая

крыльями. Лучи солнца отражались от синих панцирей... И корабли, идущие на всех парусах, и ровный строй драконов над ними — все это представляло собой впечатляющее, захватывающее зрелище, но по сути являлось предвестником одного — смерти.

— Ополчению — боевой сбор, — скомандовал губернатор. Свой пост он занимал в течение трех лет и до избрания состоял в Гильдии серебряников.

— Может быть, они пройдут стороной, — с надеждой в голосе предположил караульный. — Возможно, они идут на Палантас...

— Нет, они держат курс на Каламан, — опуская подзорную трубу, тихо произнес губернатор. За его спиной был опыт Войны Копья, и он знал, что им предстоит, что ожидает город и его население в ближайшие часы.

Несколько торговых суденышек уже покидали гавань, торопясь выйти на спасительный простор открытого моря.

В повседневной жизни губернатор редко прибегал к молитвам, но сейчас он готов был молиться какому угодно богу, лишь бы тот отвел от города смертельную опасность. Единственное, на что он мог надеяться, — это оборонительные сооружения, возведенные после Войны, реконструированные и усиленные за последние несколько месяцев. Кроме того, в распоряжении милиции имелись две катапульты и четыре баллисты, которые могли держать под обстрелом вход в гавань. Ополченцы гордились своими метательными машинами, холили их и лелеяли. Наготове также стояли брандеры — специальные суда для блокирования входа в порт. Они были пропитаны жиром и поджигались в том

случае, если бы вражеские корабли вдруг попытались пройти мимо них.

Тем временем набат подхватили все колокола Каламана. Мужчины спешили занять свои места на крепостных стенах. Для тушения пожаров запасали воду — в ведрах, бочках и прочих емкостях. Старики и дети прятались в погребов и подвалы...

Губернатор наблюдал, как черные корабли убивают паруса и становятся на якорь. «Что если пришельцы действительно не собираются нападать на нас?» — подумал было он, но в этот момент к нему подвели плачущую девушку.

— Войско, — захлебываясь слезами, проговорила она. — На нас идет войско голубых гигантов. Они разрушили и сожгли нашу ферму. Убили моего отца. — Девушка была на грани истерики. — Я чудом спаслась... ускакала от них. Они уже близко...

— Голубые гиганты? — недоверчиво переспросил губернатор. — Успокойся... Расскажи все по порядку... Дайте ей глоток вина.

Бедняжка затрясла головой:

— Я же говорю: эти воины огромного роста. Они обнажены и раскрашены в голубой цвет. Они...

Подскакал посыльный и обратился к губернатору:

— Велено вам передать: по главной дороге к городу приближается войско. У них есть осадные машины, которые тянут какие-то невиданные животные!..

На крепостную стену упала тень дракона, вселя страх в томившихся тревожным ожиданием защитников.

Полдень. С борта флагманского корабля, в окружении помощников и адъютантов, повелитель Ариакан следил за ходом осады. На мачтах флагмана то и дело поднимались и опускались сигнальные флажки. С их помощью передавались приказы предводителя на другие корабли и командирам отрядов на берегу.

Ариакан чувствовал, как под тяжелыми доспехами по телу струится пот. Солнце стояло в зените. «Плевать на жару, — думал он, — кто сейчас действительно обливается потом — так это жители Каламана».

Драконы низко кружили над городом, к атакам пока не прибегали, а лишь нагоняли жути на горожан. Время от времени какое-нибудь из чудовищ забавлялось тем, что рушило башенку или, извергая из пасти огонь, поджигало дом, мастерские, склады. Приказ «пока не атаковать» они выполняли неукоснительно.

Легионы брутов взяли город в плотное кольцо. Они неторопливо, но расторопно установили осадные машины, немало подивившись, что противник не сделал ни единой попытки им помешать. Бруты стучали мечами о щиты, выкрикивали угрозы, пускали стрелы в того, кто осмеливался показаться на стене в открытую... но и только. Им тоже было приказано — не атаковать.

Весь флот держался вне досягаемости выстрелов баллист и катапульт, за исключением двух фрегат, посланных расчистить вход в гавань.

Баллисты ударили по ведущему кораблю, как только он оказался на достаточно близком расстоянии. Валуны обрушились на среднюю часть судна, снося рангоут, но не причиняя большого вреда. Команда тут же бросилась устранять полученные

повреждения. Стрельнули и катапульты, но неудачно. Фрегаты сблизились с уже подожженными брандерами.

Тем временем на батарею баллист и катапульт налетели драконы. После недолгой борьбы метательные машины и обслуга были сброшены в воду.

Фрегаты взяли на буксир пылавшие брандеры и потащили их в море, освобождая тем самым вход в гавань.

В три часа дня пополудни Ариакан решил, что хватит топтаться на месте, хватит тешиться, — город уже должен был почувствовать его силу. Дав своему адъютанту-герольду наставления, он послал его на переговоры с жителями Каламана.

Герольд и три сопровождавших его рыцаря, с белым флагом, без оружия, подъехали к главным воротам города. Их не впустили, но губернатор согласился вести разговор прямо с крепостной стены. Рыцари, понимая, что брусам ничего не стоило снять его с одного выстрела, оценили мужество, дружно ему отсалютовав.

— Что вы хотите?.. Что за нужда привела вас под стены мирного города? — вопрошал губернатор.

— Нас послал тот, кто вскоре станет повелителем всего Ансалона. Предводитель рыцарей Такхизис, Ариакан, требует сдачи Каламана.

— В недалеком прошлом приверженцы Такхизис тоже претендовали на Ансалон, и где они теперь? Служат своей Королеве в Бездне. Именно туда я с удовольствием препроводил бы и вашего господина.

Губернатор своими словами хотел подбодрить тех, кто преодолел страх перед драконами, кто

сохранил присутствие духа, не отказался от мысли защитить родной город. Хотя сам он не чувствовал ничего, кроме растерянности, подавленности, отчаяния. Мощь обложившего город войска была очевидной. Каламан не мог противостоять такой силе — атакам с моря, воздуха, натиску с суши.

— Каковы ваши условия? — сухо спросил он.

Герольд не замедлил с ответом:

— Вы открываете ворота, беспрепятственно пропускаете войска, складываете оружие. Население Каламана присягает на верность повелителю Ариакану. Мужчинам, способным носить оружие, будет предложено вступить под знамена армии Такхизис. Отказавшиеся от предложения станут пленниками. Если вы принимаете эти условия, городу ничего не грозит. Женщин, стариков и детей оставят в покое... Если вы находите условия неприемлемыми и попытаетесь оказать сопротивление — от города не останется камня на камне; мужчины будут обращены в рабство, дети — умерщвлены на глазах матерей, женщин отдадут на потеху варварам. До захода солнца вы должны сделать выбор.

— Какие гарантии, что этот ваш Ариакан сдержит свое слово? — спросил губернатор.

— Повелитель Ариакан — рыцарь Такхизис, — надменно ответил герольд. — Его слово — его честь. То, что он обещает, — он выполняет. Вы сдаетесь, и мы расходимся с миром; пытаетесь защищаться — сровняем ваш город с землей...

Герольд развернул коня и поскакал прочь. Почетный эскорт рыцарей последовал за ним.

Губернатор сошел со стены и направился в здание, где обычно заседали члены Совета Гильдий. Синие драконы продолжали выписывать в небе

круги, стараясь тем самым лишить защитников остатков мужества.

— Если есть шанс, что этот Ариакан сдержит свое слово, мы должны принять его условия. Иначе мы обречем город на гибель.

Члены Совета уныло согласились.

Ответ на свой ультиматум Ариакан получил гораздо раньше захода солнца.

Ворота были открыты, и войска в походных колоннах вступили в город. Жители с затаенным страхом ожидали расправ, резни, надругательств...

Всех крепких, более или менее здоровых мужчин отсортировали и согнали на площадь, где рыцарь-офицер произнес речь, восхваляя Ариака-на, его победы и славное будущее. Под конец своей речи он предложил каламанцам пополнить ряды воинства Такхизис, чтобы подвигами во имя Владычицы Тьмы приумножить славу рыцарей Ариакана. Желających, однако, не нашлось. Тогда согнанных на площадь сковали цепями; часть из них отправили на корабли, а часть отконвоировали валить деревья и строить плоты, с тем чтобы армия могла подняться по реке в глубь континента.

Остальным приказали разойтись по домам.

Флот вошел в гавань. Без всякой помпы Ариакан со своей свитой сошел на берег и сразу занялся делами. На улицах появились патрули, состоящие из рыцарей в черных стальных доспехах.

Следующий день не принес жителям Каламана ничего неожиданного. Более того, проснувшись, они обнаружили, что и драконы, и варвары исчезли. Город действительно остался нетронутым. Новый правитель распорядился возобновить работу рынка, открыть магазины.

Ошеломленные поначалу горожане мало-помалу стали возвращаться к своим повседневным заботам. Видимой разницей между «вчера» и «сегодня» было лишь присутствие патруля на улицах и дозорных в черных латах на городских стенах.

Зато в домах жены рыдали по своим мужьям, угнанным в рабство; плакали оставшиеся без отцов дети; скорбели, потеряв сыновей, отцы. Но и только...

Каламан пал, не пискнув.

А в бывшей резиденции губернатора, в прежнем его кабинете, за его столом сидел Предводитель. Перед ним лежала карта Ансалона. Ариакан обдумывал план захвата Палантаса.

14. Похороны

ем вечером до захода солнца Тика и Карамон похоронили своих сыновей.

В Утехе издавна существовал обычай сажать на свежей могиле молодое деревце. Люди верили, что душа усопшего вселяется в саженец и потому никогда не умирает. По этой причине жители Утехи очень бережно относились к лесу и никогда не срубали здоровые деревья.

Местом захоронения Стурма и Танина, их последним приютом, должен был стать кусок земли, принадлежавший семье Маджере и находившийся неподалеку от таверны. Здесь уже покоился старинный друг Тики и Карамона, Отик. Здесь же надеялись найти вечное отдохновение и сами супруги. Кто бы мог подумать, кто мог бы представить себе, что сыновья лягут в землю раньше них.

В Утехе трудно было что-либо утаить, и, когда Карамон начал копать могилу, один за другим к нему стали подходить соседи со словами утешения, с предложением о помощи.

Работали молча и по очереди — на жгучем солнце очень быстро уставали. Тень от деревьев едва-едва освежала. На Портиоса и его воинов, стоявших в охране вокруг таверны, никто не

обращал внимания, равно как и они, казалось, не замечали того, что делалось по соседству...

На весть о близящихся родах женщины Утехи откликнулись со свойственной им сердечностью и великодушием. Они несли Тике одежду для ребенка, скромные подарки, выпечку. Вещи для новорожденного Тика складывала отдельно. Она решила вручить их Эльхане тайком, в отсутствие Портюса, так как знала, что тот никогда не согласится принять «человеческие обноски».

— У них же ничегошеньки нет, — оставшись наедине с Дезрой, посетовала Тика. — Во что Эльхана будет пеленать ребенка? Что она на него наденет? Завернет его в листья?..

Хозяйка таверны суежилась с раннего утра. Везде нужно было поспеть: помочь повитухе, приветить постояльцев, подготовиться к поминальной трапезе.

— Как мне ни тяжело, сегодня я постараюсь воздержаться от слез, — сказала она Дезре. — Выплакаться я еще успею.

Палин проспал весь день без задних ног. Он не проснулся даже тогда, когда отец переносил его из гостиного зала к себе в комнату. Что касается Стила, он долго не поддавался на уговоры Таниса пойти отдохнуть. Сдался лишь после того, как Полуэльф в сердцах заключил, что своим отказом рыцарь бросает тень на доброе имя Маджере, на честность самого Таниса.

Перед тем как забраться в постель, Стил положил рядом с собой меч, а перед дверью поставил (на всякий случай) свой нагрудник. Заснул он мгновенно.

Танис в течение дня не отходил от Портюса, и не потому, что ему было приятно в компании

родственника. Скорее эльфа раздражало присутствие большого количества людей и он мог соваться.

День выдался невероятно жарким. Одного из добровольных помощников Карамона хватил солнечный удар, и его перенесли в таверну. В гостином зале было полно женщин. Обмахиваясь, они говорили о плохих видах на урожай, о том, как трудно будет пережить зиму. Грустным, печальным выдался день... Дети, хотя ничего и не понимали, сами собой присмирели и жались к матерям.

Эльфы, стараясь не терять бдительности, мечтали о возвращении в родные края.

Похороны состоялись на закате.

Палин, Тика и Карамон стояли у края могильной ямы. Жрица Мишакаль взывала к богам о благословении. Завернутые в саван тела осторожно опустили на дно ямы. Люди медленно проходили у могилы и либо кидали в нее какую-нибудь вещь — в память о земной жизни, либо просто поминали братьев добрым словом.

Только закончилась эта церемония, как внимание собравшихся было привлечено появлением Портиоса в сопровождении неизменной охраны. С теплотой, удивившей всех (а еще больше — Тику и Карамона), он выразил свое соболезнование и затем, подойдя к краю могилы, затянул песню-плач... Пускай никто не понимал слов — мелодия, интонации голоса Портиоса были более чем красноречивы. Песня-плач вышибла слезу даже у мужчин. Тика не могла больше сдерживаться и горько разрыдалась в объятиях мужа...

Когда песня кончилась, мужчины взялись за лопаты. Обычно на этой стадии погребального

ритуала присутствовавшие на похоронах бросали в могилу цветы, но свирепствовавшая засуха заставила забыть об их существовании.

Жрица уже произносила последнюю молитву, когда в толпе показался Стил Светлый Меч. Люди неохотно расступились перед ним. Некоторые сочли вызовом появление рыцаря и потребовали его ухода. Глаза Портиоса вспыхнули недобрым огнем. Его воины потянулись за оружием.

Стил, ни на кого не обращая внимания, подошел к могиле.

— Рыцарь, — обратилась к нему жрица, — твое присутствие оскорбляет мертвых!

Стил не реагировал на слова жрицы, как не замечал угроз, раздававшихся с разных сторон. В руках он держал узел.

Карамон недоуменно взглянул на сына, который лишь пожал плечами.

В напряженном молчании все ждали, что будет дальше.

Стил встал на колени и развязал узел.

Лучи заходящего солнца упали на обломок меча, принадлежавшего Танину, и кусок древка от копья Стурма. Рыцарь бережно положил остатки оружия на могилу. Затем, все так же стоя на коленях, склонив голову, он стал монотонно проговаривать слова на странном, незнакомом для всех языке.

Жрица быстро подошла к Танису и дернула его за рукав.

— Нужно остановить его черные заклинания! — взволнованно сказала она.

— Не беспокойся, — тихо отозвался Танис, глаза которого увлажнились, а сердце приятно заныло от воспоминаний. — Он говорит на старосоламнийском... Это заупокойная рыцарская молитва.

*Да обретет у Хумы на груди сей муж,
За высью неба беспристрастно холодной, —
Покой. От дымки каждодневных ратных нужд
Избавь предсмертный взор его. Отрадным
Пусть будет миг воителя суровый,
Блеск звездный зрящего — зазывный, светлячковый.
И вздох, что раз и навсегда излит,
Пусть частью станет вечного дыхания —
В дали, что выше воронов порханья,
Где только ястреб мертвых читит.
Пусть к Хуме дух его взнесется бестелесный,
Туда, за беспристрастно холодный свод небесный.*

Пока звучала молитва, никто не произнес ни слова... Поднявшись с колен, темный рыцарь оголил меч и отсалютовал: поцеловал рукоять, а затем, вытянув руку, прочертил оружием невидимую дугу. Поклонился застывшим в изумлении Тике и Карамону, развернулся и шагнул в толпу. Люди посторонились, давая ему проход. Около Портюса Стил остановился. На губах заиграла высокомерная улыбка.

— Хочу сказать, что вражда между Квалинести и Сильванести прекратится сама собой, поскольку уже совсем скоро эльфы станут слугами одного господина — повелителя Ариакана.

Портиос выхватил из ножен меч, но вмешался Танис:

— Очнись, Портиос, — ты на похоронах... Подумай об Эльхане, — зывал он к эльфу. — Это все слова... бравирование... бурление молодой крови. Тебе уже не раз приходилось слышать подобное. Не обращай внимания...

Скорее всего, Портиос проигнорировал бы увещевания Таниса, но в этот момент со стороны таверны донесся крик новорожденного.

Король эльфов еще раз пронзил рыцаря взглядом и, оттолкнув его, поспешил к Эльхане. Охрана, откровенно разочарованная такой развязкой, последовала за ним.

По-прежнему улыбаясь, Стил повернулся к Палину:

— Палин Маджере — ты все еще пленник. Прощайся с родителями. Пора в дорогу.

— Палин! — вскричала Тика, заключая сына в объятия.

— Все будет хорошо, мама, — произнес он и украдкой взглянул на отца: они договорились, что матери не скажут ни слова о его намерениях. — Маги согласятся на выкуп. Я скоро вернусь.

Палин поцеловал мать в щеку.

— Будь осторожен, — упавшим голосом проговорила Тика. — Не все в Рейстлине было плохо. Пусть мне многое в нем не нравилось, но может быть, это оттого, что я его никогда не понимала. Возможно... — Тика сделала вдох и севшим голосом добавила: — Возможно, ты и прав... Делай, как задумал.

Палин растерянно посмотрел на мать. Затем перевел взгляд на отца — Карамон не меньше его самого был удивлен словами Тики.

— Я не сказал ей ни слова, — проговорил он.

Тика печально улыбнулась.

— Я всегда знала, когда Палин собирается напроказить. Помнишь?.. Ты и братья... — она не договорила — из глаз ее хлынули слезы. — Да хранит тебя Паладайн, сынок!..

— Береги себя, — произнес Карамон. — Если я чем-нибудь могу помочь...

— Спасибо, отец... За все спасибо... До свидания!

Боясь расчувствоваться, Палин быстро отвернулся. Впрочем, он тут же овладел собой.

— Все ли при тебе, что может понадобиться? — не без легкой иронии обронил Стил.

Палин вспыхнул — его магические атрибуты уместились в небольшой сумке, хотя то, что он захватил, вполне соответствовало его рангу в иерархии магов. Палин был все в той же белой рясе, а в руке крепко сжимал Посох Магиуса.

— Я готов, — сказал он.

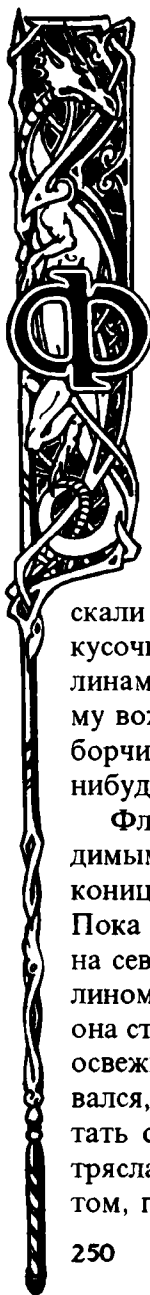
Стил кивнул; почтительно и вместе с тем прохладно отсалпотовав Тике и Карамону, он зашагал прочь. Не оглядываясь, Палин двинулся следом. Вскоре они пропали из виду.

В тот же вечер Тика и Карамон посадили на могиле сыновей два саженца.

Эльхана Звездный Ветер, изнуренная тяжелыми и продолжительными родами, спала. Все обошлось, ей ничего не угрожало, ребенок родился здоровым. Улучив момент, когда они остались одни, Портиос нежно и благодарно поцеловал спящую супругу. Затем он вернулся в гостиный зал, где своего короля дожидались воины-эльфы. В этот вечер Портиос поклялся уничтожить любого, кто попытается помешать его плану объединения двух королевств.

Танис, не мешкая, отправился в Башню Верховного Жреца, чтобы поставить предводителя Соламнийских Рыцарей перед фактом: армии Такхизис снова пришли в движение.

А в колыбели с широко открытыми глазами лежал новорожденный эльф. Как удивителен, как странен был мир, в котором он очутился...

**15. Стил клянется отомстить.
Палин слышит знакомый голос.
Путь в Палантас**

Флер, как и обещала, провела ночь среди руин Кзак Царота. В городе давно не осталось ни одного жителя, однако здесь ничего не стоило наткнуться на банду гоблинов или драконидов, облюбовавших развалины, повстречать гномов, оказавшихся в сточной канаве жизни.

Стил и Палин довольно быстро отыскали Флер. Драконица выковыривала из зубов кусочки мяса, которые еще час назад были гоблинами. Надменно щерясь, Флер сообщила своему вожатому, что по части пищи она очень разборчива и никогда не опустилась бы до какого-нибудь занюханного, худосочного гнома.

Флер была рада видеть Стила целым и невредимым. И вообще, в меру подкрепившись, драконица находилась в прекрасном настроении. Пока рыцарь изучал по карте предстоящий путь на север, Флер вздумалось позабавиться над Палином, немного попугать его. Расправив крылья, она стала делать легкие взмахи, будто бы с целью освежить себя и Стила. Рыцарь, однако, пожаловался, что создаваемый Флер ветер мешает работать с картой. Тогда она, словно обозлясь, затрясла гривой, забила из стороны в сторону хвостом, принялась рвать зубами землю... И все это

время Флер исподтишка наблюдала за реакцией Палина.

Он намеренно стоял рядом с драконом, делая вид, будто ему все равно, будто чудовище — вовсе не чудовище, а какой-нибудь индюк. Но Флер видела, как поминутно менялся цвет лица мага, как он весь напрягся, как побелели костяшки пальцев, сжимавших Посох Магуса.

— Если тебе уже прискучило дурачиться, мы можем начать наше путешествие, — обращаясь к Флер, произнес Стил.

Она, притворившись обиженной, зафыркала, оскалилась. Стил потрепал ее за гриву, расстелил перед ней карту и стал показывать маршрут, который, как ему казалось, был наиболее для них приемлем. Палин смахнул с лица капельки пота и, опираясь на посох, подошел к ним.

— Не могу с тобой не согласиться, — ответил он на вопросительный взгляд Стила. — Лететь над Абанасинией куда безопаснее, чем над Соламнией...

После окончания Войны Копья Рыцари Соламнии пользовались большим авторитетом по всему Ансалону. Для семьи среднего достатка — не говоря уже о богатой — стало обычным делом, когда хотя бы один сын становился рыцарем. Ряды Соламнийцев многократно пополнились, казна больше не пустовала. Обветшавшие, разрушенные крепости восстановили или отстроили заново, разместили в них гарнизоны. Обретя союзника в лице серебряных драконов, Соламнийцы могли быть спокойны и за свои воздушные границы...

Если прежде к рыцарям относились с пренебрежением, а порой и откровенно оскорбляли, то теперь в них видели свою защиту и опору. Принятый

в незапамятные времена рыцарский устав, которому следовали с религиозным тщанием и зачас-тую — просто бездумно, был пересмотрен, обновлен, приведен в соответствие с днем настоящим.

Раньше, бывало, вступивших в поселок рыцарей встречали камнями — теперь на них смотрели как на желанных, почетных гостей, не чурались их помощи, совета, не скупились на жертвования Ордену...

И дракон, и вожатый хорошо знали о возросшем влиянии Соламнийцев. Ариакан провел у них в плену несколько лет и мог без преувеличения сказать, что годы эти не прошли для него даром. Он не только хорошо познал их образ жизни, обычаи, но постиг и военную тактику и стратегию, выведал местонахождение ключевых форпостов. Он понял их сильные стороны и, что еще важнее, — осознал слабые...

Танис Полуэльф впервые столкнулся с рыцарями Такхизис пять лет назад и незамедлительно известил Соламнийцев о надвигающейся опасности.

— Ариакану известно о вас все, — предостерегал он. — И какого цвета ваше нижнее белье, и какова специфика ведения боя. Он знает, какие крепости восстановлены, а какие — лишь для отвода глаз, знает и численность гарнизонов. Его рыцари — думающие, выносливые, хорошо обученные воины. Они не продажны, как это было в последнюю войну, а всецело преданы Королеве Тьмы; им свойственны взаимовыручка, чувство локтя, бесстрашие. Для достижения своих целей рыцари Ариакана готовы пожертвовать всем. В своих действиях, господа, вы должны исходить именно из этих обстоятельств, иначе преимущество

будет полностью на стороне Ариакана, его многочисленного, монолитного, маневренного войска.

Предводители Соламнийцев вежливо выслушали Таниса и с готовностью с ним согласились. Однако стоило ему уйти, как в его адрес посыпались презрительные реплики, насмешки, издевки: уж они-то знали, что прислужники Темной Воительницы были и остаются корыстолюбивыми, жадными и завистливыми; для них не существовало понятий «честь», «долг», «самоотверженность». Соламнийцы не могли себе представить, что за столь недолгий срок в воззрениях приверженцев Такхизис произошли такие решительные перемены...

Стил водил пальцем по карте.

— Мы пересечем пролив Шэлси... в этом месте, минуя Кэргот, поскольку Соламнийцы поставили там крепость... Забираем на восток — Костланд остается справа. Таким образом, проходим в стороне от форта Телгаард... Затем следуем вдоль береговой линии... чтобы Вингаардские горы оказались между нами и Башней Верховного Жреца... К Палантасу выходим с севера.

— В таком виде тебе нельзя показываться в городе, — сказал Палин. — Но я предусмотрел это: у меня с собой есть кое-какая одежда отца...

— Я не собираюсь разгуливать по Палантасу в одеяниях содержателя постоянного двора, — отрезал Стил. — Я не могу уронить достоинство рыцаря Такхизис... И не подумаю маскироваться.

— В таком случае мы могли бы просто отправиться в Башню Верховного Жреца и попросить, чтобы нас бросили в один из ее казематов, — парировал Палин. — Благодаря твоему апломбу мы именно этим и кончим.

— Почему мы? — с легкой усмешкой спросил Стил.

— Как только выяснится, что мы вместе, — пояснил Палин, — меня тут же арестуют... Рыцари недолюбливают магов.

— И все же ты пошел с ними в бой.

— С братьями... — уточнил Палин.

— Не волнуйся, Маджере, — насмешливо глядя на Палина, сказал Стил. — Мы просочимся в Палантас...

— Но нам еще нужно будет пройти Шойкановой Рощей...

— Или иначе — проклятой рощей?.. Я видел ее... правда, издалека... Тебе отец не рассказывал?.. Я вырос в Палантасе... Жил в нем до двенадцати лет, пока не пошел служить к повелителю Ариакану... Можешь себе представить, какое искушения для любого сорванца эта Шойканова Роща. Сколько раз мы бились об заклад: кто сумеет подойти к ней как можно ближе. Но стоило нам увидеть эти страшные гигантские деревья — мы давали оттуда дёру. Я до сих пор помню, что мы испытывали в тот момент, как боялись...

Он вдруг смолк; нахмурился, словно воспоминания были для него тягостны, а затем с нарочитой живостью продолжил:

— Говорят, любой смертный, рискнувший войти в Рощу, обречен — к какой бы касте, какому бы ордену он ни принадлежал. Но тебе-то наверняка известна некая безопасная стежка-дорожка... не так ли, маг?

— Перестань меня называть «магом», — сердито отозвался Палин. — Я еще у истоков овладения искусством магии, на самой низшей ступени — пеший воин.

В его голосе явно слышалась горечь.

— Все мы, Маджере, начинаем с самого низа, — серьезно сказал Стил. — В этом нем ничего зазорного. Десять лет ушло на то, чтобы я стал тем, кем являюсь сейчас. И до вершины еще далеко.

— Ты говоришь в точности, как мой брат Танин... Нет, безопасной тропинки я не знаю, но, возможно, поинтересуюсь — есть ли такая... Даламар неплохо ко мне относится...

Услышав имя, Стил вдруг напрягся, лицо побагровело.

Палин не заметил этой перемены. Он просчитывал возможность вывести безопасный проход через проклятую рощу.

— Нет, — проговорил он, — я не могу обратиться к нему с такой просьбой. Мне придется объяснить, для чего я хочу попасть в Башню. И если он будет знать причину заранее, то не позволит...

Палин наконец обратил внимание на выражение лица Стила; оглянулся, думая, что на них опять собираются напасть, — однако все было спокойно.

— Что случилось? — спросил он.

— Ты говоришь о Темном Даламаре?

— Да, — подтвердил маг. — Хранителе Башни...

— Он убил мою мать, — произнес Стил, нервно кладя руку на эфес меча. — Мне будет о чем с ним побеседовать.

Палин слышал эту историю: темный эльф, обороняясь, убил свою бывшую любовницу... Но Китиара сама первая напала на него... Хотя для сына это был не довод.

— Не знаю, нужно ли напоминать, что Даламар — самый искушенный маг Ансалона, — осторожно сказал Палин. — Одним лишь взмахом руки он может вывернуть всего тебя наизнанку.

— И что из этого? — зло отозвался Стил. — Ты думаешь, я дерусь только с теми, кто слабее меня?.. Мой долг — отомстить за смерть матери.

«Благословенный Паладайн, почему я не подумал об этом раньше, — размышлял в смятении Палин. — Стил найдет свою погибель в Палантасе. Даламар решит, что с помощью рыцаря я хочу убить его... Тут он и со мной покончит...»

Рассчитывай на меня, — услышал голос Палин. — *Даламара я возьму на себя.*

Молодой маг вздрогнул, по спине пробежал холодок. Сейчас он наверняка мог сказать, что голос вовсе не был его галлюцинацией. Голос обращался к нему, направлял его, руководил им!

Страх исчез. Напряжение спало.

— Сперва нужно добраться до Палантаса, не оплошать там, пройти через Шойканову Рошу. *Если мы прорвемся в Башню...*

— Прорвемся, — безапелляционно заявил рыцарь. — У меня появилось более чем веское основание желать этого.

В кровавом свете Лунитари они вскарабкались на дракона, взмыли в небо и начали свой полет на север, в направлении Палантаса.

Никем не замеченные, они летели всю ночь, и лишь на рассвете дракон забеспокоился.

— Чувствую — серебряные где-то близко, — сказала Флер.

С минуту посоветовавшись со Стилом, Флер пошла на снижение и приземлилась у подножия Вингаардских гор.

— Не будем искушать судьбу: подождем до начала сумерек, — заключил Стил. — В Палантасе днем нам делать нечего.

Палина задержка не вдохновила. Он был уверен, что дядя жив — его лишь нужно вызволить из Бездны... Рана почти не беспокоила его. Чувствовал он себя вполне сносно. Бездействие удручало, но спорить с Флер или Стилом он не решился.

— Может быть, одному остаться бодрствовать? — спросил Палин, видя, что рыцарь отвязывает от седла два матраса.

— Нам обоим необходимо отдохнуть, — сказал Стил. — Дракон нас покараулит.

Осмотревшись, они обнаружили в скале неподалеку некое подобие ниши, которая вполне могла служить временным укрытием. Наскоро перекусили тем, что Тика, при всей своей занятости, успела собрать в дорогу.

Стил уснул довольно быстро: дисциплинированному воину всегда следовало пользоваться предоставившейся возможностью набраться сил — кто знал, когда она появится вновь.

С неохотой улегся и Палин, думая о том, что вряд ли сможет заснуть, а если так — предстоит целый день томиться в ожидании вечера.

Проснулся он перед заходом солнца.

Светлый Меч уже был на ногах и седлал дракона. Судя по многочисленным оленьим костям, Флер очень недурно подкрепилась.

Разминая затекшие конечности, Палин вдруг осознал, что на протяжении долгого времени ни разу не спал столь крепко, не чувствовал себя таким отдохнувшим...

— Похоже, ты превращаешься в бывшего служаку, — проворчал Стил, почти без усилий забрасывая тяжелое седло на спину дракону. — Храпишь — уж точно как ветеран.

Палин смущенно извинился... Он понял причину своего здорового сна: никогда прежде он не испытывал такого внутреннего спокойствия. И ему было стыдно перед родителями, перед братьями...

— Не стоит извиняться, Маджере. Все правильно: силы нам ой как пригодятся этой ночью...

Шойканова Роща. Жуткое, леденящее душу место. Попытка Карамона пройти по ней едва не стоила ему жизни. Но Палину теперь она была не страшна, как не внушал страх и Даламар — Рейстлин обещал свое содействие. Палин буквально сгорал от нетерпения. Он пытался представить, что будет после того, как они минуют проклятый лес, — в Башне...

Используя восходящие потоки нагретого воздуха, Флер поднималась все выше и выше в темнеющее небо.

Через несколько часов показались огни Палантаса. Они обходили Новый город справа. Крепостная стена Старого города напоминала обод колеса. Ее главные ворота освещались факелами... Знаменитая библиотека была погружена во мрак, свет горел лишь в одном окне. Вероятно, это припозднился Астинус, занятый составлением летописи, скрупулезно записывающий все сколько-нибудь важные события. Некоторые даже полагали, что Астинус — это не кто иной, как сам Гилеан, Бог Книги. Может быть, как раз в этот момент он писал о них и, возможно, очень скоро засвидетельствует их смерть. Мысль эта закралась к Палину произвольно, в тот миг, когда он обзирал внизу темное, холодное пятно Шойкановой Рощи. Он поспешно отвел глаза от этого черного провала... А вот и Башня Высшего Волшебства; свет горел в основном в окнах нижнего яруса, помеще-

ниях, где ученики Даламара зубрили заклęcia. Палин отыскал и окно самого Хранителя — свет в нем отсутствовал.

Напротив Башни виднелся Храм Паладайна. Его стены из белого мрамора, словно пропитанные лучами Солинали, рассеивали в ночь бледный призрачный свет...

Прямо под ними — Палин сразу догадался — проплывал купающийся в огнях дворец правителя Палантаса. Должно быть, Его Светлость устраивал бал.

«Как они могут веселиться? — возмущенно думал Палин. — Убиты мои братья... Пали многие другие... За что?.. Чтобы Правитель и приглашенные накачивались до бесчувствия контрабандным вином «от Сильванести»?!»

Палин попробовал представить, что бы произошло, если бы дракон ссадил его где-нибудь в дворцовом парке и он появился бы в своей окровавленной рясе на празднество; крикнул: «Да, раскройте же свои глаза... Подумайте, что вас ждет!»

«Наверное, ничего бы не произошло. Слуги просто выставили бы меня».

Фантазмагория огней дворца осталась позади... а затем и Новый город...

Они летели над водами залива. Освещенный город и абсолютно черное водное пространство — какой ошеломляюще резкий контраст! Крохотные огоньки караульных постов лишь еще больше подчеркивали густую и вязкую тьму бухты.

Караульные, должно быть, бессовестно спали: никто не всполошился, никто не заметил, как на берегу приземлился синий дракон.

16. Башня Верховного Жреца. Неутешительные известия

Башня Верховного Жреца была построена Винасом Соламном в Эру Силы. Она являлась своеобразным часовым, стерегущим вход в ущелье: единственная дорога, соединявшая Палантас с другими землями Ансалона, частью проходила среди громоздящихся пиков Вингаардских гор. Это было мощное, грандиозное сооружение, хотя его необычная конструкция стала предметом ерничанья. Флинт Огненный Горн однажды заявил, что создатель Башни либо имел склонность к выпивке, либо попросту был сумасшедшим. Но поскольку Башню строили люди, к словам гнома следовало в первую очередь относиться как к выпадку против всей человеческой расы. Кроме того, потешаясь над странной конструкцией, Флинт знать ничего не знал о необычной фортификационной системе Башни.

Спустя некоторое время после его «заявления» крепость подверглась нападению драконов повелительницы Китиары. Именно тот бой стал последним для Стурма Светлого Меча. Вряд ли удалось бы тогда отстоять башню — не будь жертвы Стурма, помощи кендера и девушки-эльфа, а также имевшегося в распоряжении рыцарей камня Глаза Дракона.

Своими размерами цитадель потрясала воображение. Ее высота достигала трехсот метров, хотя в сравнении со снежными вершинами Вингаардских гор, окружавших Башню с севера, запада и востока, казалась смехотворно низкой. Она так и осталась неприступной, поскольку ее защитниками всегда были люди веры, долга и чести.

Цитадель представляла собой каменный восьмиугольник, каждый угол которого увенчивала башенка. Верхний край внешнего восьмиугольника оканчивался зубцами. В центре цитадели стояла еще одна башня, но уже круглая.

Что сбило с панталыку Флинта Огненного Горна, так это наличие шести огромных стальных ворот, дававших доступ и на Соламнийское Поле, и в центр Башни. Любой мало-мальски сведущий гном сказал бы, что нормальная крепость должна иметь один вход.

Но и рыцари, в свою очередь, могли бы ушипнуть Флинта, сказав, что у него напрочь отсутствует воображение, что ему недостает чутья.

В действительности, Башню Верховного Жреца без обиняков можно было назвать недевром фортификации, верхом хитроумности. Все ворота вели в закрытые изолированные дворы — этакое пространство для бойни, — поскольку с высоких стен рыцари могли прицельно уничтожать оказавшегося внутри врага. Пробившихся к центральной башне подстерегали всевозможные ловушки.

Знакомые с историей Войн Копья должны помнить, что у цитадели существовало и другое название: «Ловушка-для-Драконов».

Посреди зала центральной башни Соламнийцы помещали магический камень Глаз Дракона, и все проходы и коридоры сходились именно к нему. С

помощью камня драконы заманивались внутрь, после чего входы и выходы перекрывались. Рыцари, сами будучи недосыгаемы, хладнокровно расправлялись с очередной жертвой. Немалое число драконов было истреблено в башне-западне.

Но с тех пор секрет перестал быть секретом, и наивно полагал тот, кто думал, что драконы забыли политые их кровью пол и стены каменного капкана и что они вновь поддадутся на ту же уловку.

После войны цитадель претерпела некоторые конструктивные изменения, утратила отчасти свои оборонительные функции. Магические камни были утеряны, что почти на нет свело действенность защиты от монстров. Рыцари не могли не признать справедливость слов Флинта: «...ворота годятся теперь только для того, чтобы как можно больше врагов пригласить на чай». Поэтому половину входов наглухо заложили белым гранитом, при этом искусно замаскировали «заглушки» под прежние ворота...

В мирное время Башня Верховного Жреца стала довольно шумным местом. Через нее в обоих направлениях шли торговцы; галопом проносились курьеры; сюда приходили искать справедливости, просить о помощи, обращались за советом; здесь подвергались проверке и обыску пройдохи и проходимцы — кендеры, которых на ночь задерживали, а наутро выгоняли.

В летнюю пору вдоль дороги, ведущей к главным воротам, мелкие торговцы устанавливали свои лотки и ларечки. В них продавалось все, начиная от сбруи и шелковых шарфов (коиными прекрасные дамы одаривали своих избранников-рыцарей), кончая элем и контрабандным вином «от

Квалиности». (Из-под прилавка вас могли попотчевать кое-чем и покрепче.)

Для привлечения пополнения в ряды рыцарства, поддерживая себя в боевой форме и просто развлечения ради, гарнизон Башни регулярно проводил турниры, где устраивались скачки и потешные бои на мечах, показывали свое мастерство лучники, демонстрировалось умение управлять драконом.

Все шло своим чередом... вплоть до настоящего лета. Под испепеляющим, не щадящим ничего живого солнцем движение на дорогах Кринна, словно пересыхающий ручей, обмелело и почти иссякло.

Если у земледельца погиб урожай, чем он оплатит странствующему кузнецу починку плуга... Если кузнецу нечем заплатить за ночлег в гостинице, откуда ее содержатель возьмет деньги на закупку продуктов для стола клиентов...

Основными новостями курьеров стали теперь известия о голоде и пожарах. Торговля вдоль дороги замерла — люди подались в Палантас. От турниров пришлось отказаться из-за участвовавших тепловых ударов — им способствовали тяжелые стальные доспехи. Лишь кендеры с присущей им склонностью к бродяжничеству были неизменными «гостями» Башни. Загорелые, покрытые дорожной пылью, они оставались все такими же жизнерадостными и неунывающими; невиданно жаркое лето несколько не повлияло на их страсть к перемене мест...

Танис добрался до цитадели ранним утром, когда рыцарь-караульный выпроваживал из Башни очередную компанию кендеров. Пересчитав их напоследок и обнаружив недостачу, караульный рванул обратно в Башню... Через некоторое время

он появился вновь, подталкивая в спину двух лиходеев, которые уже успели побывать в трапезной. Рыцарь изъял у них несколько ножей и вилок, шесть оловянных тарелок с клеймами владельцев, две льняные салфетки и перечницу.

Танис, прибывший на спине грифона, тут же привлек внимание бродяжек, слонявшихся в окрестностях Башни в ожидании досмотра. Они обступили Таниса и с живейшим интересом стали разглядывать птицу-зверя. Грифону явно не понравились кендеры. Он свирепо косился на них своими иссиня-черными глазами, а если кто-то пробовал подойти ближе, грифон зловеще дыбил оперение, угрожающе клекотал... Но это лишь веселило бесшабашных кендеров.

Понимая, что еще немного, и два-три ротозея составят завтрак для птицы-зверя, Танис отправил грифона назад к Портиосу. Однако теперь внимание лишенной развлечения публики полностью переключилось на Таниса.

Придерживая одной рукой меч и взяв в другую кошелек с деньгами, Танис начал медленно пробираться к воротам. Он словно двигался по обширной отмели, когда вода выше колен и до берега идти и идти...

Но кендеры (к большой радости Полуэльфа) тут же потеряли к Танису всякий интерес, стоило им услышать приближающийся стук копыт и увидеть скачущего к Башне всадника. Танис заторопился к воротам.

Рыцарь-стражник узнал Полуэльфа, отдал ему салют.

— Добро пожаловать в Башню, господин... Сейчас я позову кого-нибудь, и о тебе позаботятся. После долгого путешествия отдых не помешает...

— Не ко времени, — обронил Танис. — Я должен тотчас же увидеть повелителя Томаса.

Старый приятель Таниса — Гунтар Ут-Вистан из Тальгаарда, Рыцарь Розы — год назад оставил регулярную службу и являлся теперь комендантом Башни Верховного Жреца. За это время сорокалетний Гунтар Ут-Вистан зарекомендовал себя строгим и толковым командиром.

Карьеру рыцаря сделал еще его дедушка. Однако в смутные, лихие времена после Катаклизма дед лишился всех своих владений. Отец Томаса попал в кабалу к псевдожрецам. Ему пришлось по-рабски трудиться на земле, некогда принадлежавшей деду. Поэтому первым боевым конем Томаса была лошадь, впряженная в плуг, а его первой битвой стала борьба с вредителями, уничтожавшими посевы.

Отец в конце концов умер от непосильного труда, но сын поклялся, что станет рыцарем...

Томас сдержал свою клятву. Во время Войн Копья их небольшой поселок оказался на пути вражеского войска. Псевдожрецы не стали дожидаться прихода драконилов. Прихватив с собой самое ценное, они отбыли в неизвестном направлении. Двадцатилетний Томас, возглавив своих друзей и соседей, заперся в замке и с таким умением и дерзостью противостоял отрядам неприятеля, что продержался в нем до конца войны...

Танис знал Томаса как человека рассудительного и здравомыслящего.

— Я должен увидеться с ним немедленно, — повторил Полуэльф. — Дело очень срочное.

— Конечно, мой господин, — сказал рыцарь и послал подчиненного отыскать коменданта.

Ждать пришлось недолго. Томас не любил церемоний и сам вышел к Танису.

Он сердечно приветствовал Полуэльфа и, видя его нетерпение, решил не тратить время на подробности.

— Не иначе, ты с новостями, — сказал Томас, когда они остались одни. — И, судя по твоему виду, вряд ли они хорошие.

— Выходит, ты не получил мою весточку?

— Весточку?.. За последнюю неделю я ничего особенного не получал.

— Ариакан начал наступление... Северная крепость и Валькинорд взяты. Каламан, вероятно, в осаде... Насколько я могу судить, темные рыцари наносят удар по двум направлениям: одной армией — через Халькистовы горы, другой — вверх по реке от Каламана.

Комендант в изумлении слушал Таниса.

— Рыцари, посланные с инспекцией в Каламан, уничтожены, — тихо продолжал Танис. — Они мужественно приняли смерть. У меня список погибших. — Полуэльф достал свернутый лист бумаги и протянул его коменданту. — Нужно отдать должное Ариакану — с мертвыми обошлись пристойно.

— Да, он чтит рыцарский кодекс, — сказал Томас, просматривая список. — Я знал их всех, — проговорил он после короткой паузы. — Я прослежу, чтобы их семьи известили... Думаю, двоих и ты знал... сыновей Маджере?

— Да... Я только что с похорон, — со вздохом произнес Танис. — Самый младший уцелел, но попал в плен. За него требуют выкуп. Домой он вернулся в сопровождении рыцаря Такхизис. От этого молодца я и почерпнул сведения о движении армий Ариакаана. Его имя Светлый Меч... Стил Светлый Меч.

— Сын Стурма?.. Да... да, я помню этот случай. Ты хотел уберечь парня от дурного влияния, а кончилось тем, что он осквернил могилу отца, выкрвав из нее меч.

Это было не совсем так, но Танис не стал спорить. В связи с этим «случаем» Полуэльфа арестовали и обвинили в «пособничестве святотатственном деянию». Однако на Совете Рыцарства он сумел оправдаться, уберечь свое имя и имя Карамона от бесчестия. Тем не менее он не смог объяснить, каким образом меч оказался у сына Стурма, — и себе в том числе. Танис до сих пор корил себя за то, что Стил теперь целиком предан Королеве Тьмы.

— Каламан в осаде... — задумчиво повторил Томас. — В это трудно поверить, Полуэльф. Я не хочу умалять Ариакана, но что он может сделать с горсткой рыцарей?

— Повелитель Томас, по словам Палина, рыцарей у него далеко не горстка... Наоборот — войско его огромно. На его стороне варвары с востока. Они громадного роста и в бою так же свирепы, как минотавры. Варварами командуют рыцари; с воздуха войско поддерживают драконы; легионы усилены магами, переметнувшимися к Ариакану. Даламар, глава Конклава магов, может подтвердить, что эти чародеи достаточно сильны.

— Еще бы он стал утверждать обратное... Он заодно с ними...

— Нет, Томас, ты ошибаешься... Мало кто знает, но совсем недавно маги трех лун предприняли вылазку к неким Серым Рыцарям. Она окончилась неудачей. Маг Юстариус погиб. Мне самому не ясно, на чьей стороне Даламар, но я не думаю, что он с Ариаканом. Даламар не может

простить своей Королеве, что она отвернулась от него и покровительствует теперь своим собственным магам.

Томас хмурился; подобно всем рыцарям, он не доверял чародеям, какого бы цвета рясы они ни носили, и старался как можно меньше иметь с ними дел. Он махнул рукой, как бы давая понять, что разговор о магах ему совершенно не интересен...

— Каламан вполне может выдержать длительную осаду, тем самым у нас будет время сделать необходимые приготовления.

— Я не уверен...

Их беседа была прервана появлением оруженосца.

— Господин! — тяжело дыша, с блестящим от пота лицом, воскликнул он. — Прибыл курьер... Он...

— Что за бесцеремонность, юноша? — осадил его Томас. — Перед тобой рыцари высокого звания — веди себя соответствующе... Дисциплину следует соблюдать, — вполголоса проговорил он в сторону Таниса.

Покраснев до кончиков ушей, оруженосец вытянулся, затем поспешно поклонился... но тут же захлеб продолжал: — Курьер, повелитель. Он внизу... Еле слез с лошади. По всему видать, проделал долгий путь... — Юноша остановился, чтобы набрать в легкие воздуха.

— Боюсь, снова плохие вести, — сухо заметил Томас. — И почему все так спешат сообщить дурные новости?..

Рыцари стали спускаться к воротам.

Курьера они нашли во дворе, лежащим на земле, с подоткнутым под голову плащом. Едва взглянув на него, Томас помрачнел — забрызган-

ный кровью костюм выдавал в нем члена гильдии стражников Каламана.

— Он буквально прирос к седлу... Говорит, скакал целые сутки без роздыху.

— Повелитель! — Курьер увидел коменданта и попытался привстать.

— Лежи, лежи, приятель... — остановил его Томас. — Что случилось?

Комендант опустился на одно колено рядом с курьером.

— Каламан, господин!.. — с трудом произнес он. — Каламан сдан врагу!

Томас посмотрел на Таниса.

— Похоже, ты был прав, — сказал он тихо.

— Они подошли с моря, — едва слышно продолжал курьер. — Над ними летели драконы... Атаковали под вечер... Город сдался.

Человек, исчерпав последние силы, потерял сознание. Им тут же занялся лекарь, последователь бога Кири Джолита.

— Рана не серьезная, повелитель, — сообщил он коменданту, — но бедняга потерял много крови и крайне истощен. Ему нужно как следует отдохнуть.

— Прекрасно. Подыщите для него комнату поспокойнее... Когда он снова будет в состоянии говорить, позовите меня. Я должен знать детали... А о том, что вы здесь слышали, — никому ни слова.

Курьера положили на носилки и унесли. Изможденную, полуживую лошадь отвели в конюшню.

— Картина более или менее ясна, — сказал Томас, оставшись с Танисом вдвоем. — Каламан пал... Плачевное известие... Если об этом узнают в Палантасе, не миновать беспорядков.

— Как я уже сказал, — рассуждал Танис, — у Ариакана огромное войско, которое он может разделить...

— Его план ясен, — задумчиво проговорил Томас. — Половина его войска высаживается на восточном побережье и идет через горы на запад. Другая половина атакует северо-восток и затем устремляется на юг, чтобы соединиться с первой, находящейся по ту сторону Халькистовых гор. По пути к Ариакану вливаются людоеды, гоблины и драконицы, засевшие в горах. Конечно, он должен будет оставить гарнизон в Каламане, с тем чтобы обезопасить тыл, обеспечить переброску морем подкрепления и провианта. Но за счет разного рода нечисти, что прячется в горах, его ряды восполнятся.

Томас печально улыбнулся:

— Мне очень просто его раскусить: пока он был в плену, мы сделались приятелями и обсуждали похожий вариант вторжения. Ариакан всегда был хорошим воином. — Томас покачал головой: — От нас он многому научился.

— И как он будет действовать дальше?

Томас устремил взор на восток:

— Он двинется сюда, и мы не можем ему в этом помешать.

17. Патруль. Рыбачка-кэт. Одноглазая и «Желтоглазый»

е знаю, помнишь ли ты, но по ночам на причалах несет службу таможенный патруль, — прошептал Палин. — Кроме того, на выходе из порта есть охрана.

В таинственном свете луны и звезд Палин видел только причудливые силуэты дракона и рыцаря да еще слабые холодные отблески доспехов.

Они приземлились на полуострове, образующем западный берег Бранкальской бухты.

Стил занимался своей экипировкой: пристегнул к ремню длинный меч, засунул за голенище кинжал, воткнул за пояс короткий меч. Лук, стрелы и дротик он оставлял с драконом.

— Если бы Рейстлин и моя мать нашли при жизни общий язык, то, вероятно, к Даламару мне пришлось бы идти одному.

Палин понял прозрачный намек Стила на то, что его дядя, в сущности, был тесно связан с темными силами. В памяти всплыло его Испытание в Башне Высшего Волшебства, когда ему показалось, будто он вошел в контакт с дядей. Даламар и следившие за Испытанием чародеи вызвали образ Рейстлина, желая проверить — устоит ли Палин перед искушением, на которое некогда поддался его дядя.

Вообще-то маги полагали, что Карамон ни за что не позволит Палину пойти на Испытание. Любой претендент должен был пройти суровое, трудное и жестокое посвящение в касту магов перед тем, как стать носителем древнего искусства магии. Этот опыт никогда не проходил бесследно для посвящаемого. Карамон, думали они, не станет рисковать сыном, поскольку он потерял уже любимого брата. С другой стороны, чародеи боялись, что любовь Карамона к сыну, его опека дадут совершенно противоположные результаты — подтолкнут Палина на путь, который выбрал его дядя. Поэтому маги взяли дело в свои руки и сыграли шутку и с Палином, и с самим Карамоном.

Во время Испытания они внушили Палину, что он проник в Бездну и нашел там Рейстлина, истязаемого Королевой Тьмы. Будто бы он вызволил дядю, а потом оказалось, что Рейстлин нуждался в помощи только для того, чтобы открыть Врата и выпустить Владычицу, которая за свое освобождение дарует Рейстлину власть над миром.

Будто бы дядя предложил Палину стать его преемником, при условии, что он принимает сан черного мага, становится на сторону сил зла. Палин отказался, и более того — решил пожертвовать собой, чтобы помешать Рейстлину осуществить его несправедные намерения... Именно в этот момент молодой человек осознал, что и дядя, и Врата, и Бездна — это часть его Испытания, всего лишь трюк.

А может быть... нет?

Палин до сих пор помнил слова дяди:

— Я умеряю свои амбиции, отказываюсь от дальнейших попыток уподобиться богам. Я принимаю мир таким, какой он есть...

Освобождение будет моим подарком Королеве, свидетельством моей преданности. А мир будет ее подарком мне. Она будет править, а я... я буду служить.

Так сказал дядя... Но был ли это он? Его ли это были слова? Даламар заявил, что образ Рейстлина — всего лишь галлюцинация и Палин просто бредил.

Но Посох Магнуса — разве это бред?!

— Нам нужно торопиться, — нарушил тишину Палин. — Уже почти полночь.

Стил, похлопывая по загривку Флер, о чем-то с ней перешептывался. Палин услышал только, как он произнес: «...Даргаардская Башня». «Значит, они решили, что Флер затаится там», — заключил про себя Палин...

Призрак Сота, Соламнийского Рыцаря, обитал в Башне, был полным ее хозяином. Запретная любовь Сота к эльфийке привела к тому, что он нарушил рыцарские обеты и совершил убийство. Боги прокляли его. По наложенному на него заклятию он никогда не умрет, навсегда останется бесплотным призраком, вечно испытывающим муки, ненавидящим все живое и завидующим ему. Сот был верным слугой Владычицы Тьмы, всецело преданным сторонником ее дела. Ни один смертный не рисковал приблизиться к Башне ближе, чем на полсотни лиг. Согласно легенде, и мать Стила, вернее — ее душа, принуждена была вечно оставаться в Даргаардской Башне... Да, в такой компании синий дракон будет чувствовать себя комфортно...

Берег усеивали жалкие рыбацкие лачужки, и было непонятно, то ли они вообще необитаемы, то ли все уже давно спят. Палин, боясь, что их

обнаружат, старался держать ближайшие хибары в поле зрения.

— Поторопись, — нервно проговорил он. — Мне кажется, я слышал какие-то звуки.

— Не бойся, Маджере, — задиристо сказал Стил и сверкнул кинжалом, костяная рукоятка которого оканчивалась черепом. — Если нас кто-нибудь увидит, глаза этого неудачника закроются навсегда.

— Только без трупов... во имя всех богов! У меня наготове сонное заклятие. Если мы с кем-нибудь столкнемся, я им воспользуюсь.

— Сонное заклятие... — с усмешкой повторил Стил. — А подействует ли оно на бессмертных стражей Шойкановой Роши?

— По крайней мере, оно столь же действенно, как и твой кинжал, — сердито ответил Палин.

Стил не стал продолжать перебранку, удовольствовавшись тем, как он поддел мага. Кинжал вернулся за голенище...

Флер, мощно работая крыльями, используя для набора высоты морской бриз, оторвалась от земли и начала полого уходить в небо.

Не без некоторого сожаления Палин смотрел ей вслед. Теперь он и Стил могли рассчитывать только на себя. И свела же двух судьба таких разных людей!..

Недалеко от места приземления Стил и Палин отыскивали небольшую рыбацкую лодчонку. Побросали в нее свои сумки и столкнули в воду. Пока Палин, путаясь в полах мантии, забирался в лодку, Стил придерживал ее. Затем он отвел суденышко подальше от берега и, когда вода уже захлестывала колени, запрыгнул.

Рыцарь вставил весла в уключины и принялся бесшумно грести в сторону гавани.

— У тебя под ногами лампа — зажги ее, — велел он. — Без сигнального огня мы будем выглядеть подозрительно.

Палин выполнил просьбу, используя трут и кремень, которые он нашел в носу лодки.

Огни светились и на больших судах, обозначая его габариты, предупреждая возможные столкновения.

Палин вдруг подумал: зачем на такой лодчонке нужна лампа; и откуда рыцарь взял, что она вообще есть; и почему он был так уверен, что они обязательно найдут лодку... Возможно, лампой пользовались при рыбной ловле ночью... или при перевозке контрабанды — куда более выгодном занятии, нежели рыбалка...

Мерные беззвучные гребки Стила быстро продвигали суденышко вперед. Палин старался держать лампу таким образом, чтобы не подсвечивать доспехов рыцаря.

Было душно и тихо. Ветерок пропал, как только они зашли за дамбу. Палин ужасно вспотел, — каково в таком случае приходилось Стилу в его амунии... А он молча греб и, казалось, не прилагал никаких усилий. Палин даже позавидовал тому, как ладно у него получается; захотелось самому взять весла...

В тот момент, когда они проходили вблизи трехмачтового судна минотавров, раздался резкий, грубый голос:

— Эй, в калоше, отгребай в сторону!.. Только поцарапайте мне борт, и вам не поздоровится!

Палин задрал голову и на фоне звезд увидел рогатый силуэт минотавра.

— Пьян в стельку, — заметил Стил. — Пусть себе брызгает слюной.

Однако маг почувствовал, что рыцарь приналег на весла. Они были почти у цели.

— Потуши свет, — приказал Стил.

Палин задул лампу. Стил бросил грести, но лодка еще по инерции плыла вперед.

Они вплотную подошли к причалу, и рыцарь вынужден был ухватиться за сваю, чтобы их под него не утянуло.

— Выбирайся, — скомандовал он.

Палин отыскал глазами лестницу, ведущую на причал. Поднялся, стараясь удерживать равновесие, и одной рукой ухватился за ступеньку.

— Как же я заберусь с посохом? — поворачиваясь к Стилу, проговорил он.

— Я тебе его подам, — сказал рыцарь, продолжая держаться за сваю.

— Нет, — воспротивился Палин.

— Тогда сделай так, чтобы посох сам последовал за тобой!.. Быстрее, Маджере! Я не смогу долго удерживать лодку!

Палин колебался, не смея выпустить посох из руки.

Стил резанул Палина взглядом.

— Проклятье!.. Ну же!..

У Палина не было выбора. Он положил посох на дно лодки и схватился за лестницу, тут же почувствовав, что суденышко уходит у него из-под ног. Все же одной ногой он ухитрился нащупать нижнюю ступеньку.

Обретя надежную опору, Палин обернулся и... к своему ужасу, посоха не обнаружил.

— Куда ты дел его? — забыв об осторожности, вскричал маг.

— Заткнись! — заскрипел зубами Стил. — Я к нему не прикасался. Он только что лежал здесь.

Охваченный паникой Палин готов был ринуться в чернильную воду бухты, но в этот момент его рука наткнулась на теплый и гладкий предмет.

Посох Магиуса лежал на причале.

У Палина вырвался вздох облегчения.

— Извини, Стил. Я нашел его, — стыдливо прошептал он.

— Воздай хвалу Владычице, — пробурчал рыцарь.

Светлый Меч ухватился за лесенку и, несмотря на свои тяжелые доспехи, с легкостью акробата выбрался на причал. Лодку тут же унесло.

Еще не успев как следует распрямиться, Стил присел вдруг за стоявшей рядом большой бочкой, дернув к себе Палина.

— Что такое? — прошептал маг.

— Патруль! — в тон ему отвечал рыцарь. — Они могут заметить нас на фоне огней.

Они оставались за бочкой, пока не стихли шаги. Выждав еще немного, Стил встал в полный рост и двинулся вдоль причала. Шел быстро, но беззвучно — скользил. Палин внутренне восхищался Стилом. Любой другой воин давно бы обнаружил себя, закрипев ремнями, зазвенев мечом, забряцав латами. Стил же оставался бесшумен, как сама ночь.

Палин вообразил, как легионы таких рыцарей неслышно передвигаются по дорогам Ансалона, захватывают города и крепости, убивают, обращают в рабство...

Он вдруг сам себе ужаснулся: «Я связался с заклятым врагом, одним из тех, кто убил моих братьев; веду его едва ли не на свидание с Королевой Тьмы; что я — сошел с ума?.. мне бы следовало позвать патруль...

Нет! — услышал Палин голос. — Он нам нужен — и тебе, и мне. В Шойкановой Роще без его меча не обойтись... Пригодится он и в Башне... А потом можно от него отделаться.

«Это нечестно, — подумал про себя Палин, хотя голос совести звучал много тише, чем голос дяди. — Но ведь я дал рыцарю слово!.. И что я потом скажу отцу?»

Придя к заключению, что он будет действовать так, как подскажет ему совесть, Палин, крепче сжав посох, устремился за Стилиом.

Он едва поспевал за рыцарем, путаясь в полах сырой мантии. На въезде в Старый город светились огнями сторожевые будки. В неподвижной атмосфере ночи были отчетливо слышны голоса стражников. На тот случай, если их остановят, Палин держал в голове с полдюжины вполне правдоподобных (и все же не очень убедительных) объяснений о цели своего прибытия в Палантас. Он с надеждой поглядывал на стену, думая обнаружить место, где можно было бы перелезть. Впрочем, от этой мысли скоро пришлось отказаться: по всей длине гребень стены щетинился шипами.

«Сойдем ли мы за братьев? Достаточно ли у нас фамильного сходства?» — думал Палин, но в этот момент заметил, что они изменили направление; главные ворота оставались в стороне.

«Укромнее места для контрабандистов не найти», — подумал Палин. Высокая стена заслоняла лунное сияние и создавала тень с одной стороны, с другой — отсекала свет, льющийся с гавани, стоявшее у пирса большое судно. По запаху Палин понял, что они вышли к рыбному причалу.

Маг вдруг почувствовал, как Стил тянет его за рукав, увлекая в еще более темный проход между домами.

— Что нам здесь... — начал и не закончил он вопрос.

Рыцарь легким тычком в бок заставил его замолчать. Послышался мерный шаг приближающегося патруля. Похоже, и таможенники были того же мнения, что данное местечко — на редкость укромное. Патрульные добросовестно заглядывали во все углы и закоулки. Стил и Палин затаили дыхание. В начале тупичка, где они старались слиться с темнотой, замаячил силуэт стражника. Стил шевельнулся, и Палину стало ясно, что он достает кинжал.

Палин, не до конца уверенный, что ему следует делать — то ли придержать рыцаря, то ли тоже изготавиться к борьбе, — весь напрягся в тревожном ожидании.

В этот миг на причале поднялся шум, а затем раздался голос старшего патрульного:

— Все сюда... Один попался!

— Где?

— Вот он...

Донесся тяжелый стук каблуков и через секунду — удары дубинок. Пронзительный вопль окончательно вспугнул тишину окрестностей. Палин поежился: не очень-то происходящее напоминало отлов контрабандистов.

— Не рыпайся, — прошипел Стил. — Нас это не касается.

Снова вопль, и затем ругань стражника:

— Дьявол! Он меня укусил! — Удары дубинок теперь сопровождались всхлипами.

— Не надо! Не бейте меня! Что я такого сделал?! Я лишь ловил крыс... Сочных, упитанных крыс!

— Паршивый овражный гном! — голос старшего вибрировал от отвращения.

— Он укусил меня, — плаксиво проговорил пострадавший. — Я чувствую головокружение.

— Арестуем мерзавца? — спросил другой.

— Загляни к нему в сумку, — приказал старший.

Последовало странное замешательство. Команду пришлось повторить еще дважды. Наконец ее исполнили, после чего Палин и Стил слышали, как кого-то вырвало.

— В самом деле — крысы... Дохлые и полудохлые.

— Я вам все отдам, — захныкал гном. — Только не бейте... Возьмите, господин, — они совсем свежие... еще тепленькие. Можно приготовить отличный ужин... Доблестный командир, не бейте несчастного Слизня.

— Отпустите этого помойного ублюдка, — сказал старший. Посади его в камеру — и там снова заведутся вши. Контрабанда — не его ремесло... Пойдемте дальше... А от укуса овражного гнома еще никто не умирал.

— Как раз наоборот, — канючил стражник. — Я слышал об одном таком случае... Это было нечто ужасное: у несчастного сперло дыхание, а изо рта пошла пена и...

— Ну хорошо. Двое проводят тебя в храм Паладайна... Со мной останется Грабб...

Патруль двинулся к главным воротам.

Когда стихли шаги таможенников, Стил ожил.

— Куда ты? — тревожно спросил Палин.

Вопрос остался без ответа. Рыцарь исчез в темноте — там, откуда все еще доносились сопенье, шмыганье, всхлипы.

Через некоторое время Стил одной рукой выдернул из мрака жалкую извивающуюся фигуру; другой он зажимал нос.

— Помогите!.. Спасите!.. Грабят!.. Убивают!.. Нет... нет, не бейте! — захлебывался криком овражный гном. — Хотите крыс? Я отдам вам всех.

— Заткни пасть, — прорычал Стил и так затряс Слизня, что он мгновенно стих и лишь клацал зубами. — Перестань вопить. Никто не собирается об тебя мараться. Я хочу кое-что узнать... Где лавка Одноглазой Кэт?

Гном обмяк.

— Э-э... не знаю... Нет, знаю, знаю... Но что я за это получу?

— Предположим — в целости и сохранности свою провонявшую крысами душонку... Устроит тебя? — проговорил Стил и вновь тряхнул гнома.

Вмешался Палин:

— Так ты ничего от него не добьешься. — Он полез к себе в сумку. — Зачем нам связываться с какими-то торговками рыбой? — тихо спросил он. — Тебе захотелось отведать палтуса?

— У меня есть на это резоны, Маджере. А вот благодаря тебе мы только даром время тратим, — нетерпеливо сказал рыцарь.

— Вот — держи, — произнес Палин, протягивая гному монету.

Тот, рассмотрев ее, фыркнул:

— Медь?.. Я бы хотел серебряшку.

Палин торопливо подал ему другую монетку, так как Стил уже начинал нервничать.

→ Ну, где живет эта Одноглазая... как бишь ее имя?

— Кэт, — сквозь зубы подсказал рыцарь.

— Через две лавки отсюда, — проговорил гном.

— А пояснее? — настаивал Палин. — Как выглядит дом?

— На вывеске — большая рыба... с одним глазом.

Стараясь изобразить ущербную рыбу, Слижень едва не проткнул себе глаз. Он был доволен: монеты уже лежали у него в кошельке.

Очевидно, решив, что у него заберут деньги назад, гном внезапно сорвался с места и пустился наутек...

Стил зашагал в указанном направлении.

— Нужен свет... Ни дьявола не видно... Жаль, что не захватили с собой лампы.

— А как же стража? — удивился Палин.

— Из-за того большого судна они нас не увидят... Можно, конечно, обойтись...

— *Ширак*, — проговорил Палин, и наверхсье посоха — кристалл в лампе дракона — засветилось мягким голубоватым светом.

Стил одобрительно взглянул на Палина:

— Грамотно, Маджере.

— Я тут ни при чем, спасибо посоху.

Палин подсветил вывеску лавки, что они проходили: не та.

— Не умаляй себя, — сказал рыцарь. — Человек должен знать себе цену.

— Я знаю... Знаю, что пока цена мне самая мизерная... Но скоро все изменится.

— Когда отыщешь дядю?.. Но он же носил черную мантию? А у тебя она белая. Значит, сначала должен измениться *ты* сам?

Непростой вопрос. Палин долгое время не мог на него ответить.

— Нет, — произнес он наконец. — Я сделал свой выбор, когда проходил Испытание. Меня вполне устраивает, *какой* я, но довольствоваться тем, *чего* я достиг, — не могу. Нет для этого оснований. Да, я честолюбив и буду стремиться к большему. Но в этом нет ничего плохого. Дядя меня поймет.

— И черный маг станет учителем белого? — Стил не скрывал иронии. — Глядишь, и я в один прекрасный день стану жрецом Паладайна! — Рыцарь покосился на Палина: — Попомни мои слова, Маджере: ты станешь другим.

— В твоих же интересах, чтобы ничего подобного не произошло, — холодно произнес Палин. — Если это случится, я не буду считать себя обязанным держать слово и оставаться пленником, и однажды ты ощутишь у себя между лопатками лезвие кинжала.

Стил едва не расхохотался:

— Славно ответил... Что ж, буду иметь в виду.

— Вот и твоя лавка, — не обращая внимания на сарказм рыцаря, проговорил маг: посохом он указывал на вывеску с одноглазой рыбой.

— Ха... Прекрасно!

Рыцарь подошел к двери и, еще раз взглянув по сторонам, постучал. Палин ни секунды не сомневался, что стук был условный.

Долго ждать не пришлось. Через пару минут в двери открылось окошечко, и в нем показалось женское лицо с черной повязкой на одном глазу.

— Лавка закрыта, уважаемые, — сказала женщина.

— Но прилив продолжается, — невпопад проговорил Стил. — Те, кто решит им воспользоваться, окажутся лишь в выигрыше.

Окошечко захлопнулось, но дверь тут же отворилась.

— Входите, господа, — пригласила женщина. — Входите...

Они вошли.

Внутри было чисто, прибрано. Прилавок для свежей рыбы пустовал, но по возвращении рыбаков на нем непременно будет красоваться утренний улов. Одну из полок на стене занимали бутылки с рыбьим жиром. Конечно, сильно пахло рыбой, но запах не был неприятным.

Женщина, закрыв входную дверь, с любопытством разглядывала Палина и все еще светящийся посох.

— Не беспокойтесь, — проговорил Маджере. — Посох магический, но вреда от него вам не будет.

Женщина рассмеялась:

— О, я в курсе, господин маг. Мне известна история о Посохе Магиуса.

Палина насторожили слова хозяйки. Он посмотрелся к ней: средних лет, несмотря на черную повязку — привлекательная. По одежде нельзя было сказать, что хозяйка поднялась с постели, равно как она не походила на человека, собравшегося ко сну. Но чему тут удивляться, подумал Палин. Разве его присутствие в Палантасе не казалось ему самому странным, не представлялось частью сна наяву...

— Я — Стил Светлый меч, госпожа, — произнес рыцарь и наклонился к огрубелой руке женщины, словно то была нежная белая ручка благородной дамы. — Рыцарь Лилии.

— Я слышала о том, что ты появишься... А это, должно быть, Палин Маджере?

Хозяйка повернулась к магу... Просто и немудрено одетая, она ничем не отличалась от заурядной торговли, однако манеры и речь выдавали в ней образованного, светского человека. И что она делала здесь, в этой насквозь пропахшей рыбой лавчонке?!

— Да, госпожа, ты не ошиблась, — ответил Палин, крайне удивленный. — Откуда тебе известно, кто я?

— От дракона... Меня зовут Катерина. Я — воительница Лилии, член рыцарского ордена ее величества Королевы Тьмы.

— Рыцарь Такхизис?... — Палин выглядел ошарашенным.

— И довольно *высокого* ранга, — добавил Стил. — Госпожа Катерина участвовала в Войне Копья.

— На стороне повелителя Ариакаса, — пояснила Катерина. — Тогда-то я и лишилась глаза... в поединке с эльфом.

— Я... я искренне сочувствую, госпожа, — произнес Палин.

— Ну полно. Эльф потерял больше, нежели только зрение... Кстати, я знала Рейстлина Маджере. Мы познакомились, когда он только-только сменил мантию. Я нашла его очень обаятельным... сентиментальным, но обаятельным... Хотите незаметно пробраться в Палантас? — обратилась она к Стилу.

— Да, если это возможно.

— Нет ничего проще. Именно поэтому был нужен весь этот маскарад, — сказала Катерина и в упор посмотрела на Палина.

Лицо его зарделось, но по телу прошла дрожь: «Так вот как слуги Такхизис просачиваются в Па-

лантас! Шпионы, вербовщики, рыцари, уголовники, убийцы — всем им помогает торговка-Кэт... Почему она не побоялась сказать это при мне?.. Очевидно, уверена, что я никогда не смогу передать услышанного. Ну разумеется — ведь я же пленник...»

Что если выскочить наружу? Вполне возможно, это удастся, прежде чем Стил опомнится... Криками он привлечет патруль.

Палин представил, как он, подобно овражному гному, зовет на помощь, — и еще больше стусевался.

Катерина улыбнулась, и у Палина возникло чувство, что она догадывается о его мыслях.

— Что ж, идите за мной... Надеюсь, мою лавку вы нашли без труда? — Хозяйка подошла к столу, вплотную придвинутому к стене.

— Гном объяснил нам дорогу.

— Это, вероятно, Альф. Я поручила ему встретить вас.

— Встретить? — удивился Палин. — Не очень-то он был похож на встречающего.

— Думаю, он даже вынудил вас раскошелиться... не так ли, господин маг?.. Эти овражные гномы — хитрющие бестии. Люди относятся к ним с крайним недоверием... Ну, так... — Катерина взялась за стол. — Давайте-ка отодвинем его в сторону.

— Позволь мне, госпожа, — сказал Стил и без видимых усилий передвинул громоздкий дубовый стол.

Катерина уперлась рукой в стену, которая тут же подавалась, оказавшись искусно замаскированной дверью.

— Туннель выведет вас в проулок, находящийся на территории Воровской Гильдии. Мы им хорошо платим за молчание и кое-какие услуги, что

они нам оказывают время от времени. На всякий случай Желтый Глаз вас проводит.

Катерина как-то по-особенному, негромко свистнула.

«Одному из своих помощников», — подумал Палин, подивившись необычной кличке. Но в ответ на свист раздалось хриплое карканье и хлопанье крыльев. Палин непроизвольно вскинул руки, пытаясь защититься, однако птица только мягко опустилась ему на плечо. Это был ворон, глаза которого в свете лампы напоминали кусочки янтаря.

— Ты ему понравился, — сказала Катерина. — Это добрый знак.

— Для тебя или для меня? — съязвил Палин.

— Повежливее, Маджере, — хмуро произнес рыцарь.

— Полно, Светлый Меч. Молодой человек говорит то, что думает. Эту черту он, должно быть, унаследовал от своего дяди... А как бы ты поступил, Палин Маджере: будь у тебя такая возможность, у кого бы ты попросил помощи — у Паладайны или Такхизис? Кто из них, по-твоему, откликнулся бы на твою просьбу?..

— Почему мы медлим? — повернувшись к Стиллу, ушел от ответа маг. — Нам нужно идти.

Ироничную улыбку на лице госпожи Катерины сменила едкая усмешка, которую поддержал не менее едким карканьем Желтый Глаз. После чего птица просеменила по плечу Палина и игриво ущипнула его за мочку уха.

Стил поблагодарил Катерину за содействие, отвесив галантный поклон.

Женщина в свою очередь грациозно поклонилась и пожелала спутникам успеха в их предприятии.

В обществе ворона Палин и Стил шагнули в темноту туннеля. Дорогу освещал кристалл на посохе. Чем становилось темнее, тем ярче светился камень. Эту особенность посоха Палин и раньше подмечал... Туннель проходил под старой городской стеной, но что Маджере казалось совершенно необъяснимым — как рыцарям удалось прорыть его, не вызвав подозрений.

«Без магии тут не обошлось, — решил про себя Палин, вспоминая чародеев из стана Серых Рыцарей. — Наверняка они есть и в Палантасе и живут прямо под носом у Даламара... Уже я его удивлю. За такие сведения он не откажет мне в помощи!»

Длина туннеля не намного превышала ширину стены. Выход наверх преграждала еще одна дверь. Наружу вышли не сразу.

— От света лучше отказаться, — проговорил Стил.

Палин с ним согласился.

— *Дулак*, — прошептал он, и кристалл померк.

В непроницаемой темноте Палин не мог разглядеть даже сидящего на плече ворона; он лишь слышал, как тот шелестит перьями, как Стил старается нащупать дверную ручку.

Наконец рыцарь чуть приоткрыл дверь, и в туннель пролился серебряный свет. Лунитари уходила за горизонт, но Палина порадовало то, что на подъеме была Солинари: он мог почерпнуть от нее магической силы. Им предстояло пройти сквозь Шойканову Рощу, и эта «прогулка» потребует от него максимум волевого напряжения, максимум умения. Он хотел было обратиться за поддержкой к Паладаину, но, вспомнив коварный вопрос госпожи Катерины, решил полагаться только на себя.

— Держись ближе ко мне, — тихо произнес Стил.

Не забывая, что они на территории Воровской Гильдии, Палин опустил руку в сумку и ухватил пригоршню лепестков розы: сонное заклятие было наготове. Стил сжимал рукоять меча.

Они выбрались в проулок.

Не успели ничего сообразить, как прямо перед ними возникла высокая темная фигура.

Прежде чем Стил успел выхватить из ножен меч, а Палин — проговорить заклинание, Желтый Глаз издал громкое и отрывистое «кар-р-р».

Фигура моментально исчезла, словно и не появлялась вовсе.

— Впечатляет, — вырвалось у Палина.

— Резвый, как блоха, — презрительно произнес рыцарь, но продолжал тем не менее держаться за рукоять клинка.

«А как мы решим с вороном?» — только хотел сказать Палин, как Желтый Глаз, вновь пронзительно каркнув, клюнул мага в шею.

Маджере вскрикнул от неожиданности и боли.

— Какого дьявола? — Стил так резко повернулся, что едва не потерял равновесия.

— Эта сволочная птица впилась в меня! — клокоча от ярости, но сдерживаясь, проговорил Палин.

— И всего-то?! — сердито буркнул рыцарь. — А шуму столько, будто дюжина воров подняла тебя на ножи.

— Проклятая тварь... цапанула до крови! Чуть не вырвала из шеи клок, — трогая рану, произнес Палин.

Ворон, словно издеваясь, еще раз прокаркал и взлетел на стену.

— От этого комариного укуса ничего тебе не сделается, — заклопочил Стил. Он дошел до конца проулка и стал осматриваться. Примыкающая улица была тиха, темна и пустынна. Только в по-хожем на склад здании, а по сути — штаб-квартире Воровской Гильдии — вызывающе горел свет. Но присутствия ее членов не ощущалось; а может быть, ни Стил, ни Палин просто не могли их видеть.

Рыцарь еще раз огляделся, а затем посмотрел вверх.

— Вон виднеется Башня, — сказал он и указал на контуры самого высокого строения в Палантасе.

Свет Солинару не касался Башни, а как бы обтекал ее, и все же спутники могли хорошо ее видеть. Возможно, это невидимые лучи черной луны касались темно-красных минаретов.

Палин молча кивнул. До него только сейчас дошло, как сложно будет осуществить задуманное. «Я просто глупец, — сказал он себе. — Мне бы следовало отказаться от этой затеи, пока еще не поздно».

Однако маг знал, что ничего подобного не делает: слишком далеко он зашел и слишком многое поставлено на карту...

Палин в растерянности озирался.

— Где мы? — спросил он.

Стил понимающе усмехнулся:

— В стенах града Палантаса.

Палин недоуменно заморгал:

— Как... как мы сюда попали?

— Ты не помнишь?

— Нет, ничего не помню... — Палин приложил ко лбу руку: легкое головокружение и полный сумбур в сознании.

— Это бывает... когда глотнешь зелья, сделанного гномами, — небрежно бросил Стил. — Скоро тебе станет лучше.

— Какого зелья?.. Я не пью! Тем более — в наших обстоятельствах... — Палин вдруг обозлился. — Скажи, в чем дело! Что со мной?

— Нет, — спокойно отозвался Стил. — Не скажу.

Палин неожиданно ощутил боль в шее. Он прикоснулся к саднящему месту и увидел на руке кровь.

Маджере не помнил, откуда появилась рана.

Стил зашагал в сторону башни, а за ним, недоумевая, двинулся Палин.

Откуда-то сверху донесся хриплый смех — карканье ворона.

18. Храм Жизни. Роша Смерти

Палантас окутывала душная и темная летняя ночь. Горожане если и спали, то урывками. Во многих окнах горел свет. Тут и там можно было видеть, как измученные духотой люди отдергивают занавески и с надеждой всматриваются в зловещий мрак неба — не надвинутся ли тучки, как родители меряют шагами детскую, стараясь укачать, убаюкать капризничających, очумевших от жары малышей. Стил и Палин избегали освещенных мест улицы — любому встречному более чем странным могло показаться, что в кисельно-липкой атмосфере ночи они кутались в свои плащи. Спутники приближались к конечной цели путешествия. Башня высилась совсем неподалеку — рукой подать, — и все же Стил никак не мог найти нужную им улицу. Палин был ему в этом деле не помощник. Несмотря на то что ему приходилось бывать в Башне, всякий раз он попадал в нее магическими тропами.

На одном из перекрестков они с минуту решали, в какую сторону двинуться дальше. Положились на чутье Стила. Вскоре выяснилось, что рыцарь ошибся в направлении: улица закончилась ухоженными газонами перед зданием из бе-

лого мрамора. Чудесно пахло цветами, стены строения излучали мягкий матовый свет.

Сердце Стила внезапно заныло от, казалось бы, давно утихшей и забытой боли.

— Я понял, где мы, — сказал он.

— Это же Храм Паладайна! — в свою очередь догадался Палин. — Вот уж куда нам не следовало попадать. — Он взглянул на Стила. — Меня удивляет, что ты узнал святилище благословенного Паладайна.

— Во время осады Палантаса — когда я был еще маленьким — мы укрывались здесь с Сарой. Наш дом сгорел, и она благодарила Паладайна за то, что мы сами уцелели. Именно здесь я узнал о смерти матери и о том, кто ее убил.

Палин промолчал; он потирал то место, куда его клонул ворон. Боль уже не чувствовалась, однако действие «магического клевка» ему предстояло испытывать еще долго, забыв даже о существовании женщины-рыцаря, или Одноглазой Кэт.

Нужно было вернуться к перекрестку, однако Стил медлил.

На коротко стриженных газонах темнели пятна, которые напоминали оставленные на поле битвы тела воинов. Присмотревшись как следует, рыцарь понял, что это всего лишь мирно спящие люди, переутомленные непрекращающейся осадой зноя.

На самом деле Стил прекрасно знал, где расположен Храм Паладайна, и, может быть, совсем не случайно он пришел сюда. Так часто бывало и прежде...

На долю Стила выпало далеко не беззаботное отрочество и столь же нелегкая юность, далекие от беспечной молодости, воспеваемой поэтами. Он с

детства познал борьбу между светлым и темным, конфликт чувств, желаний, стремлений. Образ матери в синих доспехах стал символом темных сил души, стремления подчинять и властвовать, чего бы это ни стоило. Если сверстники отказывались признать его главенство, Стил не останавливался ни перед чем, чтобы подмять, подавить, подчинить... Рыцарь в серебряных латах был олицетворением светлого в его душе — образ, который побуждал Стила сострадать, раскаиваться, жалеть.

Постоянное столкновение светлых и темных сил, смутное ощущение, что в нем вот-вот что-то сломается, надорвется, лопнет, не давали юноше покоя, становились причиной внутреннего беспокойства, боли и мук... Тогда он приходил к Храму Паладайна. Почему? Стил и сам не понимал. Он был молод; думал, что, как боги, бессмертен и оттого не нуждается ни в каких высших силах. Внутри храма он никогда не заходил. Его мраморные стены, как ему казалось, студят кровь.

Недалеко от того места, где он сейчас стоял, росла осина, под которой имелась изящная мраморная скамейка. Почитатели Паладайна не очень-то жаловали жесткую и холодную скамью, некогда служившую местом отдыха давно не существовавшему благородному семейству.

Стилу нравилась эта скамейка. На ее спинке был выбит — судя по всему, начинающим ремесленником — рисунок, изображавший похороны Соламнийского Рыцаря. Воин со скрещенными на груди руками лежал у каменной гробницы. Вокруг соламнийца в торжественном, скорбном молчании замер почетный конвой из двенадцати рыцарей.

Стил обычно садился на траву, опирался руками на скамейку и, положив на них голову, забы-

вался. Тишина и спокойствие воцарялись у него в душе, гнев проходил. Расслабившись, он неотрывно смотрел на рисунок и видел на месте рыцаря себя самого. Стил любил представлять, что он героически погиб, спасая жизни своих друзей-приятелей, и только после гибели они его по-настоящему оценили. Иногда он воображал, что участвует в погребении рыцаря в качестве его недавнего противника, после честного поединка, явившись на похороны в знак уважения.

Это почти с детальной точностью совпадало с его присутствием на погребении братьев Маджере...

От этой мысли Стил поежился, хотя склонностью к суевериям он не отличался.

«Ты совсем раскис, Светлый Меч... совсем размяк», — укорял он себя, устыдившись своей мимолетной слабости.

«Все же странно, — подумал он, вглядываясь в темноту, безуспешно пытаясь уловить контуры мраморной скамьи. — Странно, что я до сих пор не вспоминал о ней». Стил грустно улыбнулся.

Теперь он немало знал о богах и даже связал свою жизнь с одним из них. Он до мозга костей был предан той, которая повелевала царством Тьмы и, следовательно, темными силами его души. И если Стил приблизится к мраморной скамье, Королева не оставит его поступок безнаказанным. Да и Паладайн, вне всякого сомнения, обратит свой гнев на слугу Ее Темного Величества. Одно то, что он находится подле храма, могло быть расценено как святотатство.

Цалин было собрался вывести Стила из оцепенения, как за спиной раздался негромкий, но угрожающий рык зверя.

— Не шевелись, — тихо проговорил Палин. — Шагах в десяти от нас тигр. Он...

— Не волнуйтесь, господа, — произнес из темноты спокойный голос. — Это Тандар — мой поводырь. Он вас не тронет... Довольно позднее время для прогулок... Вы заблудились? У вас проблемы? Могу я чем-нибудь помочь?

Спутники, готовые к схватке, медленно повернулись на голос.

Зверь шагнул в серебряную полосу лунного света... Это был белый тигр (крайне редкое явление для Ансалона), чрезвычайно крупный, с мощными, в голову человека, лапами, опасно осмысленным взглядом зеленых, в золотистую крапинку, глаз.

На золотом ошейнике мерцал медальон с изображением дракона — знака Паладайна. Слова были произнесены женщиной, на которую тоже теперь падал свет луны. Одной рукой она поглаживала огромную голову зверя.

Стилу сразу стало ясно, почему она назвала тигра своим поводырем: женщина была слепой. Рыцарь узнал ее. Перед ними стояла праведная дочь Крисания. Верховная жрица Храма Паладайна, она являлась также главой всех его почитателей на континенте.

Двадцать лет прошло с тех пор, как Крисания, влекомая честолюбивыми помыслами, сошла вместе с Рейстлином Маджере в Бездну. Она едва не погибла там... Только оставшись одна и отчаявшись спастись, слепая, беспомощная, Посвященная вдруг «прозрела». Крисания вернулась в мир. Лишенная возможности видеть его красоту, она теперь остро чувствовала его боль и страдания. Под ее мудрым главенством вера вновь окрепла, жрецы Паладайна стали глубоко почитаемы паствой.

От нее, как и от храма, веяло покоем, величием благородством. Лицо, несмотря на следы пережитого, оставалось по-прежнему привлекательным, дышало безмятежной искренностью, непоколебимой верой.

Стил вопросительно взглянул на Палина, который буквально лишился дара речи. Рыцарь хотел дать понять Палину, что не мешало бы им ретироваться, улучшить момент и затеряться в ночи, но уж слишком пристально тигр следил за каждым их движением.

— Рыцарь и маг... — подходя ближе, произнесла госпожа Крисания. — Думаю, вы не просто заблудившиеся путники... Значит, имеете определенные намерения... Вы хотите просить благословения у Паладайна?

Тигр вновь зарычал. Нужно было что-то отвечать. Стил локтем ткнул Палина в бок.

— Н-нет... не совсем так, Посвященная, — растерянно выдавил из себя маг. Он побледнел, лоб покрылся испариной.

Белые маги должны были почитать Паладайна, следовать его заповедям. Вызволение же из Бездны черного колдуна явно не относилось к числу поощряемых богом поступков.

— Добро пожаловать, Палин Маджере, — сказала Крисания.

— Как... как ты догадалась? — выдохнул пораженный Палин.

Крисания рассмеялась; смех ее был подобен перезвону серебряных колокольников.

— Как я догадалась? Почувствовала запах лепестков розы, необходимых для магических заклинаний. Когда же я услышала голос, то уловила в нем интонации Карамона Маджере... а манера

речи напомнила мне о Рейстлине. — Последнюю фразу Крисания произнесла едва слышно.

Маг оторопело молчал. Бледность на его лице сменилась пунцовым румянцем, словно он стоял в свете Лунитари.

Доброжелательно улыбаясь, Крисания обратила свои безжизненные глаза на Стила.

— О присутствии рыцаря я догадалась по бряцанию его оружия. Определенно не ошибусь, если скажу, что Палин Маджере в компании одного из своих братьев. Танина или Стурма я имею удовольствие приветствовать?

Стил мог по-разному ответить. Проще всего было выдать себя за одного из братьев; хрипотцу и резкость интонаций объяснить, к примеру, насморком. После краткого обмена любезностями они бы раскланялись. Тогда как скажи Стил правду...

Рыцарь посмотрел на зверя... Тигр не сводил с него глаз, светившихся той осмысленностью, что у любого другого животного представить было бы невозможно. Одной своей массой зверь подмял бы рыцаря под себя. Даже если бы он поразил его мечом, челюсти Тандара успели бы сомкнуться у него на горле.

Стилу пришла на память его собственная бравада-бахвальство: *...чтобы я разгуливал по Палантасу в одеянии содержателя таверны!*

Но под чужим именем он тоже не будет прятаться!

— Ты ошибаешься, праведная дочь, — с холодной вежливостью произнес воин. — Мое имя — Стил Светлый Меч. Я — рыцарь Лилии и имею честь быть слугой Такхизис, ее величества Королевы Тьмы.

— За что боролись, на то и напоролись, — вытаращив глаза, прошептал Палин.

Тигр, чуть оскалившись, но не разжимая челюстей, зарычал. Крисания легонько потрепала своего поводыря. Между бровей у нее пролегла глубокая морщина, на лице отразилось беспокойство.

— Говорить... так открыто... в Палантасе? — В голосе звучала не угроза, а лишь удивление.

— Да, преподобная жрица. Я не скрываю своего имени и принадлежности. Будь на твоём месте другой человек, ему бы и одного взгляда хватило, чтобы понять, кто я. Богам было угодно отнять у тебя зрение, и пользоваться этим постыдно и бесчестно. Ещё больший стыд, госпожа, лгать столь уважаемой и почитаемой женщине.

Безжизненные глаза Крисании расширились.

— Выходит, правда — то, о чем предупреждал Танис Полуэльф, — тихо проговорила она. — Да поможет нам Паладайн!.. — Она задумалась, затем повернула лицо к Палину: — Как же так получилось, молодой маг? Оказаться в спутниках рыцаря — приверженца зла... хотя и, без сомнения, благородного?

— Я его пленник, преподобная жрица. Оба мои брата погибли. Рыцари Такхизис высадились на северном побережье, вблизи Каламана. Танис Полуэльф держит путь в Башню Верховного Жреца, чтобы сообщить об этом Соламнийцам.

— Пленник... следовательно, они потребовали выкуп?

— Да, госпожа. И потому мы здесь. — Палин замолчал, вероятно, надеясь, что на этом вопросы прекратятся.

— Вы направляетесь в Башню Высшего Волшебства...

— Ты права, Посвященная, — подтвердил Палин.

— Хм... Но если бы молодому магу действительно нужно было решить дело с выкупом, он отправился бы в Вайретскую Башню Высшего Волшебства! Вопросами выкупа занимается Конклав, — голос Крисании стал жестче.

— Прости, праведная, — тихо, но твердо проговорил Палин. — Я не могу вдаваться в подробности, так как связан словом чести.

— То есть молодой маг хочет сказать, что в вопросах чести мы менее щепетильны, чем наши враги?!.. Надо полагать, Даламару о ваших намерениях ничего не известно?

— Нет, госпожа, — чуть слышно ответил Палин.

— Вы хотите попасть в Башню через Шойканову Рощу?.. Но вам не уцелеть! Слово чести в этом гиблом месте не поможет. Уж я-то знаю — имела опыт, — пожившись, добавила Крисания.

Она умолкла, задумавшись.

Стил размышлял над тем, как бы выпутаться из создавшегося положения. Крисания подняла голову.

— Вы, вероятно, удивляетесь, почему я не позову стражу... Думаю, мы встретились не случайно. Я редко совершаю прогулки после полуночи, но сегодня мне не спалось. Я посчитала, что все из-за жары... Но теперь все стало ясно: сам Паладайн пожелал, чтобы я набрела на вас. И что бы вы ни делали, он будет сопровождать, направлять.

Палин, смешавшись, покосился на Стила. Тот пожал плечами и улыбнулся: хорошо известно, что Такхизис добывается своего порой весьма окольными путями.

— Живыми вам из Шойкановой Рощи не выбраться.

Госпожа Крисания взялась за висевший на шее медальон. В серебряном свете луны блеснуло золото. Женщина щелкнула застежкой, сняла медальон и протянула его Палину:

— Он не защитит от бессмертных стражей Рощи, но избавит от страха, придаст мужества.

Палин выглядел обескураженным, виноватым и пристыженным, словно вор, попавшийся на вживании мелочи из кружки для подношений бедным. — Я не могу принять этого, Посвященная. Ты... ты всего не знаешь... — Он замолчал.

Крисания дотянулась до руки Палина и положила медальон ему на ладонь.

— Да не оставит вас Паладайн, — сказала она.

— Благодарю, госпожа, — только и нашелся ответить Палин.

— Пора идти, — решив взять инициативу в свои руки, произнес Стил. Он поклонился Крисании. — Я бы почел за честь проводить Посвященную Паладайну, но у тебя и так надежная охрана.

— Я в этом не сомневаюсь. — Крисания улыбнулась, вздохнула. — Меня повергает в уныние только то, что столь благородные душа и сердце на службе у сил тьмы... Хотела бы я знать, рыцарь, каким образом ты собираешься пройти через Рощу? Ведь она не является частью владений твоей Королевы. В ней властвует ее сын — Нуитари.

— Со мной мой меч, госпожа, — просто отвечал Стил.

Женщина подошла ближе. Они стояли лицом к лицу, и рыцарю на миг показалось, что Крисания видит его. Она подняла руку и положила ее Стилу на грудь. Прикосновение, словно огонь, опалило

душу рыцаря; впервые в жизни он чувствовал себя беспомощным, не знал, как себя вести.

— Я вижу, и у тебя, рыцарь, есть покровители... Их двое! Один из темного мира, другой из мира света. Тот, что слева, — там, где сердце, — женщина. На ней синие доспехи; в одной руке она держит шлем Повелительницы Драконов, в другой — копье, наконечник которого окровавлен... Сердце отдано ей... Тот, что справа, — Рыцарь Соламнии. Он безоружен, ножны пусты. На теле у него сквозная кровоточащая рана от копья... Душа принадлежит ему... Каждый из покровителей стремится стать единственным наставником, единоличным опекуном. Кому будет отдано предпочтение?

Крисания умолкла, убрала с груди руку, и у Стила вдруг подкосились колени, словно она все это время поддерживала его. Ему хотелось как-то ответить, чтобы скрыть свое смятение. Но слова не шли, и он лишь смотрел на нее широко открытыми глазами: то же самое говорила Такхизис.

Тигр подошел к хозяйке и потерся о ее ноги.

— С вами мои молитвы, — сказала на прощание Крисания.

Держась за холку зверя, жрица Храма Паладайна исчезла в темноте.

Палин продолжал остолбенело глядеть на Стила, как бы ожидая, что он скажет. Но тому было не до слов. Обозленный на себя, полный каких-то смутных предчувствий, он вдруг быстро зашагал назад, к перекрестку, приведшему их к храму. За спиной раздавались шаги еле поспевающего за ним Палина, хлопанье и шуршание рясы.

Стил едва не бежал, стараясь избавиться от демонов сомнения, терзавших его душу.

— Мне не нужны указчики, — яростно шептал он. — Я ро́с один... Не нуждаюсь ни в наставниках, ни в опекунах — будь то отец или мать!

Их стремительная ходьба продолжалась до тех пор, пока после очередного поворота они вдруг не вышли прямо к Шойкановой Роще.

Некогда на Ансалоне существовало пять Башен Высшего Волшебства. На эти грандиозные сооружения смотрели как на оплоты магии, угрозу и непозволительное усиление могущества, силы и влияния чародеев. Чтобы еще более оградить себя от возможных неприятностей, маги окружили каждую Башню сторожевым лесом.

Оказавшиеся в лесу, обступившем Башни Далтигот, напрочь лишались сил; поначалу их охватывала слабость и непреодолимая апатия ко всему, затем они впадали в глубокий и тяжелый сон. Попавшие в лес Истарской Башни (разрушенной во времена Катаклизма) забывали, куда и с какой целью они идут. Лес Башни Погибель вызывал у вошедших в него бурю желаний и дикие страсти, заставляющие забыть обо всем на свете. Рискнувшие проникнуть в дубраву Вайретской Башни начинали отчаянно плутать, и как бы они ни старались дойти до цели — им это не удавалось.

Но самым страшным местом считалась Шойканова Роща. Леса-стражи первых четырех Башен были освящены жрецами Солинари и Лунитари, тогда как Рощу освятили последователи Нуитары — Черные Мантии.

Гигантские дубы стояли недвижно. Буря или ураган могли вызвать лишь легкое подрагивание листвы. Фантазмагорически переплетенные сучья и ветви образовали непроницаемый балдахин, сквозь который не мог пробиться ни один солнеч-

ный луч. В Роще царили мрак, тишина и холод — вечные спутники смерти.

Нуитари самолично заклил рощу. Достаточно было приблизиться к ней, чтобы почувствовать всеохватывающий ужас, и даже приглашенные лично Даламаром не могли избавиться от постоянного ощущения беспокойства, тревоги, страха. Многие не выносили одного вида деревьев. Те, кто обладал исключительной храбростью и отвагой, могли подступиться лишь к границе Рощи, но и то — ползком, на коленях. Карамон Маджере был одним из немногих, кому удалось углубиться в лес... В число этих немногих входили также праведная дочь Крисания и Китиара, но они имели при себе медальоны, нейтрализующие страх. Карамон же уцелел только благодаря своему несокрушимому здоровью...

Теперь перед Шойкановой Рощей стоял Стил Светлый Меч. Он уже чувствовал на себе действие заклęcia, ощущая беспричинную слабость, страх, спазмы ужаса. Это был страх смерти, напоминание о ней тому, кто отважится войти в Рощу; страх мучений и страданий, за которыми последует конец, и еще больший страх — вечных мучений и страданий, поджидающих смертного за жизненной чертой.

И этот страх Стил не мог в себе побороть, поскольку заклęcie исходило от бога. Его ладони увлажнились, во рту пересохло; ломило суставы, мышцы сводило судорогами; желудок выворачивало, внутренности пронизывала острая боль. Страх едва не поставил его на колени.

Стил слышал, как из Рощи доносятся голоса призраков, похожие на сухой треск ломающихся костей.

Твоя теплая кровь, твоя плоть, твоя жизнь — отныне наши... Наши! Подойди ближе. Отдай нам свою сладкую кровь, молодое горячее тело... Нам холодно... холодно... невыносимо холодно. Подойди ближе... Ближе!

Стил ощущал, как над ним сгущается мрак Роши — непроницаемый, вечный мрак. Он молил Такхизис о помощи, хотя знал, что его молитвы останутся без ответа. Владения ее величества Королевы Тьмы не простирались в пределы Роши. Здесь безраздельно царствовал ее сын Нуитари, повелитель и покровитель черной магии. Всем было известно, что он редко прислушивался к своей родительнице.

Стил всегда думал, что он найдет свой конец на поле боя. Когда он грезил о смерти, то видел себя лежащим подле мраморной гробницы; в ногах сложено оружие поверженных им врагов; товарищи оплакивают его...

Но не о такой смерти он мечтал, когда призраки, впиваясь, терзая и кромсая его тело когтями, станут увлекать рыцаря под землю, а он будет корчиться от страха, омерзения и удушья. И после того, как придет смерть-облегчение, смерть-милость, его душа окажется в рабстве бога призраков Чемоша — постыдном и мучительном вечном рабстве...

Внезапно отвратительное потустороннее пришепетывание слуг Чемоша прервал чей-то иной голос... Из-за деревьев вышла женщина в синих доспехах и шлеме. Она была красива; лицо обрамляли черные локоны, глаза зазывали и манили, на губах играла улыбка... Нет, она смеялась... Смеялась над Стилом.

— Посмотри на себя! Дрожишь и потеешь, словно ребенок в Ночь Драконьего Глаза... Неуже-

ли я выносила труса?! Клянусь Королевой, если это так, я сама скормлю тебя Чемошу!

Хотя не было ни малейших признаков ветра, за спиной женщины развевался державшийся на завязках синий плащ. У бедра покачивался меч. Надменной походкой она приблизилась к рыцарю.

Стил знал, кто эта женщина. Знал, хотя и не видел ее ни разу в жизни. Лишь однажды она явилась к нему в Видении.

— Мать... — прошептал он.

— Не называй меня матерью! — глумилась Киа-тиара. — Ты мне не сын... Мой сын не может быть трусом. Я Рошу прошла, а ты тут топчешься и думаешь, как задать стрекача, чтобы это выглядело прилично!

— Нет, не думаю! — зло вскинулся Стил, поскольку и в самом деле мысль ретироваться *пришла* ему в голову. — Я...

Видение исчезло, растворилось во тьме Роши.

Скрипя зубами, держа руку на эфесе меча, Стил ринулся вперед. Он и думать забыл о Палине, о том, что такой человек вообще существует. Теперь Стил шел в бой, на поединок с Шойкановой Рошей.

Рыцарь не слышал шагов у себя за спиной. От неожиданного прикосновения он вздрогнул; резко развернулся, выхватывая меч.

Палин, тяжело дыша, отступил.

— Стил, это я...

Свет кристалла ярко освещал лицо мага. Рыцарь облегченно вздохнул и тут же устыдился своего вдоха.

— Куда ты пропал, Маджере?

— Тебя догонял, Стил!.. Ты почти бежал... Нам нужно держаться вместе.

Теперь они оба могли слышать голоса призраков.

Теплая кровь, сладкая плоть... Сюда... идите сюда...

Палин побледнел; побелели даже губы, рука судорожно сжимала посох.

— Благословенный Паладайн! — воскликнул маг. — О, боги... Смотри! Он идет прямо на нас!

Стил принял боевую стойку... затем опустил меч.

— Ты что? — Палин лихорадочно рылся в сумке со своими магическими атрибутами. — Мы должны...

— Отец не сделает нам зла, — тихо произнес Стил.

Госпожа Крисания говорила о *двух* покровителях.

Рыцарь приближался. В лунном свете его доспехи отливали серебром. На нагруднике — тиснения: изображения розы, короны и зимородка. Выкованные еще до Катаклизма, латы являлись настоящей реликвией. Меча рыцарь не имел — он был у Стила.

Отец остановился напротив сына.

— Ты обещал, давал слово, что пройдешь этой проклятой Рощей? — спросил Стурм Светлый Меч.

— Да, я так говорил, отец, — твердо ответил Стил, крепче сжимая меч.

Стурм, казалось, оценивал Стила. Его глаза одновременно выражали усталость, заботу, грусть, любовь, гордость... Едва заметно одобрительно кивнув, он произнес:

— *Est Sularus oth Mithas.*

Стил глубоко вздохнул... и затем медленно, медленно выдохнул:

— Понимаю, отец.

Стурм улыбнулся. Поднял руку и указал ею на шею сына. Потом повернулся и зашагал прочь.

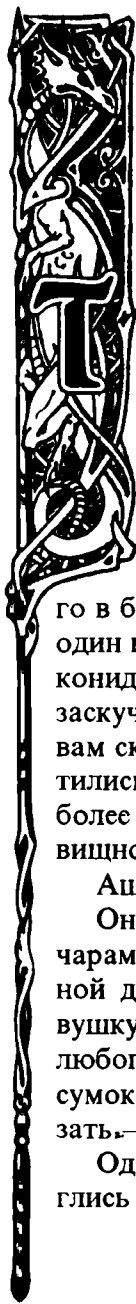
Он не исчез в темноте — бесследно растаял в дорожке лунного света.

— Что Стурм имел в виду? — севшим голосом спросил Палин.

Рыцарь запустил руку под доспехи и достал амулет. Такими амулетами обменивались любовники-эльфы. Драгоценность, которую Стил носил у себя на шее, была подарена Стурму Эльханой в знак вечной любви. Стурм подарил амулет Стилу... Драгоценность переливалась ярким, чистым и холодным светом.

«Жить по чести».

— Я не посрамлю матери... Не подведу отца. Мы пройдем этой гиблой Рощей, — уверенно произнес Стил.

19. Тас изнывает от скуки.
Попытка разговорить призрака.
Магическая ложка Кендера

Тассельхоф шумно вздохнул и открыл глаза. Откинулся на стуле и вновь исторгнул полувздых-полустон.

— Какая скука, — произнес он.

После этих страшных слов вряд ли бы нашелся на Ансалоне хоть кто-либо, кто бы не почувствовал, что пора уносить ноги... Попробуйте спросить у закаленного в боях воина, что бы он предпочел: оказаться один на один с красным драконом, отрядом драконидов, сонмищем людоедов... или в компании заскучавшего кендера? И выдавший виды воин вам скажет (равно как и любой, к кому вы обратились бы с подобным вопросом), что нет ничего более опасного, неприятного, занудного, чудовищного, чем изнывающий от скуки кендер.

Аша, на свою беду, этого не знала.

Она и кендер почти сутки находились под чарами сна. Тас проснулся первым и из врожденной деликатности постарался не тревожить девушку. Он отчаянно сопротивлялся соблазну «полюбопытствовать» — «исследовать» содержимое сумок Аши, и без преувеличения можно сказать, — это стоило ему героических усилий.

Однако апартаменты Даламара все же подверглись тщательному досмотру. Да и как он мог

удержаться от такого искушения, когда комната была буквально нашпигована всевозможными занятными вещичками. Из своих странствий по Кринну Рейстлин обязательно возвращался с каким-нибудь пустячком, а впоследствии Даламар пополнил коллекцию. Тас с восхищением разглядывал резные деревянные статуэтки, сделанные Диковатыми эльфами; ракушки и кораллы, привезенные с берегов Кровавого моря Истара; расписные фарфоровые шкатулки с изображениями павлинов из Северного Эргота; огромные сундуки из кедра, с затейливой резьбой, изготовленные Торбардинскими гномами, и прочие удивительные предметы.

Будь на то воля Таса, коллекция Даламара понесла бы невосполнимые утраты и неприкосновенными остались бы (и то лишь благодаря своим размерам) одни торбардинские сундуки. Выяснилось, что стоило кендеру «по чистой случайности» опустить в карман или кошелку тот или иной предмет, как он тут же самопроизвольно возвращался на то место, откуда был взят. Сохранность предметов гарантировалась заклитием.

— Дьявольщина! — воскликнул Тас, когда из сумки вынырнула спиралевидная, с алыми пятнышками ракушка и заняла свое прежнее место на полке. — Вы только полюбуйте на это!

— На что? — сонно пробормотала Аша.

— Представляешь, сначала эти штуки сами бросаются ко мне в сумку, а затем, как ошпаренные, выскакивают обратно... Чудеса да и только! Ты взгляни...

На Ашу забава Таса отнюдь не произвела впечатления.

— А где Даламар и эта женщина... кажется, Йенна? Куда они подевались?

Тас пожал плечами:

— Не имею представления. Башня — место, где таким мелочам не придаешь значения... Вернутся — куда они денутся. — Внимание кендера привлекли объемистые сундуки из кедра. Что у них за замки? Можно ли заглянуть внутрь?

— Я не хочу, чтобы они возвращались, — буркнула Аша. — Мне здесь надоело. Не хочу снова встречаться с этим Даламаром. Я ухожу. Пойдем, пока их нет.

Собрав вещи, Аша подошла к двери и потянула за ручку.

Дверь не открывалась.

Девушка сильнее подергала ручку, но и это не помогло.

Тас посмотрел на Ашу:

— Не иначе — заперта.

— Но почему? — недоуменно проговорила Аша. — Ты уверен?

Тас кивнул. Такая ситуация была ему знакома.

— Я уже привык к тому, что меня или запирают, или захлопывают перед носом дверь... Очень скоро привыкнешь и ты.

К разочарованию кендера, замки сундуков успешно противостояли напору его любопытства. Как он ни пытался вставить ключ в замочные скважины, они самым коварным образом не поддавались. Минут десять, высунув язык, Тас вел единоборство с подлыми замками и затем опять произнес слова, которые кого угодно привели бы в содрогание, послужили поводом к немедленному бегству:

— Мне скучно.

Аша нервно шагала по комнате и, казалось, ничего не слышала.

— Что ж, — проговорил Тас, ударяя себя по коленям. — Я бы сказал, что мы загостились. Пора и честь знать.

Он порылся в одной из своих котомок и извлек из нее набор отмычек, доставшийся ему по наследству.

— Я уверен, у Даламара и в мыслях не было запирать нас. Очевидно, дверь захлопнулась от сквозняка. Думаю, я смогу исправить эту оплошность.

Забыв о скуке, Тас подошел к двери, достал одну из отмычек и приступил к священнодействию.

Аша с интересом наблюдала за кендером.

— А куда мы пойдем, когда ты справишься с замком? Ты знаешь дорогу?

— Да, — живо ответил Тас. — Нам придется идти Шойкановой Рощей. Жуткое место: кишит бессмертными стражами, которые готовы наброситься на тебя, уморить, а потом вечно истязать твою душу. Уж это точно. Сам однажды видел... правда, со стороны. Мне до сих пор не было нужды соваться в Рощу... Карамону пришлось... И везет же некоторым.

Он на минуту бросил ковыряться с замком, забывшись воспоминаниями; глаза затуманились прошлым. Потом встрепенулся, утер рукавом нос и, насвистывая какой-то гномий маршик, снова принялся колдовать над замком.

Ничего не выходило.

Нахмутив брови, Тас выбрал из набора другую отмычку.

— Но тогда что толку, если мы выйдем отсюда. Все равно нам не пройти этой Рощей. Как ни крути — мы в ловушке! — с унынием в голосе заключила Аша.

Тас задумался.

— Я знаю, что нельзя войти в Рошу, но я ничего не слышал о том, что из нее нельзя выйти. Может быть, у нас вообще никаких трудностей не возникнет.

— Ты думаешь?

— Стоит попробовать. — Тас энергично орудовал отмычкой. — Худшее, что может случиться, — бессмертные вцепятся в нас и попытаются утащить под землю, где в ужасных мучениях мы найдем свою кончину.

У Аши округлились глаза.

— Так... так, может, лучше остаться здесь... подождать возвращения Даламара? — Она вернулась к столу и в совершенном отчаянии упала на стул.

— Получилось! — победно вскричал Тас.

Замок громко *щелкнул*, Тас распахнул дверь.

Из темноты на кендера смотрели белые, холодные глаза призрака.

— О... привет, — произнес Тас, слегка удивленный. Он не ожидал, что за дверью кто-то может быть.

— Закрой!.. Закрой скорее... пока *это* там!

— Всего лишь призрак, — бросил через плечо Тас и протянул для приветствия руку. — Здравствуй, мое имя Тассельхоф Непоседа... О-о, прости, понимаю: не имея рук, не так-то просто ответить пожатием. Надеюсь, тебя не очень огорчает их отсутствие... Но я, наверное, чувствовал бы себя некомфортно. И тем не менее рад знакомству... Как *твое* имя?

Призрак не ответил, но бесплотные глаза чуть приблизились. В комнате стал явственно ощущаться могильный холод. Аша вскочила со стула и отбежала в дальний конец комнаты.

— Закрой дверь, Тас! Ну пожалуйста... закрой дверь!

— Все хорошо, Аша, — отозвался Тас, невольно пятясь перед призраком. — Прошу тебя... Мы только собрались уходить...

Немигающие глаза яростно задвигались взад-вперед.

— Нам пока не уходить? — догадался Тас. Возможно, призраку стало очень одиноко, и он решил провести часок-другой за приятной беседой. — Ты ведь один из бессмертных, не так ли?.. А знаешь ли ты властителя Соты? Сот — рыцарь-призрак, и он мой хороший приятель.

В бесплотных глазах безошибочно угадывалась враждебность. Тас вдруг вспомнил: ведь Сот подбил Китиару на убийство Даламара. Это значило, что призрачный рыцарь вряд ли пользовался в Башне особым уважением.

— Кхе-кхе... ну не то чтобы приятель, — поправился кендер, отступив еще на шаг-другой.

Призрак наступал, и холод становился все более ощутимым, пронизывающим.

— Скорее его можно назвать просто знакомым, — торопился объяснить Тас. — На самом деле он никогда не бывает у меня, не заходит даже на чашку чая... Что ж, было очень приятно с тобой поболтать. Если ты чуть-чуть посторонишься, мы тихонечко проскользнем мимо и уж больше никогда тебя не побеспокоим...

— Тас! — крикнула Аша.

Кендер зацепился о низко свисавшую со стола скатерть и шлепнулся на пол.

Призрак надвинулся на него, навис над ним и... вдруг исчез. Дверь захлопнулась. В комнате сразу потеплело.

Аша только сейчас заметила, что вся дрожит.

— Что это было?

— Неимоверно груб, — проронил Тас, вставая с пола и отряхиваясь. — Могу со всей ответственностью заявить, что большинство бессмертных, с которыми мне приходилось сталкиваться, я не назвал бы разговорчивыми. Исключение — призраки из Омраченного Леса. Они охотно рассказывали о себе, своей жизни, о том, как их проклинали... ну, и все такое. Хотя говорили они с помощью Рейстлина. Они имели рты, но у них не было губ. Так забавно... У этого же и рта нет, потому он, наверное, и молчал... Рассказать тебе про Омраченный Лес? Поскольку Рейстлин твой отец и все...

— Я хочу только одного — выбраться отсюда! — оборвала Аша. Она все еще дрожала от холода и страха... и от злости. — Почему нас держат здесь, словно узников? Не понимаю!

— Может быть, именно потому, что Рейстлин твой отец, — подумав, предположил Тас. — Даламар был учеником Рейстлина и по наущению совета магов шпионил за ним. Собрание не доверяло чародею-отступнику. Рейстлин обо всем этом знал и наказал Даламара, просверлив у него в теле дыры. Они до сих пор не зажили и причиняют боль магу. Но не вздумай говорить с ним на эту тему, если не хочешь, чтобы у Даламара испортилось настроение. Меня раз угораздило... Даламар намеревался убить Рейстлина, когда он, почти разделившись с Темной Королевой, возвращался из Бездны; и именно тогда Карамон попытался пройти Шойкановой Рощей, а Танис собрался сразиться с властителем Сотом, но не смог, поскольку я выкрал у него магический браслет...

Тас выпалил все это на одном дыхании. Ему даже пришлось сделать паузу, чтобы отдышаться. У Аши округлились глаза.

— И Рейстлин... то есть мой отец... он участвовал во всем этом? Ты мне ничего не рассказывал! — Девушка безвольно опустилась на стул. — Ничего удивительного, что Даламар мне не доверяет! Он никогда меня отсюда не выпустит! Он... он даже может убить меня!

— Не думаю, — веско произнес Тас. — Более вероятно, что ты предстанешь перед Конклавом. Обещай, что в этом случае ты возьмешь меня с собой...

Аша со стоном обхватила руками голову.

— Не хочу я идти ни на какое собрание! Хочу домой!

Кендеру с его неистребимой склонностью и привычкой к странствиям трудно было понять девушку, но по опыту общения он знал: тоска по дому у людей являлась их слабым, уязвимым местом.

— Возможно, я смогу что-нибудь придумать, надо только поднатужить мозги... Кстати, у тебя в сумке полно всякого магического барахла. Ты же сама сказала Даламару, что владеешь магией... Дочь Рейстлина должна уметь колдовать. *Обожаю* всякие магические штучки. Может, ты что-нибудь продемонстрируешь...

Аша бросила нервный взгляд на свои вещи:

— Боюсь, у меня нет ничего такого, что бы могло помочь нам выпутаться.

— Ты сама не уверена. Давай посмотрим. Я тебе помогу определить, что может сгодиться, а что... так — дребедень. — Тас был само великодушие. — Я неплохо в этом разбираюсь. У людей

глаза на лоб лезут, когда они находят у меня вещи, о потере которых даже не догадывались.

— Я уверена, у меня нет ничего особенного, — не сдавалась Аша, оттесняя Таса от своей сумки. Похоже было, что девушка начала усваивать причуды кендера. — Почему бы тебе в своем скарбе не порыться? Может быть, *ты* что-нибудь отыщешь?

— Верно. Я и не подумал. — Тас плюхнулся на пол и начал выуживать из своих кошелей содержимое. Глазам предстали: живописно заплесневелый, надкушенный кусок сыра; мертвая, одеревенелая крыса; веретено; чернильница, давно забывшая свое предназначение; книжка с названием «Хагло», на обложке которой бросалась в глаза надпись-вердикт: «Никогда о таком не слышал»; сваренное вкрутую яйцо и серебряная ложка.

— А-ха! — воскликнул Тас.

Аша, незаметно от кендера перебиравшая свои вещи, вздрогнула:

— Что? Что такое?

— Нашел, — с благоговением в голосе произнес Тас. — Перед тобой, если хочешь знать, — реликвия кендеров: Ложка «Где сядешь, Там И Слезешь».

— Ты это серьезно? — Аша наклонилась вперед, чтобы получше рассмотреть реликвию. — Похожа на одну из тех, которыми мы вчера ели. На ней даже остался клубничный джем...

— Только не пугайся, Аша, — торжественно проговорил Тас, — это кровь... а не клубничный джем. Ложка «Где Сядешь, Там И Слезешь»... ее я узнал бы из тысячи. Мой дядя, Пружина, всегда имел при себе такую. Он говорил: «Как правило, призраки сами боятся тебя больше, нежели ты их.

Они хотят одного — чтобы их оставили в покое. Пусть себе завывают, пугают, бряцают цепями... Хотя бывает, столкнешься с таким, который сразу норовит впиться в печень, и вот *тогда* ты прибегаешь к помощи Ложки.

— И что она может? — недоумевала Аша.

Тас вскочил на ноги.

— Если вдруг окажешься один на один с призраком, воином-скелетом, каким угодно упырем... нужно отважно выставить перед собой магическую Ложку и твердо (чтобы тварь осознавала недвусмысленность твоих намерений) произнести: «Изыди!» или «Сгинь!» — тут я не уверен... В любом случае, когда ты увидишь, что призрак заворочен видом Ложки...

— Я шмыгну мимо, — с готовностью подхватила мысль Аша. — А когда призрак опомнится и бросится за мной — в дверь юркнешь ты... Ну, что скажешь?

Тас выглядел озадаченным.

— Но нам *не нужно* убегать от него. Я сделаю так, что он станет как шелковый, будет повиноваться каждому моему слову... И, возможно, — вдохновенно добавил кендер, — мы его прихватим с собой!

Ашу передернуло:

— Ну нет. Не думаю, что это блестящая идея.

— Но он в любой момент может пригодиться! — горячо настаивал Тас.

Девушка стала убеждать кендера, что такой спутник был бы весьма неприятен и, вероятно, опасен, но затем она поняла, зачем Тасу нужен «под рукой» призрак, и пошла на хитрость.

— Что подумает о нас Даламар, если мы похитим его призрака, — мрачно произнесла она. — Он разгневется, и гнев его будет справедливым.

— Никто и не собирается похищать его! — испуганно запротестовал Тас. — Я только хочу на некоторое время позаимствовать призрака, показать кое-кому... Хотя, наверное, ты права. К тому же всегда можно вернуться и найти другого бестелесного.

Тас побросал в сумку свои «сокровища», среди которых оказались вещи, ему не принадлежавшие (они, впрочем, тут же вылетели из нее), а затем, держа в вытянутой руке ложку, шагнул к двери.

— Открывай, — сказал он девушке.

— Я? — ойкнула Аша. — Почему я?

— Потому что я должен отважно держать Ложку, — раздраженно пояснил Тас. — Не могу же я открывать дверь и одновременно оставаться хладнокровным.

— А-а... Ну хорошо!

Аша бочком, прильнув к стене, добралась до двери. Затаив дыхание, она взялась за ручку и дернула ее.

Дверь со скрипом открылась. Два бесплотных глаза, сузившиеся от злости, стали медленно двигаться на Таса.

Кендер выставил перед собой ложку, целясь, как ему казалось, прямо в лицо призраку.

— Отстань от нас... Отвяжись! Сгинь! Проваливай... туда, откуда явился. — На этот счет у Таса ясности не было. Он решил, что призрак обитает в Бездне. Хотя, как знать... В любом случае Тас хотел остаться вежливым до конца, боялся ошибиться, чтобы не обидеть призрака. — Нет надобности караулить дверь — поверь. — Получилось в рифму. Тас обрадовался и повторил свои слова еще раз: — Нет надобности караулить дверь — поверь...

Однако призрак без должного внимания и почтения смотрел на реликвию кендеров — Ложку «Где Сядешь, Там И Слезешь». Более того, он вообще на нее не смотрел: бесплотные глаза буравили Таса, и выражение их было самое злое. Кендер почувствовал, как его обволакивает могильный холод, как запрыгала нижняя челюсть. По крайней мере, все внимание призрака фокусировалось на нем, и Аша уже стояла в дверях.

В этот момент глаза начали смещаться в сторону девушки.

— Замри! — крикнул Тас с большей отвагой, чем сам от себя мог ожидать. — Стой, где стоишь! — Эту фразу он слышал однажды от констебля, и она ему очень понравилась.

Но глаза призрака продолжали двигаться к двери.

— Аша, беги! — крикнул Тас.

Девушка не могла. Холод заледенил кровь, сковал суставы и мышцы. Ее колотило, она не могла сделать и шага. Призрак нацеливался на нее своим убийственным взглядом.

Тас не на шутку разозлился: как-никак он сжимал в руке реликвию кендеров. Метнулся за призраком, собираясь ткнуть тому ложку под нос или, по крайней мере, в то место, где он должен был быть.

— Проваливай! — крикнул он.

Немигающие глаза воззрились на Таса, затем на ложку... внезапно расширились, моргнули раз другой и исчезли.

Холод стал ослабевать, дверь на этот раз не закрылась.

Откуда-то издалека донесся звон колокола.

Аша остолбенело смотрела поверх головы Таса.

— Ты видела, как я его! — сам удивляясь произведенному эффекту, проговорил Тас. — Ты видела?

— Видела, — с дрожью в голосе ответила Аша. — У тебя за спиной был человек в черной мантии. Лицо скрывал капюшон. Я не смогла разглядеть...

— Возможно, еще один призрак, — сказал Тас и резко повернулся: — Где он? Сейчас я с ним разберусь.

— Он пропал. Исчез вслед за стражем... когда зазвучал колокол.

— Ну ладно. — Тас был разочарован. — Как-нибудь в следующий раз. Во всяком случае дверь — нараспашку. Мы можем идти.

— Постой. Не торопись! — Аша осторожно приблизилась к двери и, секунду поколебавшись, выглянула. — Ты думаешь, призрак взаправду больше не вернется?

— Никаких сомнений, — небрежно ответил Тас, тщательно вытирая ложку о подол рубахи. Удовлетворенный ее блеском, он сунул драгоценную реликвию в нагрудный карман (чтобы была под рукой) и триумфальной походкой вышел из комнаты.

Аша последовала за ним.

Они оказались на широкой промежуточной площадке. Вверх и вниз уходили ступеньки спиральной лестницы. При их появлении сумрак отступил благодаря мягкому, чуть колеблющемуся свету, источник которого им не был виден. В этом таинственном освещении они обнаружили, что лестница не имеет ни перил, ни ограждения. Самый центр Башни был сквозной, и один неверный шаг мог стать последним.

Тас, рискованно подойдя к краю, взглянул вниз:

— Ох и далеко же лететь.

— Прекрати! — Аша ухватила кендера за рукав и оттащила его к стене. — И куда нам теперь?

— Наверное, вниз? — предположил Тас. — Выход там.

— Надо думать, — хмыкнув, проговорила Аша. По большому счету, ни то ни другое направление особо обнадеживающим назвать было нельзя. Аша оглянулась: ей почему-то вновь хотелось увидеть странную, одетую в черное фигуру.

Комната была пуста.

Медленно, опираясь о стену и держась друг за друга, они начали спускаться.

На своем пути Аша и Тас не встретили никаких препятствий вплоть до нижнего яруса.

Здесь располагались жилые помещения учеников Даламара. Не успели они облегченно вздохнуть после невероятно долгого спуска, как услышали шуршание ряс, шлепанье обутых в тапочки ног, возбужденные голоса. Этаж с комнатами подмастерьев Даламара ярко освещался.

— Что там такое происходит? Может быть — вечеринка?! — Кендер готов был ринуться вниз, но Аша вцепилась в него.

— Это Даламар! Он вернулся! — со страхом проговорила девушка.

— Нет, его голос я узнал бы сразу. Наверняка это всего лишь его ученики. — Тас прислушался к голосам. — Они чем-то взволнованы... Пойду узнаю, в чем дело.

— А вдруг им вздумается вновь запереть нас?

— Пусть так. Будет забавно с ними потягаться, — с энтузиазмом произнес Тас. — Пойдем...

Что-нибудь придумаем. Не можем же мы стоять здесь всю ночь.

— Думаю, ты прав, — отозвалась Аша. — Судя по голосам, там нормальные, обычные люди. Если мы пойдем ни от кого не скрываясь, наше поведение не вызовет подозрения.

Тас с восхищением посмотрел на девушку:

— Знаешь, если бы ты не была наполовину эрд, я бы сказал, что ты наполовину кендер... Это комплимент, — поспешил добавить он. Зачастую после подобной фразы ему мяли бока.

Но Аше, казалось, польстили слова Таса. Она улыбнулась, расправила плечи, вздернула подбородок и зашагала вниз, на свет.

Кендер припустил за ней.

Они чуть не сшибли с ног мага, одетого в красную мантию, с озабоченным видом вывернувшего из-за угла. Появление незнакомцев ошеломило его.

— Что случилось? — спокойно спросила Аша. — Мы можем чем-нибудь помочь?

— Да кто вы такие?.. Что здесь делаете? — возмутился красный маг.

— Меня зовут Аша... — девушка запнулась.

— Маджере, — помог Тас.

— Маджере?! — повторил маг, вытаращив глаза и едва не выронив из рук книгу с заклятиями.

Аша сердито посмотрела на кендера:

— Ну вот... Кто тебя просил называть мое имя!

— Извини. — Тас закрыл ладошкой рот.

— Теперь уже поздно. — Аша картинно вздохнула: — Известность — такое бремя... Ни от кого нет покоя... Но ты будешь молчать, не правда ли? Повелитель Даламар не благоволит болтунам...

— Я — Тассельхоф Непоседа, Герой Копья, — представился Тас, но маг, казалось, совершенно не

замечал его присутствия. Он не отрываясь смотрел на Ашу, глаза его светились глубочайшим почтением и симпатией.

— Обещаю, госпожа Маджере, — тихо проговорил маг, — я ничего никому не скажу.

— Благодарю. — Аша заговорщически улыбнулась, как если бы сказала: *теперь мы связаны одной тайной.*

Красный маг растаял. Тас даже подумал, что молодой человек сейчас осядет, расплывется, превратится в бесформенную массу.

— Вполне возможно, я буду учиться вместе с вами, — продолжала девушка, церемонно осматриваясь. — Я еще не приняла окончательного решения. — Она обернулась и стрельнула глазами в мага. — Но думаю, мне бы здесь понравилось.

— Надеюсь, что да, — смущенно сказал он. — У нас весьма уютно.

— Темно, сыро, и не поймешь, чем пахнет, — критически заметил Тас. — Я бывал в кутузках куда более комфортабельных... Но вам, должно быть, еще и приплачивают?

Красный маг недоуменно заморгал: до него вдруг дошло, что перед ним — кендер... Кендер в Башне Высшего Волшебства! Он нахмурился:

— А что *ты* здесь делаешь? Мой господин никогда бы не позволил...

Аша взяла мага за руку, придвинулась к нему.

— Мы были в гостях у повелителя Даламара. Затем заснули. Нас разбудили удары колокола. Мы подумали, что может быть...

— Пожар! — выручил Тас, видя, что Аша запуталась. — Неужели и *вправду* пожар? Неужели от нас останутся только угольки? Поэтому вы бьете в колокол?

— Бьем в колокол? — Красный маг явно не понимал, о чем идет речь. Затем словно очнулся. — Колокол!.. Серебряный колокол! — Я... я должен идти! — Он резко повернулся, но Тас успел ухватиться за него.

— Так *это* пожар?

— Нет, — раздраженно ответил молодой маг. — И отцепись от меня... а это положи на место! — Он выхватил из рук Таса свиток, который едва не перекочевал в его сумку.

— Нужная вещь, — серьезно сказал Тас. — Ты, должно быть, потерял ее... Слышишь... Опять колокол! Наверное, пожар усиливается!

— Нет никакого пожара. Звон серебряного колокола означает, что кто-то проник в Шойканову Рощу... Мне нужно идти, — снова сказал красный маг, не в силах оторвать глаз от Аши. — Оставайтесь на месте — здесь вам ничего не угрожает.

— Шойканова Роща, — задумчиво произнес Тас. — Скелеты утянут их под землю!.. Но я же в состоянии помочь! — осенило кендера.

Он решительно достал из кармана серебряную ложку и, прежде чем Аша и красный маг смогли остановить его, устремился к выходу из Башни.

20. Через Шойканову Рощу

отвратительные, мерзкие голоса бессмертных стражей затихли, но под гниющей листвой в нетерпении шевелились их руки, готовые вцепиться в жертву и увлечь ее в прожорливый могильный мрак. Угрожающе возвышались мрачные деревья, которые, казалось, все же не собирались чинить препятствий рыцарю и магу.

Плечом к плечу они вошли в Рощу. Двигались с трудом, продираясь сквозь утыканный колючками кустарник, задыхаясь от невыносимого ядовитого запаха разложения и тлена. Вне Рощи земля была выжжена, покрыта толстым слоем пыли, а здесь под ногами все хлопало, булькало и чавкало. Взвешенная в холодном воздухе влага едкой испариной оседала на лице и шее. Каждый шаг сопровождался шепотом мертвецов, полным ненависти и жуткого вожделения, становился преодолением неотвязного страха и ужаса.

Стил, с оголенным мечом, шел первым, максимально настороже, готовый в любой момент пустить в ход оружие. Палин, освещая посохом дорогу, следовал за ним. Воображение могло обманывать его, но ему казалось, что руки мертвецов-скелетов моментально исчезали, едва на них падал свет от кристалла.

Они шли уже целую вечность, ибо страх превращал секунды в часы, а часы — в годы. Наполненная зловещим шепотом темнота, зловоние, перехватывающее дыхание, ледяющий холод, от которого ныли кости и немели члены, — все это невероятно изматывало, забирало силы без остатка.

Стало еще более сыро. Ходьба давалась чрезвычайно трудно. Стил в своих тяжелых доспехах по щиколотку увязал в пузырящейся жиже. Уже очень скоро он почувствовал усталость, ноги от чрезмерных усилий горели. Попытки выйти на более твердую почву ни к чему не приводили. Шаг за шагом ноги засасывало все больше. В конце концов, изнуренный борьбой с трясиной, он остановился, чтобы хоть чуть-чуть перевести дыхание. Бросил взгляд назад. Глубокие следы, что он оставлял за собой, наполнялись кровавой жижой.

Палину ходьба доставляла меньше трудностей, однако он страдал от удушья. Он задыхался, захлебывался затхлым воздухом, словно вода заполнявшим легкие. В глазах мелькали красные точки. Испытывая сильное головокружение и едва не теряя сознание, Палин остановился в двух шагах от рыцаря.

Мертвецы словно этого и ждали.

Из черной смердящей хляби показались полустлевшие руки. Стил почувствовал, как его ухватили за голени. В следующее мгновение он начал медленно погружаться в трясину. Рыцарь с криком взмахнул мечом. В свете кристаллов молнией сверкнул клинок. В сторону полетели отсеченные конечности. Взмах следовал за взмахом, но вместо обрубленных рук к нему тянулись все новые. Стил проигрывал схватку, все больше и больше погружаясь в кишащее мертвецами болото.

Палин попытался помочь. Он хотел произнести заклятие, но не мог — смрадные испарения душили его. В отчаянии Маджере пустил в ход посох.

Захрустели, затрещали кости.

Ободренный, Палин продолжал крушить скелеты и внезапно ощутил, что дышится ему намного легче. Стил, почувствовав поддержку, с удвоенной энергией заработал мечом и вскоре обнаружил, что может свободно двигать ногами.

— Держи! — крикнул Палин и протянул рыщаю посох.

Стил взмахнул рукой.

В этот сзади в шею Палину впились костлявые пальцы, все тело пронзила боль. Руки на мгновение парализовало, и посох упал на землю. Магический кристалл померк.

Со всех сторон подступила густая, осязаемая темнота. Палин сделал попытку стряхнуть с себя упыря, но ничего не вышло. Его вдруг осенило: он вспомнил, как братья обучались рукопашному бою. Ему ясно представилась картина: Танин захватывает сзади Стурма, а тот, чтобы высвободиться, толкается назад и падает на Танина; руки его расцепляются, и в выгодном положении теперь Стурм.

Палин рухнул спиной на землю и сразу почувствовал, что избавился от хватки на горле. Некоторое время он, учащенно дыша, не двигался — не было сил, хотя знал, что нельзя останавливаться ни на минуту. В непроницаемой тьме он внезапно увидел яркую точку, которую принял за звезду, но потом понял, что это сверкает амулет на шее Стила.

— Шевелись, Маджере, — проговорил Стил, протягивая для помощи руку. — Пока они отступили...

Палин встал на колени и начал шарить в листве.

— В чем дело? Ты ранен? — спросил Стил.

— Посох... Где он? Я не могу его найти!

— Быстрее, маг! — торопил Стил.

Держа наготове меч, он прикрывал собою Палина.

— Нашел! — облегченно выдохнул Палин. Стоило ему взяться за реликвию, как кристалл засветился вновь. Оперевшись на посох, Палин поднялся на ноги...

В следующий миг они увидели перед собой Башню Высшего Волшебства.

Возведенная с помощью магии, Башня вонзалась в маслянисто-черное ночное небо. Свет всех трех лун падал на величественное сооружение. Сложенные из черного мрамора стены тускло мерцали в лучах Солинари. Красный свет Лунитари играл на багрового цвета шпилях Башни. Над балконом, с названием «Дорога к Смерти», над крышей грандиозного строения парила таинственная Нуитари (особый страж Башни), которую могли видеть только чародеи черной магии.

— Мы дошли! — с нотками ликования в голосе произнес Палин.

Долгожданный момент настал. Палин едва не бросился со всех ног к тому, что являлось целью их трудного и опасного путешествия, но чувство осторожности, самосохранения возобладало над беспечностью и безоглядностью.

В лунном свете Солинари и Лунитари они вместе приблизились к чугунным воротам.

Запоры на них отсутствовали, но ни Стил, ни Палин не торопились открыть створы, обильно покрытые странной, сверхъестественной влагой Шойкановой Роци.

Никто и ничто не нарушало тишину ночи. Ни в одном из окон Башни не горел свет. Но это вовсе не означало, что за ними не наблюдают, не следят.

— Чего же ты ждешь, Маджере? — спросил рыцарь, по-прежнему не выпуская из руки меч. — Это по твоей части. Действуй.

Палин не мог не согласиться со Стилиом. После его толчка ворота гостеприимно распахнулись.

Внутренне торжествуя, Палин бросил победный взгляд на Стила: теперь он пойдет первым.

— Добро пожаловать в Башню Высшего Волшебства.

— Это просто дьявольское везение, — ехидно пробормотал рыцарь, не расслабляясь, оставаясь все так же настороже.

Они вошли в ворота, и их глазам предстали многочисленные цветочные клумбы. Это был весьма необычный сад: цветы и травы, в нем произраставшие, использовались в магических священнодействиях. Самое благоприятное время для роста, цветения и созревания растений приходилось на ночь, когда невидимые лучи Нуитари проливались на клумбы благодатным дождем. За садом ухаживали ученики Даламара.

Воздух был перенасыщен сладковато-приторной смесью ароматов паслены и мертвой лилии, черных орхидей и руты, омелы и черных роз, мандрагоры, мака, белены.

— Ни к чему не прикасайся, — предупредил Палин, когда они шли между клумб по вымощенной дорожке сада.

— Думаешь, я собираюсь нарвать букет? — язвительно отозвался Стил. Все же перед лилией, являвшейся символом их ордена, он задержался и чуть заметно отсалютовал...

Палин стоял у крыльца, ведущего в Башню, и высматривал дверной колокольчик... И тут он увидел их.

Повсюду.

Немигающие глаза... Одни глаза.

Ничего, кроме глаз и рук.

Страшных рук... Рук смерти.

— Что это? — спросил Стил, вставая у Палина за спиной.

— Стражи Башни, — ответил маг. — Не давай им приближаться...

Но они надвигались. Их было не менее сотни — холодных, белых, жадных глаз.

— Во имя Бездны, Маджере!.. Как мне их остановить?! — Стил прикрывал спину Палина, а маг — спину рыцаря. — Сделай что-нибудь! Скажи что-нибудь!

— Я — Палин Маджере, — громко произнес маг. — Прочь с дороги! Маджере... Маджере... Маджере...

Эхо, отразившись от стен Башни, разнеслось по саду и превратилось в надтреснутый издевательский смех.

Палина передернуло. Стил закрипел зубами, лицо покрылось холодным потом.

Призраки подступали. Руки со скрюченными пальцами были уже совсем близко. Одно-единственное прикосновение — и кровь застывает, остается сердце.

— Именем Чемоша... прочь! — зарычал Стил.

Но глаза лишь еще сильнее засверкали — свирепо, алчно, плотоядно.

— Я бы не стал еще раз упоминать Чемоша, — тихо посоветовал Палин. — В Башне почитают только одного бога...

— Ну так сделай же что-нибудь, маг! — огрызнулся рыцарь.

— Я пришел к Даламару, — в отчаянии стал объяснять Палин. — Я пришел к вашему господину...

— Ложь... ложь... ложь... — донесся из темноты шепот невидимых ртов.

Стражи-призраки плотным кольцом окружили рыцаря и мага, стоявших спина к спине. Палин держал наготове посох, Стил побелевшими от напряжения руками сжимал меч. Свет, исходящий от кристалла, становился все более и более тусклым. Стил рубанул ближнего из призраков, но меч лишь со свистом рассек темноту. Кольцо сужалось.

— Дядя! — крикнул Палин. — Я пришел к тебе! Мне нужна твоя помощь!

Входная дверь Башни открылась. Палина бил озноб, вызванный отчаянным сопротивлением страху, растерянностью и, одновременно, — решимостью принять последний бой.

— Дядя? — крикнул еще раз Палин в зияющий чернотой дверной проем.

— Не двигайтесь, — послышался голос. — Оставайтесь на месте. Я иду... Я спасу вас...

Прошло еще несколько мгновений, и из Башни выбежал Тассельхоф Непоседа.

21. Родственники. Назад в Башню

— Дядя Тас?! — воскликнул пораженный Палин.

— Насколько я понимаю, это вовсе не тот дядя, которого ты имел в виду, — с мрачной иронией произнес Стил.

— Нет, — отвечал маг, совершенно сбитый с толку. — Я никогда бы...

— Сейчас... сейчас! — Кендер никак не мог отдышаться. Он стоял на крыльце Башни, размахивая каким-то блестящим предметом. — Не волнуйтесь...

— Не подходи к нам близко, Тас! — предостерегающе крикнул Палин. — Назад! Назад!..

— Да нет же. Нет... Ты не понимаешь... Теперь вам ничего не грозит, — пролопотал Тас и ринулся в самую гущу призраков.

В тусклом свете кристалла Палин разглядел в руке у кендера ложку.

— Сгиньте, гнусные твари! — произнес Тас, стараясь говорить басом, подражая, как ему казалось, голосу жреца в храме. — Он так усердно махал рукой, что, потеряв равновесие, едва не распластался на земле. — Прочь, я говорю! Прочь!.. Проваливайте! — повторял он.

— Похоже, нам конец, — проговорил Стил.

— Нет, — возразил Палин, наблюдая за поведением стражей. — Отнюдь нет.

Глаза и руки призраков исчезали, их становилось все меньше и меньше, пока они не пропали вовсе. Путь в Башню был свободен.

Посох освещал раскрасневшееся лицо кендера, с восторгом державшего перед собой «реликвию».

— Магическая Ложка «Где Сядешь, Там И Слезешь»! — Голос Таса благоговейно дрожал.

Палин хотел как следует рассмотреть предмет поклонения, чтобы убедиться в его магических свойствах, но Тас сунул ложку в карман и приветственно протянул руку Стиллу.

— Здравствуй, — вежливо произнес он. — Меня зовут Тассельхоф Непоседа. Для друзей я просто «Тас»... Вот разве что Палин... он один зовет меня «дядя Тас», хотя, конечно, я не являюсь его родственником. Так... друг семьи. Когда они были совсем маленькими, то звали меня «дедушка». Потом мальчики подросли, и как-то мы решили, что «дедушка» звучит довольно глупо и нелепо. С тех пор я стал для них «дядей»... У меня тоже был дядюшка, Пружина. Это от него мне досталась Ложка... Как внушительно смотрятся твои доспехи. Череп, мертвая лилия... Знаю! Ты, должно быть, рыцарь Такхизис. Я слышал кое-что о вас. Мне никогда прежде не приходилось сталкиваться с Черным Рыцарем. Невероятное везение... Я уже сказал, что меня зовут Тассельхоф Непоседа?..

— Мне не о чем говорить с кендером, — отрезал Стил.

— Даже с тем, который спас тебе жизнь? — тихо спросил Палин.

Стил бросил хмурый взгляд на Таса, затем сделал чопорный полупоклон:

— Стил Светлый Меч...

— О, я тебя знаю! Палин мне рассказывал!.. Ты — сын Стурма. Мы с ним были хорошими друзьями.

Тас кинулся обниматься, но рыцарь, вытянув руку, остановил кендера.

— Может быть, я и обязан тебе жизнью, — холодно произнес он. — Это мой долг, и я верну его. Но мне не нравится, когда под ногами все время крутится кендер. Советую держаться подальше. — С этими словами рыцарь оттолкнул Таса назад.

Он бы непременно растянулся на земле, если бы Палин не поддержал его.

— Я совсем забыл, — громким шепотом, как бы оправдываясь, проговорил Тас. — Ведь его мать — Китиара!

Палин хотел обстоятельно объяснить Тасу, что в интересах его же здоровья оставить рыцаря в покое, не докучать ему своей болтовней, не лезть на глаза... но в этот момент из Башни донесся женский голос:

— Тассельхоф, ты где? Куда тебя унесло?

Палин, невольно затаив дыхание, уставился на вход. Если в присутствии призраков кровь стыла у него в жилах, то теперь его бросило в жар.

В дверях показалась чудесной красоты девушка. Необычайно привлекательное лицо окаймляли светлые, цвета серебра, волосы. Большие золотистые глаза лучились таинственностью, манили, притягивали. На ней была вызывающе-яркая одежда, которую ни одна благовоспитанная дама Палан-

таса на себя не надела бы. Удивительно, но ей она очень даже шла. Девушка была столь прелестна, будто явилась с другой планеты.

— Благословение богам! — с облегчением в голосе продолжала она. — Я нашла тебя, Тас! Пойдем скорей отсюда.

Сойдя с крыльца, она вдруг заметила Стила и Палина.

— Кто эти господа? — мгновенно насторожившись, спросила она.

— Мои друзья, — не задумываясь, сказал Тас. — Это Стил Светлый Меч, сын Стурма, который был Соламнийским Рыцарем... и одним из моих лучших друзей. Я знал и его мать, Китиару. Правда, мое знакомство с ней иначе как поверхностным не назовешь... А это Аша...

— Очень приятно, сударыня, — промямлил Палин, сраженный красотой девушки. К огорчению мага, взгляд ее был обращен на Стила; она как будто даже пыталась улыбаться ему!

Рыцарь, не обращая на девушку никакого внимания, настороженно косился на темные глазницы окон Башни.

Улыбка сошла с лица Аши, когда она как следует разглядела воина.

— Они были похожи на вас. — Голос девушки вибрировал от негодования. — Обращались с нами так, как обращаются с налипшей на обувь грязью. Зачем вы вторглись в нашу жизнь? Мы никому не делали зла.

Стил повернулся к Аше, в глазах читалось любопытство.

— Откуда ты, госпожа? Из Каламана? Он в самом деле капитулировал?

Аша не знала, как ответить.

— Нет, не из Каламана, — после паузы сказала она. — Но из тех мест... — Она несколько сникла, но затем ее голос вновь набрал силу. — По какому праву вы явились на нашу землю?

— Не сомневаюсь, госпожа: тебе кажется, что с вами поступили несправедливо, но, в сущности, все делалось для вашего же блага — во имя дальнейшего развития и процветания, — тоном, не терпящим возражений, произнес рыцарь. — Я не собираюсь ничего объяснять, поскольку ты все равно меня не поймешь. — Внимание его снова было поглощено Башней. — Маджере, если ты не забыл, нам кое-что предстоит... — сказал он.

— Я помню, — отозвался маг.

— Как твое имя? — спросила девушка и залилась румянцем под откровенно восторженным взглядом молодого человека.

— Палин Маджере, — просто ответил он. — А твое, госпожа? Я не расслышал сразу...

— Аша, — с улыбкой сказала девушка.

— Аша *Маджере!* — воскликнул Тас, не на шутку разволновавшись. — Ну не здорово ли это!.. Аша — дочь Рейстлина. Это я ее нашел!

— Нет! — вырвалось у потрясенного Палина.

— Что? — Девушка в испуге отступила от мага. — Что такое?

— Но ведь я... я — племянник Рейстлина. Карамон Маджере — мой отец и, следовательно, твой дядя. Выходит, мы родственники, — горько заключил Палин, — двоюродные *брат и сестра*.

— И что из этого? — не поняла Аша. — Брат и сестра — что в этом ужасного? — Она снова улыбнулась Палину.

Улыбка ослепила молодого человека. Он почувствовал себя так, словно оказался в сверкающем, из звездной пыли облаке.

— Их отцы были близнецами, — не удержался от комментария Тас.

— Ну, если с родословной теперь все более или менее ясно, — едко проговорил Стил, — возьму на себя смелость еще раз напомнить тебе, Маджере, что нам нужно уладить одно весьма важное дело. И время не ждет.

— Вы идете в Башню? — крайне удивленно спросила Аша.

— А мы только что оттуда, — живо сказал Тас и не без гордости добавил: — Даламар держал нас в заточении.

— С какой стати Даламар станет держать вас у себя? — изумился Палин.

— Какое это имеет значение?.. Вы прошли через Рошу? — уходя от ответа, спросила Аша. Глядя прямо в глаза Палину, она взяла его за руку. — Красный маг сказал, что проникшие в Шойканову Рошу должны обладать незаурядной магической силой. — Приблизившись вплотную к молодому человеку, Аша зашептала ему на ухо: — Вы могли бы вывести нас отсюда...

Рука девушки была гладкая и нежная, ее прикосновение будоражило кровь.

— Госпожа, я не могу пренебречь нашими планами, — извиняющимся тоном произнес Палин. — Я должен довести начатое до конца... Тебе же не следует идти через Шойканову Рошу — это слишком опасно. Мы едва уцелели. — Маг повернулся к Тасу: — Почему Даламар держал вас у себя?

— Потому что она — дочь Рейстлина, — тут же ответил кендер.

Ну конечно! Палин и сам догадывался об этом. Несомненно, Даламар хотел бы избавиться от дочери Рейстлина. Уж не *Аша* ли стала причиной того, что голос дяди так настойчиво вел его сюда, подумал Палин. Возможно, дяде нужен был человек, который проводил бы к нему его дочь?

Почувствовав укол ревности, маг отстранил руку девушки. Она нравилась ему, но в то же время он ревновал ее к дяде.

Аша ощутила неожиданную перемену в поведении Палина. От него, словно от призрака, повеяло холодом. Подавшись назад, она недоуменно, с испугом в глазах смотрела на молодого человека.

— Ты не хочешь помочь нам выбраться отсюда? — обиженно проговорила она. — Прекрасно. Справимся и без твоей помощи.

— Постой, Аша, не кипятись, — с чувством произнес Палин. — Твое появление здесь было обусловлено...

— Неужели этого захотел Рейстлин? — живо высказал предположение Тас. — Я думал, он мертв... А ты как думаешь, Палин? Похоже, ты так не считаешь... Потому-то вы сюда и пришли! — Кендер закатил глаза.

— Маджере... — Стил начал терять терпение.

— Идем, идем! — Палин взял Ашу за руку и шагнул к Башне. — Мы поговорим с Даламаром...

— Но его сейчас нет! — вырываясь, воскликнула девушка. — Он куда-то исчез.

— Он отправился в Вайрет, в Башню Высшего Волшебства, — подсказал Тас. — На совет магов... Я один раз присутствовал на нем... Рассказывал ли я, как Пар-Салиан превратил меня в мышь?..

— Значит, Даламара нет... — пробормотал Палин.

«Я возьму Даламара на себя» — так обещал Рейстлин.

Да, дядя держал слово, если только это не было просто совпадением. Какую цель он преследовал? Что из всего этого могло выйти?

— Нам нужно торопиться... пока не вернулся Даламар... — Палин решительно шагнул на крыльцо.

В дверях, загородив собой проход, стоял красивый маг.

— Вы двое — что вы здесь делаете? Как вы прошли через Рошу? И где все стражи?

Палин не умел лукавить, но в данный момент откровенность только навредила бы. Впрочем, он и слова не успел сказать, как его опередил Тас.

— Их пригласил Даламар, — важно заявил он. — Что же касается стражей, то я их прогнал... с помощью вот этого. Она называется «Где Сядешь, Там И Слезешь».

С этими словами кендер сунул под нос изумленному магу свою драгоценную реликвию.

Тот подозрительно покосился на ложку. Взглянул на Палина, Стила, обвел глазами пустой, никем не охраняемый двор и сад. Объяснение звучало очень неубедительно. Лицо мага выражало по меньшей мере сомнение, хотя в действительности он был решительно сбит с толку.

— Вас пригласил Даламар?.. Белого мага и черного рыцаря?

— Не правда ли, очень гармоничное сочетание? — продолжал блефовать кендер. — Как бы иначе они могли пройти через Рошу, если бы Даламар сам не хотел этого?!.. А теперь — позволь

отклоняться. Дайте нам дорогу, дружище. Мы поднимемся в апартаменты Хранителя. — Тас оглянулся на Палина. — Вы ведь к нему идете? — громко прошептал он.

Красный маг нахмурился. Стил недобро сверкал глазами. Меч покоился в ножнах, но руку с эфеса рыцарь не убирал.

— Я — Стил Светлый Меч, слуга Такхизис. У меня поручение. Повелитель Даламар *не...*

— Не ожидал, что мы придем так скоро, — закончил фразу Тас. — Скажи своему брату, чтобы он молчал. Мага я берусь заговорить, — зашептал кендер Палину.

Жестом приглашая следовать за ним, Тас уверенно направился ко входу.

— Мы подождем Даламара у него в комнате. Попьем тарбинского чайку... Пойдем, Аша.

Стил двинулся за кендером. Однако Аша, нервно сцепив перед собой руки, с места не трогалась.

— Я только что оттуда, — протестовала она, — и у меня нет никакого желания возвращаться.

Красный маг насторожился.

— Госпожа, ты же сказала, что собираешься в ученики к Даламару... Что все это значит?

— Я... я еще точно не решила, — ответила Аша. — Нужно все обстоятельно обдумать... и где-нибудь в другом месте! А если говорить о магии — думаю, мне нет необходимости еще чему-то учиться. С меня достаточно того, что я уже умею.

— Аша... — начал Палин, но рыцарь не дал ему договорить.

— Пусть уходит. Мы только попусту тратим время, — сказал он, увлекая Палина за собой.

Молодой маг сердито стряхнул с себя руку рыцаря.

— Она сгинет в Роще, какими бы ни были ее познания в магии. Кроме того, — уже тише добавил он, — вполне вероятно, девушка имеет прямое отношение к тому, что мы здесь.

— Что?... Это еще почему? — Стил без всякого интереса взглянул на Ашу.

— Если она на самом деле дочь Рейстлина, вероятно, он хочет встретиться с ней.

Стил пристально посмотрел на Палина.

— Может быть, Рейстлин хочет видеть дочь, а не племянника. — Рыцарь пожал плечами. — Возможно, ты прав. Мне, собственно, все равно. Давай захватим ее с собой. Лишь бы он открыл Врата.

Палин подошел к Аше.

— Ты не можешь уйти, — сказал он. — Доверься мне. Пойдем с нами. Мы что-нибудь придумаем.

Девушка не сводила с Палина своих золотистых глаз. Взгляд был холоден, но маг догадался, что за этой холодностью — испуг и растерянность, страх заблудившегося ребенка.

— Хорошо, я иду с *тобой*... но ты должен защищать меня.

Защищать ее! Чего бы только он не сделал ради нее!.. В душе у Палина царило смятение, пробуждались чувства и желания, которых он прежде никогда не испытывал. Во что бы то ни стало он войдет в Бездну...

Красный маг, очевидно, взвесив все «за» и «против», решил, что, так или иначе, будет лучше, если вся эта странная компания дождется Хранителя в его апартаментах.

— Я провожу вас наверх, — сказал он. — Я не могу вас оставить одних.

Рыцарь переглянулся с магом: нет, это их не устраивало, они должны найти Врата до того, как появится Даламар.

— Спасибо, но это совсем не обязательно, — вежливо возразил Тас. — Дорогу мы знаем. Палин и прежде бывал у Даламара, он его близкий друг.

На лице красного мага отразилось недоверие.

— Неужели вы его не узнали? — воскликнул кендер. — Это же Палин Маджере — племянник Рейстлина!.. Аша — дочь Рейстлина. А вот он, — Тас указал на Стила, — наполовину его племянник... если только я не ошибаюсь. — Тас свел на переносице брови. — Дайте сообразить: Китиара была единокровной сестрой Рейстлина... да, в таком случае Стил лишь на четверть племянник...

— Вся семейка в сборе, — проворчал рыцарь и, оттолкнув в сторону ученика Даламара, шагнул в Башню.

Красный маг не стал подниматься наверх, рассудив, что можно вполне положиться на бдительность призраков.

Стражи и в самом деле безмолвно следовали за настырными пришельцами до дверей жилища их господина.

— Они нас будут неусыпно караулить, — сказал Палин, когда компания очутилась в апартаментах Даламара. За лабораторией также постоянно присматривают. Даже Хранитель не имеет права в нее входить. Никто не переступал ее порога с тех пор, как мой дядя...

Палин осекся: Посох Магиуса, который он держал в руках, хранился в лаборатории; кто-то все же побывал в ней.

— Насчет стражей можно не волноваться, — заверил Тас. — С нами....

— Магическая реликвия кендеров. Знаем, знаем... — Палин вздохнул: какая все-таки несусветная чушь — «где сядешь, там и слезешь». — Послушай, дядя Тас, — у тебя в руках обыкновенная столовая ложка...

Внезапно Палин увидел, что в дальнем конце комнаты стоит маг в черной мантии. Ничего удивительного в этом не было, учитывая то место, где они находились. Но седые волосы, золотистая кожа, песочного цвета глаза — все свидетельствовало о том, что перед ним...

— Дядя... — Язык у Палина прилип к небу.

Рейстлин быстро сделал знак: молчи. Песочного цвета глаза на миг задержались на кендере, и затем видение растаяло в воздухе.

— Ты утверждаешь, что это обычная ложка? — Тас прервал свое немое любование реликвией.

Палин огляделся: видел ли еще кто-нибудь дядю? Похоже, нет.

Стил осматривал комнату: постукивал по стенам, заглядывал за гобелены, надеясь найти потайной выход; полусонная Аша, подобрав ноги, сидела в кресле и грустила; Тас от избытка чувств поглаживал свое сокровище.

— Она *не может* быть обычной! — нарушил он молчание. — Это настоящая реликвия, преподнесенная моему дяде самой Мишакаль... Или Реорксом? Забыл... В любом случае, ты же сам стал свидетелем ее магической силы...

«Нет, — подумал Палин, — Рейстлина никто, кроме меня, не видел». Значит, он приходил к нему, Палину. Усталости, огорчения и разочарования

как не бывало. Он проникнет в лабораторию, препятствий к этому почти не осталось. *И для него отмыкнутся двери...* «Это о Рейстлине, — подумал Палин. — Откуда эта строчка?»

— Дай-ка я еще раз на нее взгляну, — обратился Палин к кендеру. Никакого сомнения: ложка Таса ничем не отличалась от тех, что лежали на столе.

— Пожалуй, ты прав, Тас, — тихо проговорил Палин. — *Это действительно* магическая вещь.

22. Подозрения. Самосозерцание. Лаборатория Рейстлина

Они шли в лабораторию. Впереди всех с ложкой шествовал Тас. Присутствие кендера сильно раздражало Стила. Его злило, что Палин согласился взять его с собой...

— Только в руках кендера Ложка может проявить свои магические свойства, — с улыбкой сказал маг.

— Мы оба прекрасно понимаем, что все это бред сивой кобылы, — сердился рыцарь.

— Но ты же видел, как она действует на призраков, — гнул свою линию Палин.

— Видел?.. Ты просто хочешь, чтобы я так думал.

— Мы за ним присмотрим, — успокаивал Стила маг. — Он все равно увязался бы за нами. У гномов есть поговорка: никогда не поворачивайся к кендеру спиной.

— Да неужели? — Стил был серьезен. — А я думал, она звучит иначе: никогда не поворачивайся спиной к магу!

Глаза призраков какое-то время мерцали в опасной близости, но потом вдруг пропали. Столовый прибор не мог иметь никакого отношения к их исчезновению, и Стил это знал. Более того, он был абсолютно уверен, что знает это и Палин. С чего вдруг этот внезапный порыв: немедленно

отправляемся в лабораторию! И куда только подевались его сомнения и страхи? Откуда это спокойствие и уверенность в себе?.. Что-то произошло. Но что?.. Может быть, он только притворяется таким неискушенным? Может быть, эта золотоглазая девица играет какую-то особую роль в его интриге? Не заманивают ли они Стила в ловушку? «Нет, меня на мякине не проведешь, — думал рыцарь. — Я не настолько наивен, чтобы доверять магу».

Держась одной рукой за стену, они поднимались все выше и выше. Никто им не препятствовал, никто не пытался их задержать. Возможно, они были одни в Башне.

Таинственная, имевшая дурную репутацию лаборатория располагалась почти под самой крышей. Единственные уцелевшие Врата в Бездну находились именно там.

Очевидно, там...

— Расскажи мне об этих Вратах, Маджере, — попросил Стил.

— Я знаю очень немного, — неохотно ответил Палин.

— Давайте я расскажу! — воскликнул Тас.

Стил проигнорировал слова кендера.

— Ты же маг, Маджере, и наверняка посвящен во все эти были и небыли.

— Я знаю историю их возникновения, — уклончиво сказал Палин.

— А я мог бы многое рассказать, — многозначительно проговорил Тас. — Хотите?

— Не нужно, — осадил кендера Стил. — Я любопытствую по той причине, что войти во Врата нам предстоит вместе, — добавил рыцарь, наблюдая за реакцией Палина.

В свете кристалла было хорошо видно плавающее лихорадочным румянцем лицо мага, заметно крайнее его возбуждение.

Поймав на себе взгляд рыцаря, Палин отвел посах, чтобы лицо его оставалось в тени.

«Определенно, он что-то еще замыслил, — подумал про себя Стил. — Нужно не спускать с него глаз».

— Так мы собираемся в Бездну? — спросил Тас, и на этот раз в его голосе не чувствовалось присущей большинству кендеров готовности — безоглядно ринуться навстречу неизвестному. — Надеюсь, вам известно, что это место не из приятных... По большому счету — нет ничего ужаснее. Я не уверен, что составлю вам компанию.

— Тем лучше, — проговорил Стил. — Тебя в общем-то никто туда и не звал... Так что ты можешь рассказать, Маджере?

— Хотя бы просто говорите, — произнесла Аша. — Будет не так страшно идти.

Они продолжали подъем, пока не очутились на просторной площадке, где все как один остановились, чтобы отдышаться, расслабить ноги, которые сводило от напряжения. До лаборатории оставалось еще порядком. Свет факела высоко вверх обозначал ярус, на котором она находилась. Они уселись на полу, вытянули ноги.

— То, что я знаю, — сущий пустяк, — пожал плечами, проговорил Палин. — Прежде в каждой из пяти Башен Высшего Волшебства имелись такие Врата. Чародеи пользовались ими для сообщения друг с другом, чтобы не растрачивать свою магическую силу на простое передвижение в пространстве.

Чародеи и представить себе не могли, что, со-
здав Врата, они открыли способ выхода в иную
пространственную и временную реальность. Одна-
ко об этом стало известно Королеве Такхизис. Она
и ее злые драконы, пойманные и удерживаемые
Паладайном в Бездне, решили воспользоваться
этими Вратами. К сожалению, влияние Паладайна
и его добрых драконов не распространялось на
чародеев.

Такхизис удалось найти среди них такого мага,
который не устоял бы перед искушением. Она
приняла облик прекрасной дамы и стала являться
ему в снах до тех пор, пока не завладела его
душой, сознанием и сердцем. Черный маг дал
обет, что отыщет женщину и она будет принад-
лежать ему.

«Я узница другого измерения, — сказала Так-
хизис магу, — но ты можешь вызволить меня. Для
этого ты должен открыть Врата и войти в Бездну.
Пусть мой образ все время будет у тебя перед
глазами. Я стану твоим проводником...»

Палин внезапно смолк. Его последние слова
повисли в воздухе.

Я стану твоим проводником...

Молодой человек смертельно побледнел.

— И что случилось с чародеем? — спросила
Аша.

— А я знаю... — похвастался Тас.

Палин, откашлявшись, продолжал:

— Обуреваемый страстью маг открыл Врата и
вошел в Бездну. Что с ним случилось — не известно;
назад он не вернулся... А Такхизис вырвалась вмес-
те со своими драконами на просторы Кринна. Как
гласит легенда, именно ее освобождение стало при-
чиной Первой Войны Драконов.

Доблестный Соламнийский Рыцарь Хума дворил обратно Темную Воительницу. Чародеи, чувствуя за собой вину, попытались наглухо запечатать Врата. К несчастью, в период Войны Драконов маги, созидавшие эту волшебную конструкцию, сложили свои головы в битвах. Накопленные знания и магическую мощь, секреты и тонкости строительства они унесли в могилу. У тех, кто выжил, волшебной силы хватило лишь на то, чтобы ограничить доступ к Вратам. Войти в Бездну стало возможным только при соблюдении особого условия: если появится пара, состоящая из черного мага и белого жреца. Чародеи полагали, что такое союзничество абсолютно невозможно и поэтому во Врата никто и никогда не войдет.

В период возвышения Истара, когда маги подвергались гонениям со стороны церкви, три Башни из пяти были разрушены. Чародеи, обитавшие в Башне Палантаса, согласились покинуть ее и перебраться в Вайрет, если им пообещают не препятствовать заниматься магией. Король-жрец дал им такое обещание. Однако прежде, чем Башня опустела, Врата были перенесены в крепость, расположенную на мысе Череп. Маги решили, что там их никто не найдет.

— А я нашел! — вскричал Тас. — Ну, или почти нашел... Так получилось, что я оказался в компании братьев-близнецов. Именно тогда Рейстлин и Крисания — черный маг и белый жрец — шагнули в Бездну. Темная Воительница едва не погубила Крисанию. Жрица ослепла и только благодаря Карамону смогла выбраться из Бездны. Рейстлин слишком поздно понял, что Такхизис рвется сюда, в наш мир, и чем это чревато. Тогда он решил пожертвовать собой: остаться в Бездне и

держат Врата на запоре... Карамон считает, что брату за его жертву дарован мир, покой и вечный сон. Но это означало бы, что его нет в Бездне... Выходит, мы идем на поиски Рейстлина, Палин? — в волнении воскликнул Тас. — В таком случае, — в порыве великодушия добавил он, — так и быть — я с вами! Мы были добрыми приятелями — я и Рейстлин — вплоть до того дня, когда он убил Гнимша, гнома-механика. — Голос кендера посу-рвел. — Этого я никогда не мог ему простить.

— Так вы собираетесь на поиски Рейстлина Маджере? — не глядя на Палина и нервно теребя кайму своей туники, спросила Аша.

— Нам еще нужно попасть в лабораторию, — веско заметил Палин. — Слишком рано говорить о каких-то поисках.

— Ко всему прочему, среди нас нет ни черного мага, ни белого жреца, — мрачно обронил Стил. — Это значит, что у нас нет шанса проникнуть в Бездну... и его *не было* с самого начала, маг! — Рыцарь вскочил на ноги. — Ты обо всем этом прекрасно знал. Что за игру ты ведешь? Может быть, ты что-то не договариваешь?

— Никакой игры, — тихо сказал Палин. — Я предельно откровенен. — Он взглянул на Стила: — Я не знаю, как туда попасть...

— Нет, знаешь... иначе бы ты не сидел сейчас здесь. На что ты рассчитываешь?

Палин, опершись на посох, поднялся с пола.

— Стил, я дал тебе слово, что не удеру.

— Слово чародея скользкое, как угорь, — с усмешкой произнес рыцарь.

— Только не слово Маджере, — с достоинством проговорил Палин. — Ну что, двинулись дальше?

Они продолжали подъем. Чувствовали, что за ними следят, но этим пока все и ограничивалось.

Каждый шаг был для Палина напоминанием о том времени, когда он держал здесь Испытание, по словам Даламара являвшимся чистой воды иллюзией. Так ли это? Все казалось реальным. В сущности, Испытание просто не могло представляться блефом тому, кто его проходил, рискуя своей жизнью, чтобы стать магом.

Может быть, как раз Испытание было реальностью, а вся прочая жизнь Палина — иллюзией?

*...Закрыв глаза и прислонившись спиной к холодной стене, Палин первый раз в жизни целиком отдался магии. Он чувствовал, как она воспламеняет кровь и одновременно нежит его. Погружение, растворение в ее волнах было полным блаженства. Сознанием и телом овладел всепоглощающий экста-
тический восторг...*

Теперь, вспоминая это состояние, Палин ощущал в душе пустоту, щемящее чувство горечи. Он давно не испытывал того восхитительного слияния с магией, которое сопровождало его во время Испытания. До сих пор он не признавался в этом ни себе, ни кому-либо другому. Магия стала для него нудным, утомительным занятием. Изю дня в день, а зачастую и по ночам ему приходилось зазубривать заклинания, добиваться нужных модуляций голоса, оттачивать произношение слов. Когда он пытался уснуть или уже во сне, магические формулы еще долгое время не оставляли в покое мозг, не прекращали своего неустанный роения в его голове. Да, он получал удовлетворение, если заклятие удавалось; да, кровь начинала бурлить от мысли, что он понемногу овладевает чудесным искусством. Но довольство собой тут же тускнело на

фоне беспомощности и бессилия, когда магическое действие *не* получалось.

Неудачи повторялись все чаще и чаще. Волшебные формулы безнадежно путались в голове. Случалось, Палин не мог вспомнить, как правильно произнести заклинание — то ли первое слово с ударением на последнем слоге, то ли последнее слово с ударением на первом слоге. А бывало, он не мог отыскать необходимый для колдовства компонент, минуту назад находившийся под рукой.

Когда и почему появилась эта пугающая неуверенность в себе? Конечно, не во время его первого путешествия-приключения с братьями. Тогда они познакомились с гномом Дуганом Красным Молотом, и целью их авантюры были поиски Серого Бриллианта Гаргата. В тот период его жизни магия пленила, а опасность только возбуждала и бодрила...

Он опять взялся за изучение магии, хотя остался без наставника: чародеи отказывались брать в ученики племянника Рейстлина Маджере. Палина это не смутило. Он решил заниматься самостоятельно, как когда-то его дядя.

Поначалу все шло нормально, все вроде бы складывалось. Единственное, в чем была загвоздка, — отсутствие практики. Но минули месяцы, и выяснилось, что результаты мизерные, а то и вовсе никаких. Временами ему казалось, что он непростительно деградирует. Тогда он собирался в дорогу и ехал в Башню Вайрета.

«Терпение, — бесцветным голосом говорил Даламар. — Дисциплина и терпение... Прежде чем начать бегать, необходимо выучиться ходить».

Палин чувствовал, как им мало-помалу овладевает состояние угнетенности. Он был сыт по горло зубрежкой, бесконечными составлениями заклина-

ний, беспрестанной прополкой и ковырянием в саду, где взращивал травы для магических настоев. К тому же появлялась мысль, что он бездарен, посредствен и годится разве что для показа фокусов на детских именинах.

Чтобы хоть как-то подняться в собственных глазах, вновь обрести уверенность в своих силах, Палин отправился с братьями в патрулирование. Но и эта попытка обрести себя провалилась...

Палин, весь во власти воспоминаний, не замечая боли в ногах, по инерции шагал вверх. Опомнился он только тогда, когда почувствовал, как его дергают за рукав. Понадобилось несколько секунд, чтобы маг очнулся и узнал Таса.

— Что такое? — спросил Палин.

— Думаю, мы у цели, — громко прошептал кендер. — Это лаборатория?

Палин приподнял посох. Свет от кристалла разогнал тьму.

Они снова стояли на площадке. Полдюжины пологих ступеней вели к окованной железом двери.

— Знакомое место, — как можно тверже произнес Палин, хотя во рту пересохло и он почти не чувствовал языка. — Да... это и есть лаборатория.

Некоторое время все молчали, даже кендер притих. Держались в круге света, который отбрасывал посох. За пределами круга начиналось царство тьмы — шорохов, невнятного бормотанья и шепота, какого-то едва уловимого движения теней, бесплотных контуров. Стоило кристаллу погаснуть, и они оказались бы в бездонном желудке мрака.

— Действуй, Маджере, — словно рубя наотмашь, произнес Стил. — Вперед... Открывай дверь.

Перед глазами Палина вновь встала картина из прошлого.

...Из темноты на него в упор смотрели глаза — белые, холодные, — одни глаза и — ничего, кроме них.

«Посторонись, — сказал Даламар. — Дай нам пройти».

— Я не могу этого позволить, Хранитель. Ты дал мне ключ и запретил с ним расставаться хотя бы на мгновение, кто бы его ни попросил, включая тебя самого. Ты наказал мне стеречь эту дверь и никого не впускать. «Кто вздумает попытку сделать, пусть будет скорой смерть тому» — таковы были твои слова...»

— Мы должны как-то миновать стража, — сказал Палин.

— Какого стража? — нетерпеливо спросил рыцарь. — Тут никого нет!

Палин вглядывался в темноту. Она властвовала здесь всецело, пасуя лишь перед светом Посоха Магиуса.

Призрак-страж пока не давал о себе знать.

Маг вдруг понял, что шепот, доносившийся из темноты, вовсе не был угрожающим, в нем, как ни странно, слышалось ликование. Может быть, призраки, предвидя возвращение прежнего Хранителя, заранее радовались этому?

— Нет, это не так! — прошептал Палин.

Отнюдь, племянник. Именно так!

К глазам Палина подступили слезы. «Что я здесь делаю? Он же использует меня...»

— Страж, конечно, ретировался! — удовлетворенно отметил Тас. — Моя Ложка творит чудеса. Пошли, Палин. Я буду первым!

Сунув Ложку в карман, Тас взбежал по ступенькам.

— Тас, остановись! Не входи туда!

Кендер, однако, плохо воспринимал слова с чашницей «не».

Палин со страхом ждал, что вот-вот явится призрак и Тасу придется туго.

Но ничего не произошло.

Тас секунду мялся у двери; подергал ручку, заглянул в замочную скважину; затем легонько толкнул ее.

Дверь бесшумно открылась.

Повеяло холодом. Пахнуло пылью, плесенью и затхлостью. Аша шарфом прикрыла лицо. Стил скорчил гримасу отвращения, достал из ножен меч.

— Я чувствую запах смерти, — сказал он.

Тас стоял на пороге, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть внутри.

Палин мгновенно представил: банки с растительными экстрактами, бутылки с настоями из трав, магические реликвии, древние книги и пергаментные свитки... и среди всего этого — кендер, с зудящими от любопытства руками. Эта чесотка, этот зуд могли обернуться подлинным несчастьем.

— Тас! — предостерегающе крикнул Палин. Он подобрал одной рукой полы мантии и устремился за кендером. — Тас, выйди оттуда! *Ни к чему не прикасайся!*

Палин остановился на пороге лаборатории — все в нем сопротивлялось тому, чтобы идти дальше. Не делает ли он страшную ошибку?.. Маг осветил посохом комнату.

Тас стоял в центре лаборатории перед огромным столом и с открытым ртом рассматривал лежавшие на нем предметы.

— Тас, отойди от стола! — сердито, но с облегчением произнес Палин. У себя за спиной он слышал шаги Стила.

В этот момент кристалл на посохе померк. Темнота торжествовала.

Стил крепко выругался. Аша испуганно вскрикнула.

— Не двигайтесь, — предупредил Палин.

Он ясно представил, как они срываются в пролет Башни и далеко внизу один за другим разбиваются, обагрняя стены кровавыми брызгами.

— *Ширак!* — проговорил маг.

Ничего не последовало, посох отказывался повиноваться.

— Что происходит, Маджере? — раздраженно спросил рыцарь. — Почему этот дьявольский посох не светит?

— Я пытаюсь!.. — досадую и злясь на самого себя, ответил Палин. Магия вновь отвернулась от него.

Позади натыкался на стены Стил.

— Палин! — в отчаянии крикнула Аша. — Я подойду к тебе... Стой на месте.

— Осторожнее, Аша! — Палин развернулся на голос и вытянул руки.

— Палин! — с надеждой в голосе воскликнул Тас. — Я что-то нащупал... Может быть, это нам поможет!

— Нет, Тас! Нет!..

Зловеще прозвучал в темноте звон разбитого стекла.

Палин, словно слепой, выставил перед собой посох и ошупью двинулся в глубь лаборатории. Стил замешкался на пороге.

Дверь с шумом захлопнулась.

23. Даламар возвращается.
Странная весть.
И Аше магия под силу

аджере! — бросаясь на дверь, крикнул Стил. — Проклятье!.. Открывай!

— Палин! — барабанила по двери Аша.

Изнутри чуть слышно доносились крики и возня.

«Одно из двух, — подумал Стил. — Либо они пытаются выйти, либо это маг закрыл дверь... Скорее всего — второе».

— Сойди с крыльца, — приказал он Аше.

— Что ты собираешься делать?

— Попробую выломать ее. Кажется, она подается... Не мешай мне.

— Но... но я ничего не вижу, — с дрожью в голосе проговорила Аша. — А если... если я упаду?

Рыцарю на это было наплевать. Все же, сдерживая нетерпение, он посоветовал:

— Двигайся осторожно, ощупью. Держись стены. Сойдешь на площадку — оставайся на месте.

Стил дождался, пока Аша спустится, и изготовился к натиску. Если бы можно было навалиться с разбегу...

— Берегись! — внезапно крикнула девушка. — Он сзади!..

Оборачиваясь, Стил занес меч. Прямо перед ним светились два бледных глаза.

— Отойди от двери, рыцарь. Никто не имеет права входить в лабораторию.

— Но маг уже там... *И* кендер вместе с ним, — огрызнулся Стил. — Им-то ты позволил...

— Я им ничего не позволял.

— Кто же в таком случае?

— Хранитель Башни.

— Даламар вернулся?.. Тогда пусть *он* меня впустит, — потребовал Стил.

Немигающие глаза приближались. Рыцаря начал пробираться сверхъестественный могильный холод. Чтобы не стучали зубы, он стиснул челюсти; до боли в кисти сжал рукоять меча.

— Я не буду ничего передавать повелителю Даламару, — сказал призрак. — У тебя есть выбор, рыцарь: либо немедленно уйти отсюда, либо уже никогда...

— Помогите! — закричала Аша. — Ну кто-нибудь... помогите!

Эхо ее голоса, отражаясь от стен, неестественно долго кружило, а затем внезапно оборвалось, словно захлебнулось. Напуганная этим странным, леденящим душу эффектом, девушка больше не пыталась звать на помощь...

Пленник Стила находился по ту сторону двери, и от него зависело, выполнит ли рыцарь возложенную на него миссию. Да, он допустил промах — слишком долго мялся на пороге. В этом обиталище колдунов немудрено было растеряться, прийти в замешательство. Волшебство невидимым туманом окутывало здесь все и вся. Вечно бодрствующие призраки были частью темноты, которая в свою очередь была частью призраков, их плотью и кро-

вью. Стил жаждал схватки с противником... с таким, которого он мог бы видеть. Он хотел слышать звон мечей, вдыхать свежий воздух. Ему не терпелось покинуть эту цитадель колдовства. Однако долг — превыше всего, даже если это будет стоить ему жизни.

Рыцарь нанес удар по призраку. Меч свистнул в воздухе, ударился о стену, высек сноп искр.

Мерцающие глаза увеличились до размеров тарелки, набухли. К Стилу потянулись руки, одно касание которых приводило к смерти.

Он снова рубанул, и снова меч впустую рассек воздух.

— Да поможет мне Такхизис, — выкрикнул Стил.

— Молитвы здесь не помогут, рыцарь, — произнес чей-то голос. — Нашей Королеве не подвластна эта территория.

Голос принадлежал чародейке, одетой в красную мантию. Светящийся желтый шар в ее руках чуть потеснил крошечную тьму Башни. Рядом с ней стоял черный маг — к большому удивлению Стила — эльф. Должно быть, это был темный эльф, изменивший Свету, пошедший против заповедей своей расы. Судя по всему, перед Стилом предстал сам Темный Даламар, Хранитель Башни Высшего Волшебства.

Маг смотрел на рыцаря, припертого к стене призраком.

— До меня дошла новость, что в Башне непрошенные гости — рыцарь и белый маг, — будто они благополучно преодолели Шойканову Рощу. Я ушам своим не поверил. Но теперь мне все ясно. Рыцарь Такхизис... да? А где белый маг, твой спутник? Где Палин Маджере?

— Там, — проговорила Аша, показывая рукой на дверь лаборатории. — И с ним кендер. Мы войти не успели — дверь захлопнулась...

Аша запнулась. Лицо Даламара, по мере того как она говорила, стало пепельно-серым. Его душила ярость.

Чародей повернулся к призраку, который маячил чуть в стороне.

— Ты не оправдал доверия! Ты никого не должен был впускать!

— Твое распоряжение отменено, господин, — монотонно отвечал призрак. — Это сделал прежний хозяин — Хранитель Башни.

Даламар молчал, лицо превратилось в маску. Стил на расстоянии чувствовал силу его гнева, ярость, кипевшую в нем, огонь злобы. Он бы не удивился, если бы стены Башни вдруг оплавилась. Аша потерянно жалась к стене. Даже чародейка невольно отступила на шаг от своего спутника. Стил остался на месте только потому, что не мог уронить достоинство и звание рыцаря.

Но Даламар переборол эмоции. Огонь в глазах погас, взгляд стал рассеянным, как бы обращенным внутрь. «Может быть, это и к лучшему...»

Рот Даламара скривился в иронической ухмылке.

— Очевидно, не в наших силах изменить ход событий, Йенна. По крайней мере на данный момент.

— Вероятно, да, — согласилась чародейка. Затем она скользнула взглядом по закрытой двери лаборатории, стоявшему рядом рыцарю и жавшейся к стене Аше.

— А что делать с этими двоими?

Даламар посмотрел на воина с таким выражением на лице, словно только что его увидел.

— Не лицезрею ли я, случайно, Стила Светлого Меча?

Рыцарь не удивился, помня, что перед ним могущественный маг.

— Совершенно верно, — с достоинством ответил он.

— Сын Китиары! — воскликнул маг. — Несомненное внешнее сходство. Я знал твою мать, — внезапно насупившись, добавил он.

— Ты ее *убил*, — резко уточнил рыцарь.

— И твой долг — отомстить... Убийца должен поплатиться жизнью. — Даламар пожал плечами. — Ну хорошо. Ты делаешь мне вызов, я его принимаю. Ты нападаешь на меня, я тебя убиваю. Банальная кончина для отменного воина. Такхизис была бы раздосадована этой нелепостью... Я убил твою мать в схватке, Светлый Меч... защищаясь. Она напала первая. Могу показать *тот* шрам... Жаль, что не видны все шрамы, которые у меня после нее остались.

Последние слова чародей произнес совсем тихо, и Стил подумал — не стоит принимать их всерьез.

Он сверял свои мысли с «Провидением», как это делали все рыцари, оказавшиеся перед трудным выбором. Будет ли соответствовать Ее Воле то, что он сразится с темным эльфом и, вероятно, погибнет? Ее ли это Воля, что он тщетно упорствует в своем желании попасть в лабораторию? Или у Королевы имелись на него другие виды?

Перед глазами встал образ матери, с мечом в руке, готовой пустить его в ход. За матерью — силуэт пятиглавого дракона. Он отбрасывает на

нее свою тень... «Что-то уж очень туманно», — подумал Стил.

— Рыцарь!.. — Стил услышал голос Даламара, очевидно окликавшего его не в первый раз.

— Что ты сказал? — хмурия брови, произнес воин, так и не поняв Волю Темной Воительницы.

— Я говорю, что с тобой кое-кто хочет побеседовать, — терпеливо повторил Даламар. — Думаю, это твой командир.

— Возможно ли это? Никто не знает, что я здесь... И что он хочет?

— Понятия не имею, — с легким раздражением проговорил Даламар. — Я не курьер... А откуда он знает... вероятно, от того, кто обеспечил вам безопасный проход через Шойканову Рощу... Если Светлый Меч готов покинуть свой пост у дверей лаборатории, я берусь провести его к тому месту, где он сможет увидиться со своим начальником... Уверяю, что все попытки войти в лабораторию окажутся напрасными, — добавил Даламар. — Даже мне туда вход заказан... А дядя так-таки вытребовал своего племянника. И нам ничего не остается, как предоставить их самим себе.

— Я отвечаю за Маджере: он пленник, — не зная, как поступить, сказал Стил. — Он дал мне слово.

— А-а... — понимающе протянул Даламар. — Непростая ситуация.

Но решение должно быть принято.

И Стил его уже принял. Командир знал, что он здесь. Вероятно, Такхизис хотела, чтобы он действовал иначе. Должно быть, и в том, что он до сих пор жив, проявилась Ее Воля.

Рыцарь вложил меч в ножны и сошел с крыльца, ведущего в лабораторию.

Его место тут же занял призрак.

— Мы проследуем к Бассейну Видения. Там можно будет поговорить с командиром, — сказал рыцарю Даламар. — Чтобы не мозолить ноги, спускаясь по лестнице, мы воспользуемся магическим коридором. — Темный эльф положил свою руку на руку Стила. — Слегка может закружиться голова...

— А как же я? — ожила вдруг Аша, которая все это время, как вкопанная, стояла поодаль. — Что делать мне? И что с Палином? Я хочу быть рядом с ним.

— Йенна, позаботься о ней, — коротко распорядился Даламар.

Чародейка, улыбнувшись, кивнула.

Даламар произнес заклинание.

Темнота перед Стилом расступилась. Колдун увлек его за собой.

Очень скоро рыцарь почувствовал под ногами твердую почву. Он стоял на краю бассейна, в неподвижной темной воде которого видел свое отражение.

Аша пошла со всеми не только из-за того, что не хотела оставаться одна в обители Даламара, но и потому — сейчас она себе в этом призналась, — что находила молодого мага очень привлекательным. Он был первым мужчиной, который ей понравился за все время пребывания в Палантасе. Палин не шел ни в какое сравнение с наглыми и тупыми мужланами, что издевались над ней на рынке; не походил он и на проницательно коварного и внушающего страх чародея; выгодно отличался от надменно-холодного и порой грубого рыцаря.

Палин во многом напоминал Заступника. Он был мягким и ранимым... с печатью тайной грусти и печали на лице. В то же время в нем чувствовались внутренняя сила... воля и мужество. Он вызывал в душе Аши смешанные, неведомые ранее чувства. Ее то обдавало холодом, то бросало в жар. Грудь теснило, сердце учащенно билось и приятно ныло.

— Я должна быть с Палином, — произнесла Аша.

— Если должна, иди, — Йенна кивнула в сторону двери, охраняемой призраком.

Аша смутилась, задумалась.

— Я хочу выйти отсюда, — решительным тоном проговорила она. — И вы не сможете удерживать меня против моей воли.

— Куда уж мне, — с холодной иронией отозвалась Йенна. — Столь многоопытной, искушенной в магии чародейке выбраться из Башни — раз плюнуть.

Да, именно этого Аша страстно желала сейчас: выбраться из этих жутких стен и забыть обо всем... кроме Палина.

Она посмотрела на дверь, за которой исчез маг. Глаза призрака холодно взирали на девушку.

— Тогда я пошла, — сказала Аша и открыла свою сумку.

В растерянности она смотрела на лежавшие в ней предметы. Девушка знала, что они магические... но не более того. Как горько она сожалела, что с таким небрежением отнеслась к наставлениям эрдов. В числе вещей были: несколько колец; три амулета — из молочного кварца, гранита и вулканического стекла, обсидиана; маленькая шкатулка, сладко пахнувшая травами; кусок веревки, по ее

мнению — совершенно бесполезный; несколько резных фигурок животных и стеклянный пузырек.

Аша закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Она хотела воспроизвести сцену прощания с эрдами.

Девушка вновь видела их родные и желанные лица.

Слезы стыда жгли ей глаза. Какой все-таки эгоистичной душой она была! Чем бы только она ни пожертвовала, чтобы вернуть тот момент холодного, сердитого и поспешного расставания и сказать эрдам, как она им благодарна, как их любит и бесконечно по ним скучает.

«Если тебе угрожает опасность — воспользуйся этим...»

Аша ясно видела Заступника, слышала его голос, чувствовала, как он вложил ей в ладонь предмет.

Какой?.. Какой именно?

— Если не хочешь остаться здесь одна, в темноте, — идем со мной, — сухо сказала Йенна. — Или ты не нуждаешься в провожатом?

— Нет, — ответила Аша.

Это, должно быть, был или амулет из обсидиана, или стеклянный пузырек. Она вспомнила, что один из этих предметов имеет какое-то отношение к тени. Вряд ли он ей пригодится. Здесь этих теней предостаточно. Другой предмет должен помочь ей выпутаться. Каким образом? Она не могла припомнить, да и какая разница.

Амулет был черного цвета... как и тени, и Аша отвергла обсидиан, решив попытать счастья с пузырьком.

Всю свою жизнь девушка прожила рука об руку с волшебством, но эрды им пользовались только

по необходимости и с благими намерениями. С магией зла она столкнулась впервые здесь, в башне. Прежде она не решилась бы взять в руки магический предмет, действие которого ей было неизвестно, но сейчас ее это не волновало. К тому же Аша получила его из рук Заступника, а ему она полностью доверяла.

Девушка достала из сумки пузырек и свернула восковую крышечку.

Йенна бросилась к ней, но опоздала.

Из пузырька потянулась бледно-желтая струйка дыма. Запах был восхитительно приятен, сладок для обоняния, словно запах свежескошенной травы. Гнилостные зловония, смрад смерти растворились без следа в этом запахе.

Аша поднесла пузырек к носу, вдохнула... и превратилась в дым.

24. Зал Видения

де мы? — спросил рыцарь.

— В Зале Видения, — ответил Даламар. — Его выстроил мой *шалафи*, Рейстлин Маджере.

Они находились в просторном, круглой формы помещении, большую часть которого занимал бассейн. В центре его над темной водой горел огонь. Трудно было сказать, что являлось источником голубого бездымного пламени. Несмотря на его относительную яркость, в Зале царил сумрак.

— И чем замечателен этот Зал, — поинтересовался Стил, с гримасой на лице оглядываясь по сторонам, — помимо того, что здесь стоит невыносимая вонь?

Краем глаза он заметил движение у кромки бассейна, и рука сама собой легла на рукоять меча.

— Спокойно, рыцарь, — тихо произнес Даламар. — Они безобидны.

Стил, не очень-то доверяя черному магу, руку с меча не убрал.

— Дьявол! Что это еще за гнусность?

— На определенном этапе своей головокружительной карьеры, мой *шалафи* вбил себе в голову, что ему по силам сотворить живое существ-

во. То, что ты сейчас видишь, это результат его непомерных амбиций. Мы зовем их — Живчики...

По краю бассейна, оставляя за собой слизистый след, ползали странные существа, похожие на головастика. Они издавали звуки, но была ли это речь или просто мычание попеременно со стоном, — Стил сказать не мог.

Рыцарю не раз приходилось видеть истерзанные, искромсанные, изрубленные в битве тела врагов и товарищей; видеть, во что превращается раненый дракон, рухнувший на землю. Но здесь при виде столь омерзительного зрелища он вынужден был отвернуться: еще немного — и его желудок вывернуло бы наизнанку.

— Какое кощунство! — произнес Стил, с трудом удерживаясь, чтобы не заткнуть уши — не слышать этих стонов-блеяний.

— Согласен, — сказал Даламар. — Мой *шала-фи* не отличался почтительным отношением к богам... Но лучше побережь свои симпатии для кого-нибудь другого. Живчики — еще куда ни шло, и они это понимают.

— Что значит «куда ни шло»? — удивленно спросил Стил.

— Это значит, что есть еще такие, которых мы зовем — Дохлаки... Но полно, не будем отвлекаться. Командир желает побеседовать со своим подчиненным... Нельзя злоупотреблять его терпением.

— И как я буду с ним говорить? Где он? — Стил напряженно озирался, словно Тревалин мог в любой момент появиться из сумрака зала.

— Не имею понятия. Этого он мне не сказал... Смотри в бассейн.

Живчики забеспокоились, запищали. Некоторые подползли к краю водоема и вытягивали свои

недоразвитые конечности в направлении пламени. Стил подозрительно покосился на Даламара, затем перевел взгляд на существ-уродцев.

— Подойди ближе к краю, — нетерпеливо проговорил маг, — и смотри в воду. Ничего с тобой не случится. Ну же... Полагаю, мы услышим много интересного из его уст.

Стил все еще колебался. Но привычка повиноваться приказам сделала свое дело. Стараясь не наступить на Живчиков, он шагнул к бассейну. Встал на самый край и посмотрел на воду.

Поначалу он увидел только отражение голубого пламени. Затем по воде прошла легкая зыбь, и пламя, заколебавшись, исчезло. Рыцарю показалось, что он падает в бассейн. Стил выставил вперед руки... и едва не наткнулся ими на своего командира.

Тревалин стоял среди выгоревших развалин замка — закопченных остатков стен, нагромождения балок рухнувших перекрытий и крыши. Судя по всему, Тревалин устроил совет, поскольку рядом находились рыцари-офицеры, бывшие у него в подчинении. Внимание Стила привлек воин, который как будто держался особняком. На нем были доспехи Соламнийца, и Стил подумал сначала, что это пленник. Однако он узнал рыцаря и понял, в каком месте происходил совет.

В развалины превратилась Даргаардская Башня, обиталище рыцаря смерти — Сота.

— Господин... — обратился Стил к Тревалину.

Командир повернулся на голос:

— А, Светлый Меч! Вижу, ты до сих пор в гостях... Благодарю, повелитель Даламар, что ты передал мою просьбу рыцарю.

Даламар кивнул; лицо его исказилось в полуулыбке-полуухмылке. Маг оказался в довольно ще-

котливым положении. Он не питал никаких симпатий к серым магам Такхизис, но, как и прочие слуги Тьмы, должен был способствовать делу Темной Королевы...

— Каковы результаты, Светлый Меч? — продолжал Тревалин. — Серые Рыцари сгорают от нетерпения... — Мимика Тревалина (вернее — его перекошенная физиономия) свидетельствовала о том, как он относится к этим Серым Рыцарям, к их нетерпеливому ожиданию.

— Я не справился с поручением, — напрямую ответил рыцарь. — Белый маг, Палин Маджере, от меня ускользнул.

Тревалин стал серьезен:

— Весьма грустно это слышать, Светлый Меч... Есть ли шансы исправить положение?

Стил покосился на Даламара.

Темный эльф отрицательно покачал головой.

— Нет, нам его не достать, — тихо проговорил он.

— Нет, командир, — ответил Стил.

— Очень жаль, — холодно произнес Тревалин. — Маджере был приговорен к смерти. Его возвращение зависело от тебя. Коль скоро ты допустил его бегство, отвечать придется тебе... и в полной мере.

— Мне это известно, командир.

— Конечно, ты имеешь право на обстоятельное официальное разбирательство. В этом случае вести дело будет сам повелитель Ариакан, поскольку он — твой поручитель. — Голос Тревалина смягчился. — К счастью для тебя... и для меня, у Ариакана сейчас на это нет времени, поэтому разбирательство, скорее всего, будет отложено. Обидно было бы накануне битвы лишиться такого грамотного и бесстрашного воина, как ты, Светлый Меч. Как раз в связи с бли-

зящимся сражением я и хотел с тобой поговорить. Ты должен прибыть в свое подразделение...

— Да, господин, и когда?

— Немедленно. Время не ждет. Я уже послал за тобой Флер.

— Ясно, командир. Где мне вас найти? В Даргаарде?

— Нет, Светлый Меч. Мы отсюда уходим. Присоединяйся к нам у подножья Вингаардских гор. Поутру мы идем на штурм Башни Верховного Жреца. Найти нас не составит большого труда. — Эти слова вызвали громкий смех у присутствовавших рыцарей. — Ты заметишь нас еще издалека. Боги и те будут поражены мощью нашего войска... На всякий случай я все же дам ориентиры.

Даламар с большим вниманием следил за разговором. В самом начале диалога в Зале появилась Йенна и сделала знак чародею. Даламар дал понять, чтобы она подождала.

Услышав все, что его интересовало, Даламар подошел к Йенне:

— Что случилось?.. Говори тише.

— Девчонка улизнула! — сказала чародейка.

Даламар поднял бровь:

— Улизнула? Каким образом?

Йенна пожала плечами:

— С помощью магии, как же еще... Достала пузырек, открыла крышку и, прежде чем я успела ее остановить, вдохнула из него дым. Я не могла использовать контрзаклинание, поскольку не знала первоначальное... Она превратилась в дым.

— В любом случае ты вряд ли смогла бы ей помешать... Значит, птичка упорхнула...

— Да.

— Любопытно... Почему в таком случае она не сделала этого раньше?

— Ты сам предположил, что эрды послали ее шпионить за нами. Может быть, ее магические способности — доказательство ее принадлежности к эрдам?

— И овражный гном проделал бы подобный трюк, достаточно ему показать, как пользоваться предметами, подобными тем, что мы видели у нее... Нет, все это не дает ответа ни на один из наших вопросов. Ну что же — сбежала и сбежала. У нас полно других забот... Утром рыцари Такхизис штурмуют Башню Верховного Жреца.

Глаза у Йенны расширились от удивления:

— Благословенный Гилеан!

— Они одержат победу, — сказал Даламар, хмуро глядя на Стила.

Йенна в упор посмотрела на Даламара:

— Тебя это сильно огорчает? Разве ты не со своей Королевой? Не на ее стороне?

— Будь она на *моей* стороне, я был бы с ней, — с грустью проговорил Даламар. — Она предпочитает пользоваться услугами своих собственных магов... Если Башня Верховного Жреца падет, Палантас, скорее всего, будет сдан. Мы окажемся под пятой Серых Мантий.

— Ты хочешь сказать, — поразилась Йенна, — что они посмеют отобрать у тебя Башню?

— Еще как посмеют, дорогая! Конечно, Конклав будет бороться с ними, но один раз мы уже видели, как они это делают, — во время вылазки в Цитадель Бури.

Йенна побледнела, молча кивнула: тогда погиб ее отец, Юстариус.

— Нуитари нелегко будет противостоять своей матери, — сухо произнес Даламар. Он имел в виду бога — покровителя черной магии. — Я заметил, что за последнее время сил у него поубавилось.

— Не у него одного, — сказала Йенна. — Какой-то беспомощной стала Лунитари. Кроме того, я узнала от знакомого белого мага из Вайрета — и с Солинару творится что-то неладное.

Даламар согласно кивнул.

— Думаю, дорогая, мне нужно совершить небольшое путешествие.

— В Башню Верховного Жреца? — догадалась Йенна. — Какие будут пожелания относительно рыцаря?

— Синий дракон заберет его. Проводи его на балкон «Дорога к смерти». Я позабочусь о том, чтобы Башня не получила повреждений при его посадке и взлете.

— Мы его так запросто отпустим? Могли бы использовать в качестве заложника...

Даламар некоторое время думал.

— Нет. Пусть возвращается к своим. Одним рыцарем больше, одним меньше — это на исход битвы не повлияет. Рыцари Такхизис ничего не будут делать для его освобождения. По возвращении ему и так грозит смерть — он не выполнил данного ему поручения.

— Зачем тогда возвращаться?

— *Est Sularas oth Mithas* — «Жить по чести», — Рыцари Такхизис позаимствовали этот глупый высокопарный девиз у Соламнийцев. Попробуй сделать так, чтобы Светлый Меч нарушил его... Хотя, я уверен, у тебя ничего не получится. Ты будешь удивлена его реакцией... Кроме того, — задумчиво добавил Даламар, мне кажется, что, возвращая

этого рыцаря, мы отнюдь не оказываем ее величеству добрую услугу. Он не всецело предан ей.

Йенна покачала головой:

— Ты говоришь загадками, любовь моя. Мне он представляется образцовым слугой Темной Воительницы... А что делать потом?

Даламар пристально смотрел на темную воду бассейна. В глазах его отражалось голубое пламя.

— На твоём месте, дорогая, я начал бы паковать вещи.

Разговор с командиром был закончен. Стил вновь стоял на краю бассейна. Вокруг него ползали Живчики, с интересом разглядывая тускло блестящие доспехи. С чувством отвращения Стил шагнул назад и едва не наткнулся на Йенну.

— Я слышала, рыцарь нас покидает?

— Да, госпожа. Мой дракон вот-вот будет здесь. — Стил огляделся по сторонам: — А где повелитель Даламар?

— Он нейтрализует магический экран Башни, чтобы дракон мог приземлиться. Я провожу тебя на балкон. Хотя, может быть, ты хочешь вновь прогуляться Шойкановой Рощей?

Стил, слыша иронию в словах чародейки, оставил вопрос без ответа.

— Иди за мной, рыцарь. — Йенна пошла к двери. — Выйдем в коридор. Я не собираюсь подниматься по лестнице — просто Зал не очень подходящее место для моих заклинаний.

Стил охотно последовал за чародейкой. Оказавшись вне Зала Видения, он вдохнул полной грудью. Во влажном воздухе Башни резкие запахи трав и растений смешивались с запахом плесени и гни-

ния, но после атмосферы Зала дышалось куда как легче.

Йенна с любопытством смотрела на рыцаря:

— Считаю себя обязанной поинтересоваться, рыцарь. *Уверен* ли ты, что хочешь отбыть восвояси?

— Почему я не должен быть в этом уверен? — в свою очередь спросил рыцарь, настороженно глядя на Йенну. — Есть какой-нибудь шанс найти Маджере?

— Не теперь и не на *этом* свете, — улыбаясь, ответила чародейка. — Я не это имела в виду... Даламар сказал, если ты вернешься к своим, тебя ждет суровое наказание... приговор.

— Я не выполнил своей миссии, — спокойно произнес Стил. — Наказание — смерть.

— Тогда зачем возвращаться? — изумилась Йенна. — Можно спастись! — Она придвинулась к рыцарю и тихо произнесла: — Я могу помочь... Отправлю тебя куда только захочешь. Сбрось с себя броню, и ты станешь другим человеком. Никто и никогда об этом не узнает.

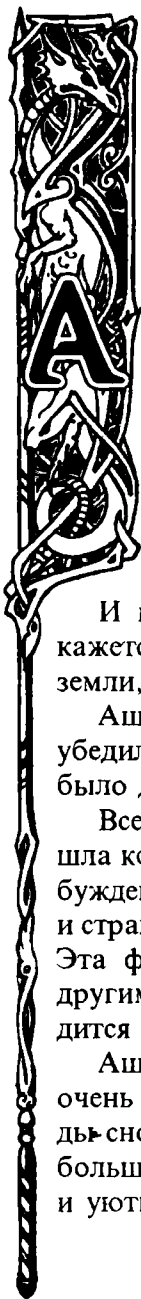
— Достаточно, что об этом буду знать я, — сказал Стил.

Йенна пожала плечами:

— Ну хорошо. Сам себе могилу роешь... А сейчас закрой глаза — это поможет избежать неприятных ощущений.

Стил повиновался и тут же услышал, как чародейка, рассмеявшись, проговорила:

— Да, Даламар был прав: это просто поразительно!

25. Прилично одетый гном. «Орел» или «решка»

Аша стояла рядом с повозкой, наполненной фруктами. Где она и как сюда попала — оставалось только гадать. В голове стоял туман, в носу щекотало, во всем теле ощущалось легкое покалывание.

Очень смутно девушка помнила, что открыла какой-то пузырек и вдохнула из него...

И вот она снова среди толчеи базара, и ей кажется, что на нее, выросшую словно из-под земли, все обращают внимание.

Аша робко огляделась по сторонам и быстро убедилась, что в действительности никому не было до нее дела.

Все чем-то явно были взволнованы. Торговля шла кое-как. Люди, сбиваясь в кучки, что-то возбужденно обсуждали. То тут, то там с тревогой и страхом в голосе звучали слова: «Каламан пал!» Эта фраза Аше ни о чем не говорила, но по другим репликам она поняла, что все еще находится в Палантасе.

Аша вздрогнула... С другой стороны, было очень жаль покинуть город без малейшей надежды снова увидеть Палина. От сознания, что она больше не одинока, на душе становилось тепло и уютно; о ней думали, беспокоились. И Палин

был ей не безразличен, она тоже за него переживала...

По крайней мере, здесь чародеям из Башни до нее не добраться, она легко могла затеряться в толпе. Вот если бы еще у нее имелись эти кругленькие кусочки металла, так ценимые горожанами... Как бы ей их заполучить?..

Внезапно щекотание в носу стало нестерпимым, и Аша громко чихнула.

Прилично (и не без некоторой экстравагантности) одетый гном, стоявший рядом с ней, так и подпрыгнул на месте.

— Клянусь бородой Реоркса! Ты меня напугала, малышка!

Держась за сердце, гном глубоко вздохнул.

— Прости, господин... — проговорила Аша и вновь чихнула.

— Простудилась, малышка?.. Я очень чувствителен к простуде, — отступая на шаг от девушки, произнес гном. Затем, видя, что она вновь собирается чихнуть, сделал шаг назад и для большей надежности прикрыл лицо шляпой.

— Будь здорова, — несколько запоздало проговорил он.

Аша, шмыгая носом, закивала в ответ и принялась в поисках платка шарить по карманам.

Гном с готовностью предложил свой — белый, с кружевной каймой, с витиевато вышитыми с краю инициалами «ДКМ».

Платок выглядел слишком изящным, чтобы использовать его по назначению.

Аша, смущаясь, несколько раз легонько коснулась им носа и вся пунцовая вернула платок владельцу.

Гном небрежно сунул его в карман, не спуская с девушки блестящих хитрых глаз.

— Как тебя звать, малышка?

— Аша... господин, — чуть присев, отвечала девушка. Судя по одежде, гном, вероятно, был очень важной персоной.

— Полно, дорогуша, — обойдемся без такого обращения... Рад знакомству: Дуган Красный Молот. Буду польщен оказать услугу...

Аша знала, что гномов считают прекрасными ремесленниками, способными творить чудеса из камня и металла, но то, что они могут быть завязатыми модниками, было для нее неожиданным открытием.

Разве могла сравниться сказочная красота двorcов Торбардина с красным вельветовым жилетом гнома, на котором звездами сияли позолоченные пуговицы; а величие монументальных ворот Пакс Таркаса... оно затмевалось утонченным изяществом шелковой сорочки с жабо и кружевными обшлагами...

Наряд гнома составляли также вельветовые красные штаны, черные с красными подошвами башмаки, черные носки и широкополая шляпа с торчащим в ней желто-красным пером. Для полноты картины можно добавить, что пол-лица и грудь Дугана закрывала шелковистая черная борода, а на плечи ниспадали черные, волосок к волоску, кудри.

Но какой бы потрясающей ни была одежда гнома, запах свежих фруктов вскоре полностью завладел вниманием Аши. Она и думать не думала, что после пиршества в Башне так быстро проголодается. И все же, о чем еще мог оповещать желудок?

Девушка украдкой взглянула на продавца фруктов и успокоилась: он *не* походил на того скандалиста, по чьей милости ее упекли в каталажку.

Однако она хорошо запомнила урок. Вздохнув, Аша отвела взгляд от прилавка, мысленно приказывая желудку хранить молчание. И тем самым только вызвала в нем новую бурю возмущения.

Гном заметил ее полуголодный взгляд, услышал и покорный вздох, и негодование желудка.

— Угощайся, малышка, — сказал он и показал рукой. — Конечно, сливы уже не те, что были утром... но виноград, если тебя не смущает некоторая его подвялость, очень даже недурен.

— Благодарю, — проговорила Аша, стараясь не смотреть на аппетитные плоды, — но я не голодна.

— И какого же зверя ты проглотила, — грубовато продолжал Дуган, — что он до сих пор ворчит и огрызается у тебя в животе?.. Ешь, не стесняйся. Я уже завтракал.

— Да я не стесняюсь. Просто... просто у меня нет того, что они называют «деньги».

— А, вот в чем дело... — Дуган поглаживал бороду и не сводил с Аши своего пристального взгляда. — Ты никогда прежде не была в городе?

Аша кивнула.

— Откуда ты?

— Я не засиживаюсь подолгу на одном месте, — уклончиво ответила девушка. Гном становился чересчур любопытным. — Прости, но...

— Как ты зарабатываешь на жизнь?

— Когда как... Знаешь, мне было очень приятно познакомиться, но...

— Понимаю: в городе совсем недавно и ищешь работу... Оказалось, это не так просто. Я прав?

— Да. Это...

— Думаю, при большом желании я мог бы помочь тебе. — Склонив голову набок, гном кри-

тически рассматривал Ашу. — Ты подобралась ко мне абсолютно бесшумно... — Он взял руку девушки за запястье и начал разглядывать кисть. — Чувственные пальцы... Я бы сказал — с задатками. Тренированные?

— Я... думаю, да. — Аша в недоумении смотрела на гнома.

Дуган выпустил ее руку из своей, словно бросил перележавшее на солнце яблоко. Затем еще раз с головы до ног оглядел девушку. — Хиддукель, увидев такие глаза, забыл бы о своих деньгах, — бормотал себе под нос Дуган. — Чемош восстал бы из могилы, чтобы полюбоваться таким личиком. Она подойдет... Да, дорогуша, — уже громче сказал гном, — у меня есть знакомые, которые могли бы заинтересоваться тобой, твоими задатками.

— Какими задатками? — не поняла Аша.

Однако Дуган ее не слушал. Он подцепил с прилавка виноградную гроздь и опустил ее девушке на ладонь. Добавил горсть слив и большой кабачок. Потянулся за репой... но, заметив, что больше его новой знакомой не удержать, развел руками и шагнул от прилавка.

— Эй! Ты ничего не забыл? — остановил его окрик торговца, тучного человека, обсуждавшего с друзьями падение Каламана. Бесцеремонное обращение с товаром (его товаром!) отодвинуло проблемы войны и мира на второй план. В два шага он настиг гнома. — Ты кое-что забыл, приятель!

Дуган остановился, потеревил усы.

— Пожалуй, да: репу. — Он выбрал пару корнеплодов, отдал их Аше и повернулся, чтобы уйти.

Продавец перегородил ему дорогу:

— Ты забыл самую малость — денежки!

Девушка торопливо набивала виноградом рот, предвидя, что с угощением придется расстаться.

— Я буду должен, — небрежно бросил Дуган.

— Ты не в пивной, коротышка! — отрезал толстяк, скрещая на груди руки. — Гони монету!

— Хорошо... Поступим так, дружище. — Гном старался держаться светского тона, хотя его и покорило обращение «коротышка». — Сыграем...

Дуган достал золотую монету, при виде которой глаза тучного торговца алчно сверкнули.

— Если два раза из трех выпадет «решка» — товар мой. Согласен?.. Согласен.

Дуган подбросил монету. Продавец хмуро наблюдал за манипуляциями гнома. Золотой упал на прилавок. «Решка».

Толстяк взял монету на ладонь.

— Послушай, изображение не похоже на правителя Палантаса. Чья это голова?.. Уж не твоя ли...

Дуган поспешно забрал золотой:

— Вытащил, что попало. — Прежде чем торговец запротестовал, гном вновь подбросил монету. Опять «решка». — Весьма тебе сочувствую, дружище, — сказал Дуган и хотел положить монету в карман. Но продавец оказался проворнее: он перехватил руку гнома и заставил его разжать кулак.

— Благодарю. Этого для оплаты вполне достаточно.

Дуган вспыхнул.

— А как же уговор? — воскликнул он, но, видя, что толстяк разглядывает монету, осекся.

— Ладно, не будем мелочиться, — уже на ходу добавил он, увлекая за собой Ашу. — Я всегда говорю: неважно, выиграл ты или нет, важно, как ты сыграл.

— Эй, гном! — крикнул им вслед торговец. — Хотел меня обогорить! У твоей монеты с обеих сторон «решка»! И обе головы похожи...

— Шевелись, малышка, — прошипел Дуган, убыстряя шаг. — Потом прожуешь.

— Эй! — завопил продавец. — Золото стирается! Держите этого мошенника!

Дуган бросился бежать. Прижимая к груди «добычу», Аша старалась не отставать.

Базар остался позади.

— Они гонятся за нами! — опередив гнома, крикнула Аша.

— Сворачивай направо, в переулочек! — выдохнул Дуган.

Они бежали по пустынной улице. Башмаки гнома гулко бухали по мостовой.

Обернувшись, девушка заметила, что преследователи в самом начале переулка остановились. Торговец размахивал руками и, судя по всему, умолял добровольных помощников возобновить погоню.

Преследователи, не поддавшись на уговоры, развернулись и побрели назад.

Продавец еще с минуту выкрикивал угрозы в адрес гнома-подлеца, а затем, не переставая сыпать проклятиями, двинулся в обратном направлении.

— Они отступились, — удивленно сказала Аша.

— Благоразумно с их стороны, — отозвался Дуган.

Беглецы перешли на шаг. Дуган снял шляпу и стал ею обмахиваться.

— Наверное, заметили, что я вооружен.

— Но у тебя ничего нет, — снова удивилась Аша.

— Их счастье, — подмигнув, проговорил гном.

Они остановились. Девушка, разгоряченная бегом, нервно озиралась. Улица, на которой они находились, была тихой и пугающе безлюдной. К оброненной сливе уверенно семенял ворон.

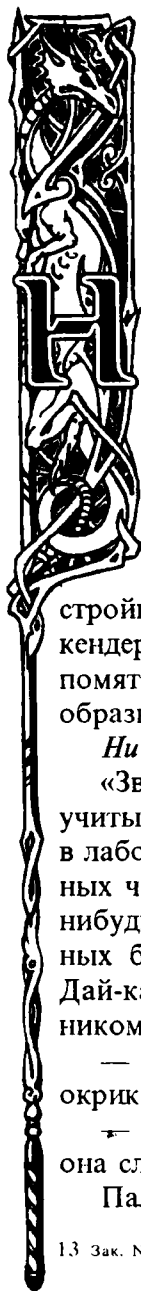
Ашу пробрала дрожь. Не по душе ей было это место.

— Ты, случайно, не знаешь — где мы?

Ворон перестал клевать сливу и уставился на девушку желтыми бусинками глаз.

— Знаю, малышка, — улыбаясь, ответил Дуган Красный Молот. — Я хочу тебя кое с кем познакомить. Возможно, для тебя найдется работенка. Ты подойдишь для нее более, чем кто-либо другой. На все сто, малышка.

Ворон раскрыл клюв и зашелся хриплым карканьем-смехом.

26. В лаборатории.

Тас берет инициативу в свои руки
(помимо всего прочего)

у и дела! — обескураженно прошептал Тас, не отваживаясь говорить в полный голос.

«Ни к чему не прикасайся!»

Эти слова были слишком традиционны для слуха кендера, слишком часто при нем повторялись, чтобы сознание реагировало на них согласно смыслу. Более того, стройная, с иголочки, фраза, влетев в одно ухо кендера, тут же вылетела из другого, но уже помятая, покореженная, надломленная его своеобразной логикой.

Ни к чему не прикасайся!

«Звучит очень к месту, — рассуждал Тас, — учитывая то обстоятельство, что мы находимся в лаборатории одного из наиболее могущественных черных магов. Попробуй коснись тут чего-нибудь — и окажешься в одной из этих стеклянных банок... вот хотя бы как этот бедолага... Дай-ка я взгляну на него поближе, хуже от этого никому не будет...»

— Тас! — последовал предостерегающий окрик Палина.

— Я просто хотел переставить банку... чтобы она случайно не упала, — оправдывался кендер.

Палин ожег его взглядом.

— Ничего не трогай! — вновь повторил он.

«Вот так так! Маджере в дурном настроении, — продолжал рассуждать про себя Тас, заблаговременно отступив в ту часть лаборатории, где было потемнее.

«Предоставлю его самому себе — пусть осмотрится, освоится... По-моему, его категоричность безосновательна: так или иначе, все равно я чего-нибудь да касаюсь. Ноги, например, касаются пола... В противном случае я бы парил в воздухе вместе со всей этой пылью... А ведь это было бы презанятно. Вот бы попробовать! Может быть, эта сине-зеленая жидкость поднимет меня в воздух. Пожалуй...»

С огнем негодования в глазах Палин забрал у Таса бутылку с сине-зеленой субстанцией и водворил ее на место. По горячим следам он также изъясил у кендера огарок свечи, вырезанного из камня жука и катушку с черной ниткой. Затем маг препроводил Таса в свободный от каких бы то ни было предметов угол и приказал, испепеляя его взглядом: «Стой здесь и не двигайся!»

— Или я выпровожу тебя отсюда, — добавил он вслух.

Однако Тас хорошо понимал, что это пустая угроза. Пока он впотьмах мыкался по лаборатории, Палин колотил кулаками в дверь, пытаясь ее открыть... И даже удары по ней посохом ни к чему не привели. Не поддавалась дверь и натиску Светлого Меча. «Нашла коса на камень», — подумал тогда кендер.

Теперь с противоположной стороны не доносилось ни звука. «Должно быть, Светлый Меч ушел, — рассуждал Тас, — или же ему пришлось иметь дело с призраком».

И прелюбопытное, вероятно, было зрелище. Досадно, что он его пропустил. К сожалению, даже кендер не может находиться одновременно в двух местах. Обидно...

— Нет, Палин не брюзга, — вполголоса убеждал себя Тас. — Он просто испугался.

Самому кендеру это чувство было незнакомо. По своим друзьям Тас знал, что испытывать его довольно неприятно, и потому, сопереживая и сочувствуя Палину, он решил слушаться молодого мага во всем.

Кендер покорно стоял в углу и упивался своей добродетельностью. Интересно, как долго можно ее смаковать. Наверное, скоро надоест: прямо по соседству с добродетелью — скука. Но немного можно потерпеть. Пусть он не имел права ни к чему прикасаться — смотреть-то ему не запретили. И Тас смотрел во все глаза.

Палин двигался по лаборатории медленно и осторожно. Посох Магиуса светил так, словно радовался, что он опять дома.

Размеры святилища Рейстлина были внушительными и принимая во внимание его расположение, и по сравнению с другими помещениями башни. Тас не мог избавиться от странного ощущения, что стены лаборатории отделились от него, с тех пор как он шагнул через порог. Ему даже казалось, что она *продолжает увеличиваться* в размерах.

Первое, что бросалось в глаза, — огромный стол, высеченный из цельного куска гранита, занимавший всю центральную часть помещения. Тас мог трижды уместиться на этом столе от края до края. Кендер с удовольствием привел бы более точные измерения, но ему вовсе не улыбалось ва-

ляться в пыли, толстым слоем покрывавшей каменного монстра. Пыль лежала повсюду, но признаки обитания живых существ — мышей, пауков — начисто отсутствовали.

— Уже много лет никто не переступал порог лаборатории; мы — первые, — тихо проговорил Палин.

Он обошел стол, и свет кристалла упал на многочисленные полки с книгами и свитками. Книги в синих переплетах, по-видимому, остались от безвестного мага Фистандантилуса. Сборники заклинаний в черных и красных переплетах, с серебряным и золотым тиснением, могли принадлежать как самому Рейстлину, так и другим чародеям, жившим когда-то в Башне.

С горящим взором Палин замер перед стеллажами. Рука сама было потянулась к одной из книг, но маг вовремя одумался.

— Зачем себя дразнить? — с горечью произнес он. — Ведь я знаю, что достаточно взглянуть на титульный лист, и можно запросто сойти с ума.

Тас, сопровождавший Рейстлина в его странствиях, неоднократно слышал о случаях, когда неопытный, невысокого ранга маг брался за чтение книги, не соответствующей его уровню владения искусством. Кончалось это тем, что несчастный впадал в безумство.

— Очень предусмотрительно с твоей стороны, Палин, — вслух заметил Тас. — Когда я однажды взял в руки сборник заклинаний, Рейстлин отнял его у меня и заявил, что ему вовсе не хотелось бы иметь на руках кендера-психа. Я его поблагодарил за заботу, но довольно сдержанно — мне все же любопытно было бы сойти с ума. Рейстлин ответил на это: возиться с умалишенным кендером — зна-

чит подвергаться невероятным самоистязаниям. Великий маг пояснил, что если бы его два десятка людоедов отлупцевали палками, то он отнесся бы к этому как к щекотке, в сравнении с теми мучениями, которые неминуемы в компании со свихнувшимся кендером... Я, впрочем, не уверен, что он именно так говорил.

— Дядюшка Тас, — сдавленным голосом произнес Палин, словно его душили. — Мне не хочется говорить резкости тому, кто старше меня... Но прошу тебя — замолчи!

Он снова принялся курсировать по лаборатории, внимательно все осматривая и ничего не трогая. Маг дважды обошел помещение, оставляя необследованным один небольшой островок. Место это находилось как раз напротив того угла, где стоял Тас.

Для кендера не было тайной, что там. И Карамон, и Танис рассказывали ему о той части святилища Рейстлина, которую Палин так старательно избегал.

Палин задумчиво смотрел на этот темный островок. Очевидно, его раздирали сомнения, и он не знал, что предпринять.

В отличие от Таса, который совершенно точно знал, что нужно делать.

«Он все еще побаивается, — тряхнув хвостиком на затылке, рассудил кендер. — Как иначе объяснить то, что он впустую кружит по лаборатории, вместо того чтобы действовать. Я мог бы ему посоветовать... Впрочем, нет. Если вспомнить себя молодого, то советы старших мы, как правило, не слушали. Хотя можно просто намекнуть. Нам нужно спешить. Дело идет к ужину. Насколько мне известно, пища в Бездне хоть и питательная, но

вкусовой изысканностью не отличается. И так — решайся, Тас. Пусть он сначала отвернется...»

Палин рассеянно перебирал свитки; разглядывал, неохотно возвращал на прежнее место; временно о чем-то напряженно думал.

— Ну давай — найди тот, который тебя интересует, — пробормотал Тас.

И Палин нашел... Взяв очередной свиток и внимательно изучив сургучную печать, маг вдруг просиял. Торопливо сломал печать, расправил пергамент и углубился в текст.

Тассельхоф, покинув свой угол, бесшумно пересек лабораторию и шагнул на каменный приступок, служивший фундаментом для Врат в Бездну.

— Послушай, Тас, как интересно, — проговорил Палин и обернулся. — Тас? — обеспокоенно позвал он, не увидев кендера на месте.

— Палин! Ты только посмотри, что я нашел, — с вызовом произнес Тассельхоф.

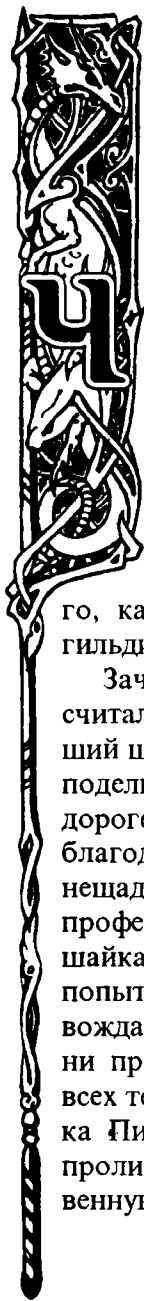
Он взялся за шелковый шнур, свисавший сбоку от алого занавеса, и потянул его.

— Остановись, Тас! — крикнул Палин и, вырвав из рук свиток, бросился к кендеру. — Не надо! Мы окажемся...

Но было уже поздно.

На месте поднятого занавеса образовалось столько пыли, что Тас едва не задохнулся.

— О-ба-на!.. — донеслось до Палина полное зловещего смысла восклицание — обычно последнее, что слышат на этом свете те, кто имел несчастье оказаться спутником кендера.

27. Воровская Гильдия. Новый ученик

Члены Воровской Гильдии Палантаса могли похвастаться (и они это с удовольствием и не без апломба делали время от времени), что их гильдия являлась старейшей в городе. Хотя никаких документальных подтверждений этому не находилось, воры были недалеки от истины. Подобного рода шатия-братия существовала задолго до того, как сформировались процветающие теперь гильдии серебряников, парфюмеров, ювелиров...

Зачинателем генеалогического древа Гильдии считался некто Кошка Пит, субъект, склотивший шайку в дремучих лесах Соламнии. Он и его подельники занимались грабежом на большой дороге. Свое прозвище Пит получил отнюдь не благодаря своим повадкам. Просто однажды его нещадно высекли плеткой, которая у палачей-профессионалов зовется «кошка». Грабила шайка очень избирательно. Пит никогда не делал попыток напасть на знатного вельможу, сопровождаемого охраной, мага, к какой бы касте тот ни принадлежал, богатого торговца — то есть всех тех, кто был (или мог быть) вооружен. Кошка Пит объяснял это тем, что был не склонен проливать кровь (в первую очередь свою собственную).

Он довольствовался тем, что обирал одиноких и невооруженных путников: странствующего лудильщика, менестреля, мелкого торговца, обнищавшего студента, одинокого жреца-правдоискателя...

Имея дело со столь жалкой, ненадежной клиентурой, предводитель и его разбойнички едва сводили концы с концами. Но Кошка Пит не терял надежды, что однажды судьба пошлет им такого лудильщика, у которого посреди хлама и старья обнаружится кубышка с драгоценными камнями...

Как-то в одну особенно суровую зиму, когда члены шайки вынуждены были питаться собственной обувью и уже плотоядно поглядывали друг на друга, Кошка Пит окончательно и бесповоротно решил дать деру. Он тайно покинул лагерь с твердым намерением сделать себе состояние — или, по крайней мере, добыть корку-другую хлеба — во вновь основанном граде Палантасе...

Под покровом ночи он взобрался на городскую стену... и столкнулся со стражем.

Те, кому Кошка Пит представляется в романтическом свете, станут вас убеждать, что между рыцарем удачи и свирепым стражем завязался неравный поединок, но в конце концов авантюрист все же одолел громилу-гвардейца и, окрыленный победой, вошел в город.

Те же, кто не поленится заглянуть в архивы караульной службы, найдут достоверное упоминание о происшествии на городской стене... После того как стражник пригрозил «бродяге-доходяге» «выпустить из него дух», Кошка Пит рухнул на колени, обнял «благодетеля» за ноги и стал умолять о пощаде.

И надо же было такому случиться, что в тот момент страж поскользнулся на полу замерзшей

лужи. А поскольку ноги у него оставались в замке рук Пига, он потерял равновесие и полетел вниз со стены.

Пит тоже спустился со стены, хладнокровно вывернул карманы у свернувшего шею гвардейца и двинулся в город. Местом его первого ночлега стал коровий хлев, и благодаря этому можно сказать, что Гильдия «родилась» из коровьего помета.

В действительности основателем воровского «цеха» была подруга Пига — Проворная Бат.

По мере разрастания города, по мере того как его жители богатели, набирал силу и воровской промысел, становясь неотъемлемой чертой городской жизни. Нередко получалось так, что вору забирались в дом, который был очищен их «коллегами» днем ранее. Нельзя не упомянуть и о случае, когда усадьба богатого горожанина в одну ночь подвергалась нашествию сразу трех групп грабителей. Такое совпадение не могло не обернуться воровской разборкой. Естественно, поднялся шум. Слуги хозяина дома действовали решительно. Большинство грабителей было задержано. До утра они оставались под замком в винном погребе, а на следующий день еще до полудня всех их повесили. В числе тех, кому не посчастливилось, оказался и Кошка Пит. Говорили, он боролся до конца, словно раненый зверь. Хотя городской архив дает иную картину: перед помостом с виселицей Кошка Пит окончательно потерял присутствие духа — с ним случилась истерика, и ноги едва держали его; посему тюремщикам пришлось за шиворот тащить его на помост.

Спустя некоторое время после казни Проворная Бат организовала нечто вроде поминок, на кото-

рые созвала известных ей и неизвестных карманников, домушников, мокрушников. На этом сборище Бат произнесла проникновенно-вдохновительную, зажигательную речь. Она сказала, что для всех будет лучше, если объединить их силы и умения, застолбить территорию, договориться о дележе добычи, впредь не наступать друг другу на пятки. Так как тела товарищей еще грустно раскачивались на виселице и все их видели, собравшиеся согласились с доводами Бат и никогда потом об этом не жалели.

С тех пор дела Гильдии шли довольно успешно, она, можно сказать, процветала. Ее члены руководствовались в своих действиях неписаными «цеховыми законами» и воровским этикетом. Каждый член Гильдии обязан был вносить определенную сумму в «цеховую кассу». В свою очередь, ему гарантировалась выручка; когда возникала надобность, он обеспечивался алиби; в случае розыска всегда мог рассчитывать на укромное место.

Штаб-квартира Гильдии размещалась в помещении большого заброшенного склада, расположенного вблизи порта. Здесь воры могли чувствовать себя в полной безопасности. Правитель Палантаса время от времени заявлял, что он твердо намерен покончить с жульем. Вслед за заявлением силами гвардии города проводился рейд на территорию склада. Но осведомители Гильдии всегда заранее знали о грядущей неприятности, и гвардейцы каждый раз находили штаб-квартиру покинутой. Правитель Палантаса уведомлял граждан, что благодаря усилиям властей Воровская Гильдия дезорганизована и больше не у дел. Однако жители, неоднократно слышавшие подобные заверения, продолжали по вечерам шелкать зам-

ками, греметь засовами и дверными цепочками, а по утрам подсчитывать убытки после очередной кражи.

Если говорить начистоту, люди хотя и питали отвращение и неприязнь ко всему, что касалось Гильдии, в то же время и гордились ею. Обычному хапуге-торговцу, обсчитывающему и обвешивающему горожан и, в сущности, уподоблявшемуся грабителям, такое отношение к Гильдии давало повод для сетований. Молодые девушки мечтали о красивом и бесстрашном разбойнике, которого они силой своей самоотверженной любви вырывают из тенет преступного мира и наставляют на путь добродетели.

Граждане Палантаса свысока смотрели на жителей небольших городов, где жулики не имели своего «цеха», уступали, так сказать, по фактуре, являясь выходцами из нищих слоев общества. В Палантасе все время передавалась из уст в уста история о том, как некий грабитель, очутившись в доме бедной вдовы, был настолько потрясен ее бедственным положением, что в благородном порыве оставил ей все имевшиеся при нем деньги... Бедные вдовы Палантаса охотно оспорили бы эту трогательную, душещипательную версию, но кого интересовало их мнение...

Именно в штаб-квартиру Гильдии, более прозаично именуемую — «цех», направлялись Дуган и Аша. Улица, где располагался склад, была темна и пустынна, что ничуть не смущало девушку. Куда они шли, ее не интересовало — лишь бы подальше от ненавистной Башни. Аше нравились грубовато-добродушные манеры гнома; ее восхищало его умение элегантно одеваться... и вообще она ему доверяла.

Девушка и не догадывалась, что за ними уже довольно долго следят и, оказись она одна, ей давно бы перерезали горло. Птичьи рулады и кошачье мяуканье (Аша ни на миг не усомнилась, что это поют птицы и кричат кошки) сопровождали Дугана и его новую знакомую до самого «цеха», хранили их от неминуемого нападения.

Здание склада представляло собой серого цвета сооружение, неуклюжее, облезлое, ветшающее. Будучи выстроенным из того же материала, что и городская стена, и находясь в непосредственной от нее близости, склад напоминал со стороны опухоль, образовавшуюся на здоровом теле стены. Мутные стекла окон почти не пропускали света. Там, где стекла отсутствовали, в проемах торчало тряпье. При случае эти проемы быстро превращались в бойницы — отличные позиции для лучников.

На массивной, обитой железом двери имелся отличительный знак Гильдии.

Дуган подошел к двери; раздался условный стук.

После этого в нижней части двери открылось отверстие, сквозь которое смотрел чей-то глаз. Внимательно изучив Ашу и Дугана, глаз исчез; отверстие закрылось.

— Ты хочешь сказать, что здесь кто-то живет? — изумилась Аша.

— Тсс... Тише, малышка, — предостерег Дуган. — Здешние обитатели очень высокого мнения о своем жилище.

Девушка не поняла, чем тут можно было гордиться, но решила воздержаться от расспросов. Она оглянулась. Вдалеке высилась Башня Высшего Волшебства. Аше показалось, что она различает

окно кабинета Даламара. Ей представилось, как маг, стоя у окна, высматривает ее на улицах города. Снова стало страшно, и Аша произвольно придвинулась к Дугану. Ей хотелось сейчас только одного — чтобы их поскорее впустили.

Девушка повернулась к двери и вздрогнула, обнаружив, что та уже открыта. Поначалу она никого не заметила в проеме — за порогом была лишь темнота... и ужасный запах помоев. Аша решила, что смердит изнутри здания, но в этот момент прямо перед ней, из центра невидимого зловонного облака, прозвучал голос:

— Что надо?

— Ба, да это гном! — воскликнула девушка.

— Прикуси язык! — одернул ее Дуган. — Это овражный гном. Нужно все-таки различать...

— Но это... Я имею в виду... он... — Как было назвать это существо в невероятных лохмотьях? Аша хотела сказать, что он похож на Дугана, но, заметив гневный взгляд спутника, запнулась.

— Мне нужен Линч, — проговорил Дуган. — Передай ему, что его хочет видеть Красный Молот. Скажи, я могу кое-чем его заинтересовать... Но пусть не думает, что я буду топтаться у порога весь день.

— Стоп! — внезапно выкрикнул овражный гном. — У меня голова пошла кругом от твоих «скажи» и «передай».

У Аши тоже начинала кружиться голова, правда — из-за запаха.

— Я себя что-то паршиво чувствую, — вяло произнес гном. — Похоже, меня сейчас вырвет.

— Ну, это ты брось! — воскликнул Дуган, отступая на безопасное расстояние. — Присядь, отдышись...

— А что плохого? — разгорячился вдруг гном. — Что тут плохого, если я рыгну!

— Отправляйся за Линчем, опарыш, — приказным тоном проговорил Дуган, вытирая со лба испарину.

— Кто такой Линч? — поинтересовалась Аша, когда овражный гном растворился в проеме.

— Его полное имя — Линчеванный Джефффри, — вполголоса ответил Дуган. — Он — глава Гильдии.

— Странное имя, — тихо произнесла девушка. — А почему его так зовут?

— Потому что он был линчеван.

— А что это значит?

— Это значит, его повесили... Только не упоминай при нем о его шраме — он болезненно это воспринимает.

Аша хотела полубопытствовать, каким образом однажды повешенный продолжает здравствовать, но в этот момент в дверях появился сам Линчеванный Джефффри.

Он был высок, строен, гибок. В глаза бросались непропорционально большие руки, с длинными тонкими пальцами, которые не переставали сжиматься и разжиматься, подрагивать, трепетать. Некогда Джефффри был виртуозом карманником. Однажды, как рассказывают, он на спор умудрился снять с какого-то аристократа шелковую сорочку, не тронув при этом жилета. Линч говорил, что упражнения для пальцев помогают держать руки в форме. На шее главы Гильдии отчетливо выделялся малинового цвета шрам. Лицо не представляло собой ничего сколь-нибудь замечательного — какая-то блеклость, расплывчатость, неясность. А посему первое, на чем останавливался

при знакомстве взгляд, — жуткий малиновый след от петли.

— Ну что ты тарачишься, цыпа? — зло произнес Линч.

Аша стушевалась, отвела взгляд от шеи. Маленькие глаза Линча, глаза-буравчики, бесцеремонно ощупывали, цеплялись, елозили.

Линч, фыркнув, повернулся к Дугану:

— Где ты пропадал, старина? Только на днях о тебе вспоминали... Нужен был туннель. А вы, гномы, в этом деле незаменимы.

— Так... подвернулась одна работенка, — пробормотал Дуган, которому не понравился насмешливый тон приятеля. — Давай сразу по существу... Моя знакомая, — Дуган указал на Ашу, — в городе впервые. Ей нужен кров, ночлег.

— У нас не постоянный двор, — отрезал Линч и взялся за ручку двери.

Дуган поставил перед дверью ногу:

— Дай мне закончить... Я хочу сказать, что малышке нужно как-то подрабатывать. Ее следует чему-нибудь натаскать. Расходы по обучению я беру на себя.

Глаза-буравчики снова впились в девушку. Аша вспыхнула. Ей не нравился этот человек, с пальцами, напоминавшими лапки паука. Она даже представить себе не могла столь отталкивающего на вид субъекта в роли своего учителя. Аша решила, что ей здесь нечего делать, и уже повернулась, чтобы уйти, как вдруг заметила в конце переулка черного мага.

Вообще на улицах Палантаса довольно часто встречались маги в черных мантиях. Многих даже связывали общие дела с Воровской Гильдией. Но Аша почему-то подумала, что стоящий невдалеке

маг — это непременно Даламар. Колдун с надетым на голову капюшоном как будто что-то выискивал.

Девушка, надеясь, что ее еще не видели, шагнула в дверной проем. Схватила руку Линча и усердно затрясла ее.

— Я счастлива с тобой познакомиться, — торопливо проговорила она. — Я буду стараться... Я очень прилежна и настойчива. — Она шмыгнула мимо Линча в полумрак склада и, совсем не обращая внимания на запах, облегченно вздохнула.

Дуган и Джеффри лишь подивились такому внезапному всплеску энтузиазма.

— Шустрая, должен заметить, — проговорил Линч. — Да и кисти сильные, — добавил он, потирая руку.

Из широкого черного пояса на талии Дуган вытащил кошелек и подбросил его на ладони.

— Договорились, — произнес Линч, впуская гнома. — Как твое имя, цыпа?

— Аша, — ответила девушка, с любопытством озираясь по сторонам.

Помещение напоминало пещеру. Часть его площади занимали столы и стулья, словно это был гостиный зал большой таверны. На стенках пылали факелы, на столах горели свечи. «Цеховики» пребывали в праздности: пили и закусывали, играли и заговорщически беседовали, а иные просто спали. Присутствовавшие были представлены всеми возрастами и расами, населявшими Ансалон. Воровская Гильдия всегда отличалась от прочих тем, что не знала классовых и расовых предрассудков, предвзятости, предубеждений. За одним столом дружески сидели человек и эльф; гном играл в кости с великаном-людоедом; хобгоблин и кендер соревновались в количестве выпитого; чаро-

дейка в красной мантии и минотавр увлеченно спорили о Саргоннасе. Между столами мелькали целиком поглощенные в свои игры дети... Но большая часть «цеха» была погружена во мрак, и что там еще могло быть — оставалось только гадать.

Никто не обращал на Ашу никакого внимания. Рассчитывая несколько подняться в глазах своего будущего наставника, девушка сказала Линчу:

— Мое полное имя — Аша Маджере. Я — дочь Рейстлина.

— А-ха?.. В таком случае — я его мамаша, — отозвался Джеффри и сплюнул на пол.

Ашу ответ ошарашил:

— Прошу прощения?..

— Дочь Рейстлина!.. — Линч мерзко захохотал. — Куда деваться — все говорят одно и то же. В прошлом году я трижды слышал такие заявления. — Голос Джеффри стал жестче. — Кто ты? Пришла сюда шпионить?!

Молниеносным движением, за которым трудно было уследить глазу, Линч выхватил нож.

— С ищейками у нас разговор короткий.. Не так ли, братя?

Сидевшие за столами повскакивали с мест. Оголились мечи, в пламени факелов заблестели ножи. Наступила зловещая пауза. Аша похолодела.

Дуган встал между девушкой и Линчем и вновь подбросил на ладони кошелек.

— Ты меня знаешь, Джеффри... Стал бы я приводить сюда ищейку! Малышка воображает, что ее отец Рейстлин Маджере... — Дуган, казалось, слегка взволнован. — Пусть себе говорит что хочет.

Щурясь, он окинул взглядом стоявших вокруг головорезов.

— Многие ли из *вас* точно могут сказать, кто были их родители?

В ответ раздалось вполне миролюбивое ворчание. Столь же миролюбивые кивки свидетельствовали о вескости довода Дугана. Пухлый кошелек на ладони гнома стал решающим аргументом.

— Извини, цыпа! Я был несколько поспешен в своих выводах, — проговорил Линч, и нож исчез из его руки так же быстро, как и возник. — У меня очень впечатлительная натура. Я — буквально оголенный нерв... Мы возьмем тебя в ученицы. Условия прежние, — добавил он, обращаясь к Дугану. — Но какова цель обучения?

— Есть одна неординарная работенка, — уклончиво ответил гном.

Линч нахмурился:

— Что за работенка?

— Тебе об этом знать вовсе не обязательно, — твердо сказал Дуган. — Я плачу, ты обучаешь. Вот и все.

Будь кошелек меньших размеров, Линч так просто от гнома не отцепился бы. Продолжая хмуриться, он лишь предупредил:

— Не забывай, что Гильдии причитается доля.

Дуган посмотрел по сторонам — напряжение на лицах еще читалось. Он снял шляпу, прижал ее к груди и, словно давая клятву, сказал:

— В случае успеха все получают свою долю — это я твердо обещаю. Если нас постигнет неудача, вы останетесь в стороне.

Дуган вздохнул, будто на душе у него лежало какое-то тяжелое бремя.

— Вот это разговор! — сказал Линч, подобросил кошелек и ловко поймал его. — Чему мы долж-

ны ее научить?... Как насадить на крючок наживку? Как подсекать? Как сматывать удочки?

Линч и Дуган отошли в сторону и стали негромко совещаться.

Аша присела за свободным столом. Мальчишка в обносках принес ей порцию тушеного мяса и кружку эля. Аша, не раздумывая, принялась за еду. Пока ее все устраивало, и единственное, что тревожило девушку, — судьба Палина.

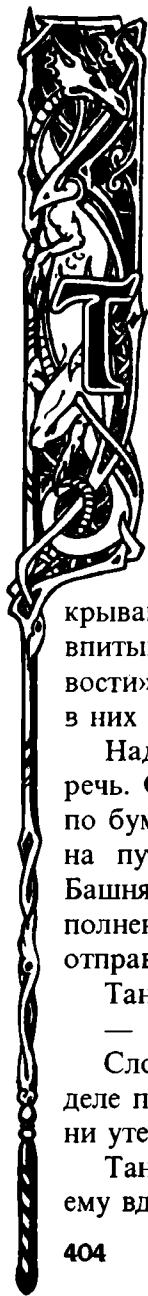
Но молодое сердце всегда питает надежда, и в особенности если оно испытывает сладостные порывы первой любви.

«Боги не свели бы нас вместе только для того, чтобы тут же разлучить».

Так думала Аша, и пусть эта убежденность не говорила о знании реальности жизни, зато достаточно красноречиво характеризовала веру.

Насытившись, Аша разомлела, блаженствовала. Она больше не боялась этих странных, свирепого вида личностей.

Насадить на крючок наживку, сматывать удочки... Она попала к обычным рыбакам — какие могут быть сомнения.

**28. Предупреждение.
Трое сходятся вместе.
Танис должен выбрать**

Танис стоял на одном из бастионов Башни Верховного Жреца и смотрел на пустынную, обезлюдившую дорогу, ведущую в Палантас. Он думал о том, что город, вероятно, охватила паника.

Слух о наступлении врага на Палантас распространился уже на рассвете. Теперь был полдень. Горожане, очевидно, позакрывав магазины и лавки, высыпали на улицы и впитывают, как губка, самые невероятные «новости», и чем они нелепее, тем с большей охотой в них верят.

Надо полагать, к вечеру у правителя созреет речь. Он выйдет на балкон своей резиденции и по бумажке ее прочитает. Заверит граждан, что на пути у врага несокрушимая твердыня — Башня Верховного Жреца. Затем с чувством выполненного долга правитель покинет балкон и отправится ужинать.

Танис скептически хмыкнул:

— Кто бы пришел и меня успокоил, утешил...

Словно потворствуя его желанию, в самом деле появился некто — не принесший, впрочем, ни утешения, ни успокоения.

Танис вышагивал вдоль зубцов стены, когда ему вдруг почудился какой-то шорох за спиной.

Он повернулся... и нос к носу столкнулся с черным магом.

— Какого... — Чтобы не потерять равновесия Танис оперся о зубец. — Даламар! Откуда?.. Как?..

— Из Палантаса... Дорогами магии... И у меня нет времени слушать твое заикание. Ты несешь службу?

— Я? О нет! Я лишь...

— Тогда проводи меня к предводителю рыцарей, — поторопил Даламар. И скажи этим глупцам, чтобы они вложили мечи в ножны. Иначе от них останутся только лужицы расплавленного металла.

Рыцари-дозорные, встревоженные появлением на стене постороннего, взяли темного эльфа в кольцо.

— Уберите мечи, — сказал им Танис. — Это повелитель Даламар из Башни Высшего Волшебства. Для него не составит большого труда исполнить свою угрозу. Хотя мечи нам в самом деле скоро понадобятся. Сходите кто-нибудь к Томасу и скажите ему, что мы просим у него аудиенции.

— Ты прав, Полуэльф, говоря, что вам понадобятся мечи, — заметил Даламар, направляясь к лестнице, ведущей во внутренние помещения Башни. — Хотя мне кажется, в чем вы действительно нуждаетесь — так это в чуде.

— В не столь далеком прошлом Паладайн на чудеса не скупился.

— Да... — Даламар посмотрел по сторонам. — Но я не вижу ни одного чародея, погруженного в магический транс и бормочущего заклинания над своим огненным шаром...

Темный эльф внезапно остановился, взглянул на Таниса.

— Скверные времена грядут, — продолжал он. — Тебе не следует здесь оставаться. Возвращайся домой, к жене... Проще простого это устроить. Только скажи, и я мигом переправлю тебя на родину.

— Неужели все так плохо? — не сводя с Даламара глаз, спросил Танис.

— Весьма и весьма, — тихо проговорил маг.

Танис поскреб бороду.

— Сначала я хотел бы все до конца выяснить, а уж потом решать.

— Как тебе угодно. — Пожав плечами, Даламар снова заторопился. Полы мантии путались в коленях. Попадавшие навстречу рыцари, давая дорогу, сторонились и провожали чародея настороженными, враждебными взглядами.

Танис и Даламар вошли в просторный холл, предшествовавший залу Совещаний. К ним тут же устремился рыцарский караул.

— Я ищу властителя Томаса, — сказал Танис.

— А он ищет тебя, господин, — отозвался рыцарь. — Я послан сказать тебе, что в связи с последними событиями созван Совет Рыцарства. Господин Томас ожидает прибытия Даламара с известиями...

— И чем скорее я увижу Томаса Тальгаардского, тем лучше, — сказал темный эльф.

Рыцарь узнал мага и отвесил легкий поклон.

— Властитель Томас выражает тебе свое глубокое почтение. Ты можешь передать свое сообщение через меня или сэра Таниса. Долее Томас Тальгаардский не смеет тебя задерживать...

— Меня задерживать!.. Этого вам в любом случае не удалось бы. Я здесь по собственной воле и после разговора с господином Томасом по собственной же воле вас покину.

— Повелитель... — Рыцарь подыскивал нужные слова. — Ты ставишь нас в затруднительное положение. Могу я говорить напрямую?

— Если это ускорит церемонии...

— Поскольку ты враг, то...

Даламар покачал головой:

— Враги на самом деле не так уж далеко, рыцарь. Я не вхожу в их число.

— Возможно, — неуверенно проговорил воин. — Но возможно также и то, что ты послан своей Королевой, чтобы заколдовать наших командиров.

Даламар побледнел.

— Если бы я хотел их заколдовать, рыцарь, то мог бы преспокойно это сделать, не переступая порога своего кабинета. Не сходя с этого места, я мог бы...

— Но он не станет делать ничего подобного, — поспешил вмешаться Танис. — Даламар преследует самые добрые намерения — и я готов поклясться в этом. Пусть моя жизнь будет тому ручательством.

— И моя тоже, — донесся со стороны чей-то тихий голос.

В сопровождении своего белого тигра и группы рыцарей, державшихся чуть позади, в холл вошла леди Крисания.

Зверь всех внимательно оглядел. Его пристальный, пронизательный взгляд никоим образом не напоминал бегающий, настороженный взгляд животного.

Это могло быть игрой воображения, но на миг Танису показалось, что тигр и Даламар знают друг друга...

Караульные, встав на одно колено, преклонили головы.

Праведная дочь Паладайна приняла адресованное ей приветствие и велела им подняться, затем повернулась в Даламару. Тот ограничился полупоклоном головы.

После едва слышной команды тигр подвел хозяйку к магу. Крисания протянула для приветствия руку.

Даламар легонько коснулся ее кончиками пальцев.

— Спасибо за поддержку, Посвященная, — произнес маг с почти неуловимой иронией.

Крисания обратила лицо к рыцарям:

— Окажите любезность, господа, — проводите нас троих к Томасу Тальгаардскому.

С какой бы охотой рыцари препроводили Даламара в подземелье. Но увы, они вынуждены были подчиниться ее просьбе. Соламнийцы поклонялись и служили Паладаину. Праведная дочь Крисания возглавляла всех поклоняющихся Паладаину и почитающих его как верховное божество.

— Сюда, господа, — проговорил рыцарь, приказав своим людям встать «на караул».

— Как ты узнала, Посвященная, что я здесь? — вполголоса поинтересовался Даламар. — Жрецы следят за мной?

— Все мы под пристальным наблюдением Паладайна... Пастух приглядывает за всем стадом, какого бы цвета ни были его овцы, — добавила с улыбкой Крисания. — В действительности, маг, я не знала, что ты здесь. Палантас наводнили странные слухи. Никто не может ничего толком объяснить. Потому я решила все разузнать сама.

Легкое ударение на слове «никто» насторожило Даламара.

— Неужели Паладайн держит тебя в неведении относительно того, что делается в мире?

Крисания оставила вопрос без ответа, но по выражению озабоченности на лице Даламара и так все стало ясно.

— В моих словах нет иронии или сарказма, — продолжал он. — Дело в том, что Нуитари, которому я поклоняюсь, столь же немногословен и странно пассивен в последнее время. То же самое я могу сказать о прочих покровителях магии — Лунитари и Солинари. В равной степени это касается и поведения моей Королевы. — Даламар пожал плечами. — Нуитари как-то сник, и, естественно, это отразилось на мне. Такое впечатление, что боги поглощены чем-то...

Крисания оживилась:

— Ты абсолютно прав. О слухах, что ходят в Палантасе, я поведала Паладайну в своей молитве... Видишь амулет у меня на шее? — Она показала на серебряный медальон с изображением дракона. — До недавнего времени, обращая свои молитвы к Паладайну, я чувствовала его отклик на них, ощущала его любовь ко мне. Этот медальон, — Крисания благоговейно коснулась металла, — начинал испускать мягкий голубоватый свет. И душа успокаивалась, заботы и тревоги оставляли меня...

Помолчав, Крисания продолжала:

— Некоторое время назад медальон потускнел. Я знаю, Паладайн по-прежнему слышит меня, сопереживает... но, боюсь, ему просто нечем меня утешить. Я подумала, может быть, к этому имеет какое-то отношение повелитель Ариакан.

— Возможно, — с сомнением в голосе проговорил Даламар. — Весьма вероятно, скоро все прояснится — Палин Маджере вошел во Врата.

— Это верно? — поразились Крисания.

— Боюсь, что да.

— Но как ему это удалось? Ведь ты держишь лабораторию закрытой, и кроме того, она под присмотром стражей!

— Он был приглашен, госпожа, — сухо ответил Даламар. — Думаю, ты догадаешься кем.

Краски сошли с лица Крисании. Она сбилась с шага. Тигр прижался к хозяйке, как бы предлагая опору. Танис поддержал женщину за локоть. Чувствуя, что она дрожит, полуэльф сердито посмотрел на мага.

— И ты не воспрепятствовал? — горько спросил Танис. — Его следовало остановить!

— В данной ситуации от меня мало что зависело, — сверкнув глазами, сказал Даламар. — Вам хорошо известно, что в магии Рейстлин сильнее.

— Рейстлин Маджере мертв, — убежденно проговорила Крисания. Ее минутной слабости как не бывало. Она распрямилась, отстранила руку Таниса. — За свою жертву он обрел вечный покой. Если Палина Маджере заманили в Бездну — это сделал кто-то другой.

Даламар хотел что-то добавить, но, заметив предостерегающий взгляд Таниса, лишь иронично усмехнулся и промолчал.

На пути в Зал Совещаний никто больше не произнес ни слова. Следуя за провожатым, они вошли в длинный коридор, на стенах которого висели штандарты с фамильными гербами.

Танис отыскал штандарт Маджере, занявший свое место среди прочих, после посвящения братьев в рыцарство. На гербе была изображена роза, погруженная в бутылку с пенящимся элем. Танису всегда казалось, что герб Маджере больше напо-

минает вывеску у входа в таверну. Но Карамон, приложивший немало усилий, чтобы придумать герб, очень гордился им. Танис же слишком любил своего друга и боялся обидеть его неосторожным словом.

Раздумья полуэльфа были прерваны появлением в коридоре двух оруженосцев. Взобравшись на принесенные с собой лесенки, они принялись драпировать штандарт Маджере черной материей...

— Господа... праведная дочь — соизвольте пройти в зал.

Офицер распахнул перед ними двери зала, где проходили заседания Совета Рыцарства.

Совет созывался только в особых случаях из глав трех рыцарских орденов: Розы, Меча и Короны. Этот триумвират назывался Мерой. На Совете определялась стратегия войны, согласовывались командные полномочия, назначался предводитель, разбирались поступки, пятнающие звание рыцаря, воздавалось должное проявившим героизм, решались накопившиеся текущие вопросы.

В некотором отдалении от входа, прямо напротив дверей, стоял стол, с выгравированной на нем символикой трех рыцарских орденов. Державший слово выходил в центр зала и останавливался в шаге-двух от стола. На Совете разрешалось находиться и тем рыцарям, которые были свободны от выполнения служебных обязанностей.

Совет начинался произнесением присутствующими девиза: *Est Sularus oth Mithas*. Если заседание проходило в связи с каким-либо радостным, торжественным событием, перед его началом исполнялся Рыцарский Гимн.

На этот раз церемония начала заседания прошла без пения Гимна.

«Гости» официально представились Совету.

После того как для них были принесены стулья, Томас Тальгаардский произнес:

— Должен сказать, сегодняшнее заседание я считаю довольно необычным. Простите мои слова, но мне не нравится нынешняя встреча. Она похожа на дурное предзнаменование. Я вижу в ней что-то роковое.

— А по-моему, обстоятельства свели нас вместе как раз для того, чтобы мы могли ускользнуть от рока, — задумчиво проговорила Крисания.

— Хотелось бы в это верить, Посвященная, — сказал Томас. — Вижу твоё нетерпение, маг. Что заставило тебя решиться на столь необычный шаг? За всю историю существования Совета Рыцарства это первый случай, когда Черная Мантия присутствует на заседании.

— Властитель, — голос Даламара звучал резко, по-деловому, — из своих источников, которым я полностью доверяю, мне стало известно, что завтра на рассвете рыцари Такхизис пойдут на штурм Башни.

У Крисании вырвался взглас изумления:

— Завтра?!

Лежащий у ее ног тигр сдержанно зарычал. Праведная дочь, поглаживая массивную голову, что-то ласково прошептала на ухо зверю.

— Так скоро? Возможно ли это?..

«Так вот что имел в виду Даламар, предлагая мне покинуть цитадель, — подумал Танис. — Если я останусь, то волей-неволей приму участие в сражении. Он прав: мне нужно возвращаться».

Взгляд господина Томаса по очереди задержался на каждом из собравшихся. Предводители орденов Меча и Короны с каменными лицами хра-

нили молчание. Свое мнение они могли выразить только с разрешения Главы Совета.

Томас теребил усы.

— Надеюсь, повелитель Даламар, ты не примешь мой вопрос за нездоровое любопытство... Но все же — почему ты решил известить нас о штурме?

— Не вижу надобности объяснять, почему я что-то делаю так, а не иначе, — холодно ответил Даламар. — Скажем, для того, чтобы вы успели произвести необходимые приготовления перед битвой. Танис Полуэльф, если и не знает причин моего поступка, может поручиться за правдивость моих слов.

— Думаю, я догадываюсь о мотивах, — тихо произнесла Крисания.

— Если вы хотите знать, откуда мне это стало известно, я могу удовлетворить ваше любопытство, — продолжал Даламар, не обращая внимания на слова Крисании. — Новость сообщил мне рыцарь Такхизис, некий Стил Светлый Меч.

— Сын Стурма Светлого Меча, — напомнил Танис членам Совета.

Рыцари помрачнели, нахмурились.

— Тот, кто надругался над могилой отца, — вставил один.

— А я бы сказал — получивший его благословение, — поправил Танис. — Дьявол! Я уже давал исчерпывающие объяснения по поводу всей этой истории... вот в этом самом зале.

Рыцари молчаливо обменялись взглядами.

Танис Полуэльф был легендарной фигурой в Соламнии, прославленной и влиятельной личностью, а предстал перед Советом Рыцарства как прямой пособник Стила, верноподданного Владычи-

цы Тьмы. Ему пришлось объяснять, как получилось, что он сопровождал рыцаря Такхизис к месту захоронения Соламнийцев; как получилось, что он оказывал содействие человеку, надругавшемуся над священными останками, похитившему магический меч; как получилось, что он и Карамон Маджере помогли спастись «выродку», осквернившему прах отца и вдобавок в стычке при отступлении ранившему нескольких рыцарей.

В изложении Таниса неприятная история выглядела иначе.

Стил направился на могилу отца, чтобы почтить его память. Меч он получил от самого отца, вероятно, с расчетом, что магический дар поможет сыну свернуть с дороги зла. Что же касалось содействия Таниса и Карамона, их «соучастия в святотатстве», то они исполняли обет — оберегать жизнь молодого человека.

Совет Рыцарства выслушал тогда и свидетельства праведной дочери Крисании, выступившей в защиту Таниса и Карамона. Она выразила твердое убеждение, что во всем этом деле чувствовалось влияние Паладайна; ибо как объяснить тот факт, что Соламнийцы до самого последнего момента принимали Стила за своего, несмотря на его доспехи с символикой рыцаря Такхизис.

Членам Совета трудно было оспорить столь аргументированную точку зрения, столь авторитетную защиту. Совет вынес вердикт, что Танис действовал из благородных побуждений и его благородством просто воспользовались. Разбирательство на этом закончилось, но, как Танис только что убедился, история не забылась.

Вполне вероятно, ему так и не простили его «участия в деле».

Властитель Томас, теребя ус, вздохнул. Затем поочередно взглянул на предводителей орденов Меча и Короны. На свой вопросительный взгляд он получил одобрительные кивки.

— Благодарю тебя за предупреждение, Даламар, — произнес Томас. — Могу сказать, что сообщение совпадает с данными, полученными нами из других источников. Мы не знали о столь скорой развязке, хотя и предвидели ее. К штурму мы подготовились.

— Я бы не сказал, что ваши приготовления бросаются в глаза, — сухо проговорил Даламар. — Вы будете противостоять не какому-то отдельному отряду рыцарей. Сюда движется армия, огромное войско, тысячи и тысячи воинов. Ударная сила войска — варвары-наемники. У меня есть основания утверждать, что в армии Такхизис в качестве воинов есть и весьма искусные чародеи. Они не подчиняются общепринятым правилам магии и не признают их, а руководствуются своими собственными.

— Нам это известно, — отозвался Томас.

— Но вряд ли тебе известно, властитель, что они прошли Нераку. Темные жрецы ходили на руины и зазывали тени мертвых под знамена войска Такхизис. Они побывали у Даргаардской Башни, и у меня нет никакого сомнения, что среди штурмующих вы обнаружите Сота и его воинов... Повелитель Ариакан — их предводитель. Вы его сами всему научили и лучше меня знаете, чего он стоит.

Сосредоточенно-мрачные лица рыцарей были красноречивым подтверждением истинности слов Даламара.

Томас беспокойно задвигался на стуле.

— Все это так, Даламар. Все тобой сказанное совпадает со сведениями, что мы получаем от наших разведчиков... Тем не менее Башня Высшего Жреца до сих пор оставалась неприступной, ибо ее защищали и защищают люди веры.

— Может быть, потому, что люди веры ее никогда не штурмовали, — неожиданно проговорила леди Крисания.

— Рыцари Такхизис воспитаны в духе воинского братства. Они привыкли беспрекословно подчиняться своим командирам, фанатично преданы Королеве. Они готовы пожертвовать всем ради достижения своей цели. Кодекс чести, по которому они живут, столь же суров и неумолим, как и ваш. Ариакан позаимствовал его у вас. Я считаю, никогда прежде вы не подвергались такой серьезной опасности. — Даламар махнул рукой в сторону окна: — Вы говорите, что готовы к отражению штурма? Но я не вижу никаких особенных приготовлений. Не вижу, чтобы дорога была запружена отрядами конных рыцарей, змеистыми колоннами пехоты, фургонами, повозками, телегами с оружием и провиантом. Я вижу, что дорога пуста!

— Да, пуста, — согласился властитель Томас. — Хочешь знать почему? — Рыцарь сцепил на столе пальцы. — Потому что противник ее перерезал.

Танис, вздохнув, шумно поскреб подбородок.

— Мы посылали курьеров, Даламар... с просьбой оказать нам поддержку. С тех пор прошло три дня, и никакой подмоги.

— С восточных окраин Соламнии пришло известие, что пограничные крепости в осаде, — тихо продолжал Томас. — Во многих случаях курьеры, посланные за помощью, как в воду канули.

— Понятно, — в задумчивости хмурия брови, пробормотал Даламар. — Простите, этого я не знал.

— Войско Ариакана движется со скоростью лесного пожара. Огромное количество барж и плотов с войсками, припасами, осадными машинами идет вверх по реке Вингаард. Обычно в это время года река бурлит, неистовствует. Но нынешним летом из-за засухи она не столь полноводна и норовиста — эль, в стоящей на столе кружке, и то подвижнее. Варвары с востока очень умело управляют с баржами.

— Для его армий не существует препятствий. В войске Ариакана есть огромные животные — мамонты, которым ничего не стоит свалить огромное дерево и хоботом, словно бы это прут, отбросить его далеко в сторону. С воздуха армии прикрывают драконы, вселяя страх и ужас всему живому... Я ничего не слышал о духах Нераки и Соте, но не могу сказать, что особенно удивлен.

Властитель Томас распрямился; выражение лица хоть и мрачное, но полное решимости. Голос тверд; взгляд прямой, немигающий.

— Да, господа, мы готовы принять бой. «И малым числом можно стяжать большую славу» — так, кажется, говорят. — Рыцарь слегка улыбнулся. — Да не оставят нас Паладайн и Кири-Джолит.

— Они вам будут покровительствовать, — тихо произнесла Посвященная, задумчиво поглаживая тигра.

Томас озабоченно посмотрел на нее.

— Госпожа, день кончается. Тебе нужно вернуться в Палантас еще до темноты. Я распоряжусь о сопровождении.

Крисания подняла голову:

— Не глупи, Томас, у вас каждый воин на счету. Сюда я прибыла на драконе; Золотой Огонь в целости и сохранности доставит нас назад. — Она продолжала гладить тигра. — Тандар, мой поводырь, позаботится обо мне.

Зверь блаженно потянулся, затем поднялся с пола. Танис ничуть не сомневался, что с этим свирепым зверем и преданным спутником Крисания будет чувствовать себя так же спокойно, как если бы ее сопровождала сотня рыцарей.

Женщина собралась уходить. Все поднялись со стульев.

— Группа жрецов-добровольцев на пути в Башню, — сказала праведная дочь Томасу. — Своими силами они собрали фургон с провиантом. Должны прибыть до полуночи. Думаю, лишними они здесь не будут.

— Ни в коем случае, — проговорил рыцарь. — Благодарю тебя, Посвященная.

— Это то небольшое, что я могу для вас сделать, — тяжело вздыхая, вновь молвила она. — Прощайте. Я буду за вас молиться.

Она повернулась и, держась за ошейник Тандара, вышла из зала. Когда Крисания проходила мимо Таниса, он слышал ее шепот: «Вот только будут ли услышаны мои молитвы...»

— Я тоже прощаюсь, — сказал Даламар. — Я мог бы оказать вам магическую поддержку, но знаю, вы от нее откажетесь. Хочу, однако, напомнить — Ариахан, в отличие от вас, не умаляет значение магии в войне. Состоящие у него на службе чародеи без каких-либо оговорок включены в структуру воинской иерархии.

— Мне это известно, маг, — сказал Томас. — Еще раз благодарю тебя за искреннее участие... Но

наши рыцари никогда не стремились к слиянию двух сил: меча и колдовских чар. Боюсь, такая комбинация может принести больше вреда, нежели пользы.

— Возможно, ты и прав, властитель, — усмехнувшись, произнес Даламар. — Я желаю вам удачи и думаю, хотя бы от этого вы не станете отказываться. Прощай.

— Спасибо, Даламар, — сказал Томас. — Твое предупреждение было своевременным.

Чародей пожал плечами: эта проблема его больше не волновала. Он взглянул на Таниса:

— Ты со мной?

Томас тоже испытующе посмотрел на полуэльфа. От него ждали ответа.

Останется или отправится восвояси?

Танис поскреб подбородок. Он должен сделать выбор. Уйти с Даламаром — это значит беспрепятственно покинуть Башню и безопасно добратся до дома.

К Танису подошел Томас и отозвал его в сторону.

— Я подожду, Полуэльф, — сказал Даламар и со значением добавил:

— Но недолго.

Танис и Томас вышли на небольшой балкон зала Совещений. До захода солнца было еще далеко, но высокие горные пики уже отбрасывали на башню густую тень. Внизу во дворе дожидался свою хозяйку огромных размеров дракон, Золотой Огонь. Еще несколько драконов, в большинстве своем — серебряных, охраняли Башню с воздуха. Сэр Томас, всматриваясь в темнеющий горизонт, облокотился на перила балкона.

— Буду с тобой откровенен, Танис, — тихо проговорил рыцарь. — Я бы охотно воспользовался твоим присутствием в Башне. У меня мало опыт-

ных командиров. В гарнизоне в основном молодые рыцари, недавно прошедшие обряд посвящения. Их отцы и старшие братья, руководящие обычно новобранцами, защищают отчий дом.

— Мне бы тоже следовало находиться сейчас у себя, — проговорил Танис.

— И я с тобой не могу не согласиться, — подхватил Томас слова Таниса. — Если ты решишь отправиться в дорогу, я буду первым, кто пожелает тебе доброго пути. — Они смотрели друг другу в глаза. — Ты прекрасно представляешь себе наше положение — на стороне противника подавляющий перевес. Но Башня Высшего Жреца должна выстоять, иначе падет вся Соламния. Овладей Ариакан цитаделью, и он будет контролировать северную часть Ансалона, которая станет плацдармом для его дальнейших захватов. Отсюда он может с легкостью двинуться на юг. Нам понадобятся месяцы, чтобы собраться с силами и отбить Башню. И еще неизвестно, получится ли это у нас.

Танис все это прекрасно понимал. Если бы пять лет назад люди прислушались и серьезно отнеслись к его словам, к тому, что говорили и Лорана, и Крисания... и даже Даламар, — то ничего этого бы не было. Если бы люди, эльфы и гномы забыли свои пустячные обиды, поступились своими мелочными интересами и образовали союз — сейчас Башня не испытывала бы недостатка в защитниках.

Лучники-эльфы с бастионов Башни разили бы пришельцев, пехотинцы-гномы бок о бок противостояли бы натиску врага на ворота... Какая далекая от действительности картина!

«Дома меня никто не ждет, — подумал Танис. — С Лораной мы расстались...»

На пути из Утехи в Башню Высшего Волшебства полуэльф сделал остановку в своем поместье. Как всегда, ожидал радушной встречи. Но на этот раз он обманулся в своих ожиданиях: никто не приветствовал его на пороге дома. Никто из слуг не изъявил готовности позаботиться о его грифоне, уставшем за долгий перелет; те же из них, что попадались навстречу, — торопливо, отводя глаза, кланялись и тут же исчезали, обуреваемые какими-то срочными делами. Нигде не было видно его жены Лораны. На входе в дом стоял огромный дорожный сундук, и Танис с трудом протиснулся внутрь между ним и дверным косяком. Сверху доносились голоса, в коридорах раздавались торопливые шаги. Танис начал подниматься вверх. Что означал этот беспорядок, эта суматоха?

Он нашел Лорану в спальне. По комнате всюду была разбросана одежда: на полу, на кровати, на стульях, креслах, ширмах... Посреди спальни стоял еще один сундук, правда, гораздо меньших размеров. Три служанки помогали Лоране упаковывать вещи. Увлеченные своим занятием, они не заметили появления Таниса.

Полуэльф молча стоял на пороге и смотрел на Лорану — как хороша, пригожа, желанна была его жена! Танис любовался тем, как солнечный свет путался в золотистой копне ее волос, как восхитительны были ее порывистые движения... Он старался запечатлеть ее в памяти именно такой и хранить там образ жены, как он хранил у сердца ее миниатюрный портрет.

Лорана была из расы эльфов, а их век много дольше человеческой жизни. Стороннему наблюдателю (человеку) Лорана могла показаться лишь

набирающей соки женщиной. Останься она в родных краях — и ее молодость, свежесть и цветение длились бы неопределенно долго. Но она покинула родину и стала жить среди людей.

Выйдя замуж за полукровка, она тем самым порвала со своими родными, друзьями, всей расой. Все последующие годы Лорана прилагала максимум усилий для того, чтобы положить конец раздору между двумя расами.

Бремя всяческих забот и разочарований, крушение надежд замутили чистоту и прозрачность души женщины-эльфа. Пусть нежная кожа осталась не тронутой морщинами, зато в глазах прочно обосновались грусть и печаль. Пусть в прекрасных волосах по-прежнему нельзя было отыскать ни единой ниточки седины, но их необыкновенный глянец мало-помалу потускнел. Глядя на Лорану, любой эльф мог сказать, что она преждевременно вступила в зрелые годы.

Но любовь Таниса со временем только окрепла... Молчаливо наблюдая за своей женой, Танис с пронзительной горечью осознал, что, может быть, он видит любимую в последний раз.

— Гм-гм... — Танис громко прочистил горло.

Служанки вздрогнули от неожиданности. У одной из рук выпало аккуратно свернутое платье.

Лорана оторвалась от наполовину уложенного саквояжа. Улыбнулась, распрямилась.

— Что все это значит? — спросил Танис.

— Заканчивайте с этим, — сказала Лорана служанкам. — Остальное отнесите в чулан.

Обходя разбросанное на полу белье, она пересекла комнату и подошла к мужу.

Женщина нежно поцеловала Таниса. Некоторое время они стояли обнявшись, наслаждаясь близос-

тью друг друга. Затем Лорана увлекла мужа в кабинет, притворила дверь.

— Догадайся! — повернулась к Танису, сверкая глазами, воскликнула Лорана. Но прежде, чем он успел вымолвить хоть слово, она заговорила сама: — Я получила письмо от Гилтаса!.. Он приглашает меня в Квалинестии!

— Что? — Танис оторопел.

Сколько сил потратила Лорана на то, чтобы квалинестийцы позволили ей поселиться у них. Она хотела быть рядом с сыном. Раз за разом ей отказывали в этом. Лорану даже предупредили: если она или ее муж будут замечены вблизи границ Квалинестии, за безопасность их жизни никто не сможет поручиться.

— Чем вызвана столь внезапная перемена? — хмурясь, спросил Танис.

Вместо ответа Лорана взяла со стола свиток и развернула его. На письме красовался оттиск печати с изображением солнца — личной печати, которой обычно пользовался Беседующий-с-Солнцами (в настоящее время — Гил).

Танис пробежал глазами текст.

— Почерк Гиля, — произнес он, — но слова чужие. Ему диктовали, он лишь писал.

— Скорее всего, — невозмутимо согласилась Лорана. — Но какое-никакое, а приглашение.

— Это подвох, — мрачно сказал Танис. — Они держали в тюрьме Эльхану Звездный Ветер, и над ней постоянно висела угроза расправы. Квалинестии разделались бы с ней, если бы Гил не сделал так, как ему велели... Это ловушка.

— Ну конечно, глупенький, — проговорила Лорана, глаза которой светились любовью. Она

чмокнула мужа в щеку, взлохматила наполовину седую бороду. — «Ловушка лишь тогда ловушка, когда ты в нее ступил» — так говорил когда-то Флинт... Эту я чувствую за версту. Да что уж там! — воскликнула она и рассмеялась. — Ты ее даже без очков распознал.

— Они мне нужны только при чтении, — притворяясь обиженным, сказал Танис. С некоторых пор его возраст стал предметом подшучиваний жены. Они снова слились в объятиях.

— Надо думать, я такого приглашения не получил?

— Нет, любимый, — нежно ответила Лорана. — Прости... — Чуть отстраняясь, Лорана заглянула мужу в глаза. — Когда я там обоснуюсь, попробую выхлопотать и тебе...

Танис покачал головой:

— У тебя ничего не выйдет... Но хорошо уже то, что ты будешь рядом с сыном. Портиос и Эльхана...

— Эльхана!.. Я совсем забыла спросить, как она?

— Стлично... У них сын... Если бы ты видела Портиоса с младенцем на руках, ты бы его ни за что не узнала.

— Узнала бы, — сказала Лорана. — Все же он мой брат. Всегда был добр ко мне, любил меня... Да, да, — добавила она, заметив во взгляде Таниса недоверие. — Даже когда он был особенно суров и предвзят ко мне, я понимала, что это лишь попытки избавить меня от неприятностей.

— Его попытки не увенчались успехом, — с грустью в голосе произнес Танис. — Мы поженились, и что из этого вышло...

— Ты привел меня в этот дом, милый муж, — тихо проговорила Лорана. — И мы стали в нем жить...

Потом они долго говорили, вспоминали прошлое, ушедших в иной мир друзей. Они говорили о Гиле — их общей любви, надежде, заботе и тревоге. Говорили о том, что происходит в мире, — о его несчастьях и бедах, старых и новых. Они сидели взявшись за руки и, понимая, что им скоро расстаться, упивались этими минутами единения.

Они прощались. Ночью Танис должен был продолжить свой путь на север к Башне Верховного Жреца; Лорана поутру отправлялась к эльфам Квалинесты.

В полночь она провожала его. Слуги спали. В доме было тихо. А скоро он и вовсе опустеет: супруги договорились распустить прислугу, поскольку обоим было ясно, что отсутствовать они будут очень долго. Дом, казалось, сник, насупился, словно предчувствовал свою скорую покинутость, заброшенность, запустелость.

Эхо шагов разносилось по коридорам и комнатам.

Возможно, оно будет звучать и после того, как они уйдут в иной мир. Возможно, в доме еще будет долго витать бессмертный дух их смертной любви.

Крепко обнявшись на прощание, они расстались.

Удаляясь от дома, Танис оглянулся. Лорана в лунном свете стояла на пороге. Она махала рукой и улыбалась.

Он помахал в ответ и тоже улыбнулся.

Ты привел меня в этот дом, — звучало эхо. — И мы стали в нем жить...

Воспоминания уступили место реальности. Какое же принять решение? Конечно, Танис мог вернуться домой, но что ему там делать?

Он представил, как в полном одиночестве блуждает по пустым комнатам и ломает голову над тем, что происходит в Башне, не случилось ли чего с Лораной, в добром ли здравии Гил, не осаждают ли Палантас... Представил, как он, в очередной раз заслышав стук копыт, бросается к двери... как клянет себя...

Не обратиться ли за советом к богам?

Внизу, во дворе Башни, Крисания уже восседала на Золотом Огне. Рядом с ней пристроился ее бессловесный защитник.

— Вот только будут ли услышаны мои молитвы?..— уходя, прошептала Крисания.

Неожиданно тигр поднял голову и посмотрел на Таниса. Затем и Крисания обратила на полуэльфа свои незрячие и одновременно столь зоркие глаза; подняла руку... В благословении или прощании?

Мучительный поиск выбора завершился. Танис понял, что решение он принял давным-давно, в тот день, когда в таверне «Последний Приют» в его жизнь вошли Золотая Луна, Речной Ветер и жезл из голубого хрусталя. Танис хорошо помнил все, что было связано с той встречей, как это событие круто изменило его жизнь.

— Извини... Ты что-то сказал? — Томас недоуменно и несколько обеспокоенно смотрел на Таниса.

Полуэльф усмехнулся и покачал головой:

— Нет, ничего. Так, кое-что вспомнилось.

Танис перевел взгляд на один из бастионов, на то место, где на камнях до сих пор оставалось алое

пятно — след крови. Рыцари гарнизона благоговейно, в молчаливом почтении обходили пятно. На этом месте погиб Стурм... и полуэльф теперь наверняка знал, что его выбор верен.

Слова, озадачившие коменданта Башни, Танис произнес под наплывом воспоминаний. Слова эти не относились к разряду пророческих, провидческих... Им не суждено было неумолкающим эхом отдаваться под сводами храма Истории. Это были самые обыкновенные слова, которые не давали представления о тех странных, бесшабашных и отчаянных друзьях-приятелях, что, изменяя мир, уходят первыми.

«Мы войдем через кухню».

Танис рассмеялся и шагнул с балкона в Башню.

МАРГАРЕТ УЭЙС
ТРЭЙСИ ХИКМЭН

КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКУ!

Выходит в свет еще один том «Саги о Копье».

Его авторы — знаменитые фантасты

Маргарет Уэйс и Трэиси Хикмэн.

*Топутный ветер вновь наполнил паруса боевых
кораблей, заскользили в умелых руках мореходов
канаты. Впереди — невероятные приключения,
тяжелые испытания и удивительные тайны.*

*Новое поколение Героев крепко держит рукояти
мечей и древки разноцветных стягов, отважные
искатели приключений знают, что
УДАЧА — НАГРАДА ДЛЯ СМЕЛЫХ.*

*Читайте книгу о Втором Поколении
воителей Кришна*

«КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ»

*Предлагаем вашему вниманию
главы из нового тома
«Саги о Копье».*

— *Для меня ворота откроются...* — шептал Палин, поднимаясь по темным холодным ступеням. Ночь опустилась на Палантас, окутав город тьмой и еще больше сгустив сумрак над Башней Высшего Волшебства. На небе сияла серебряная луна Солинали, возлюбленная Паладайном, но ее белые лучи не доходили до башни. Те, кто были внутри башни, взирали на другую луну, темную, не видную никому, кроме них.

На каменной лестнице было ни зги не видно. Карамон нес факел, но тьма поглощала слабое, мерцающее пламя, словно это был не факел, а зажженная соломинка. Ощупью двигаясь по лестнице, Палин не раз спотыкался. Каждый раз сердце его болезненно сжималось, и он, закрыв глаза, прижимался к холодной стене. Внутренность башни представляла собой полу шахту со спиралеобразной крутой лестницей, ступени которой торчали из стены, как кости мертвого животного.

— Ты в безопасности, мальчик, — сказал Даламар, положив ладонь на руку Палина. — Это устроено, чтобы отпугнуть нежданных гостей. Нас защищает магия. Не смотри вниз. Сейчас станет легче.

— Почему мы должны были идти пешком? — спросил Палин, останавливаясь, чтобы перевести

дух. Несмотря на молодость и силу Палина, подъем сделал свое дело: ноги Палина болели, легкие разрывались.

Он представлял, что сейчас чувствует отец. Даже Даламару, казалось, не хватало дыхания, хотя лицо эльфа было холодным и бесстрастным, как всегда.

— Разве мы не могли воспользоваться магией?

— Я не буду тратить зря магическую силу, — ответил Даламар, — в эту ночь из ночей.

Палин посмотрел в холодные глаза Даламара и снова начал подъем, устремив взгляд прямо и вверх.

— Мы у цели. — Даламар показал рукой.

Взглянув на вершину лестницы, Палин увидел дверцу.

Для меня ворота откроются...

Это слова Рейстлина. Страх Палина стал уменьшаться, по телу пробежал ток. Палин ускорил шаг. За собой он слышал легкую поступь Даламара и тяжелые шаги отца. Карамон дышал с трудом, и Палин почувствовал укол совести.

— Хочешь передохнуть, отец? — спросил он, остановившись.

— Нет, — проворчал Карамон. — Давай скорей покончим со всем этим. Тогда мы сможем поехать домой.

В хриплом голосе отца Палин слышал необычные, незнакомые нотки. Он понял, что это был страх. Отец боялся. Не ужасный подъем, не шепчущие об отчаянии и гибели голоса вызвали этот страх, а то, что окружало отца. Палин ощутил тайную радость, какую, должно быть, знал и его дядя. Отец — Герой Копья, самый сильный из всех людей, кого он встречал, способный свалить на землю здоровяка Танина и разоружить искусного воина Стурма, — боялся, боялся магии.

Он боится, а я нет! Закрыв глаза, Палин прислонился к холодной стене. Он отдавал себя власти магии. Магия горячила его кровь, ласкала его кожу. Слова, которые она нашептывала теперь, обещали не гибель, а приглашение, приветствовали его. Тело трепетало в магическом экстазе. Открыв глаза, Палин увидел, что тот же восторг горит и в глазах эльфа.

— Теперь ты вкусишь власти! — прошептал Даламар. — Вперед, Палин, вперед.

Улыбнувшись самому себе, позабыв все страхи, Палин словно на крыльях полетел вверх по ступеням. Для него двери откроются. В этом нет никаких сомнений. Он не раздумывал, кем, чьей рукой растворится дверь. Это неважно. Наконец-то он окажется внутри древней лаборатории, где произошло одно из величайших магических действий на Кринне. Он увидит заклинательные книги легендарного Фистандантилуса и книги дяди. Он увидит великую и страшную Дверь, ведущую из этого мира в Бездну. Он прикоснется к знаменитому Жезлу Мага.

Палин с давних пор мечтал о жезле дяди. Из всех сокровищ Рейстлина жезл больше всего занимал Палина. Возможно, потому что жезл часто изображали на картинах и постоянно упоминали в легендах и песнях. У Палина была одна такая картина, он прятал ее завернутой в шелк у себя в постели. На ней Рейстлин в черной мантии с Жезлом Мага в руках сражался с Королевой Тьмы. Каждый раз глядя на изображенный на картине деревянный жезл с золотой драконьей лапой, сжимающей сверкающий хрустальный шар, Палин тоскливо думал, что если бы Рейстлин был жив и он, Палин, был достоин дяди, то Рейстлин, возможно, подарил бы ему жезл.

Теперь я увижу его и, может быть, даже подержу в руках! Палин содрогнулся от сладкого предвкушения. А что мы еще найдем в лаборатории? — задумался он. — Что увидим, когда заглянем в Дверь?

— Все будет так, как говорил отец, — прошептал Палин, почувствовав, как сердце на секунду сжалось от боли. — Рейстлин мертв. Так должно быть! Но отцу все равно будет очень, очень больно.

Если в душе Палина и была искра надежды, то он не обратил на нее внимания. Дядя мертв. Так сказал отец. Ничего другого нельзя было ждать, нельзя ждать невозможного.

— Стоп! — Даламар схватил Палина за руку.

Палин, споткнувшись, замер. Он так задумался, что не заметил, где он оказался. Они стояли перед широкой лестницей, ведущей прямо к двери лаборатории. У Палина перехватило дыхание, когда он взглянул на короткий лестничный пролет. Из темноты на них смотрели два холодных белых глаза. Глаза без тела, если только сама тьма не была их плотью и кровью. Отпрянув, Палин натолкнулся на Даламара.

— Спокойно, мальчик, — приказал эльф, подержав Палина. — Это Страж.

Факел дрожал в руке Карамона.

— Я помню их, — сказал он хрипло. — Они убивают прикосновением.

— Живые создания, — прозвучал глухой голос призрака. — Я чувствую запах вашей теплой крови. Я слышу стук ваших сердец. Подойдите. Вы пробуждаете мой голод!

Отодвинув Палина в сторону, Даламар шагнул вперед. Белые глаза блеснули и опустились в почтении.

— Хозяин Башни, я не почувствовал твоего присутствия. Ты не приходил сюда слишком долго.

— Твой дозор никто не потревожил? — спросил Даламар. — Никто не пытался войти?

— Если бы кто-нибудь осмелился ослушаться твоего приказа, ты увидел бы сейчас их кости на полу. Если ничего нет, значит здесь никто не появлялся.

— Прекрасно, — сказал Даламар.

— Теперь я даю тебе новый приказ. Дай мне ключ от замка. Затем отойди в сторону и дай нам пройти.

Белые глаза напряженно расширились, излучая устрашающий свет.

— Этого не может быть, Хозяин Башни.

— Почему? — холодно спросил Даламар. Он сложил руки в рукавах мантии и взглянул на Карамона.

— Твой приказ, Господин, был таким: «Возьми этот ключ и храни его вечно. Не давай его никому, даже мне. С этой секунды твое место у этой двери. Никто не войдет сюда. Покарай смертью того, кто попытается это сделать». Таковы были твои слова, Господин, и я, как ты видишь, подчиняюсь им.

Даламар кивнул.

— В самом деле? — проговорил он, делая шаг вперед. — Что ты будешь делать, если я войду сюда?

— Твоя магия могущественна, Господин, — сказал призрак; глаза, лишённые тела, скользнули ближе к Даламару, — но на меня она не может воздействовать. Был только один человек, обладавший такой властью.

— Да, — зло сказал Даламар. Он колебался, стоя на первой ступени.

— Не подходи ближе, Господин, — предупредил призрак.

Плотоядно сверкающие глаза вызывали у Палина видение: холодные губы припали к его скор-

чившемуся телу, высасывая из него жизнь. Содрогнувшись, он обхватил себя руками и отпрянул к стене. Радость ушла, уступив место холоду смерти и разочарования. Он чувствовал теперь только холод и опустошение. Может быть, еще можно все бросить. Это не стоит так много. Палин склонил голову. Рука отца легла на его плечо, а слова Карамона отозвались на его мысли.

— Пойдем, Палин, — сказал Карамон устало. — Все было напрасно. Пойдем домой.

— Подожди! — Взгляд призрака устремился на фигуры за спиной эльфа. — Кто это? Одного я узнал...

— Да, — сказал Карамон тихо. — Ты уже встречал меня.

— Ты его брат, — проговорил призрак. — Но кто этот, молодой? Его я не знаю...

— Пошли, Палин, — грубо приказал Карамон, бросая полный страха взгляд на призрака. — Нам предстоит долгий путь...

Карамон обнял Палина за плечи и потянул за собой, но Палин не мог повернуться, он не отрываясь смотрел на призрак, который внимательно его изучал.

— Подожди! — повторил призрак. Глухой голос прогремел в темноте. Стихли даже все шепоты. — Палин? — пробормотал призрак вопросительно то ли самому себе, то ли кому-то другому. Очевидно, теперь он принял решение, голос стал твердым. — Палин. Идем.

— Нет! — схватил сына Карамон.

— Пусти его! — приказал Даламар, свирепо вращая глазами. — Я говорил тебе, что это может случиться! Это наш шанс! Или ты боишься того, что мы, возможно, найдем внутри?

— Не боюсь! — сдавленно произнес Карамон. — Рейстлин мертв! Я видел его успокоившимся. Я не верю вам, колдунам! Вы не отнимете у меня сына!

Палин чувствовал, как дрожит тело отца. Видел страдание в его глазах. Жалость и сочувствие поднялись в душе Палина. Ему захотелось остаться в сильных, надежных руках отца, но это чувство внезапно заменил гнев, родившийся внутри, гнев, воспламененный магией.

— Давал ли ты Танину меч с тем, чтобы потом попросить сломать его? — спросил Палин, освобожденный из рук отца. — Давал ли ты щит Стурму, чтобы попросить его спрятаться за ним. О, знаю! — воскликнул Палин, увидев, что отец собирается что-то сказать. — Это разные вещи. Ты-то знаешь. Меня ты никогда не понимал, не так ли, отец? Сколько лет прошло, прежде чем я убедил вас отдать меня в школу к учителю, который учил дядю? Когда вы наконец согласились, я был там самым старшим начинающим учеником! Несколько лет я нагонял остальных. И все время я чувствовал, что вы с мамой смотрите на меня с тревогой. Я слышал, как вы по ночам говорите, что, может быть, он повзрослеет и бросит эту «фантазию». Фантазию! Разве ты не видишь? Магия — моя жизнь! Моя любовь!

— Нет, Палин, не говори так! — закричал Карамон дрогнувшим голосом.

— Почему? Потому что это похоже на моего дядю! Вы никогда не понимали его! Вы и не собирались разрешать мне проходить Испытание, ведь так, отец?

Карамон стоял неподвижно и молчал, глядя в темноту.

— Да, — тихо сказал Палин. — Не собирались. Ты сделаешь все, что в твоих силах, чтобы остановить меня. Может быть, даже это! — Палин повернулся и подозрительно посмотрел на Даламара. — Может быть, вы и ваши друзья приготовили для меня какое-нибудь вонючее мясо, чтобы я отказался от всего! Это дает вам всем превосходный предлог! Нет, не выйдет. — Холодный взгляд Палина обратился к отцу. — Надеюсь, вы им подавитесь!

Палин поставил ногу на первую ступень, призрак кружился над ним.

— Идем, Палин, — из пустоты появилась прозрачно бледная манящая рука, — подойди ближе.

— Нет! — яростно закричал Карамон, прыгнув вперед.

— Я сделаю это, отец! — Палин шагнул выше.

Карамон протянул руки, чтобы схватить сына. Послышалось магическое слово, и Карамон примерз к каменному полу.

— Ты не должен вмешиваться, — сказал Даламар сурово.

Палин оглянулся — слезы струились по лицу отца, он в бессильной ярости пытался освободиться от чар, связавших его. На секунду в сердце Палина мелькнуло предчувствие беды. Отец любит его... Нет. Губы Палина сжались решительно. Тем более мне нужно идти. Я докажу ему, что так же силен, как Танин и Стурм. Я заставлю его гордиться мною, как он гордится ими. Я покажу ему, что я не ребенок, который нуждается в защите.

Даламар начал подниматься за Палином, но остановился, когда еще две пары глаз материализовались в темноте и окружили Даламара.

— Что это? — свирепо спросил Даламар. — Вы смеее останавливать меня, Хозяина Башни?

— Есть только один истинный Хозяин Башни, — тихо сказал Страж. — Тот, что пришел много лет назад. Для него ворота открыты.

Страж протянул прозрачную руку. В скелетообразной ладони лежал серебряный ключ.

— Палин! — закричал Даламар, и ярость сдавила его голос. — Неходи один! Ты ничего не знаешь о Мастерстве! Ты не прошел Испытание! Ты не можешь бороться с ним! Ты всех нас уничтожишь!

— Палин! — молил Карамон в страдании. — Палин, вернись! Как ты не понимаешь? Я так люблю тебя, сынок! Я не могу тебя потерять — так, как потерял его...

Голоса звенели в ушах, но Палин их не слушал. Он слышал другой голос, тихий, надломленный, звучащий в его сердце.

Иди ко мне, Палин! Ты нужен мне! Мне нужна твоя помощь...

Трепет пронизал тело Палина. Протянув дрожащую от страха и волнения руку, он взял у призрака ключ и с трудом вставил его в серебряный резной замок.

Раздался скрежещущий звук. Палин положил ладонь на дубовую дверь и мягко толкнул ее.

Для него дверь открылась.

...Палин, дрожа от волнения, медленно вступил в лабораторию. Дверь захлопнулась, и он не без тайного злорадства понял, что Даламар остался снаружи. Раздался щелчок замка. И Палину внезапно стало жутко: теперь он был заперт один в темноте. Палин в ужасе нащупал серебряную ручку

двери и отчаянно попытался попасть ключом в замок, но ключ исчез у него в руке.

— Палин! — слышал он из-за двери неясный, отдаленный крик отца. Затем послышались непонятные звуки и пение, а потом — глухой удар, словно что-то тяжелое рухнуло на дверь.

Толстая дубовая дверь задрожала, и из-под нее мелькнул свет.

«Даламар пропел свое заклинание, — подумал Палин, прислонившись к двери. — А в дверь, наверное, ударил плечом отец». Ничего не случилось. Внезапно в глубине комнаты возникла светлая точка, постепенно становясь ярче, она осветила лабораторию. Страх Палина уменьшился, хотя он и понял, что, что бы ни делал Даламар и отец, дверь не откроется. «Что ж, — улыбнулся Палин, — впервые в жизни я делаю что-то самостоятельно, без помощи отца, братьев или учителя». Эта мысль его подбодрила. Вздохнув успокоенно и радостно, Палин огляделся.

Только дважды ему описывали эту комнату: один раз Карамон, другой раз Танис Полуэльф. Карамон никогда не говорил о том, что произошло в лаборатории, о смерти брата. Он рассказал Палину об этом лишь после долгих уговоров со стороны сына, да и то краткими, сухими словами. Лучший друг Карамона, Танис, был более многословен, но и в его рассказе были горьковато-сладкие части о честолюбии, любви, самопожертвовании, о которых ему было трудно говорить. Однако описание Карамона и Таниса оказались точны. Лаборатория выглядела так, как рисовал ее себе Палин в мечтах.

Медленно продвигаясь в глубь комнаты, осматривая каждый предмет, Палин благоговейно сдерживал дыхание.

Ничто и никто не потревожили в течение двадцати пяти лет священный покой этого места. Ни одно живое существо не осмелилось проникнуть сюда, как и говорил Даламар. Серая пыль лежала на полу толстым слоем. Не было здесь даже мышиных следов. Гладкая, нетронутая пыль напоминала только что выпавший снег. Она просочилась в щели окна, но ни один паук не сплел здесь своей паутины, ни одна летучая мышь не коснулась крылом окна.

Размер комнаты трудно было определить. Сначала Палин подумал, что она маленькая, потому что находилась на вершине башни и не могла оказаться большой. Но чем дольше он в ней находился, тем просторнее она ему казалась.

— Или это я становлюсь меньше? — прошептал он. «Я ведь не волшебник. Я здесь чужой», — промелькнула у него мысль. Но сердце ответило: «На самом деле ты ни в каком другом месте не чувствовал себя своим».

Воздух был спертый от запаха плесени и пыли. Но сквозь духоту пробивался какой-то знакомый специфический запах. Так пахли магические компоненты: вдоль одной из стен стояли кувшины, наполненные сухими листьями, лепестками роз, разными травами и пряностями. Но чувствовался и еще какой-то запах, не такой приятный. — запах разложения, смерти. Возле больших кувшинов на полу и у огромного каменного стола лежали скелеты странных, незнакомых созданий. Вспомнив рассказы о дядиных экспериментах по созданию жизни, Палин мельком взглянул на скелеты и отвернулся. Он внимательно осмотрел каменный стол, рунические надписи на его полированной поверхности. Неужели этот стол в самом деле был поднят со дна моря, как гласит легенда? Пальцы

Палина любовно пробежали по пыльной поверхности стола, оставляя петлистный след. Рука прикоснулась к высокому стулу, стоящему рядом. Палин представил, как дядя сидел здесь, работал, читал...

Он перевел взгляд на занимающие целиком одну из стен ряды полок с заклинательными книгами. Сердце забилося быстрее, когда Палин приблизился к ним. Вот, как и описывал отец, книги великого верховного мага Фистандантилуса — в темно-синих переплетах с серебряными руническими надписями. От них как будто веяло холодом. Палин содрогнулся, страхась подойти ближе, хотя руки тянулись прикоснуться к книгам.

Однако он не осмелился. Только волшебники самого высокого ранга могли открывать эти книги, но не читая записанные в них заклинания. Если он попытается дотронуться до книг, то переплеты сожгут его кожу, так же как слова сожгли бы его разум, — написанное в книгах свело бы его в конце концов с ума. Вздохнув с горьким сожалением, Палин перевел взгляд на другой ряд — на черные книги с серебряными руническими надписями. Эти книги принадлежали его дяде.

Что было бы, если бы он попытался прочесть их? Он шагнул, чтобы осмотреть их поближе, но тут заметил наконец источник света в лаборатории.

— Это его жезл, — прошептал Палин.

Жезл Мага стоял в углу у стены. Его магический кристалл сиял холодным бледным светом, похожим на сияние Солинали. Слезы сбывшегося счастья наполнили глаза Палина и побежали по щекам. Смахнув слезы с лица, затаив дыхание и в страхе, что свет может внезапно померкнуть, Палин приблизился к жезлу.

Жезл был подарен Рейстлину волшебником Пар-Салианом, когда юный маг успешно прошел испытания. Жезл обладал необыкновенной магической силой. Палин вспомнил, что жезл может по приказу излучать свет. Но легенда гласила, что только рука дяди имеет право касаться жезла, иначе свет погаснет.

— Но ведь отец держал его, — тихо произнес Палин. — При поддержке дяди отец использовал жезл, чтобы закрыть Дверь и предотвратить вторжение в мир Темной Королевы. Затем свет погас, и говорили, что никто не мог зажечь его снова.

А теперь он горит...

В горле пересохло, сердце так заколотилось, что у Палина перехватило дыхание. Он протянул дрожащую руку к жезлу. Если свет погаснет, он окажется один, запертый, в крошечной тьме.

Пальцы тронули дерево жезла. Свет ярко вспыхнул.

Холодные пальцы Палина плотно сомкнулись и сжали жезл. Кристалл засиял еще ярче, распространяя чистое свечение вокруг, и белая мантия Палина стала от этого серебристой. Приподняв жезл, Палин в восторге смотрел на него. Вдруг луч от жезла, сконцентрировавшись, направился на бывший до сих пор в полной темноте дальний угол лаборатории.

Подойдя к нему ближе, Палин увидел тяжелый занавес из пурпурного бархата, свисающий с потолка. По коже пробежал мороз. Палину не нужно было дергать за золотой шелковый шнур рядом с занавесом, чтобы приподнять завесу. Он знал, что находится за ней.

Дверь.

Жадные до знаний волшебники создали Дверь, которая привела их к собственной гибели — в сфе-

ры богов. Осознав, какие страшные последствия может это иметь для неосторожных, самые мудрые из трех орденов собрались вместе и приложили все силы, чтобы закрыть выход в Бездну. Волшебники постановили, что только могущественный верховный маг Черных Мантий, действуя вкупе с высшим священником, служащим Паладаину, смогут заставить Дверь открыться. Они полагали в своей мудрости, что подобная комбинация невозможна. Но маги не учли силу любви.

Рейстлин сумел убедить Почтенную Дочь Паладаина Крисанию действовать с ним заодно, чтобы открыть Дверь. Он вошел в Дверь и бросил вызов Королеве Тьмы, намереваясь править вместо нее. Последствия подобного честолюбия в человеке были бы катастрофичны — это привело бы к разрушению мира. Узнав об этом, Карамон пошел на смертельный риск и вышел в Бездну, чтобы остановить Рейстлина. И Карамону это удалось, но только с помощью самого Рейстлина. Осознав свою трагическую ошибку, Рейстлин пожертвовал собой ради мира — так говорила легенда. Рейстлин закрыл Дверь, предотвратив выход в мир Королевы, но заплатил за это страшную цену: он сам остался за ужасной Дверью.

Палин подходил к занавесу все ближе, влекомый к Двери против своей воли. Что заставляло его ноги подгибаться, а тело дрожать? Страх или восторг?

И тут он снова услышал шепчущий голос: «Палин... помоги...»

Он доносился из-за занавеса!

Палин закрыл глаза и бессильно оперся на жезл. Нет! Это невозможно! Отец был так уверен...

Сквозь закрытые веки Палин увидел другой свет — исходящий из-за занавеса. Он открыл

глаза: свет лился сверху и снизу завесы. Разноцветное сияние распространялось из-под занавеса слепящей радугой.

Палин... Помоги мне...

Рука Палина, помимо его воли, сжала золотой шнур. Он не сознавал движений своих пальцев, просто увидел, что держит в руках шнур. Палин неуверенно посмотрел на жезл в другой руке и на дверь, через которую он вошел в лабораторию. Грохот в дверь прекратился, и света больше не было видно из-под двери. Возможно, Даламар и отец ушли. Или Страж набросился на них...

Палин содрогнулся. Ему следует вернуться. Идти дальше слишком опасно. Ведь он даже не волшебник! Но только эта мысль возникла в голове, как свет от жезла стал гаснуть — или это ему показалось? «Нет, — сказал себе Палин решительно. — Я должен. Я должен узнать правду!»

Сжав потной ладонью шнур, Палин потянул его и затаил дыхание. Занавес медленно поднимался вверх. Свет сиял ярче, ослепляя Палина. Прикрыв глаза рукой, Палин в благоговейном страхе воззрился на открывшуюся перед ним величественную, устрашающую картину. За занавесом была черная пустота, окруженная пятью металлическими драконьими головами. Головам было придано сходство с Такхизис, Королевой Тьмы. Их пасти были разинуты в безмолвном победном крике, головы сверкали зеленым, синим, красным, белым и черным светом.

Свет ослепил Палина. Он потерял заболевшие глаза. Драконьи головы засияли еще ярче и запели.

Первая пела:

— Из тьмы к тьме мой голос звучит в пустоте.

Вторая:

— Из мира в мир мой голос зовет к жизни.

Третья:

— Кричу из тьмы к тьме. Под ногами моими твердыня.

Четвертая:

— Время течет, направляя твой путь.

И, наконец, последняя голова пела:

— Раз судьба сбросила даже богов, то плачьте все вместе со мной!

Магические заклинания, понял Палин. Он чувствовал резь в глазах и сквозь струящиеся из них слезы пытался взглянуть в проем. Разноцветные огни начали бешено вращаться, закручиваясь внутрь зияющей пустоты, центром которой был дверной проем.

У Палина кружилась голова, он вцепился в жезл и продолжал смотреть в пустоту. Темнота двигалась! Она вращалась вокруг самой себя, словно лишенный материи и формы водоворот. Круг... круг... еще круг... засасывая воздух из лаборатории в себя, засасывая пыль и свет от жезла...

— Нет! — закричал Палин, с ужасом ощутив, что пустота засасывает и его тоже! Он пытался бороться с этим, но сила вакуума была непреодолима. Бессильный, словно пытающийся остановить собственное рождение ребенок, Палин затягивался в слепящий свет и корчащуюся тьму. Дракони головы завопили победную песнь своей Темной Королеве. Они накнулись на Палина, разрывая его когтями на части. Над Палином вспыхнуло пламя, сжигая его плоть до костей. Водопад обрушился на него. Палин тонул. Он беззвучно кричал, хотя сам слышал свой голос. Он умирал и был благодарен смерти, ибо тогда закончится боль.

Сердце его разорвалось.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	83
КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ. Пер. с англ. А. Курич.	429

Месяц за месяцем, год за годом
проходят над Кринном.
Дуют промозглые осенние ветры,
сыплют колкие ледяные кристаллы
зимние облака, распускаются
на пугах дивные цветы.

Вслед за весной спешит лето...

Однако Тьме ненавистен
яркий солнечный свет.

Глазам, привыкшим к вековой мгле,
больше по нраву глухой сумрак и серые тени.
Темная Владычица жаждет мщения и собирает
рассеянные в битвах полчища драконидов.

Черный Паладин подбирается
к Башне Верховного Жреца.

В синем, безоблачном небе древнего Кринна
зловещими силуэтами появляются

ДРАКОНЫ ЛЕТНЕГО ПОЛДНЯ

TM

179600
75000